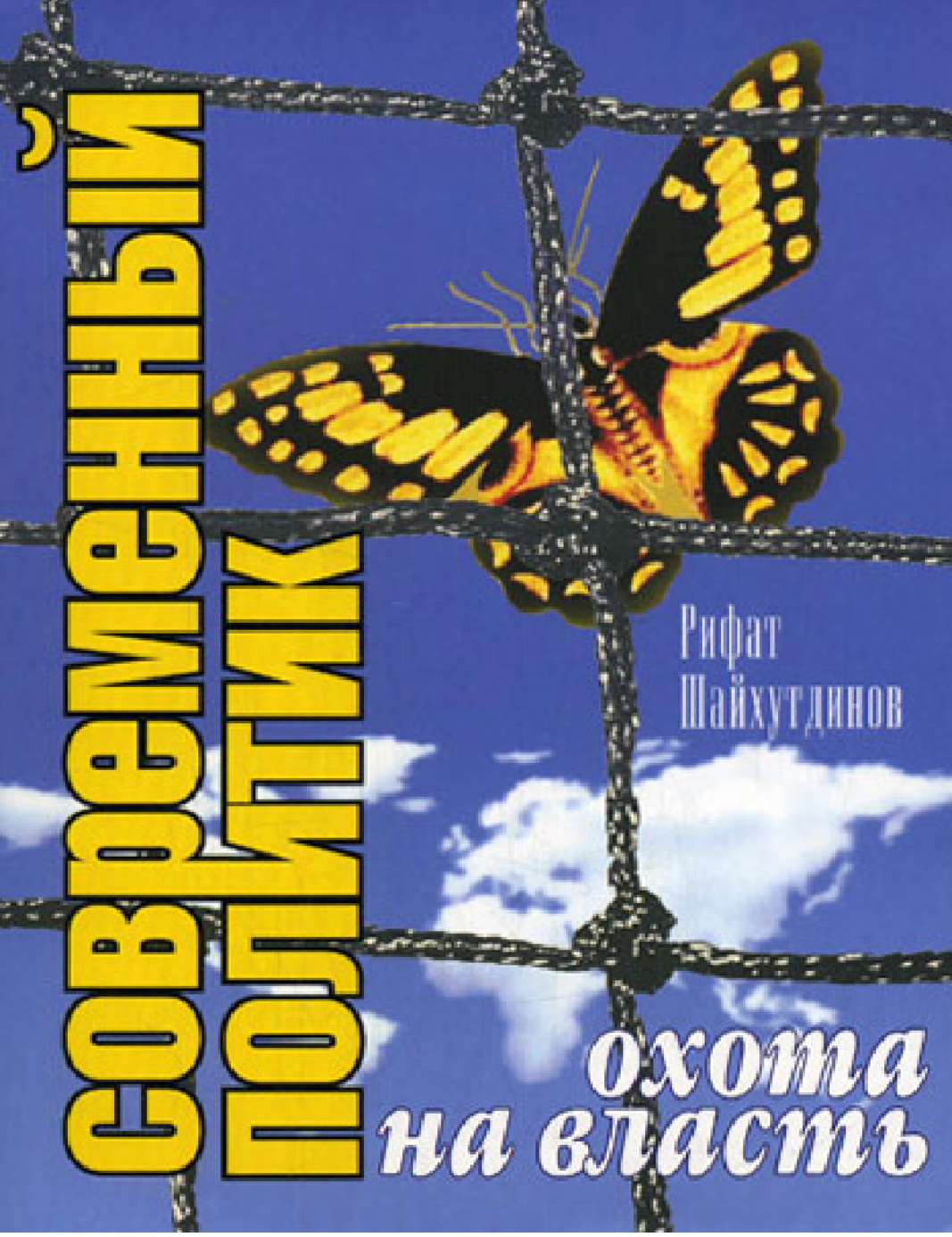
Современный политик
Рифат Шайхутдинов
охота на власть

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — неутомимый и успешный охотник на Власть, эту всегда ускользающую субстанцию, которую охотно проклинают народы, но не могут без нее обойтись. В чем тайна власти и что она собой представляет?

Рифат Шайхутдинов помогает читателю освоить терминологический ряд, в рамках которого осмысливают реальную власть и политику на Западе: «биовласть», «символическая власть», «мягкие технологии власти», «коды коммуникации», «интенции», «ориентация сознания» и другие. Книга предназначена тем, кто желает разобраться в природе и повадках российской власти. Удачной охоты!

The author is an unwearying and successful seeker of Power. This perpetually fleeting substance is readily cursed by peoples that nevertheless can not dispense with it altogether. What is the mystery of power and what is its constitution?

Rifat Shaikhutdinov helps the reader to master the nomenclative array that represents a framework for comprehension of real power and politics in the West: «biopower», «symbolic power», «soft power technologies», «communication codes», «intentions», «consciousness orientation» and other. The book is meant for those who wish to puzzle out the nature and ethos of Russian power. Happy pursuit!

- Рифат Шайхутдинов
  - Предисловие
    - Проблемы власти: ликвидация безграмотности[1]
  - От автора
    - Жить подлинной жизнью
  - Часть I
    - Введение
      - Парадоксы обсуждений власти
      - Реальная политика
    - Глава 1
      - Дух современности
      - Дух современности, власть и политика
      - Реальность современной политики: игроки, правила, технологии
        -
        - 1. Все, что может измениться, — меняется
        - 2. Окончательного выигрыша не

будет
- 3. Важен не выигрыш, важно участие
- 4. Символические игры
- 5. Построение нужных знаний и смена ориентиров
- 6. Стандарты для непонимающих: пусть работают
- Современность: средства и способы
- Игроки и возможные конкурентные преимущества современности

- Глава 2
  -
  - Сегодняшняя российская власть: зоны слабости
  - Дух России
    - Возможные ресурсы России
    - Механизмы воспроизводства духа России
    - Механизмы власти в России
- Глава 3
  -
  - Сегодняшние псевдоэлиты России
  - Функции и отличительные особенности элит
  - Роль элиты в реальной современной политике
  - Псевдоэлиты в России
  - Сбои в воспроизводстве элит в России
  - Порочные пути решении ситуации с элитами
  - Непрекращающееся формирование элиты
  - Механизмы формирования элит
    - 1. Интенсивные внеполитические и внегосударственные дискуссии
    - 2. Участие в формировании инстанций власти
    - 3. Надпрофессиональные решения по поводу жизни страны в целом
    - 4. Технология «социального лифта»
- Глава 4
  -
  - Современная конкуренция
  - Самоопределение конкурентной власти в современном мире

- Схема конкурентности
- Области современной конкуренции
- Зоны конкурентности россии: варианты и примеры
- Глава 5
  -
  - Игроки в современной ситуации
    - Внутренние игроки
      - «Силовики», «бюрократия», «чиновники»
      - Крупный бизнес
      - Самоназванные эксперты и чиновники от науки
      - Народ
      - Самозанятое население, ушедшее из структур власти
      - На кого можно опереться
    - Внешние игроки
      - «Внешние управленцы»
      - Страны снг
      - Экспансионистские проекты
      - Западный бизнес
  - Дух момента (интрига игры)
    - Негативные черты момента
    - Позитивные стороны «духа момента»
- Глава 6
  -
  - Стереотипы по поводу власти
  - Схема современной власти
  - Новые принципы власти в России
  - Специфические трансценденции российской власти
- Глава 7
  -
  - Проблемы суверенности в условиях демократии: подходы и решения
  - Первоочередные задачи российской власти
  - Главное — осваивать технологии

○ Часть II

- Глава 1
  -
  - Механизм использования выборов
  - Современная власть — против власти, давно устаревшей

- Независимость оппозиционного сценария от исхода выборов
- Что мешает выявить схему?
- Внешняя легитимация
- Политтехнологи в авангарде непонимания
- Технология захвата власти против права
- Какие властные механизмы не сформированы?
- Что ждет Европу и мир: третья мировая на пороге
- Как вернуть Украину?
- Выводы для России

- Глава 2
  -
  - Россия не украина?
  - Цунами «оранжевых революций»
  - Мягкие технологии
  - Сигналы готовности поданы
  - Ловушка захлопывается: идеология «сдачи»
  - Сценарии для россии
  - Альтернативная власть
- Глава 3
  -
  - Государство и власть: исторический экскурс
  - Государство как одна из инстанций власти
  - Властные композиции и государство
  - Государство и угрозы
  - Морально устаревшие стереотипы власти
  - Чего можно хотеть?
- Глава 4
  - Жизнь в другом мире
  - Ведомственные реакции власти на террор
  - Ложные стереотипы
  - Три причины возникновения современного терроризма и его неуничтожимости
  - Комплекс антитеррористических мер в России
  - Власть и террор
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
  -

- Что понимается под технологиями власти?
- Что означает слово «технологии» по отношению к власти?
- Технологии власти и искусственная организация человеческой жизни
- Биовласть
- Инфраструктуры и власть стандартов
- Власть-невидимка
- Коды коммуникации
- Принципы становления власти

- Глава 8
  - Обсуждения промполитики
  - Нужна ли сегодня промполитика?
  - Современная хозяйственная ситуация в России и задачи власти
  - Проблемы
  - Задачи власти
  - Что дальше?
  - Что этому мешает?
- Глава 9
  -
  - Предмет реальной политики — модернизация власти
  - Три варианта модернизации власти
  - Вариант первый: «революция сверху»
  - Вариант второй: инерционный сценарий
  - Вариант третий: политическая модернизация
  - На пути к содержательной модернизации власти

○ Часть III
- Глава 1
  - Введение
    -
  - Историческим обзор становления власти папы[92]
  - Комментарии
    - Комментарий 1
    - Комментарий 2
    - Комментарий 3
    - Комментарий 4
    - Комментарий 5
    - Комментарий 6
  - Заключение

- Глава 2
  - Введение
  - Фигура Государя
  - Властитель не ограничен моралью
  - Власть не ограничена правом и законами
  - Власть не ограничена силой
  - Власть не ограничена государством
  - «Формула власти» Макиавелли
  - Для чего нужна власть?
  - Заключение
- Глава 3
  - Исторический контекст
  - Гегель: Диалектика раба и господина
  - Кант
  - Заключение: европейский проект власти
- Глава 4
  - Введение
  - Реконструкция текстов книги «Воля к власти» в свете темы власти
    -
    - Глава первая
      -
      - Восстановление вопроса о власти
      - Отрицание существующего порядка
      - Разработка и смена порядка
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Заключение
- Глава 5
  - Введение
  - Гаэтано Моска[113]
  - Вильфредо Парето:
  - Джованни Сапоги
  - Николай Бердяев
  - Хосе Ортега-и-Гассет
    -
    - К понятию элиты
- Глава 6
  - Введение
  - Контексты
  - Подготовительным этап
  - Конфигуратор: дифференциация систем,

эволюция и коммуникация
- Власть как символически генерализованное средство коммуникации
- Заключение

- Понятия
  - К понятию власти
    -
    - Схематизм власти
    - Понимание власти в современности: освоение власти
    - Понятия, коннотирующие с понятием власти
  - К понятию государства
    -
    - Государство и власть
    - Распространенные понимания государства
  - К понятию народа
  - К понятию трансценденции власти
    - История понятия трансценденции
    - Понятие трансценденции и понятие власти
    - Реализации трансценденций власти
  - К понятию суверенитета
    -
    - Суверенитет и власть
  - К понятию инстанции власти
    -
    - Понятие власти и понятие инстанции
    - Понятие инстанции власти
    - Инстанции власти в России
  - К понятию собственности
    -
    - Современное понимание собственности
    - Ситуация с собственностью в России
  - К понятию демократии
    -
    - Демократический строй в России
  - К понятию жизни
    -
    - Организация жизни
  - К понятию культуры
  - К понятию идеологии
    - Период господства идеологии
    - Идеи в современном мире
    - Идеологии в России

        - К понятию свободы
        - К понятию справедливости
            - История обсуждения понятия «справедливость»
            - Конструкция понятия справедливости
            - Значимость понятия «справедливость» в сегодняшней ситуации с властью в России
    - Послесловие
    - Литература
        - Часть I
        - Часть II
        - Часть III
        - Понятия
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228

Рифат Шайхутдинов
Современный политик: охота на власть

Предисловие

Проблемы власти: ликвидация безграмотности [1]

ТОТ, КТО НЕ УТРУЖДАЕТ СЕБЯ усилием понять и разобраться, тот, кто ожидает получить ответы на все вопросы современности на обывательском уровне, может сразу отложить эту книгу и не занимать свой ум головоломками.

Вопросы, которые обсуждает мой коллега Рифат Шайхутдинов в книге «Современный политик: охота на власть», сложны и требуют усилия воли и мысли.

В основе книги лежит убеждение автора в том, что перспективы страны — не в экономическом росте, не в реформах, не в географическом положении, климате и т. п., а в модернизации принципов власти. Соответственно проблемы страны — это в первую очередь проблемы устройства власти, и причем не только государственной. Поэтому эта книга — о проблемах современной России и одновременно — книга о власти, книга о возможностях политики в России, о возможностях модернизации власти в России.

Нужно сказать, что тема модернизации власти сама по себе является сложной и не проработанной современными российскими политологами и политиками — достаточно посмотреть, как обсуждаются такие базовые понятия, как «элита», «собственность», «демократия». Кроме того, полностью отсутствует проработка таких необходимых для этого понятий, как «народ», «собственно власть» и другие. Точно так же мы не найдем в этой книге ответа на вопросы о том, что именно тезис о модернизации власти означает технически для России и каким образом такая модернизация может быть осуществлена. Это, на мой взгляд, главная претензия к автору. Впрочем, мы надеемся, что Шайхутдинов продолжит разработку этой темы и в дальнейшем предложит свои варианты ответа.

«Современный политик: охота на власть» не носит ни разоблачающего, ни апологетического характера. Книга рассчитана на то, чтобы поднять тему власти в политических и общественных дискуссиях в России. Ее цель — оформить и освоить новое измерение этих дискуссий, углубить их, вывести их за рамки разговоров о персоналиях, о беззубой политической конкретике, снять набившие оскомину оппозиции, давно уже противопоставляющие одну неопределенность другой.

Автор стремится поднять тему власти — но таким образом, чтобы она давала некую сдвижку в сознании людей и некую

сдвижку в их отношениях с властью. Можно сказать, что это первый шаг в ликвидации тотальной российской безграмотности в отношении проблем власти. Все ругают власть — но очень и очень немногие имеют язык и понятия, чтобы о власти говорить и с пониманием в ней участвовать.

Почему это важно? Мы считаем, что современный мир находится в ситуации освоения власти и экспериментирования с властью. На наш взгляд, — и тут я полностью согласен с Рифатом Шайхутдиновым — Россия отстает от этого процесса и явно в нем проигрывает (что показывает опыт оранжевых и прочих революций на постсоветском пространстве). Как преодолеть это отставание, как не впасть в череду революций, как России оставаться великой суверенной державой в новом глобализованном мире — эти вопросы интересовали автора и многих его коллег, в долгих спорах с которыми рождалась эта книга.

«Современный политик: охота на власть» Шайхутдинова — это новый нетрадиционный взгляд на проблемы и перспективы России.

«Современный политик: охота на власть» — это попытка определить пути реальной и современной политики в России.

Ошибутся те, кто скажет, что такая постановка вопроса — концентрация на власти — банальна. Мы утверждаем, что, не разобравшись с проблематикой власти, Россия не сможет ее модернизировать, а значит — не сможет остаться великой современной суверенной страной.

Эта книга — приглашение к дискуссии о перспективах страны, о проблемах современной России, о принципиальных проблемах власти.

От автора

Жить подлинной жизнью

Избыток возможностей составляет характерный признак здоровой, полнокровной жизни, утилитаризм же — это симптом слабости, жизненной ущербности: ведь и больной всегда экономен в движениях…Каждое препятствие, встречаемое нами, должно подталкивать нас к новому риску, к изобретению новых возможностей.

Хосе Ортега-и-Гассет

ПОДЛИННАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ — жизнь с избытком возможностей, сил и энергии, с избытком размышлений. Жизнь — это не выживание, жизнь — это освоение: освоение сил природы, социальных и властных механизмов. Освоение и преодоление себя. Человек всегда стремится расширить собственные возможности, переступить через свои границы. Это и есть ситуация мысли и самоопределения.

Нельзя быть слабым и глупым. Нельзя, чтобы тебя использовали. Это все равно что быть больным. Полнота жизни, ее осмысленность и значимость — это то, что зависит от каждого, а возможность для такой жизни в России — это вопрос власти. Отвечать за то, что сделал, имеет смысл, только если действия были целенаправленными и осмысленными, а не осуществлялись по стечению обстоятельств или по приказу.

Совсем недавно в России возможность жить полной жизнью давал бизнес. Бизнесмены могли зарабатывать, чувствовать себя свободно, нормально смотреть в глаза своим детям, обустраивать и развивать жизнь вокруг себя в своей стране. Лучшие умы, лучшие силы страны ринулись осваивать новые просторы капитализма. Как и в любом освоении нового, главными двигателями были авантюризм и амбиции.

Сильные предприимчивые люди, осваивая бизнес, думали, что они герои и первопроходцы, в которых нуждается страна. А сегодня из них пытаются сделать воров, предателей Родины. «Бьют уверенно, наверняка…» Их заставляют оправдываться и просить прощения. У кого и за что? У взяточников и казнокрадов, у паразитов, которые ничего не делают, а только собирают

компромат, паразитируют на процедуре и праве подписи? Не дождутся!

Это о них писал Ницше: «Как истощенные достигли того, чтоб стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые последние?»

Сильных и вольных людей выживают из страны, их пытаются сделать постсоветской эмиграцией первой волны. Но нельзя допустить, чтобы бизнес связывал свои перспективы с зарубежьем, чтобы молодежь, не найдя себя в стране, уходила из активной жизни в забвение. Главный потенциал страны — активные амбициозные люди, и эта книга — для них.

Сегодня делать что-то в России, не понимая ее дальнейших перспектив, не влияя на эти перспективы, — бессмысленно. Поэтому я начал заниматься политикой — сегодня возможность жить настоящей жизнью дает именно она.

Но и из политики сейчас выживают. Вместо реальной политики — предвыборные интриги и PR под руководством политтехнологов. Политика наводнена кислыми и малоприятными личностями. Делается все для того, чтобы в политику не пришли молодые и сильные.

Поэтому главный вопрос этой книги: возможна ли в России политика? Я стремлюсь разобраться, как и за счет чего можно заниматься реальной и современной политикой, можно ли действительно повлиять на ситуацию в стране, чтобы чувствовать гордость за нее, чтобы страну уважали в мире.

И мне кажется, что мы нащупали ответ. Новый «мейнстрим» подлинной жизни в России — это власть. Власть — это зона великих достижений, сфера реализации амбиций, в ней достигается полнота и истинность жизни, формируется причастность к духу современности, к пульсу истории. Модернизация архаичной и истощенной власти в России — великое дело для страны и народа. Оно требует призыва новых, умных, патриотичных людей.

Мы объявляем экспедицию к власти, охоту на власть!

Разобраться с тем, что такое власть, какой должна быть власть в России, как возможна политика в России — вот в чем цель этой книги.

Я не политтехнолог, не ученый, не идеолог, не пиарщик. Я пытаюсь понять и построить путь для реальной и современной политики в нашей стране. Она состоит в модернизации существующей власти, формировании власти, соответствующей духу современности. Власти не монологичной, а основанной на жизнеспособной композиции различных инстанций власти.

Понять, что же такое власть, как она устроена, выбраться из плена чужих представлений и стереотипов — вот то, что двигало мною при написании книги.

Есть три возможных пути модернизации власти в России.

Первый вариант состоит в том, что власть будет модернизироваться сама. Но от него нынешняя власть, похоже, отказалась.

Второй вариант — в том, что власть будет модернизироваться извне, с помощью «банд оранжевых революционеров». Последствия — непредсказуемые, а конечный результат — стагнация или распад России. В любом случае нам придется попрощаться с мечтой о том, чтобы Россию вновь зауважали в мире.

Остается третий вариант. Он состоит в том, что власть модернизируется политически и технологически. Это путь прояснения и введения новых понятий, формирования ценностей, организации общественных дискуссий, инициации самоопределения бизнеса, живущего в этой стране. Это путь самоопределения элит и формирования не очередных марионеточных партий, а элитного фронта, сильного и технологичного, работающего поверх существующей политической жизни.

И это реальный путь. Современные технологии власти, описанные в этой книге, показывают, что такое действительно возможно.

«Современный политик: охота на власть» — это три книги в одной.

Первая — изъяснение позиции. В ней подвергаются анализу существующие стереотипы понимания власти. Это, по сути, манифест новой российской элиты.

Вторая — статьи на злободневные темы современной политики. В них демонстрируется новый подход к освоению проблематики власти. Большая часть этих статей была опубликована в ряде печатных изданий и в Интернете, споры и дискуссии по их поводу продолжаются. Я буду рад, если читатель к ним присоединится.

Третья — методологические и историко-философские основания размышлений над проблемами власти.

Все три части имеют самостоятельное значение, но собственно проблематика власти, по нашему мнению, раскрывается в их взаимосвязи. Попробуем это обосновать.

Проблема власти — сложная проблема, и многие философы, властители и политики сходили с ума (в прямом и переносном смысле), решая ее. В нашей книге мы попытались размышлять

над проблематикой власти на новых, современных позициях.

На что мы должны обратить внимание, обсуждая власть? Какая у нас должна быть интеллектуальная позиция?

Власть есть некое удержание и создание общественного порядка, порядка в сознании людей, порядка в их взаимодействии. Следовательно, сама по себе власть предшествует порядку, а любое изъяснение власти вторично по отношению к сложившемуся порядку власти. Отсюда возникает важнейший методологический вопрос: *как можно власть помыслить*?

Получается парадокс: если мышление брать в представлении чистого разума (то есть если стремиться построить некий предмет или положить некое понятие) — то мышление власти невозможно.

Это значит, во-первых, что историческая реконструкция власти оказывается бесполезной. Ведь истории власти нет и быть не может: в тот момент, когда история сложилась и тренды власти вычислены, проблема власти никогда не возникнет. Она возникает тогда, когда историю ломают и направляют по другому пути.

Во-вторых, освоение власти не состоит в построении теории о «вечных механизмах власти», о ее сущности. Сущность власти (если она есть вообще) меняется в каждом новом акте становления власти.

И, в-третьих, нет языковой конструкции, которая бы охватывала все аспекты нашего понимания власти: каждый раз мы оказываемся в ситуации, когда язык ломается. Вот основные методологические проблемы.

Что же возможно? На наш взгляд, имеет смысл говорить не о мышлении власти, а о *разумном отношении* к ней. На наш взгляд, задача стоит в том, чтобы *поставить* разумное отношение к власти (как ставят удар в боксе или голос и руку в музыке — то есть натренировать до воспроизводимого действия).

Мыслительная и практически-организационная основы этого отношения должны существовать *вместе*. Если они разделены, как сейчас, то философы могут сколько угодно писать про власть, но власть при этом не получается. Или наоборот: люди, обладающие инстинктом или чувством власти, власть могут захватить — при наличии гораздо более достойных.

Разумное отношение к власти не должно сказать нечто раз и навсегда. Оно должно постоянно говорить о власти — с тем чтобы тот, кто принял это разумное отношение, смог построить следующий горизонт существования власти и попасть в ситуацию становления нового порядка.

И о названии. Если бы позволял русский язык, я бы назвал эту книгу «Охота к власти». Но язык отказывает, когда мы хотим сказать нечто новое. Он, например, путает «власть» как отношение, как категорию — и «власть (власти)» как то, что ее конкретно воплощает (институты и организации). Воплощает — но и заслоняет, и мы стремились в этой книге дойти до центра «властного», до возможных механизмов его появления.

Но власть — это поликатегорийная конструкция: мы можем власть помыслить по-разному, и все будет правильно (интеллектуально возможно). А в конкретном событии становления власти собирается и выбирается конкретное мыслительное орудие (как на охоте).

Эта аналогия точна еще и в том, что сформировать разумное отношение к власти — значит построить пространственную конструкцию (такую, которую строят охотники на охоте) — или, наоборот, понять, какая конструкция выстроена на тебя как на зверя. И как только зверь поймет, что перед ним не страшный непреодолимый барьер, а всего лишь цепочка флажков, власть охотников прекратится.

Поэтому предлагаем осваивать «оружия власти» и готовиться к охоте, а там уж как свезет. Но помните: любая охота (так же, как и власть) — это риск и ответственность.

Создание книги — это не личный «подвиг» автора. Это плод работы семинара, клубных и дружеских обсуждений, аналитической активности на различных выборах в России и в постсоветских странах. Пользуясь случаем, автор выражает признательность всем тем, с кем в долгих и коротких беседах и спорах рождалась книга «Современный политик: охота на власть». Политикам, представителям государства, методологам, выразителям народного мнения, друзьям и близким, всем, кто поддерживал меня в беседах о России и о проблемах власти, — огромное спасибо.

Рифат Шайхутдинов

Москва, ноябрь 2003 — май 2005 года

Часть I

Жизнь ~ это воля к власти.

Фридрих Ницше (1)

О, джентльмены, жизнь коротка!
И если уж мы живем, то живем,
чтобы ходить по головам королей.

Уильям Шекспир

Введение

Парадоксы обсуждений власти

ОБСУЖДАЯ СИТУАЦИЮ в стране, много говорят о «властях», но саму «власть» обходят как бы по касательной. Наверное, это происходит потому, что все предполагают, что знают, что делать властям и, тем более, что такое власть.

Суждения о власти (и политике) основаны на некоторых непроговариваемых, неясных даже для самих участников безусловных основаниях. И на таких же основаниях базируются и действия — как правящей верхушки, так и народа, живущего в поле российской власти. Попробуем последовательно проникнуть к этим основаниям.

Если проанализировать представления относительно власти и политической жизни России в СМИ, можно выделить ряд моментов, которые считаются очевидными. Вот некоторые из них:

♦ Очень многие выступления и тезисы основываются на том, что *«делать в стране ничего особенно не надо».* Аргументы: 1) существующая ситуация в целом устраивает большинство, а если что-то делать, то будет все равно хуже и все «получится как всегда»; либо 2) хотя определенные проблемы и существуют, все равно делать ничего не надо, поскольку когда-нибудь все само собой сложится. Для многих самоочевидно, что нынешним властям лучше не браться за реформы и изменения. Поэтому популярна идея стабилизации.

♦ *«Самое главное сейчас — это экономика».* Утверждается, что если поднять экономику, то все само собой разрешится: Россию в мире будут уважать, россияне будут богатыми, уровень жизни вырастет. Поэтому нам так часто говорят об удвоении ВВП, борьбе с бедностью, приросте стабилизационного фонда и пр.

♦ *«Важно укреплять власть»* ~ к этому сегодня прилагаются большие усилия. Власть должна навести порядок в стране, но ей постоянно что-то или кто-то мешает. Этим объясняют действия президента по построению «вертикали власти». Утверждается, что как только власть будет сосредоточена в одном центре — вот тогда удастся, наконец, навести порядок.

♦ *«Все заботы по улучшению жизни должна взять на себя власть»,* для этого она и выбирается. *«Власть — это государство».* За словом «власть» стоят образы президента, Кремля, правительства, Государственной думы. «Если президента все будут слушаться, то все пойдет нормально». Но поскольку всегда кто-то не слушается, то из-за этого насущные проблемы России никак не разрешатся.

♦ *«Есть образцы хорошей и нормальной жизни, и они сосредоточены в Европе и США».* Поэтому если в России все устроить так, как в западных странах, то все встанет на свои места.

♦ *«Реформы прошли плохо, неправильно, несправедливо,* но они почему-то продолжаются и ухудшают жизнь народа». Собственность в результате этих реформ поделена неправильно, и жизнь тоже устроена несправедливо, появились «олигархи» и «нувориши», а простые люди живут бедно.

♦ Есть ряд противопоставлений, устроенных по типу «либо — либо», в них третьего не дано. К примеру, *главными игроками в стране являются государство и бизнес.* Иных вариантов нет. Государство представляют президент, Государственная дума, губернаторы и др. Бизнес — олигархи, РСПП, крупный и средний бизнес. Между этими двумя игроками и разворачивается основное действо в стране, а все остальное не так важно.

♦ Другой пример такого двоичного кода — противопоставление демократии и тоталитаризма. Если не демократия — то тоталитаризм. «Демократия — это хорошо, это свободные СМИ и выборы». «Тоталитаризм — это плохо, это зажим СМИ, контроль государства над бизнесом и тотальный контроль над идеологией». Эмоциональная окраска может быть противоположной, но сама дихотомия сохраняется.

Средства массовой информации формируют довольно странную картину происходящего в стране. Если вдуматься, то картина получается и внутренне противоречивой, и

неосмысленной. По-видимому, реальные проблемы «не ухватываются» — вместо этого телевидение, радио, пресса и интернет-издания создают некоторую дымовую завесу, скрывающую — в том числе и от самих СМИ — то, что реально происходит (или может происходить) в стране.

Скорее всего, это все — не по злому умыслу, а просто по недомыслию: работать в клише всегда проще, тексты становятся узнаваемыми и глотаются без труда. Но это значит, что вся общественная жизнь России основана на неосознаваемых и невыявленных стереотипах.

Анализируя выступления нынешних политиков, в наибольшей степени влияющих на жизнь страны, можно выделить ряд представлений, из которых следуют их рассуждения и действия.

♦ *«Нужно сохранить территориальную целостность России».* Этим объясняется необходимость войны с Чечней, отсюда же вытекают проблемы с Курилами и Калининградом. Вербализировать это основание можно так: «Основная задача сегодняшней России — всеми способами сохранить территорию и передать ее следующему поколению, которое уже будет знать, что с ней делать».

♦ *«Россия теряет суверенитет»*, поскольку вынуждена выполнять разные требования, выдвигаемые извне — со стороны ЕС, ВТО и т. д. И этому Россия не может ничего противопоставить. С другой стороны, не ставится под сомнение, что она должна быть рыночной демократической страной и входить в клуб развитых стран. Чтобы примирить это противоречие, приходится изобретать такие неясные конструкции, как «суверенная демократия» (до этого говорили и об «управляемой») или «самобытная демократия».

♦ *«Реформы, которые проводит правительство, вязнут».* Преобразования нельзя осуществить из-за коррумпированного чиновничества, неэффективного и ориентированного на Запад бизнеса (который не платит налоги и прячет средства по офшорам) и непонимающего и разрозненного народа. Средства разворовывают, преобразования и проекты тонут и останавливаются — и в итоге «получается как всегда»[2].

♦ *«Мешают бестолковые СМИ,* которые мало что понимают в проводимых преобразованиях в стране, гоняются за сенсациями, из мухи делают слона, а про важные вещи не говорят, создавая таким образом у населения угнетающее впечатление, что все в стране плохо»,

♦ *«Наконец-то наступила стабилизация»* ~ подлинное благо для России! Пятнадцать лет в стране был хаос, теперь можно

спокойно заниматься планомерным увеличением ВВП и медленными пошаговыми преобразованиями, основанными на тщательно продуманных законопроектах.

♦ В сложившейся ситуации приходится хоть как-то изворачиваться и ставить более или менее «вменяемых» людей на посты губернаторов и депутатов. Для этого используются разнообразные административные и PR-технологии выборов. Этим же объясняется решение президента об отмене выборности губернаторов. Поскольку в Думу «вменяемых» людей набрать трудно, делается большой проект под названием «партия «Единая Россия». Она представляет собой большое количество людей хотя и малопонимающих, но зато хорошо организованных и готовых голосовать так, как нужно.

Не заметно, чтобы эти основания (на которых базируются практически все политические суждения) хоть сколько-нибудь уверенно схватывали ситуацию и создавали базис для действий. И ни в одном из этих суждений не затрагивается тема устройства власти (разве что говорится про «вертикаль», то есть прямое подчинение).

Первый вывод, который можно сделать: ситуация с властью и политикой в России понимается внутренне противоречиво и в общем поверхностно. Следовательно, есть какие-то вещи, касающиеся ситуации в целом, которые ни правящая верхушка, ни журналисты и политологи пока не видят. А непонимание каких-то важных вещей не позволяет нам изменить сложившуюся ситуацию.

Второй вывод: при всех многочисленных обсуждениях, касающихся проблем России, собственно власть как таковая (ее устройство, формы организации, возможные модификации) не обсуждается вовсе.

Наша позиция состоит в том, что эти два вывода взаимосвязанны и что тем важным пластом проблем, которые не поднимаются и не обсуждаются вовсе, — пластом, который ответственен за то, что Россия действует и обсуждает себя так беспорядочно, — как раз и является вопрос о власти. Эта книга посвящена именно этой теме.

С нашей точки зрения, реальная проблема заключается не в экономике, не в отсутствии правильных людей на местах, не в народе и не в территориальной целостности. *Проблема — во власти.*

Встает вопрос о той политике, которая сейчас нужна в России, которая была бы направлена на модернизацию власти в России, на приведение этой власти в состояние, адекватное вызовам современности. Это мы и будем считать реальной

политикой — в отличие от той подковерной борьбы, которую называют политикой сейчас.

Реальная политика

МЫ ПОНИМАЕМ, что нынешняя власть архаична, старомодна и неконкурентоспособна. Она устарела даже по отношению к XVIII веку, ко временам Монтескье, когда в Европе был реализован принцип разделения властей. Более того, даже во времена темного Средневековья разделялись светская и духовная власти!

Задача реальных и современных политиков — модернизация власти, построение эффективной композиции разных инстанций власти.

В России отсутствует элита. Вместо элиты, которая должна выражать чаяния и интересы народа, у нас правят бал назначенные олигархи, чиновники, феодалы в губерниях и самоназванный бомонд в лице деятелей культуры, телевидения, журналистов. Это не элита, поскольку эти «властители» поднимают только те темы, которые интересуют их самих, нимало не заботясь о том, чего хочет народ.

Задача реальных и современных политиков — вырастить настоящую элиту, получить сильное влияние на власть.

Мы фиксируем отсутствие настоящих ценностей и трансценденций власти. Нынешние власти твердят о территориальной целостности, демократии и рынке, что в глазах народа выглядит глупо и бессмысленно: «рынок приводит к тому, что одни богатеют и увозят богатство на Запад, а остальной народ живет плохо»; забота о целостности приводит к бесконечной войне в Чечне.

Но Россия там, где русский народ, а не территория. Что же касается ценности демократии, то она оказывается сомнительной, если во власть попадают не «люди власти», а «люди случая».

Задача реальных и современных политиков — освоить (а не скопировать) демократию и рынок, создать такие трансценденции, которые позволят мобилизовать народ и открыть новые перспективы России.

Возникает стойкое впечатление, что власть забыла про народ, замечая лишь электорат. Народное волеизъявление отсутствует. В различных регионах растут сепаратистские настроения. Большая часть населения привержена нероссийским ценностям: радикальный исламизм, демократия и рынок в вариантах Европы и США. Нынешняя власть как будто не замечает народ, что приводит к постоянному росту взаимного непонимания и

недоверия между властью, народом и бизнесом.

Мы видим, что в стране отсутствует современная и реальная политика. Политика пока сводится к предвыборной агитации, PR, мелким интригам и менеджменту по обслуживанию частных интересов отдельных групп. Наша задача — построить реальную политику, которая будет связана с проблемами реорганизации власти, новыми технологиями власти и общественных изменений, построения и развития независимых инстанций власти. Современная политика должна быть озадачена тем, чтобы сделать Россию конкурентоспособной в соревновании с сильнейшими странами мира.

Россия еще не потеряла суверенитет. Но раз за разом власти страны упускают возможность осуществить очередное действие по восстановлению суверенитета. Настоящая битва за Россию только предстоит (пока что «мировое сообщество» разбиралось с наследием советской империи).

Задача реальных и современных политиков — освоить те технологии власти и работы с организацией общества, которые позволили бы в полной мере восстановить суверенитет России.

Мы не призываем к революции и бунту. Мы выступаем за технологичный и осмысленный путь преобразования и модернизации власти, общественного и политического устройства.

Либо современная российская политика сама модернизирует власть и общество — либо ее модернизируют другие под свои утилитарные цели, как это было в Грузии и Украине и как это скоро будет в Киргизии, Казахстане, Молдове и Беларуси.

Либо российская политика станет подлинной политикой и Россия получит шанс стать одним из сильных и независимых игроков на мировом поле — либо она по-прежнему будет обслуживать интересы отдельных групп в

том, что касается сохранения их благосостояния и решения частных вопросов под дымовой завесой навязываемых представлений.

Глава 1
Современность

Дух современности

> *Здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!*
>
> *Льюис Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье» (1)*

ПОЛИТИКА ДОЛЖНА БЫТЬ современной. Для нас жизненно важно уловить, что разлито в самом воздухе сегодняшнего имитационно-зазеркально-го дня (в котором нужно бежать, чтобы хотя бы оставаться на месте), где именно срезонирует современность.

Тысячи людей пытаются сформулировать суть сегодняшнего мирового времени. «Постмодернистская эпоха», «постиндустриальное общество», «общество мечты», «глобализованное человечество», «новая империя» и так далее — как его только ни называют. Но все эти попытки только фиксируют срезы того, что получается в тот момент, когда пишется очередная книга.

Попробуем понять не результат, которого пока нет (и не будет), а самый дух современности.

Мы убеждены: главное — в том, что человечество становится демиургом самого себя. Человек вырвался за границы материальной среды, за границы природы и начинает переделывать то, что раньше существовало естественным образом: вмешивается в историю, в порядок жизни, в саму человеческую природу. Создаются народы, социальные системы, стили бизнеса.

Триста лет назад произошла научно-промышленная революция, которая запустила процесс игры с природой, процесс переделки материальной среды. Сегодня происходит революция покруче — предметами игры стали страны, государства, сообщества, традиции и культуры.

«Я могу!» — говорят себе люди на разных концах света и

начинают вмешиваться в то, что еще вчера казалось безусловным, незыблемым.

Ребенок встал на ножки, вышел из колыбели и дотянулся до кучи игрушек. Он их вертит, перекладывает, ломает, смотрит, что внутри, переделывает, швыряет на пол.

От двух до пяти — возраст, когда можешь все, потому что все можешь превратить в игру и игрушку.

Человечество сегодня впало в такое же детство. Человек все ломает, перестраивает. Все стало инструментом. Сломать и посмотреть, что там внутри, пересобрать и посмотреть, какие детали лишние.

Разума тут нет, он остался в колыбели — разум в кантианском понимании, который формирует единый порядок. По Канту[3], человечество строит царство разума, входя в этот порядок, неся его на себе.

Сегодня формируется порядок не разумный — а человеческий: игровой, пробный, эклектический. Сегодняшний мир надо мыслить как коллаж порядков, калейдоскоп систем, игру частных проектов. Как новое варварство.

Сегодня приоритет отдается игре и имитации, она становится важнее, чем последующая реализация (ее может и вовсе не быть). Потому что если в результате имитации — прогноза, угрозы, оценки — конкурент сдастся, то потом может оказаться, что и действовать не надо.

Теперь никто не знает перспективу прогресса, поскольку он одновременно осуществляется в разных точках — не линейно, а во всех направлениях. В медицине, в технологиях, в структурах организаций. Кто-то изобретает мобильный телефон, кто-то — водородный двигатель, кто-то — новые организационные возможности, кто-то — технологии «оранжевых революций», кто-то — новые способы террора. И все это — одновременно.

Внутри человечества — Большой взрыв, разбухание Вселенной. Фронт прогресса сегодня — в каждой точке по всему объему. И о том, что будет завтра, известно только одно — завтра будет не похоже на сегодня.

Дух современности — в том, что воля к власти вырвалась на свободу. При этом современный мир предоставляет нам массу технологических и организационных возможностей для грандиозных игр.

Воля к власти на свободе — значит, можно переделывать людей (прежде всего — себя), их сознание, переделывать способы коммуникации, переделывать систему взаимодействия, менять способы производства. Очень скоро это перейдет из разряда уникальных умений в режим технического творчества.

Начинается соревнование: кто себя и свое понимание быстрее и эффективнее распространит на весь остальной мир.

> Внутри человечества — Большой взрыв, разбухание Вселенной.

Воля к власти состоит сегодня в том, чтобы пытаться всех включить в свой тип порядка.

В этом — дух современности. Он себе все подчиняет. Это и есть глобализация — подчинение всего мира наиболее сильным игрокам, которые освоили эти «нематериальные игрушки». Подчинение идейное, смысловое, организационное — потому что власть сегодня пользуется не материальными инструментами, а идеальными.

Власть и сама — сущность нематериальная. Структуры формальной организации (например, право) и материальной организации (страны с территориями и инфраструктурами) — это памятники умершей власти. Но они оживают, когда в них вдыхают «дух власти».

Те, кто этого не понимает, забывают историю и не видят современности. Дух коммунизма привел к созданию гигантской империи СССР. Дух созидающей власти совершил немецкое и японское чудо. Современные действия США, которые все справедливо осуждают, связаны с попранием территорий, права, любых материальных пределов. Этой страной движет «дух империи».

Даже войны ведутся сегодня не танками, а в информационном и смысловом пространстве. США сумели склонить к предательству иракских офицеров и выиграли первый тур — сейчас идейная война разворачивается в Ираке уже против них самих.

Чтобы быть на равных с веком, нужно понимать, какого рода реальность творится сегодня. Эта реальность — в приоритете самореализации, конкуренции и создания уникальности (уникальных ресурсов), в построении организационных форм, в разработке новых форм действий, которые никто не сможет не то что поймать, но даже поначалу увидеть и понять, в приоритете постоянной коммуникации между центрами власти, силы.

Дух современности, власть и политика

МЫ СНОВА И СНОВА ГОВОРИМ о коммуникации потому, что она противостоит договорным отношениям. Сегодня реальность в том, что принцип договоренности отброшен.

Никто не соблюдает границ, никто не соблюдает договоренностей. Американцы это провозглашают прямо.

И проблема современной ситуации — кто раньше и эффективнее выйдет за границы существующего порядка и права, существующего положения дел, за границы реального, материального.

Единственным способом выйти за существующие границы является понимание того, что конкуренция происходит на уровне идей, на уровне смыслов, понятий, только следом за этим — на уровне организационных форм, и только потом — на уровне экономики, материальных форм, ресурсов.

Сознание российской правящей верхушки устроено прямо наоборот. И в этом смысле она обречена. Сегодня власть вне идеального невозможна. Власть в первую очередь оперирует нематериальными сущностями. А значит, она сама порождается через отнесение к идеям — смыслам, кодам коммуникации[4], имитациям. Трансформация мира происходит через трансформацию власти. Трансформация власти происходит через трансформацию идей.

Вот почему мы придаем такое значение политике и дискуссиям — вне них сегодня власть невозможна. Но и наоборот: подлинное содержание современной политики — вопрос о становлении власти; именно она является сегодня важнейшим регулятором движения идей.

Сегодня игры ведутся с самим «порядком вещей»; значит, предмет современной политики — власть, общественное устройство.

Все остальное — «борьба нанайских мальчиков» и строительство «фальшпанелей» политической жизни и демократии.

В России принято считать, что политика должна быть связана с принятием решений для поддержания существующего общественного устройства. Это заблуждение, оно только препятствует выходу в реальное политическое пространство, заставляет втягиваться в решение огромного числа мелких вопросов[5].

Та реальность, в которой политика может существовать осмысленно, — это ситуации трансформации, ситуации становления новых типов и инстанций власти. Мы сегодня отвечаем на вопросы о том, как должны быть устроены общество и власть. Именно из этой, политической сферы вырастают новые типы власти и новые типы общественных процессов.

Не понимать этого сегодня — значит оскопить себя как политика.

Но если мы попадаем в точку актуального осуществления мировой политики, то мы становимся участниками «клуба сильных» и начинаем включаться в современность.

Реальность современной политики: игроки, правила, технологии

ЕСЛИ МЫ НАЧИНАЕМ СТАВИТЬ для себя такие цели, то первое, с чем мы сталкиваемся, — это то, что большая часть расхожих представлений и стереотипов о мировой политике безнадежно устарела. Выясняется, что дух современности — безудержного социального творчества, наглого варварства, дух переступания пределов — проявляется во всем. Судите сами.

1. Все, что может измениться, — меняется

Меняется все. Единицы политики — территориальные, государственные, политические — постоянно трансформируются, ищут альянсы, расходятся. Раньше играли между собой государства — сегодня это союзы, группы, международные организации, транснациональные корпорации, даже отдельные сверхличности наподобие Дж. Сороса, а самое главное — типы общественного устройства и идеологические конструкции.

Советский Союз распался — и через пятнадцать лет бывшие союзники России уже втянуты в другие орбиты. Германия объединилась и инициировала создание единой Европы, а сегодня уже отработана технология вовлечения и полного включения периферийных стран в европейский порядок (и начинается жесткая политика уже внутри ЕС). Неформальные клубы лидеров государств и международные рейтинговые агентства теснят ООН. На территории Югославии, Грузии, Украины политики новой формации отрабатывают типовые способы создания новых стран.

Государства распространяют себя так далеко, как могут (США и в этом лидер). За борьбой партий внутри стран пристально следят политики всего мира.

Общественно-политическое устройство стран власти меняют в зависимости от актуальной ситуации. Больше нет преград для того, чтобы из капиталистической страны при необходимости сделать социалистическую, тоталитарный режим превратить в демократический и наоборот. Это стало чисто техническим вопросом.

Идеологические вопросы — какой строй, какое общественное устройство справедливее — отошли в прошлое. Предмет

дискуссий сегодня — технологические приемы: что надо сделать, чтобы данный строй в данной стране работал эффективнее.

2. Окончательного выигрыша не будет

Збигнев Бжезинский двадцать лет назад писал о мире как о шахматной доске, на которой свои партии разыгрывают два игрока по правилам, известным всем (3). Если бы мы попытались сегодня так размышлять над мировыми процессами, у нас бы ничего не вышло.

Игроки стали разнокачественными, неоднородными, они пытаются устанавливать новые отношения и формировать альянсы, которые живут не дольше, чем это необходимо. Все игры ведутся одновременно, прямая конкуренция зачастую отсутствует вовсе (каждый преследует свой интерес, не связанный с интересами других).

Выигрывают в такой игре уже не за счет материального превосходства, а за счет смены самих правил и создания организационных структур. Именно они становятся ресурсом и инструментом влияния на других участников (это хорошо видно на примере работы государств с такими структурами, как ООН, МВФ, ВТО, фондами и клубами, способными влиять на ситуацию).

Если это и шахматы, то шахматы в сумасшедшем доме: игроки постоянно изменяют и дополняют правила, изменяются и размножаются сами и пытаются изменить друг друга, изменяют доску, а иногда и применяют приемы, которые нигде и никогда предусмотрены не были. К тому же это игра без начала и без конца. Идет постоянное обыгрывание: окончательный выигрыш не может быть достигнут принципиально.

Мировой порядок перестал обуславливаться историческими причинами, как это было при смене феодализма капитализмом. Он уже не может ни складываться естественно, ни проектироваться: он становится — становится результатом одновременных действий многих игроков и ни в какой точке не может быть зафиксирован как сложившийся.

Сегодня нельзя сказать: «сейчас мир устроен так-то». Как только мы это скажем, окажется, что мир уже изменился. За бегущим днем поспеть все труднее: попавшую в жернова современной политики Югославию трансформировали (если возможно применить это слово) за три года, с Украиной управились за два месяца, Киргизия переделалась за четыре дня.

Ключевой проблемой современной политики стал вопрос об участии в становлении мирового порядка. Этим уже занимаются

ЕС, США, Япония и Китай (хотя последние в большей степени пока работают в Азиатско-Тихоокеанском регионе).

Становление мирового порядка и игры по этому поводу стали реальностью мировой политики. Реальностью, которую пора признать и начать осваивать.

3. Важен не выигрыш, важно участие

> *Человеческая история за последние десять тысяч лет есть не что иное, как непрерывный пересмотр результатов приватизации. Вряд ли история кончится из-за того, что несколько человек украли много денег. Даже если эти несколько человек наймут себе по три Фукуямы каждый.*
>
> *Виктор Пелевин «Священная книга оборотня» (4)*

Сегодня бессмысленно размышлять над вопросом об окончательном выигрыше на современном политическом поле. Раньше долгие периоды стабильных правил игры перемежались краткими периодами трансформаций. Сегодня мир меняется постоянно. Перманентная революция Троцкого победила.

Это означает, что старая концепция войны, когда в конкуренции можно победить окончательно, за счет осуществления разового усилия, больше не работает. Конкуренция стала реальностью — вечной реальностью.

На то, что она однажды закончится чьей-то окончательной победой, рассчитывать уже нельзя.

Средства, которые используются в такой игре, тоже поменялись

Одними из первых это поняли элиты США. Констатируя, что сегодня США являются ведущим игроком на мировой арене (5), американцы, тем не менее, ставят задачу достижения интеллектуального и организационного превосходства (6).

Только это позволит им постоянно оставаться сильным игроком в международной политической игре по трансформации мирового порядка (7).

4. Символические игры

Основные действия в современном мире осуществляются на смысловом, интерпретационном, трансцендентальном уровне (а материальные изменения происходят уже как следствие этого).

Ведущие игроки создают (формулируют, фиксируют) все новые и новые угрозы, в преодоление которых вовлекаются все остальные (например, угроза войны, угроза терроризма, финансового кризиса, глобального потепления). Эти угрозы не возникали исторически — их сформировали сознательно как средство изменения сложившегося мирового порядка: напугать противника или конкурента — значит выиграть.

Еще одно средство — новые основания для типологизации стран, связанные с этими угрозами: «страны с нерыночной экономикой», «страны, оказывающие содействие террористам» и т. д. Это позволяет применять к этим странам ранее невообразимые меры: вводить войска, замораживать счета и т. д.

5. Построение нужных знаний и смена ориентиров

Как только мы скажем, что власть в современном мире

осуществляется через идеальные формы, как только поймем, что идеализм победил, нам придется изменить наше представление о знании и его функциях.

Построение новых знаний о мире — важнейшее сегодня средство власти. Ведь знания больше не появляются естественно, в рефлексии — они строятся. Строятся в специальных организациях (институты, think tanks, centres of excellence — фабрики мысли и центры создания превосходства — и т. п.) такими, какими они нужны для выигрывания конкретной ситуации основным игрокам.

Например, сегодня всем известно, что в мире есть такое явление, как терроризм. Существует много теорий, которые разъясняют его причины и демонстрируют, что именно изменилось в мире в связи с его появлением. И хотя разные исследователи расходятся в версиях, достоверно известно одно — терроризм есть, и это проблема мирового масштаба, которую необходимо решать. Следовательно, весь мир ее и решает, включая в ее решение огромное количество ресурсов, стран — и переделывая в очередной раз мировой порядок, ранжируя теперь страны относительно их участия/неучастия в борьбе с терроризмом или в самом терроризме.

Однако само это знание о терроризме отнюдь не является очевидным. Да, акты террора происходят по всему миру. Но

считать, что вся причина этого состоит исключительно в том, что существуют террористические организации и их хорошо законспирированные главари, что ряд государств потворствует террористам, — значит принять то знание о нем, которое было выработано для специальных политических целей.

Еще примеры: целая отрасль промышленности и ряд национальных компаний были погублены при помощи знания об «озоновых дырах». Сегодня разворачивается процесс, начатый Киотским протоколом. Экономическое знание от влиятельных, в основном американских школ разрушило СССР.

По-видимому, эти средства начали опробоваться на СССР еще во времена холодной войны. И хотя Советский Союз в той войне был одним из двух основных игроков, его правящая верхушка не освоила ее опыт. Подобные игры ей пока недоступны.

Точно так же она не отрефлектировала опыт социальной трансформации в Германии, в Китае и, как ни странно, даже у себя в СССР. Наши политики, по-видимому, не понимают и даже не пытаются понять, как Германия в 1930-х годах смогла за 10 лет в сотни раз увеличить ВВП и стать одним из ключевых игроков в мире; как за счет коллективизации и индустриализации удалось за короткий срок из аграрной страны, которой была Россия, сделать одну из наиболее грозных и мощных стран.

А ведь и там и там эффект был достигнут за счет введения новых смысловых структур, которые возродили народный дух и изменили социальное и организационное устройство страны.

6. Стандарты для непонимающих: пусть работают

> *Мол, отважно взвейтесь над пропастью, покрепче долбанитесь о дно, а потом до вас донесутся вежливые аплодисменты мирового сообщества. А может, лучше без этих аплодисментов и без пропасти?*
>
> *Ведь жила Россия своим умом тысячу лет и неплохо выходило, достаточно на карту мира посмотреть. А теперь нам, значит, пора в плавильный котел…*
>
> *Виктор Пелевин «Священная книга оборотня» (8)*

Если мы в России собираемся участвовать в современной

политике, то важно понимать, что изменился сам принцип расслоения людей, обществ и стран.

Раньше можно было говорить о том, что расслоение происходит либо по границе силы (есть сильные/есть слабые), либо по границе собственности (те, у кого она есть/те, кто ее лишен), либо по границе богатства и капитала (богатые страны, люди/бедные). Те, у кого были сила/собственность/богатство, могли эксплуатировать тех, у кого их не было.

Теперь расслоение проходит по границе понимания/непонимания: людей, которые продолжают работать в существующих образцах и стереотипах, начинают эксплуатировать те, кто может выйти за границы существующих образцов и построить более сложные схемы организации.

Существуют стандарты и образцы ведения деятельности, и те, кто работает в них, оказываются эксплуатируемыми теми, кто эти стандарты разрабатывает и изменяет. Бизнесмены платят (вынуждены платить) огромные деньги для переобучения сотрудников, смены технологий, если они не соответствуют стандартам, и т. д.

Это относится не только к людям, — это фиксирует один из принципов организации нового мирового порядка.

Тот, кто способен формировать критерии наличия или отсутствия в стране рыночной экономики, начинает реально управлять происходящими процессами в стране — если она не может отказаться от реализации этой идеи.

Россия сегодня находится именно в этой ситуации.

Именно в этой точке появляется современная проблема суверенности государства. Суверенным теперь может считать себя только такое государство, которое способно формировать для себя образцы и стереотипы и навязывать их всем остальным.

Современность: средства и способы

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ в странах победившего идеализма диктует свою систему средств политики и власти. Те страны, которые этим не владеют (по невежеству, по приверженности ложным идолам[6], по господству стереотипов), как говорится, «тормозят».

Изготовление людей. Не будем бояться грубости: в современном мире людей действительно изготавливают. Их делают такими, какими нужно. Это происходит за счет систем образования, формирования образов жизни, развития способностей в специально построенных структурах и т. д. Вопрос о том, какие люди нужны, например США, чтобы выйти за

границы ведущейся конкуренции, обсуждается открыто и технично (10).

Организация сознания людей. Вопрос о том, *что* люди должны видеть и считать существующим, тоже стал решаться технически. Это вопрос о том, как, не меняя материальной составляющей, за счет символов и образцов, изменить сознание людей — так, чтобы они начали считать важным и принципиальным то, что нужно осуществляющим эту операцию. Далее по отношению к этому уже можно осуществлять нужные действия.

Раньше такую операцию производила церковь, позднее — идеология. Сейчас эти технологии освоили СМИ и реклама. Простой пример: если человека признали по всем известным процедурам преступником или сумасшедшим, то при определенной организации сознания все остальные начинают относиться к нему как к таковому и считать нормальными применяемые к нему меры. Хотя на материальном уровне при этом ничего не изменяется.

Способы и средства коммуникации, связи и взаимодействия. Тот, кто может организовывать и управлять интенсивностью коммуникаций, их содержательным наполнением и интерпретациями, начинает управлять и общественными процессами. Именно в силу того, что эта сфера начала интенсивно осваиваться, сегодня так быстро развиваются СМИ и реклама.

Организация технической среды. Задачи на организацию технической среды ставятся уже не исходя из логики развития технологий, а исходя из того, *что* необходимо для достижения организационного и интеллектуального превосходства, для достижения конкурентоспособности или развития новых образцов общественного устройства. Показателен пример американцев, которые для решения задачи борьбы с терроризмом начинают использовать новейшие технологии и вынуждают своих граждан их осваивать (11).

Иными словами, на первый план выходят те средства, которые позволяют изменить сами основания действия людей и тем самым сменить тип возможных действий на тот, который нужен.

Эти технологии власти на порядок эффективнее, чем работа по изменению внешних форм организации: институтов, структур, процедур. Если изменить основания действия людей, то все внешние формы они изменят сами. Изменение же основания действия осуществляется за счет образования, социальных и организационных технологий, позволяющих сформировать

нужное ориентационное пространство, и т. д. Игра сегодня ведется именно здесь.

Современная конкуренция на мировом политическом поле ведется в большей степени за счет таких технологий. И вперед вырываются те игроки, которые способны быстрее разрабатывать и применять такие технологии.

Игроки и возможные конкурентные преимущества современности

ИГРОКАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ **в** реальной современной политике, становятся те, кто:

♦ формирует для себя некоторый исключительный ресурс, который недоступен другим игрокам. Этот ресурс может быть общественным, образовательным, технологическим или даже экономическим. Он рассматривается не как самоценность, а как инструмент, за счет которого можно взаимодействовать с остальными. Так, Япония в качестве ресурса использует технологическое превосходство, Европейский союз — права человека. Только выработав и оформив в мировом пространстве себя как обладателя исключительного, другим недоступного (но необходимого) ресурса, игрок появляется на поле мировой политики. С ним начинают взаимодействовать. Он становится заметным;

♦ фиксирует сформированный таким способом исключительный ресурс в структурах суверенной власти на своей территории. Охрана и удержание исключительности после этого ресурса становятся задачей, совпадающей с вопросом о суверенности страны;

♦ использует свой исключительный ресурс при построении взаимодействия с другими игроками. Взаимодействие необходимо, чтобы оставаться игроком. Тот, кто в такое взаимодействие не включается, попадает в изоляцию и становится вторичным участником мировой политики, ее объектом.

Среди игроков сегодня мы видим не только отдельные государства, но и их объединения, отдельные сферы бизнеса, могущественные корпорации, а иногда даже отдельных людей.

> Игроком становишься только в равноправном взаимодействии

Тот факт, что именно такие способности приводят к выигрышу в современном мире, можно продемонстрировать на

примере разных сфер: в политике, во власти, в социальной жизни, в экономике.

Кто начинает выигрывать в политике? Тот, кто начинает формировать новые смыслы, новые понятия, новые ориентиры. Новая политика строится на смене ориентации, на сдвижках приоритетов (например, утверждается, взаимодействии что сегодня все силы надо бросать на защиту прав человека, или на борьбу с терроризмом, или на построение демократии, — и люди включаются в это). Тот, кто может осуществлять такие смены ориентиров и обладает технологиями включения людей в новые смыслы, — тот и выигрывает в современной политике.

Для политика важной способностью становится не перенимать готовые решения, а участвовать в обсуждении и решении проблем.

Решения всегда реактивны и взяты из прошлого, а значит — их использование уже заведомо ведет к проигрышу по сравнению с теми, кто проблемы и решения формирует. Выигрывает тот, кто включается в формирование проблем, угроз и вызовов — причем не на уровне роста ВВП страны, а на уровне современной политической ситуации.

Кто начинает выигрывать во власти? Тот, кто способен максимально эксплуатировать самодвижение людей, создавая одновременно и все большее количество свобод, и все большее количество ограничений. Власть — многофокусная структура, которая покрывает все большее количество все более разнообразных явлений общества, выдвижение значимых идеальных конструкций. Современная власть не заставляет людей двигаться в одном строго определенном направлении. Она лишь создает возможности — а энергию такого самодвижения оформляет в конструкцию нового порядка[7]. Сегодня уже не государство является источником власти, а власть использует государство в качестве одного из механизмов организации общественных процессов.

Кто выигрывает в социальной жизни? Тот, кто способен осуществлять переход от замкнутых структур и групп к вопросам самоорганизации и доверия. Тот, кто понимает, что в социальной жизни интенсифицируется население самодеятельное, самодвижущееся (в смысле мобильности), самоорганизующееся в разные группировки и что при этом возникает проблема распознавания и идентификации, доверия и кодификации. Тот, кто способен формировать механизмы, которые позволяют динамично перемещать социальные усилия и социальный капитал в новые сферы (новые производства, новые проблемы, новые территории).

Эти способы уже давно активно используются в бизнесе для продвижения продукции: специально под особый тип потребления создаются новые социальные группы (например, молодежь, из которой затем были выделены тинэйджеры, и т. п.). Теперь дело за тем, чтобы начать использовать это в политике. Именно социальные процессы (формирование нового народа) были использованы в Украине при недавней смене власти.

Кто начинает выигрывать в экономике? Уже не тот, кто обладает капиталом, богатством или еще чем-то, а тот, кто строит для других сети, в которые они попадают. Тот, кто задает стандарты. Тот, кто организует других для решения общих задач — например, создает фонды, в которых капитал концентрируется и перераспределяется. Тот, кто умеет создавать из себя в бизнесе некоторую исключительность, недоступную для других.

Сейчас правила того бизнеса, в котором все зарабатывали деньги, ушли в прошлое. Теперь, сколько бы ты ни заработал, — если ты попадаешь в чужие сети, в чужие организации, ты уже работаешь не на себя.

> *То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.*
>
> *Фридрих Энгельс (12)*

Итак, вот она — современность во всей своей красе. Освоение природы завершено. Идет освоение общественного: социальная тектоника сменяется общественным климатом, а потом и переменчивой погодой. Власть забирается в прежде неприступный космос идеального — и в самые глубинные основания человеческих поступков, в устройство самого человека. Идеи наконец-то правят миром: дух пришел из царства необходимости в царство свободы. Все, что казалось незыблемым, стало игрушками.

Гегель считал, что дух реализуется через государство, а сейчас он может осуществиться через все что угодно.

Самое главное конкурентное преимущество сегодня — быть сопричастным этому духу, участвовать в этих играх (играх по поводу власти, общества, человека), творить, находиться в постоянной коммуникации и на переднем фронте изменений.

Сегодня реальная политика возможна тогда, когда мы начинаем участвовать в процессах трансформации и изменения общества, а современной она становится, если мы попадаем в точку осуществления основной политической игры в мире.

Эта точка связана с тем, что мировой порядок с некоторых пор стал формироваться многими игроками, причем формироваться технично и осмысленно. Для того чтобы присутствовать и действовать на этом поле, необходимо включаться в освоение передовых технологий ведения этой игры.

Уходя из эпицентра мировой политики, Россия превращается в «страну аборигенов», которые ничего не понимают, и которых вовлекают в реализацию чужих проектов, зачастую даже не ставя об этом в известность.

Глава 2
Россия сегодня: архаичная власть в великой стране

ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ — власть, приведение ее в современное конкурентоспособное состояние, то есть модернизация власти.

Именно отсутствие власти — в ее современном понимании — делает Россию неконкурентоспособной. Именно отсутствие власти ведет к ситуации, когда дух социального творчества и напряженного соревнования не может даже приблизиться к нашим границам.

Российская власть недопустимо архаична. Она не соответствует базисным формам существования страны. Страна оставлена на произвол судьбы.

Сегодняшняя российская власть: зоны слабости

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА. Сегодня власть в сознании российских людей и даже политиков совпадает или полностью идентифицирована с государством. Соответственно любая политическая деятельность связана либо с захватом мест в государственных структурах, либо с удержанием этих мест за собой и своей группой. Эта политика не приводит ни к модернизации власти, ни к развитию страны.

Государство совпадает с властью, следовательно — власть в России сейчас представлена одной-единственной инстанцией, которая вынуждена заниматься всем и отвечать за все. Вся жизнь в стране сводится к одной инстанции власти. Попытки сформировать альтернативные инстанции ни к чему не приводят.

Однако проблемой модернизации власти, проблемой ее эффективности никто не озабочен. Значимость этого не видна нынешним правящим кругам, которые занимаются чем угодно — экономикой, подготовкой к зиме и т. п., — а по поводу власти выдвигают только псевдопроекты ее монолитного «укрепления».

Но весь мир живет уже по-другому: при созданной эффективной власти работающая экономика создается «сама собой», страна совершает «чудо», и даже люди начинают жить нормально.

Удивительно: тезис «государство является единственным носителем власти» самоочевиден и незыблем и для групп активного населения (бизнесменов, политиков), которые могли

бы сами формировать инстанции власти — например, власти бизнеса, церкви, СМИ.

Конструкция, где государство и власть объединены, принуждает к развитию революционного сознания. При таком понимании в случае неразрешимых проблем требуется менять «всю систему», включая государственную власть. На Западе от этой конструкции уже давно отказались: если власть — это одно, а государство — другое, то решать проблемы можно последовательно, власть модифицировать можно блоками, частями, технологично.

Сегодняшние российские власти этого не понимают и считают, что государство — это и есть власть. В этом состоит основная проблема их неконкурентоспособности и слабости.

Власти работают только с материальным. В то время как в мире власть в первую очередь работает с идеальными сущностями, российские власти их просто не видят.

Предметом заботы современной власти являются смыслы, коммуникативные коды[8], организационные механизмы. Власть занимается формированием своего народа — такими странными с российской точки зрения вещами, как задание перспективы, работа с социальной стратификацией, с самосознанием.

Ничего этого российские правящие круги сейчас не делают. Они озабочены «ростом ВВП», «территориальной целостностью», налогами, таможней, регионами, бюджетом и прочими «реальными» вещами. Но в современном мире реальность давно смещена в область имитации и промысливания, проектирования и задания перспективы.

Это же относится и к угрозам и вызовам. Российские власти видят только материальные угрозы — траты на монетизацию льгот, готовящиеся террористические акты, все меньшее количество населения, возможное уменьшение площади территории. К нематериальным угрозам — к тому, что люди теряют смысл обустройства жизни в России, что основные точки идеального находятся вне России, что Россия участвует только в чужих проектах, — они нечувствительны.

Основные точки трансцендентности (идеального) находятся вне России, они берутся с Запада: это понятия рынка, демократии, собственности.

Россия не имеет собственной идеальности, или трансцендентности. То, к чему (как говорят) страна стремится, и то, что является для нее безусловным, находится вне России. Страна полагается на оценки извне.

Это напрямую связано с проблемой суверенности, то есть с фиксацией своих исключительных преимуществ и ресурсов,

которые недоступны другим и за счет которых удерживается власть, а народ участвует в развитии страны. Россия всегда была суверенной страной. Сейчас складывается ситуация, при которой суверенность стремительно теряется.

Дело здесь не в экономической зависимости или независимости. Российские власти не справляются с задачей выработки идейного обеспечения суверенности — то есть не отвечают на вопрос, чем Россия отличается от других стран, в чем ее недостижимое для остальных конкурентное преимущество и почему вообще народ должен жить в этой стране, а не разбегаться по сторонам.

Очень скоро в России может наступить та же ситуация, что и в странах Прибалтики: выяснится, что собственная власть, самостоятельность стране не нужны, а народ вполне устраивает внешнее управление. При сохранении внешних признаков государственности правящие круги в этих странах несут лишь функции местной власти, а подлинно властные функции переместились в Европейский союз.

Более того: эти точки идеального являются для России ложными и неосвоенными конструкциями. Очевидно, что в России никогда не будет демократии и рынка в том виде, как, например, в США. В этом смысле это своеобразные «идолы», как об этом писал Фрэнсис Бэкон (2), то есть не реальные, а ложные идеи, которым человек служит.

Не перенимать эти ценности и идеи, а осваивать их — вот задача для новой современной власти в России[9]. Идеи демократии и рынка приживутся, если они будут встроены в понимание того, что нужно для страны, и того, как они помогут России быть эффективной, а не наоборот — тратить все ее ресурсы ради погони за мнимыми целями.

Те персонажи в политике, в бизнесе, в различных профессиональных сферах, которых сейчас называют элитой, реально элитой не являются. То понимание элиты, которое культивируется политтехнологами, экспертами и пиарщиками, ошибочно и ложно.

Понятийная неразбериха общественной мысли является большим препятствием для формирования элит, потому что не дает увидеть реальных проблем современной власти, создает своеобразную дымовую завесу для участия людей в становлении и модернизации власти, в актуальных процессах современности.

Правящим классом в стране стала бюрократия. Реальная причина этого — устаревшее понимание власти, ее однозначное отнесение к государству. По общему мнению, государство является единственным носителем власти. Такой способ

понимания и мышления является порочным, устаревшим и абсолютно неэффективным.

Сегодня там, где власть устроена эффективно, правящий класс уже практически отсутствует: его функцию выполняют ротирующиеся элиты. Под новый проект — новые элиты. Современное устройство власти состоит в формировании композиций различных инстанций власти, причем сами эти инстанции постоянно умножаются. Современная демократия состоит в участии народа в становлении этого порядка (например, через элиты, общественные и профессиональные организации, партии, выборы).

Российское чиновничество не только увеличивается в количестве — оно еще и не представляет себе, что значит строить и осуществлять современную власть. Оно реагирует только на материальные угрозы, не работает со структурами смысла, отождествляет власть с государством, считает власть моноцентрической и иерархичной, гипертрофирует процедурные моменты. Гигантскими темпами возрождаются стереотипы кормления — тем самым сегодня, в XXI веке, власть в России становится такой, какой была в веке XVII.

Чиновничество России находится, как при Иване Грозном, Петре I, Екатерине II, в совершенно архаическом, несовременном, непросвещенном состоянии.

Происходит потеря народа. Этот факт стал особенно зримым после событий в Украине и Киргизии[10]. Работа с народом, своеобразная демотехника[11], становится сегодня активно развивающимся элементом мировой политики. Не занимаясь этим, российские власти и российские политики стремительно теряют свой народ.

Народ в России сегодня вообще не осмысляется как народ. Базовые трансценденции и ценности жизни в России никак и никем не фиксируются, не говоря уже о том, чтобы с ними целенаправленно работать. А ведь работа с народным духом является мощнейшим ресурсом общественного, а затем и хозяйственного развития.

Политтехнологи и эксперты осмысляют народ как электорат, как население, как группы населения в структуре собеса (пенсионеры, инвалиды, военные). Народность не формируется.

В среде правящей бюрократии вообще господствует отношение к народу как к неограниченному ресурсу. Причем чем меньше народа, тем чиновникам легче.

Угроза потери народа не понимается, потому что нынешние правящие слои нечувствительны к нематериальным угрозам[12].

Болезненный стереотип законности. Никто в России не

видит необходимости в исполнении законов; чтобы это понять, каждому достаточно «оборотиться на себя». Парадокс заключается в том, что внешне все, а особенно власти, в своих действиях должны непременно следовать какой-то букве закона.

Это просто парализует российскую власть. Следование процедуре и букве закона — чиновничья, а не властная схема. Это понимали и в древности — Никколо Макиавелли утверждал, что государь находится за пределами права. В Новое время Иммануил Кант связывал суверенность властителя с возможностью выхода за границы права в исключительных обстоятельствах во имя сохранения народа. Сегодня Патриотический Акт США (3), принятый после 11 сентября 2001 года, отменяет ряд конституционных прав и утверждает приоритет безопасности над законностью.

Зона слабости номер семь: власть подчинена закону и праву

В России создан эрзац власти, поскольку не используются реальные механизмы власти, механизмы реального трансцендирования, не вводится миссия России по отношению к окружающим странам и ко всему миру, не вводятся области — смысловые или территориальные, — которые страна осваивает, не вводится принцип надзаконной справедливости (он регулирует процесс освоения, поскольку в новых областях право и закон еще не созданы). Когда всего этого не происходит, то власть усыхает, теряется.

Последствия видны на примере Украины или Киргизии — в тот момент, когда народ понимает, что власти нет, все рассыпается, как карточный домик[13].

Сегодня все тонет в законе: считается, что нельзя сделать ни шагу, не обеспечив этот шаг целой кипой законов и не согласовав их. Это чиновничья, а не властная конструкция. Сначала долго создавать закон, затем мучительно биться над проблемой его исполнения (при том, что в судах все равно все будет перетолковано вкривь и вкось) — крайне неэффективный путь. Подлинная проблема состоит в отсутствии организационных и смысловых механизмов осуществления власти.

Наша позиция состоит в том, что российская власть нуждается в модернизации. Именно это позволит России войти в число мировых держав, подлинно суверенных стран, позволит наравне с ними ставить мировые проблемы и участвовать в их решении.

Потенциально для этого у России есть все: есть свои ресурсы, есть свой народ, обладающий такими особенностями менталитета

и характера, которые тоже можно использовать как ресурс, есть выработанные за долгую историю способы организации и мобилизации. Все это находится сейчас в небрежении. Но мы — те, кто стремится сделать Россию подлинно современной страной и участвовать в реальной политике, — опираемся именно на эти условия, на наше понимание того, что можно назвать «духом России».

Дух России

Возможные ресурсы России

Россия — великая страна. О Советском Союзе в свое время говорили: «одна шестая часть суши». Россию сегодня тоже понимают как страну, определенным образом расположенную и занимающую определенную территорию.

Это совершенно неверная конструкция. История России состоит в постоянном перемещении ее территории и расположения. Были времена, когда территория была меньше, чем нынешняя; были времена, когда территория была существенно больше. Следовательно, особенность России и способ ее существования надо искать совершенно в других механизмах и в другом смысле.

Наш тезис состоит в том, что Россия существует как Россия в строю суверенных государств. «Суверенных» — значит «определяющих самих себя вне внешних обстоятельств, задающих свой собственный способ жизни». Россия — это не территория, а народ, его способ жизни.

Россия — страна освоения[14]**.** Территория России всегда реально больше, чем это необходимо, поскольку в ней всегда работали и работают механизмы освоения. Сам процесс освоения идет даже тогда, когда это не нужно для страны в целом. И в этом смысле Россия регулярно приобретает территорию (а потом ее теряет).

Большая территория нынешней России сегодня не является ресурсом, потому что правительство пытается эту территорию сохранить, удержать, сохраняя определенную изоляцию, а не освоить и переосвоить. Сегодня очевидно, что надо территорию перевести в ресурс — прежде всего надо создать такую ситуацию, какая была, например, в США в XIX — начале XX века, когда туда приезжали массы людей.

На протяжении веков в России постоянно существовали проекты мирового уровня — Третий Рим, «окно в Европу» Петра I, Октябрьская революция, индустриализация… Сейчас мы

начинаем грандиозный проект превращения России из социалистической страны в некую современную страну.

Россия имеет большой опыт социальных экспериментов и реализации крупных проектов. Это действительно является ресурсом, потому что народ привык, что он участвует в реализации таких экспериментов и проектов. Только такие проекты интересны и способны вызывать энтузиазм народа. Кроме того, все проекты, которые были реализованы здесь, основаны на европейской мысли, и ресурсом может стать и то, что Россия — страна реализации передовой общественной мысли. Таких стран единицы.

Специфика России состоит в том, что каждый раз, не выстраивая фундамента и обеспечения, а за счет исключительности ресурсов, страна попадает в точку мирового развития. В этом смысле Россия — страна будущего, страна проектов, в которые люди включаются.

Россия — страна, которая освоила работу с массовым сознанием. Российский народ во время революции был отрезан от многовековой русской культуры и включен в проект построения нового общества и нового человека. В СССР были созданы передовые для того времени формы работы с массовым сознанием: через особое построение СМИ, через кино и радио, а затем телевидение, через массовые действа. В 1920–1930 годы СССР занимался масштабным экспериментированием в области создания массовой культуры (используя в первую очередь идеологические средства) как новой формы власти, ориентирования и мобилизации. При этом осваивалась работа и с социальными единицами, и с общественными процессами.

Соперниками и конкурентами СССР в этой сфере были в это время только США и Германия: одно государство осваивало в первую очередь массовую культуру, другое — идеологические приемы.

Благодаря усилиям СССР и США такая работа стала ведущим способом осуществления власти в мире. Сегодня работа с общественным сознанием в России не ведется (или ведется исключительно топорно, с помощью устаревших идеологий). Но привычка жить в условиях массовой, искусственно сформированной культуры в России осталась.

Оторванность от корней (то, что за последние 90 лет в России вырос народ, не основывающий свою жизнь на дореволюционных культурных образцах) обычно рассматривается как бедствие. Но раз это является фактом нашей жизни, необходимо превратить это в ресурс — ресурс развития, свободы, конструктивного отношения к жизни.

Россия — энергоизбыточная страна. Об энергии народа мы уже говорили. Но в России есть избыток и физических энергоресурсов — и атомных, и нефтяных, и газовых, и электрических, и биологических (леса, море). Территорию России можно использовать для разворачивания на ней энергоемких проектов, не обязательно производственных. Это пока только возможность, а не реальный ресурс. Задача состоит в том, чтобы понять, как использовать эту энергоизбыточность, как перевести ее в ресурс, куда и на что направить.

Россия имеет сильную боеспособную армию, которая умеет воевать. В Европе такая армия есть еще только у Германии, поэтому это — эксклюзивный ресурс. К тому же армия — важная вещь для духа нации.

Для сохранения боеспособности армия должна воевать. История России сложилась так, что практически все российские военачальники выросли в войнах, а не при управлении армией в мирное время. За счет этого страна имела признание, с ней считались.

Россия — это страна, живущая будущим и дальним. Российские люди больше думают про мир, про будущее, чем про самих себя. Россия всегда отстает, но всегда стремится удержаться на переднем крае.

Россия всегда находится в точке мирового развития (культурного, политического и т. д.), причастна к нему. Россию интересовало, зачем Англия захватывает колонии, как живется неграм в Африке, а сегодня ее интересует, какие существуют новые технологии и что случилось с Иоанном Павлом II. Ни в одной стране мира СМИ не уделяют такого внимания событиям в мире, а из событий в стране — не местным новостям, а новостям страны, ее центра. Во Владивостоке то, что происходит в Москве, интереснее, чем то, что происходит в соседней области.

Озвученный Булгаковым призыв профессора Преображенского из повести «Собачье сердце» сначала заняться своими делами, а потом уже «устраивать судьбы каких-то немецких оборванцев» актуален только для профессионального самосознания, а не для народного российского, которое и будет проявляться в новой российской реальной политике.

Раньше это отношение сознательно культивировалось властью, потому что это оно позволяет России держаться на мировом уровне в точках мирового развития. *Если Россию этого лишить, как это происходит сейчас, она начнет распадаться.* Если власти занимаются только локальным обустройством жизни, они теряют Россию.

Это лишь один из вариантов анализа возможных

конкурентных ресурсов России. Вообще этот вопрос может стать предметом широких дискуссий в рамках новой политики, связанной с модернизацией власти, с превращением этих условий в ресурсы для конкретных программ и проектов преобразования, для достижения мирового уровня.

Механизмы воспроизводства духа России

Россия — это страна людей, которые постоянно занимаются освоением: освоением территории, новых форм жизни, самих себя. Такая особенность возникла в связи с постоянным переселением на территории, происходившим исторически, — волнами переселения, промышленного освоения, индустриализации. Есть поколенческий и исторический опыт освоения, народ живет или готов жить в этой схеме жизни.

В силу этого опыта освоения и рефлексии по поводу социальных порядков у российского народа возникает механизм двойного сознания, когда свою собственную жизнь и жизнь в стране человек оценивает по-разному и на основании разных критериев. В СССР жизнь в стране оценивалась значительно лучше, чем своя собственная, сегодня — значительно хуже. Но разрыв существует всегда[15].

Сегодня — вместо того, чтобы обращать внимание на быстрые перемены, например, в автомобилизации страны, в развитии современных средств связи, в общем уровне потребления, — массовое сознание (в том числе и через СМИ) фиксирует лишь продолжающийся кризис. Из этого делается вывод, что никакие проекты мирового уровня для нас в России недоступны. Но это эффект ложного сознания, поклонения «идолу катастрофы».

Парадокс заключается в том, что указанная двойная конструкция вытекает именно из схемы сознания, связанной с освоением: всегда должен быть горизонт следующего движения и освоения, всегда всего недостаточно. Самоуспокоенность — не для российского сознания.

Постоянная ориентация значительной части населения на некоторый прорыв — даже без построения фундамента и предварительного формирования комплекса условий. Отрезанность от фундамента, от систематического построения и накопления (как это происходит в Европе и США) порождает значительную свободу. Механизмов постоянного накопления нет, все регулярно «сметается», и постоянно происходит отрыв от прежней культуры, причем очень сильный.

Россия — это страна резко повышенной рефлексивности

по отношению к существующим порядкам, другим странам и самой себе.

У российского народа есть опыт выживания в разных социальных порядках

В России ничто не принимается за безусловное. Так проявляется опыт социальной рефлексии изменений, который возник потому, что люди на протяжении одного поколения прожили несколько социальных порядков и у них появился опыт понимания их относительности. У российского народа есть опыт выживания и жизни в разных социальных порядках без ущерба для себя.

Россия — это страна мощных ассимиляционных механизмов, что позволяет ей включать в себя ненасильственным образом другие народы и превращать их в русских. Происходит ассимиляция как людей, так и организационных форм.

> *Русские принимают тело, но духа не принимают. Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух.*
>
> *Лев Тихомиров (4)*

Именно из-за соединения механизмов освоения, рефлексивности и ассимиляции возникают имперские формы, которые позволяют удерживать целостность России. Они стали возможными не за счет некоторой единообразности, а за счет единых механизмов — инфраструктур, общего центра, который задает общий образец, за счет включения в разные сословия, в том числе элитные.

У России есть опыт создания общего порядка в качестве империи, *порядка, основанного на осмысленности, справедливости, разуме, а не на законности.* Для российского народа характерно смысловое, а не строгое подчинение закону.

Приверженность русского народа идее справедливости, а не права. Это становится значимым в современной ситуации, которая характеризуется проблематизацией идеи права (современное право не справляется со сложностью и динамизмом ситуаций). Сегодняшнее господство правовых и процедурных форм в западном обществе доживает последние десятилетия, и российское понимание ограниченности принципов формального права окажется важным для включения России в точки и зоны мирового развития.

Проблематизация права происходит сегодня по многим

пунктам. Так, Патриотический Акт, принятый в США после 11 сентября 2001 года, во многих обстоятельствах ограничивает действие правовых конструкций, зафиксированных в конституции (5). В европейских юридических кругах идет активное обсуждение проблемы суверенитета, при этом мысль возвращается к конструкции Канта, который говорил о суверене как об инстанции власти, которая может и должна пойти на нарушение границ права ради сохранения народа, порядка и территории.

Нынешние российские власти, приверженные формально-процедурным моментам, этих тенденций не видят, и поэтому оказываются беспомощными в ситуации использования механизмов, более мощных, чем формальное право[16].

Для России характерно другое понимание суверенитета. Россия отвечала за справедливость и на своей территории, и там, куда она в принципе даже не могла вмешиваться. Отсюда вмешательство России в европейскую политику, инициация создания Священного союза, защита малых народов (Балканские войны). С рациональной точки зрения такие войны были бессмысленными. Но помощь братьям-славянам входила в русское понимание справедливости.

Нарушение границ права и ориентация на принцип справедливости характерны и для устройства внутренней судебной системы России.

Народ в России имеет внутреннюю готовность к кратковременному напряжению всех сил. В истории России постоянно проявляется мобилизационная готовность народа и отдельных людей, сочетающаяся с неспособностью планомерного и регулярного усилия. Эта характеристика способа жизни России очень значима для решения задачи участия в проблемах современности.

Механизмы власти в России

Эти особенности и возможные эксклюзивные преимущества проявляются в свойственных России механизмах осуществления власти.

Первым из них является механизм «горизонтального переселения и освоения».

Ермак при Грозном, беглые крестьяне при Петре и Елизавете, казачество при Екатерине действовали одинаковым образом: захватывали новые территории и приносили их России в обмен на свой статус; разбойника Ермака простили, крестьян освобождали, закрепляя за ними уделы, а казаки становились государевыми служителями. Россия на этом прирастала.

Точно так же российские специалисты и профессионалы уезжали на Запад, учились передовым образцам деятельности, а затем возвращались в Россию и перестраивали работу в своей профессиональной сфере по полученным образчикам. Моряки при Петре, Пирогов в медицине, Капица в физике — для всех них власть создавала после возвращения исключительные условия, с тем чтобы могла происходить быстрая передача образцов. Это был механизм роста, за который люди держались.

Справедливость важнее закона

Сейчас вполне можно было бы так же поступить с социальными технологами: посылать людей учиться в ведущие центры социальных технологий — учиться методам самооргани, участия в политических партиях и «ненасильственных революциях», создавать условия, чтобы эти образцы реализовывались.

Второй инструмент можно назвать «социальным перемешиванием».

Это происходило и при Петре, и во время революции, и после революции, при Сталине. Людям дается возможность очень быстрого роста[17]. Например, за счет перемещения в регионы, индустриализации, освоения новых нефтяных месторождений и т. п. — и следующего качественного скачка обратно, из регионов в центр, где они получают возможность вести качественно новую жизнь.

Построение качественно новых структур (на новых территориях или на старых — это не играет особой роли) и перемещение большого количества населения, которое каждый раз создает энтузиазм и освоенческий порыв, есть механизм реальной власти. Сталин имел колоссальную власть именно за счет напора новых людей из «стабильных районов», которые формировали новый народ. Для России очень важен механизм внутренней ротации больших масс населения, элит и структур власти. То, что делал Алексей Тишайший, делали и большевики, когда посылали в колхозы рабочих.

Напротив, если государство не устраивают такие перемещения — вертикальные (социальные) или горизонтальные (освоенческие), то очень быстро начинает происходить то, что происходит сейчас в России. Как только наступает «стабильность», начинается откачка ресурсов из регионов в Москву, противопоставление Москвы регионам; возникает реальная взрывоопасная ситуация застоя, нуворишество, олигархия и другие эффекты, которые не позволяют России существовать, реализуя свои базовые схематизмы.

Наиболее активная часть населения вынуждена сама себе устраивать подобные перемещения и перемешивания, тем самым отделяясь от нынешних властей. Люди едут в новые регионы, создают новые бизнесы, проходят по разным сферам деятельности, переезжают в другие страны, пытаясь там чем-то напитаться и вернуться обратно. Но те, кто уехал за границу, уже не смогут вернуться назад — власти не считают необходимым видеть в этих людях ресурс и создавать для них исключительные условия.

Механизм переведения народа и людей в новое качество через социальные перемещения правящей верхушкой сегодня не контролируется. Власть в России утратила базовые рычаги, на которых она может держаться сама и поддерживать в тонусе страну.

Так, сегодня, когда идет сильнейший напор со стороны людей из СНГ, которые хотят оставаться российскими и русскими, на их пути возводятся формальные барьеры. Это не только усугубляет демографический спад, но и нарушает базовую конструкцию доверия к российской власти и ее осмысленности.

Для России это означает коллапс и смерть.

Подобные механизмы и инструменты оказались сегодня в небрежении. Возникла «закупорка» российского организма — такая же, какая произошла при Брежневе в СССР. Все это называется «стабилизацией». Но парадоксальным образом при вполне реальных экономических и финансовых успехах возник паралич власти — именно потому, что все освоенческие, мобилизационные, перспективные механизмы исчезли, выпали из поля внимания. Теперь все увязает в согласованиях и компромиссах, а наверх выплывает слой чиновничества, которое в этих условиях чувствует себя как рыба в воде.

Россия внутри себя сегодня не создает перспективные сферы — ни для своих граждан, ни для граждан соседних стран, которые готовы участвовать в нашей жизни. Россия не использует себя как переварочный котел, которым она всегда была.

Россия дезориентирована, переведена на путь чистого заимствования, обречена на функционирование в режиме эксплуатации готовых образцов. Выход России и был всегда, и будет сейчас — за пределы эксплуатации в режим освоения[18].

На повестке дня стоит проблема модернизации власти, переход от пораженческой, оборонительной, замкнутой на территории позиции «страны с недоразвитой рыночной экономикой» к осознанию себя как современной страны, страны мирового класса, которая за счет факта своего существования участвует во всех современных мировых процессах.

Технологически это означает, что современная власть задает базисные для народа трансценденции (идеальные формы) и удерживает эксклюзивные ресурсы и формы организации. Инстанции власти формируются как множественные, создавая поле, а не моноструктуру. Общество подпитывает элиту, которая участвует в общественных дискуссиях и формирует и народ, и инстанции власти. Страна становится конкурентоспособной с западными структурами, может вместе с ними участвовать в мировых играх — а народ соответственно получает большее количество степеней свободы, начинает формироваться самодеятельное население, которое может поглощать современные сложные технологии. В результате страна приобретает способность осваивать технологии, что невозможно при сегодняшнем ее «моноустройстве».

Надо понять, где находятся следующие зоны освоения, борьбы, выхода в создание нового качества жизни людей, реализация их в новом порядке. На эти вопросы должны отвечать современные элиты.

Глава 3
Элиты

> *Среди причин, затормозивших наше умственное развитие и наложивших на него особый отпечаток, следует отметить две: во-первых, отсутствие тех центров, тех очагов, в которых сосредотачивались бы живые силы страны, где созревали бы идеи, откуда по всей поверхности земли излучалось бы плодотворное начало; а, во-вторых, отсутствие тех знамен, вокруг которых могли бы объединяться тесно сплоченные и внушительные массы умов.*
>
> *Николай Гоголь (1)*

ДЛЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТИ необходим социальный механизм, который позволит формулировать трансценденции власти, быть их непосредственным носителем и тем самым участвовать в формировании народа.

При аристократическом устройстве общества ответ на вопросы о долгосрочных целях страны, ее миссии, базовых ценностях и трансценденциях, которые объединяют ее народ, формировала аристократия. В условиях самодержавия это осуществлял монарх и его приближенные («Ближний кружок» Александра I). Сегодня, в демократическом обществе, эту функцию, по-видимому, можно возложить только на элиты. В соответствии с духом современности[19] такого рода функции не могут выполнять аристократы или высшие чиновники («мандарины») в силу их консервативности.

В России нынешней властью, СМИ и политиками вопрос об элитах практически полностью игнорируется. Предполагается, что в России базовые ценности, трансценденции и миссию обсуждают и формируют либо чиновники, либо группы влиятельных бизнесменов, либо еще кто-то. При этом чиновники по большей части сконцентрированы на материальных проблемах в экономике (удвоение ВВП, бедность, Стабилизационный фонд, сохранение территории и пр.) и заняты поддержанием и сохранением существующего порядка. Бизнес также не участвует

ни в обсуждении собственной миссии России, ни в формулировке трансценденций российской власти, ни в попытке сформировать собственную инстанцию власти — он по большей части ориентирован на западные либеральные ценности.

Понятие элиты для нашего общества является довольно новым (несмотря на то, что само слово «элиты» сегодня стало весьма модным). Часто так называют и тех, кто ею не является. Отделим собственно элиту от тех, кого часто ошибочно считают ею. Последних будем далее называть псевдоэлитами. Отдельные представители нижеперечисленных групп могут входить в элиту, но сами по себе таковой не являются.

Сегодняшние псевдоэлиты России

> *Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, ~ русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса.*
>
> *Иван Ильин. Наши задачи. Основная задача грядущей России (2)*

ЭЛИТА — ЭТО НЕ ПРАВЯЩИЙ КЛАСС. Правящий класс есть прослойка людей, стоящих у власти, но не всегда эти люди — элита. Конечно, некоторые представители элиты вполне могут входить в правящий класс. Если это происходит, то существенно вырастает вероятность того, что правящий класс будет осуществлять разумные действия.

> *Правящий класс никогда не признает того факта, что находится у кормила власти по той простой причине, что состоит из элементов, которые сейчас или в какой-то момент истории оказались наиболее пригодны, чтобы управлять; вместо того он всегда находит оправдание своей власти в абстрактном принципе, который мы называем политической формулой.*
>
> *Гаэтано Моска (3)*

Элита — это не те, кто достиг определенных успехов.

Это не нувориши (новые богатые), не чиновники высокого ранга, не те, кто сделал карьеру в разных областях. Это не люди, добившиеся известности и популярности.

Элита — это не средний класс, хотя их довольно часто путают. Средний класс с точки зрения либерализма является основой, удерживающей общество. Поэтому средний класс — это скорее бюргеры или мещане, которые в силу своей врожденной жадности и стремления к стабильной жизни являются консервативной силой общества. Средний класс не является носителем базовых ценностей страны, он их просто принимает. Но прежде чем средний класс мог бы их принять, должен быть кто-то, кто их сформирует и транслирует.

Элита — это не интеллигенция. В России интеллигенцию так и не удалось превратить в элиту. Большая часть интеллигенции увлечена дискуссиями относительно неправильного устройства страны и власти, в чем ее справедливо упрекают. Часто она оказывается неспособна формировать и осуществлять на себе новые трансценденции, соразмерные стране и народу Противоположным примером является Франция, где интеллектуалы со времен Наполеона Бонапарта входят во власть и в большей степени являются полноценной элитой.

Элита — это не профессионалы. Это не ученые, не эксперты, не иные профессионалы, которые специализируются в узких областях. Стремление таких профессионалов высказываться по общественно значимым вопросам, что в России сегодня повсеместно наблюдается (например, экономисты или физики рассуждают по поводу развития страны в целом), ничем не оправдано, а в случае когда их советы служат руководством к действию, порождает в массовом масштабе неблагоприятные последствия (4). «Развитие страны» не является предметом специализации ни для одной из профессиональных групп; ее может взять на себя и осуществить только власть. Поэтому профессионалы — это худший из всех видов псевдоэлит.

> *Избранные — не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто от себя больше, даже если требование к себе непосильно.*
>
> *Хосе Ортега-и-Гассет (5)*

Элита не совпадает ни с одной из перечисленных выше групп, хотя отдельные их представители могут становиться элитой.

Функции и отличительные особенности элит

Европе не на что надеяться, если судьба ее не перейдет в руки людей, мыслящих «на высоте своего времени», людей, которые слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания.

Хосе Ортега-и-Гассет (6)

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ЭЛИТА была способной к формулировке базовых ценностей и трансценденций и трансляции их народу, она должна отвечать следующим требованиям.

Во-первых, элита должна быть способной осуществлять постоянное понимание происходящего в стране в целом и производить оценку текущей ситуации с точки зрения базовых ценностей и исторических перспектив страны. Представителей элиты отличает наличие исторического видения перспектив своей собственной страны.

Народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности.

Николай Бердяев (7)

Во-вторых, для того чтобы элита была способной действительно осуществлять связь и взаимодействие власти и народа, она должна быть национальной, быть привязанной к судьбе страны. В нее должны входить люди, которые обустраивают жизнь в своей стране. Те группы, которые не пытаются обустраивать свою жизнь здесь, в России, по сути, национальной элитой называться не могут. Таким образом, элита является основным проводником базовых ценностей и трансценденций, которые ведут и мобилизуют народ в демократическом обществе.

В-третьих, элиты должны участвовать в определении долгосрочных целей страны.

Важно, чтобы элиты могли не просто формировать базовые трансценденции и ценности народа, но и превращать их в свои ценностные установки. Культивируя и удерживая «на себе» эти ценности, принимая их для себя и следуя им, элита добивается их существования в обществе и транслирует их на протяжении исторического времени.

Роль элиты в реальной современной политике

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭЛИТЫ в современной политике обусловлена тем, что именно она соотносится с состоянием народа. Если монарх в монархически устроенном государстве непосредственно чувствовал «биение пульса народа» («в обход» дворян, двора и бюрократии), если аристократия воплощала собой цвет нации и для народа, и для правящих классов, то при демократии такую функцию призвана выполнять элита. Вопрос о том, как она может это делать в демократическом обществе, и является одной из основных проблем формирования элиты.

Отсутствие элиты означает, что в стране нет групп, которые бы ставили задачу формирования России как сильного игрока в мировом политическом пространстве

В отсутствие элиты не происходит формирования ценностных установок, а значит, не воспроизводится и народ страны. Власть попадает в ситуацию, когда некому участвовать в формировании и переносе трансценденций и базовых идей жизни страны народу. Настоящая политика в отсутствии элиты оказывается невозможной, как и реорганизация власти и общественные изменения.

В частности потому, что никто не может даже поставить перед собой такую задачу

Псевдоэлиты в России

СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ как таковой нет. Когда говорят о российской элите, чаще всего называют три группы, которые не ориентированы на интересы России, поэтому они являются псевдоэлитами.

♦ Региональные псевдоэлиты ориентированы на воссоздание феодально-консервативного хозяйства и соответствующего уклада жизни. Некоторые из них настроены вообще сепаратистски. По сути это феодалы постиндустриального общества. Они тянут Россию назад, в архаику, не очень задумываясь о последствиях своих действий для страны в исторической перспективе. Поэтому это — не элита.

♦ Олигархи ориентированы на западную идеологию и западные ценности. Они сейчас настроены пораженчески и далеки от интересов своей страны. Раньше такого рода людей называли «компрадорской буржуазией».

♦ Бюрократия действует против интересов России, поскольку сделала коррупцию и паразитирование на бюджете способом своего воспроизводства. Она консервирует ситуацию в стране и

тормозит ее развитие.

Общим у этих псевдоэлит является то, что они используют Россию для своих целей. Нет того слоя, который бы говорил от ее имени и продвигал ее вперед. Все существующие псевдоэлиты пока являются частичными по отношению к России, и ни одна из них не может говорить от ее имени и не отождествляет себя с ней.

Псевдоэлиты оказались неспособны нести историческую миссию России. Элиту формируют люди, которые самоопределяются не в актуальном промежутке времени, ограниченном периодом своей жизни, а во времени историческом. Президент, который меняется каждые четыре или восемь лет, может сформулировать цели страны только в пределах срока своих полномочий. Элиты являются практически единственным условием удержания преемственности власти и сохранения исторической перспективы страны.

Сбои в воспроизводстве элит в России

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ во многом связана с тем, что в России было нарушено воспроизводство элит. Как минимум трижды за сравнительно небольшой исторический отрезок времени воспроизводство элит прерывалось. Первый раз это произошло при революции 1917 года, когда элита была расколота на Белое и Красное движения. Ту часть элиты, которая сохранилась после революции, частично уничтожили за счет репрессий. Слой элиты, который сформировался в партократии, был уничтожен во время перестройки. В результате вместо элит в России остались, как говорил русский философ Иван Ильин, «усидевшие и преходящие» (8).

> Псевдоэлиты оказались неспособны нести на себе историческую миссию России

Задачу формирования подлинных элит мы считаем важнейшей для современной политики. Без новых элит призыв к формированию настоящих партий (а не предвыборных штабов), реальной политики, механизмов, способствующих власти, становится бессмысленным. Нынешние псевдоэлиты не помогают восстановлению подлинной власти, а, наоборот, всячески ему мешают. Одни псевдоэлиты настроены консервативно и тем самым препятствуют развитию страны, противодействуют ее выводу в конкурентоспособное состояние с сильнейшими мировыми державами. Другие псевдоэлиты являются приверженцами ценностей чужих стран и культур.

Порочные пути решении ситуации с элитами

В СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ с элитами есть несколько заведомо порочных путей ее решения:

♦ первый — *ждать, когда элита вырастет сама.* Россия — это страна крупных прорывных проектов, в этом ее сила и исключительность. Кардинальные изменения, постоянные смены социальных порядков, которые регулярно происходят в России, приводят к вымыванию элит. Поэтому наивно было бы надеяться на то, что элита быстро сформируется сама и не будет разрушена в результате очередных преобразований;

♦ второй — *объявлять богатых, добившихся успеха или известности людей элитой,* если они таковой не являются. Так же глупо объявлять кого-то элитой на основании разнообразных, но не имеющих отношения к делу причин. Например, называть элитой потомственных дворян столетней давности или известные династии деятелей искусств;

♦ третий — *объявлять самих себя элитой,* несмотря на то, что соблазн для этого велик;

♦ четвертый — *объявлять обсуждение темы поиска элиты.* Если такого рода вопрос будет поставлен для теоретического или публичного обсуждения, то он тут же будет «заболтан» профессиональными «интеллектуалами» и журналистами. Ответы будут неграмотными, своекорыстными, с самообозначанием себя великими экспертами. Смысловое поле забьется, и тема элиты из реальной проблемы превратится в «обсуждалово» по поводу коррумпированных чиновников и непатриотичных бизнесменов. Будет выдана уйма псевдорецептов: «посажать всех олигархов», «назначить новых олигархов», «повысить зарплату чиновникам» и т. п.

Перед теми, кто хочет заниматься реальной политикой, стоит задача каждый раз элиту делать (причем каждый раз на новых основаниях), а не ждать, когда она вырастет, и не объявлять элитой тех, кто ею не является. Браться за такую тему следует всерьез, и необходимо ставить ее перед такими людьми, которые выросли до того, что за счет этой темы могут нечто сделать сами, а не предложить это другим.

Элита формируется только из себя через постановку проблем страны и самоопределение в ситуациях их решения, через участие в становлении инстанций власти, через принятые для себя решения, касающиеся жизни страны в целом.

Непрекращающееся формирование элиты

В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ, когда правила игры на мировом плацдарме быстро меняются и страна должна постоянно отвечать на все новые и новые вызовы, роль тех элит, которые формируются однажды и далее не меняются, скорее всего будет уменьшаться. Более значимыми окажутся такие механизмы, которые позволят формировать новые элиты, наиболее адекватные текущему этапу развития страны.

Россия по ходу своей истории постоянно находится в процессе реализации все новых проектов. В ней постоянно нарушается процесс самовоспроизводства элит, и его надо поддерживать искусственно. По этой же причине российские элиты (как и все население) постоянно живут в условиях разрыва с традицией. Это не плохо и не хорошо, это факт.

Раз уж так сложились исторические и культурные обстоятельства, этот разрыв с традицией надо превращать в преимущество нашей страны. Российское общество не является традиционным, и каждое новое поколение элиты можно использовать для осуществления следующего цивилизационного шага. Это значит, что элиту надо формировать максимально современной, каждый раз на новых основаниях. В России элита не может совпадать с истеблишментом — ведь последнее означает слой населения, объективно работающий на стабильность и преемственность.

Российская проблема в отношении элит состоит в том, что при смене проектов и ориентаций, которая в нашей стране происходит достаточно часто, должны каждый раз появляться новые элиты. Следовательно, должен существовать специальный механизм их выделения и формирования. Вспомним историю: проект Петра I по заимствованию европейских образцов жизни потребовал отправки многих молодых людей в Европу. После возвращения они образовали новую элиту. Похожее делал и Сталин с инженерами, которые потом становились главными конструкторами и «командирами производства» — они сначала перенимали опыт в США и Германии, потом уезжали в Сибирь и на Дальний Восток строить там новые заводы и затем возвращались в Москву представителями государственной элиты. Александр I в рамках своего долговременного проекта просвещения народа создал Царскосельский лицей — передовое учебное заведение по подготовке новой элиты для государственной службы. В связи с прекращением проекта судьба первых выпускников оказалась незавидной: только один из тридцати, князь Горчаков, сделал предполагаемую карьеру (да и та началась уже после 1856 г.)[20], однако свою миссию лицей выполнял вплоть до Октябрьской революции. В XIX веке

считалось обязательным отправлять молодых людей, закончивших университетский курс, то есть, по тогдашним меркам, потенциальную элиту, — в Европу для самостоятельного освоения европейских порядков.

Несколько другой механизм описан в воспоминаниях графа С.Ю. Витте (9). Блестяще окончив Одесский университет по физико-математическому отделению, он собирался остаться там для подготовки в должности профессора, однако его родители настояли на государственной карьере. Граф Витте начал ее в должности кассира Одесско-Кишиневской железной дороги и полностью прошел всю карьерную лестницу до поста министра транспорта, а затем и премьер-министра.

Наличие таких проектов и механизмов формирования элит позволяло стране получать за границей передовые образцы организации деятельности, осваивать и воспроизводить их у себя, выращивать людей, одновременно и способных мыслить в масштабах страны и истории, и представляющих себе все механизмы управления и власти.

Механизмы формирования элит

1. Интенсивные внеполитические и внегосударственные дискуссии

Элиты, как правило, возникают в дискуссиях относительно базовых ценностей, трансценденций власти, стратегий страны, обернутых на ситуацию «здесь и теперь».

Обращаясь к истории России, мы замечаем, что одним из важных общественных механизмов формирования элит были литература и литературные клубы. Именно в них в первую очередь возникали дискуссии относительно отмены крепостного права, ограничения монархии, конституции, внешнеполитических вопросов и другие. Основные темы политики возникали в литературе и в среде интеллигенции, часть из которой была или становилась элитой. В литературной среде возникали и революционные дискуссии[21].

Пример литературных клубов и салонов является довольно показательным, поскольку *дискуссии, в которых зарождается элита, происходят не в профессиональных кругах.*

Сейчас механизм организации внеполитических и внегосударственных дискуссий в России заброшен. Анализируя темы нынешних дискуссий, мы видим, что произошло замещение: вместо дискуссий о пути России на все лады повторяются разного рода псевдоидеологические тезисы: либерализм, «возврат в

цивилизацию» и т. п. Например, постоянно поднимается вопрос: «Когда же Россия станет нормальной страной, когда же мы будем как все?» К идее о том, что у России может быть какой-то свой собственный путь, относятся как к маргинальной и абсолютно неприемлемой. Даже поднимать эту тему считается неприличным.

Дискуссионный механизм формирования элит в его нынешнем состоянии неработоспособен. Но исторические примеры показывают, что дискуссионные площадки и сами дискуссии являются важной сферой, где формируется элита, обладающая пониманием текущей ситуации страны в целом. Этим они отличаются от площадок для обсуждения узких профессиональных точек зрения по частным (например, экономическим или финансовым) вопросам.

2. Участие в формировании инстанций власти

Работу этого механизма легко проиллюстрировать на примере того, как появляется подлинная элита в бизнесе.

Современные богатые люди России (те, кого называют «олигархами») в большинстве своем не являются бизнес-элитой. Не обсуждается вопрос, который мог бы их сделать элитой: каким образом богатство будет концентрироваться в России? Они зарабатывают деньги, но не обсуждают, как сделать так, чтобы деньги зарабатывались. Олигархи не строят механизмов накопления в стране — они считают, что это дело государства. Само государство не только не справляется с такой задачей, но и практически не ставит ее всерьез в числе первоочередных.

В истории России есть показательные образцы такого рода людей: Третьяков, Савва Морозов и другие, которые тратили заработанные деньги на улучшение качества жизни и общее благо, что и считали для себя ценностью. Они не стремились стать сверхбогатыми. Они старались использовать свой талант к зарабатыванию денег для того, чтобы результаты их деятельности оборачивались на следующие и следующие циклы развития России, ее промышленности, торговли и других сфер. Такие люди в совокупности представляли собой самостоятельную инстанцию власти и являлись элитой.

Сегодняшняя проблема превращения бизнеса в самостоятельную инстанцию власти, а части бизнесменов в элиту состоит в том, что нынешний бизнес, по-видимо-му, пытается захватывать политическую власть и/или СМИ, или влиять на государственные структуры. При этом бизнес не пытается сформировать механизм воспроизводства собственной власти —

механизм накопления и работы капиталов внутри страны, а захватывает чуждые ему инстанции власти, за что, по большому счету, сейчас и расплачивается. Бизнес мог бы постепенно формировать свою собственную инстанцию власти — богатство. Представители бизнеса, которые бы занимались этим вопросом и строили такие механизмы, могли бы выращивать из себя элиту.

Эта ситуация могла бы служить хорошим поводом и основанием для появления в России настоящих правых партий. Если бы правые поняли, что механизмы накопления должны формироваться самими же богатыми людьми (помимо государства), это был бы поворот к созданию элиты. В Европе и США бизнес-элиты появлялись за счет подобных механизмов: они не рассчитывали на то, что государство им обеспечит инвестиционный климат и примет законы, гарантирующие стабильность банковской системы, не считали, что государство обязано им подсказать приоритетные направления для инвестиций. Все шло на самоорганизации.

3. Надпрофессиональные решения по поводу жизни страны в целом

Элитой среди государственных чиновников могли бы становиться люди, которые начинают обсуждать воспроизводство жизни и культуры страны в целом. Негативным примером служит ситуация, которая сложилась в России относительно демографии. Чиновничество, по-видимому, считает, что чем меньше людей, тем меньше возни — хотя воспроизводство жизни, ее приумножение и рост количества людей, их разнообразия на территории России является первичной задачей власти. Это показатель того, что государственная элита в России также не формируется.

Настоящей государственной элитой будут люди такого рода, как П.А. Столыпин, который инициировал серию реформ по обеспечению тогдашней основы страны — крестьянства — достаточным количеством земли для нормального ведения хозяйства, обогащения, для рождения детей. Был разрешен выход из общины, власть обеспечивала переселение людей в Сибирь и на Дальний Восток. Чиновники обсуждали вопрос, как богатеть крестьянству, как богатеть промышленникам, как богатеть торговле. Нынешние чиновники, напротив, по большей части обсуждают разного рода «умные темы» типа прироста ВВП, уровня инфляции и прочего. Вопрос о приумножении жизни даже не стоит.

Судебная элита могла бы формироваться из людей, которые

по отношению к суду сами сформируют приоритет закона, справедливости, соответствия духу закона, начнут действовать сами в этом духе и создадут механизмы его поддержания и воспроизводства. Вовсе не обязательно, что они будут являться высшими судебными чиновниками. Важно, чтобы они сохраняли ценности права и справедливости.

Элита из людей, занимающихся народным образованием, может сформироваться скорее не среди чиновников от образования, профессоров и преподавателей, а среди тех, кто за образованием видит эксклюзивную функцию формирования из российской молодежи конкурентоспособных в мировом масштабе людей и работает именно в этом направлении. За счет этого можно сделать образование одной из независимых инстанций власти, перед которой открываются большие перспективы. В противном случае Россия рискует повторить историю XIX века, когда была проведена реформа образования и было дано хорошее образование большим массам людей, но при этом их во власть не включили и их попытки стать властью жестко пресекались. В результате появилась интеллигенция, а не элита.

Медицинская элита могла бы начать превращать медицину в инстанцию биовласти[22] (создания и приумножения здоровых людей, формирования здоровья как ценности). Вместо этого медицину в России по большей части рассматривают либо как одну из форм государственной защиты населения (как собес), либо как структуру для восстановления трудоспособности — то есть как сугубо вспомогательную, сервисную социальную конструкцию (то же реально относится и к образованию).

Элита средств массовой информации могла бы стать элитой за счет того, чтобы следить за объективностью информации, выделять из своей среды лучших журналистов. Если появляются люди, которые этим обеспокоены и начинают создавать схемы, позволяющие удерживать и воспроизводить эти принципы и ценности, то они и становятся элитой. Вместо этого нынешние СМИ скорее рассматриваются в контексте PR или чего-то вроде пропаганды. Четвертая власть, как любят называть СМИ, именно как власть появляется тогда, когда формируется прослойка людей с ценностями, превышающими их меркантильные и сиюминутные интересы, людей, которые видят свою задачу в том, чтобы поддерживать сущность СМИ.

4. Технология «социального лифта»

Для того чтобы сформировать современную элиту, очень важно построить механизм насыщения, селекции и циркуляции

элит. В элиту и власть должны попадать все новые и новые люди. В противном случае те, кто попадают во власть, стремятся в ней закрепиться и тем самым препятствуют притоку «свежей крови». Это консервирует ситуацию. Происходит остановка, которая сегодня — как никогда ранее — угрожает России тем, что она может остаться на задворках мира.

К тому, что во власти концентрируются лучшие люди, приводит существование «социальных лифтов». Сегодня, несмотря на различные «школы кадровых резервов», не выполняется важнейшее условие формирования «социальных лифтов»: отсутствуют страновые проекты и дискуссии по их поводу, и площадки для первоначального «сбора» элит различных инстанций власти.

В том, что в российском обществе вообще возможны «социальные лифты», заключается уникальность России. Их можно превратить в конкурентное преимущество нашей страны. В США специальных механизмов формирования элит и проблем с их организацией нет в силу интенсивности демократической жизни, высокой степени мобильности населения и его колоссальной способности к самоорганизации[23]. В Европе таких «социальных лифтов» тоже нет, и они там не нужны, поскольку работает медленный, вековой механизм подпитки элит. То, что называют европейской элитой, — это чаще всего истеблишмент. В самом слове (англ. establishment от establish — укреплять, устанавливать, основывать) заложено, что это — устоявшаяся конструкция, предназначенная для стабилизации, консервации общества. Российская же элита может в противовес этому быть «революционной» — это соответствует ее традициям, — чувствительной ко всему новому, развивающей. Поэтому механизм специально формируемых под очередной шаг развития страны «социальных лифтов» может стать эксклюзивом России.

В России сегодня существует проблема с «социальными лифтами». Под этим имеется в виду следующая технология: формирование проектов освоения, мобилизация и образование молодых людей, участие в проекте, карьерный и социальный рост, вхождение в элиту за счет включения в дискуссии и механизмы воспроизводства, освоение ценностей, затем — включение в ту или иную инстанцию власти. Возможно, что одной из форм такого «лифта» может стать путешествие по разным странам, мониторинг современных социальных и властных технологий, выделение лучших образцов культуры и деятельности и перенос их для реализации в России («интеллектуальный элитный туризм» — в отличие от модного сейчас «элитарного»).

Развитие механизмов «социальных лифтов» в России может стать и одним из элементов демократии. За счет ротации и обновления элит смогут интенсифицироваться процессы участия народа во власти[24]. Должно происходить постоянное выдвижение все более достойных людей и обновление ими старых элит.

Специфика российской элиты состоит в том, что она должна постоянно предлагать новые ходы и решения для развития России. Элита в России в отличие от Европы и США служит не консервации общества, но является, напротив, основным источником его изменения, в том числе — изменения технологий и инстанций власти.

Представителем современной элиты может стать каждый, кто совершит правильный поворот сознания, своих ценностей и т. д. При этом ему не надо оглядываться «наверх». Элиту растят изнутри — из себя.

Для активных людей формирование из себя такой элиты может стать следующим шагом собственного роста и расширения перспектив. Если функция власти — задавать осмысленность жизни в России, то каждый, кто с этой осмысленностью для себя и вокруг себя сможет работать, становится потенциальным кандидатом в элиту и во власть.

Задача эта трудна всегда, а сегодня особенно. Всемирная битва за Россию только начинается. Восстановление собственной российской элиты — одно из направлений этой битвы. Если мы не начнем широкие квалифицированные общественные обсуждения относительно развития России, если не начнем формирование элит для различных инстанций власти, не возьмемся за задачи мирового масштаба и уровня — Россия как великая страна и один из центров силы просто исчезнет.

Глава 4
Конкурентоспособная власть

РАЗВИТИЕ СТРАНЫ до конкурентоспособного состояния — это базовая проблема власти. Если страна становится конкурентоспособной и может вместе с ведущими игроками участвовать в мировых играх, то народ получает большее количество степеней свободы и перспективу. Начинает формироваться самодеятельное население, способное поглощать современные сложные технологии.

Современная конкуренция

КОНКУРЕНТНОСТЬ — ЭТО БАЗОВАЯ характеристика современного мира. Постоянная борьба, стремление к тому, чтобы преступать все правила и договоренности, — вот его черты. Безудержное творчество, прогресс по всем направлениям давно уже перешли любые границы, в том числе и казавшиеся вчера безусловными. Годится все, что дает конкурентные преимущества.

Об этом иногда говорят даже нынешние российские власти. Однако они до сих пор считают главной конкуренцию в экономической области и уделяют основное внимание подъему ВВП и росту зарплаты. Если же они говорят о конкурентоспособном населении, то прежде всего имеют в виду уровень его образования.

Возникает парадокс: чем больше Россия сегодня заботится об образовании собственного населения, тем быстрее развивается эмиграция; образованный человек в стране без перспектив, какой сегодня является Россия, жить не может — он предпочтет работать на усиление Запада и участвовать в конкурентной борьбе, например, Японии или США.

Проблема власти состоит в том, что, не задавая реальных зон и способов конкуренции, не начиная конкурировать реально, невозможно создать и удержать активное население и превратить его в народ.

То же самое относится и к самой власти: не участвуя в мировой игре по высшим ставкам, невозможно начать действовать как власть и организовываться как власть.

Самоопределение конкурентной власти в современном мире

БАЗОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА современной власти, которая, собственно, и делает ее властью, — это способность конкурировать здесь и сейчас. Иначе говоря: если власть не понимает, в чем смысл конкуренции в современном мире, в чем можно конкурировать, то она выкидывается из современного мира, а страна теряет суверенность, начиная участвовать в разнообразных проектах, пришедших извне.

Мы не хотим такой судьбы для России, поэтому первый пункт в проблеме модернизации власти — это ее самоопределение как суверенной власти. Это означает следующее.

1. *Нельзя принимать состояние России в ситуации внешнего управления и реализации чужих внешних проектов как самоценность или само собой разумеющееся состояние.*

Сегодня Россия находится в чужом проекте построения демократии и рынка, в который она попала не в силу злого умысла «зловещих геополитиков» и врагов, а в силу отсутствия ее собственного проекта.

В этих условиях невозможно конкурировать в современном мире. Россия движется по уже заданному ей направлению. Трудно выиграть в игре, в которой соперник заведомо сильнее. Тем более невозможно выиграть у соперника, который либо меняет правила, по которым ты играешь, либо сам их нарушает — поскольку он обладает властью и над трансценденцией демократии, и над трансценденцией рынка. То же самое относится и к праву, и к правам человека.

Россия сегодня вынуждена опираться на оценки извне, находясь в положении ученика или подчиненного, зависящего от расположения духа учителя или шефа.

Власти нельзя рассматривать внешние проекты, в реализации которых мы сейчас находимся, как некоторую ценность. Она может их рассматривать либо как временные подпорки для заимствования, освоения тех или иных технологий, либо как внешние условия — чтобы в результате выйти за рамки этих проектов. Функция реальной власти — задавать перспективу для своего народа через собственные мегапроекты, которые и создают основу для будущей конкуренции, и дают возможность конкурировать прямо сейчас. Именно в таких проектах и происходит становление власти.

Так, по отношению к «западным ценностям» эффективная стратегия состоит не в заимствовании этих трансценденций, не в том, чтобы перенимать их, а в освоении указанных ценностей на основании трансценденций, выработанных в России и соответствующих духу народа[25]. Пока же в стране происходит

выстраивание множественных фальшпанелей для того, чтобы обмануть и наблюдателей международных организаций, и, главное, самих себя. Введение собственных стандартов демократии, рынка, права и т. п. в рамках стратегии освоения сразу выведет конкурентоспособность России на новый уровень.

2. *Современная власть ощущает себя в ситуации постоянной конкуренции.*

В США политические деятели не выдвигают лозунгов типа «догоним», «вольемся в цивилизационное пространство», «займем там свою нишу» — и тем более лозунгов, связанных со стабилизацией. Стабильность означает, что тут же в конкуренции победят другие страны.

Идет постоянное изменение мира. Президент Сингапура написал книгу о том, как его страна попала из третьего мира в первый. Тут же встал вопрос: как долго Сингапур там продержится.

В современном мире не занимают свое место, а постоянно удерживают ситуацию конкуренции, не останавливаясь на достигнутом. Так как мировая конкуренция стала бесконечной, она требует от игроков постоянного переопределения себя в мире и переориентации, все нового движения, постоянной смены альянсов, определения врагов и друзей.

Технология самоопределения в мировой политике становится не просто словом, а реальной технологией работы страны. Если российский МИД этого не понимает, то страна обречена.

То же относится к технологии постоянного нарастания конкурентоспособности, технологической и организационной мощи, даже к технологии перманентной модификации власти для достижения ею максимальной эффективности.

3. *Конкуренция сегодня ведется не на материальном уровне.*

Конкурируют формы организации, в том числе формы организации власти, результатом которой являются тот или иной материальный уровень страны или качество жизни.

Мировая конкуренция сейчас ведется на уровне нематериальных вещей — борьба идет не за прирост ВВП, экономический рост и т. д., а за создание новых смыслов и стандартов, тем и угроз, новых трансценденций, создание мировой глобальной коммуникации и участие в ней. *Тот, кто не участвует в мировой коммуникации, не влияет на нее, не привносит новых смыслов, — тот не существует в глобальном мире*[26]. Поле конкуренции меняется от индустриальных технологий к нематериальным — рекламные технологии,

технологии моды, управление смыслами, стандартами, социальные технологии, технологии СМИ, власти.

То, что аналитики и экономисты увлеченно обсуждают годовые проценты роста ВВП, значит лишь одно: что этот рост ВВП (и другие показатели) отражает уровень эффективности организации власти и хозяйства в стране. Но нельзя ориентироваться на отражение и конкурировать в зеркале! Конкурировать можно в реальности, а она сегодня определяется прежде всего идеальными сущностями и работой с ними: смыслами, перспективами, оценками. Правильно построенная композиция власти, работоспособные элиты, народ, видящий перспективу, развитые собственные проекты, самоопределение как конкурента даст прирост ВВП автоматически.

В качестве примера вспомним, почему СССР проиграл США в холодной войне. СССР думал, что будет конкурировать в сфере ядерных вооружений, а конкуренция развернулась на другом фронте, к которому он оказался не готов. СССР проиграл в отношении к собственному общественному строю: всем вдруг стало очевидно, что так, как жили в СССР, — «так жить нельзя». США сделали все возможное для развития этого отношения (через идеологию и иные методы), и СССР ничего не смог этому противопоставить. СССР был индустриальной державой, но победила другая схема организации жизни — потребительское общество. Сменив в СССР и России форму организации общественной жизни, США выиграли конкуренцию и на материальном уровне.

4. *Изменился объект конкуренции.*

Конкурируют сейчас не государства, не материальные объекты, а формы организации общества и власти. Роль государства в мировой конкуренции постоянно уменьшается. Бизнес и организационные технологии становятся транснациональными. Страны, которые не могут конкурировать в одиночку, объединяются в конгломераты — даже ценой отказа от суверенитета. Европейский союз сейчас готов принимать на иждивение страны Прибалтики, только бы накопить массу, сопоставимую с США. Страны Европы перешли на общую валюту, несмотря на то, что отказ от национальной валюты — это удар по суверенитету страны.

Ставки мировой конкуренции высоки настолько, что на кон ставятся и общественные устройства, и прежние исторические связи. Если цена конкуренции — тип общества, значит, надо изменить общество. Если цена конкуренции — люди, надо ассимилироваться и жить с людьми чужих наций и культур, даже

если они несовместимы. Ради конкуренции страны готовы, если надо, строить альянсы со своими злейшими врагами и жертвовать историческими союзниками.

В мировой политике изменились объекты и технологии, но основные цели остались прежними: устройство мирового порядка, участие в мировом господстве, контроль над ключевыми типами ресурсов. Если Европа определилась в том, что она проводит глобализацию у себя и занимается собой, то Америка участвует в формировании мирового порядка, продолжает свой проект колонизации. Конкурент России — именно США.

5. *Изменился механизм замены форм организации общества и власти.*

Если раньше модернизации проходили через социальные катаклизмы, революции или взрывы народного недовольства, гражданские войны, через конституционные или финансовые кризисы и тому подобные экстраординарные обстоятельства, которые в любом случае вызывали потерю темпа, то сегодня создана технология модернизации.

Это механизм замещения. Если у элиты страны есть представление о многофокусной организации власти и такая композиция власти в стране создана, то появляется возможность построения новых инстанций власти и частичного смещения власти в эти новые инстанции. Например, изменяют народ за счет трансформации коммуникации и системы смыслов — и вся композиция власти начинает смещаться в нужную сторону. Игра идет на смещении, на замещении. Власть, которая не может построить альтернативных инстанций, разваливается.

Такого рода предельные схемы организации жизни, как власть, социальная кооперация и прочее, без социальных катаклизмов непосредственно заменить невозможно. В России в 1917 году ценой такой замены стали революция, гражданская война и еще 20 лет истребления народа.

Сегодня понятно, как можно конструкции власти и социума сдвигать шаг за шагом. В рамках этих предельных схем, в частности схемы власти, все технологии строятся на дифференциации[27] общества, его усложнении и сдвижке. Если этой технологией овладеть, то власть будет и современна, и конкурентоспособна. При создании новых инстанций власти происходит новое взаимное установление границ, и каждая инстанция сохраняет свою суверенность в рамках новой установившейся композиции устройства власти и общества.

В истории отыскивается ряд примеров осуществления таких сдвижек. Петр I начал давать власть служилому, а не родовому

дворянству, после чего мог как император опираться на обе эти силы и устанавливать принципы взаимодействия между ними в случае конфликтов.

Если бы в сегодняшней России власти действовали по этому принципу, то, осознав проблему в том, что олигархи набрали силу, они бы понимали, что необходимо параллельно усиливать и бюрократию. После этого произошло бы смещение и появилась более устойчивая и способная к изменению властная конструкция. Сейчас же произошло уничтожение той силы, которая могла бы стать самостоятельной инстанцией власти.

Бизнес тоже не проявил понимания сущности власти. Его представители точно так же убеждены в том, что самая правильная власть — это моновласть государства. Вместо выращивания собственной инстанции власти — богатства — олигархи попытались влиять на государство, а теперь пожинают последствия.

Схема конкурентности

В ЧЕМ ВЛАСТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНА в условиях современного игрового мира, управляемого смыслами?

Конкурентность власти состоит, во-первых, в создании такой собственной структуры, которая давала бы возможность безболезненно видоизменяться, во-вторых — в создании эксклюзивных преимуществ, в создании таких зон и точек, которые недоступны другим, и в-третьих — в создании такой системы смыслов, чтобы эти точки недоступности воспринимались конкурентами как нужные.

Работа в первую очередь ведется в этих эксклюзивных зонах. Все остальное «материальное и организационное тело» используется просто как средство и орудие.

Используя образ города, можно сказать: прежде всего происходит перепроектирование функций и самоопределения города (из промышленного центра он становится, например, центром культурного туризма), а уже после этого и вследствие этого происходит постепенная перестройка города и через 30 лет он приобретает новый материальный облик. Начало же — в создании по-новому самоопределенной и организованной власти, которая создала новую эксклюзивность и задала новую перспективу жизни для жителей города.

Не нужно создавать проект перестройки России целиком — он все равно невыполним. Не нужно подтягивать тылы. Работа по обеспечению конкурентоспособности идет в идеальном.

Схема современной конкурентности базируется на

нескольких принципах.

Первое — создание современной власти, владеющей технологиями работы со смыслами, с народом, включающей элиту и самоопределенной в историческом и современном конкурентном пространстве. Об этом уже было подробно сказано.

Второе — для того чтобы страна могла быть конкурентной по отношению к другим странам мира, должны формироваться проекты, нацеленные на опережающий скачок, который может дать качественный отрыв и недосягаемость для других конкурентов. Существующими средствами этот скачок не совершить. Происходит мобилизация и концентрация ресурсов и интеллектуальных усилий на этом проекте. Под проект создается экспериментальная площадка. После реализации проекта формируется следующий проект, дающий новый скачок, а реализованный проект передается в другие сферы для эксплуатации (может быть, и другим странам).

На это часто возражают, скептически заявляя, что основная прибыль от проектов достанется не нам. Но за этим и не стоит гнаться. Жизнь России не в том, чтобы стать богатой страной, огромной Швейцарией. Такой она никогда не была, не является и никогда не будет. Все дело в присутствии в мировой коммуникации, в участии в проектах мирового уровня, в создании российского эксклюзива и выигрыша в конкурентной борьбе. Если мы сделаем это — к нам рано или поздно потянутся. Тогда мы и сможем извлечь свою выгоду.

В рамках подобной схемы конкурентности работали Вавилов и Королев, создавая эксклюзивные зоны конкурентного преимущества (биологию, селекцию с зачатками генной инженерии и ракетостроение с космонавтикой). Поздний СССР отказался от такой схемы и ушел в разработку всех направлений подряд, развивая якобы фундаментальную науку и плодя чиновничество от науки, в результате чего стал отставать от соперников-конкурентов. Самоопределение страны как догоняющей, которое не дает России развернуться сейчас, начало проявляться уже в 1970-е годы: так, собственная советская программа разработки ЭВМ была загублена из-за покупки устаревшей модели IBM-360 и утверждения линии на ее тиражирование. (Более массовый пример — покупка передового тогда завода FIAT, в результате чего уже сорок лет вся страна ездит на одних и тех же «жигулях».)

Теперь задача России — принципиально изменить свою схему поведения на мировом поле конкуренции. Принципом становится сосредоточение на точечных базовых технологиях (как это делали с ядерным оружием и космонавтикой). Переходу на эту схему

сильно мешают две структуры — Академия наук и вузы.

Речь не идет о том, чтобы развивать материальные технологии. Скорее в соответствии с духом современности надо сосредоточиться на технологиях нематериальных — организационных, властных, общественных, именно в них достигая неуязвимости и недоступности.

Еще одним принципом современной конкуренции является асимметрия. России пытаются навязать прямую конкуренцию (кто лучше произведет заранее известный продукт). Здесь важно придумать конструкцию, позволяющую это обходить. Участвовать в прямой конкуренции, во-первых, неинтересно (что очень важно для русских: мы — люди увлекающиеся). Во-вторых, это бесполезно в силу разности технологической и ресурсной составляющей и лишь ведет к истощению ресурсов.

Области современной конкуренции

СОВРЕМЕННАЯ НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ и асимметричная конкуренция рассредоточена по широкому полю. России и российской власти есть куда приложить силы.

Конкуренция на глобальном поле идет на уровне форм организации — стандартов взаимодействия, коммуникации, информации. Во-первых, соревнуются принципы организации власти: конкурентная власть строится как многофокусная, способная работать с социальными процессами и трансформироваться без катаклизмов. Во-вторых, конкуренция идет по вопросу умения осваивать такие формы организации, как демократия, современные рыночные и предпринимательские стратегии, свобода, право, целостная организация жизни и т. п. — осваивать и обсуждать стандарты, различия, перспективы. Неспособность участвовать в глобальных дискуссиях сразу уводит страну, ее политиков из клуба передовых держав.

В поле всемирной торговли конкуренция ведется за эксклюзивность и уникальность, качественный отрыв, инновационность (в смысле смены качества жизни). Компания Microsoft предложила миру уже никем не достижимый продукт (полученный за счет эксклюзивных форм организации разработок и продвижения). Страны ЮВА начинают осваивать биотехнологии, и их уже вряд ли удастся догнать — тем более что они имеют эксклюзивное преимущество за счет специфического отношения к человеческому здоровью и жизни, какого нет ни у каких других народов на планете. Индия вырвалась вперед в аутсорсинге за счет смелой работы с социальной стратификацией по отношению к собственным

народам: на ее территории фактически сформированы две Индии, работает развитая система «социальных лифтов».

Новый принцип конкуренции — принцип, связанный с отрывом от соперников, — вводят США. В их отчетах по борьбе с терроризмом формулируется тезис о том, что США должны достичь организационного и интеллектуального превосходства в мире во всех сферах (!). Подчеркнем: не материального, а именно организационного и интеллектуального превосходства. Это означает, что США нацелены на совершенно определенный тип организации, который состоит в том, чтобы сделать американцев недосягаемыми для остальной части человечества. За счет технологий биовласти (образования, привлечения новейших технологий, привлечения новейших форм организации) США должны сделать «народ», который изначально физически, интеллектуально и организационно будет совершеннее, чем люди других наций. К примеру, каждый ребенок получает препараты для интенсификации развития головного мозга и максимально качественное медобслуживание, чтобы быть наиболее приспособленным для новейших технологий. Ребенок с пеленок живет в окружении самых современных технологий, в условиях лучших способов самоорганизации, образов жизни.

Современные информационные технологии уже предполагают определенный тип сознания, операторику, зрительные конструкции, скорость реакции, то отрыв США происходит уже на физиологическом уровне. Акцент делается не только на индивидуальное превосходство, но и на способность к самоорганизации, к общественным структурам, к наиболее эффективным способам организации в обществе и в производстве. Культивирование такого слоя людей, по замыслу США, должно привести к тому, что рождающиеся в других странах дети за срок своей жизни не смогут достичь уровня детей США даже на физиологическом уровне.

В это время России навязывают формы вторичной конкуренции. К примеру — конкурировать на рынке алюминия, на рынке нефти. Такого рода экономические формы конкуренции давно отстали. Во всем мире экономическая конкуренция превращена в механизм поддержания определенного уровня эффективности менеджмента, а не реальной конкуренции[28].

Реальная конкуренция — в выращивании сверхчеловека, сверхобщества, которые могли бы за счет коммуникации, организации и интеллектуального превосходства успешно работать в кризисных ситуациях[29]. Это такая точка, в которую страна либо попадает, либо не попадает — и тогда закладывает себе очередной шаг отставания.

После определения приоритетных зон конкурентности возникает проблема форм организации. Когда перспектива задана, становится очевидным, что существующая организация бизнеса, власти, общества не соответствует следующему шагу, следовательно необходима трансформация. Выработка способа такой трансформации есть прерогатива элиты.

Россия сейчас исходит из противоположной логики, пытаясь решить существующие проблемы и не замечая, что они уже устарели, их решение нам ничего не даст. В результате страна двигается назад.

Мы считаем, что надо ставить принципиально нерешенные проблемы (именно так страна может вырваться вперед и стать конкурентоспособной) — и уже под решение этих проблем преобразовывать общественную жизнь. Иными словами, сначала вырабатывается понимание, где возможна конкуренция, — и под это, невзирая на все остальное, определяется, сколько России надо демократии, как должен быть организован рынок, какое общество для этого необходимо, какие нужны законы, какая государственность и прочее.

В этом надо брать пример с Японии[30]. Когда японцы поняли, что после ухода американцев им дальше надо двигаться самим, а основной мировой рынок — американский, они создали министерство внешней торговли, которое начало целенаправленно организовывать японский экспорт. Государственная структура возникла как инструмент конкурентности, а не наоборот. То же самое происходило и в Сингапуре, и при индустриализации СССР.

В тот момент, когда определяется точка конкурентности, начинается соответствующая перестройка государства и других структур. Определение зон конкурентности и разработка под них способов трансформации общества, государства и других структур и есть основная тема элитарных дискуссий и одна из ключевых проблем российской политики.

Зоны конкурентности россии: варианты и примеры

ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП — не нужно конкурировать там, где занято. Надо искать и обсуждать новые возможные зоны конкурентности.

Основные моменты конкурентности: создание эксклюзивных и недоступных для других зон, формирование организационного превосходства через модернизацию власти.

1. *Создание на нашей территории другого мира,*

альтернативного глобальному: мира, в котором будут реализовываться другие ценности, возможности, проекты.

Россия может стать уникальной страной, в которую люди будут ехать для реализации своих радикальных идей. Мы будем выигрывать в конкуренции за активных, умных и осмысленных людей. Каждому приехавшему режиссеру помочь открыть свой театр, разрешить разные СМИ, социальные эксперименты, предоставлять для них территории. Вызывать на себя разнообразие.

> Россия может выиграть за счет радикализации развития тех проектов, которые реализуют Европа и Америка: демократии, собственности, свободы, прав человека. Именно за счет этого могут создаваться новые возможности.

Сотни лет назад европейцы рвались в Америку, чтобы стать богатыми, реализовать мечты о сильной экономике. В будущем люди будут ехать в Россию для реализации идеи свободы.

2. *Задание новых стандартов в рефлексивном управлении.*

Многие управленческие и организационные техники и способы, развившиеся «на коленке» в России в 1991–2000 годах, являются эксклюзивными. Различные схемы, связанные с финансами, с использованием механизмов суда, таможни, налогов и т. п., хотя и относятся к «серым», однако дают явное конкурентное преимущество. Россия может начать задавать некоторые стандарты в этих областях.

3. *Обустройство остального мира.*

Надо выделять очаги будущих проблем в мировом обустройстве и активно участвовать в их решении. Например, для всего мира на следующем шаге возникнет проблема, что делать с Африкой, хотя про нее на фоне Ирака сейчас забыли.

Россия должна задать новый шаг для развития социализма, в частности, для Кубы и Северной Кореи. Они до чего-то уже дошли, но остановились, поскольку лишились своего лидера — России. Без нас в своем социалистическом развитии эти страны не могут двигаться. Надо их превратить в отдельные проекты и всячески помогать делать следующие шаги. На их базе надо строить общественные эксперименты, накапливать опыт.

4. *Проблема терроризма.*

У России уникальный опыт коммуникации с людьми разных культур, а именно в этом заключается проблема терроризма[31].

5. *Ведение военных операций.*

Мы можем конкурировать за счет нашей армии, это одна из немногих сильнейших армий в мире. Но она должна быть боеспособна и для этого должна воевать.

Сейчас война ведется не на фронтах, а точечно. Война — в формах организации спецопераций, воздействия на общественное сознание, в разрушении врага не физически, а морально, в лишении его силы за счет разрушения инфраструктур и боевого духа. Армию России надо трансформировать так, чтобы она была боеспособной именно в этих точках. Если характер войны уже изменился, зачем строить для своей армии так много танков?

> *Современная стратегия подразумевает торговую экспансию, информационное давление, семантическую блокаду, юридическую дискриминацию. Война XXI столетия есть столкновение проектов, а не армий.*
>
> *Сергей Переслегин (4)*

6. Выращивание своих компаний-чемпионов.

Финляндия вырастила Nokia, Корея — Samsung, Япония — Toyota. Эти компании уже недосягаемы для конкуренции. Россия может создать своих чемпионов, усиливая их всеми силами государства, сделать их эффективными и никому не доступными и получать из этого сверхприбыли благодаря эксклюзивности.

России необходимо несколько чемпионов, где будут развиваться российские образцы менеджмента. В выращивании компаний-чемпионов важна роль государства: оно должно их поддерживать, усиливать их эффективность до недосягаемого мирового уровня.

7. *Специальные направления hi-tech также могут стать зоной прорыва для России.*

Речь идет об использовании массовых стандартных комплектующих о и создании специализированных приборов. Да, рынок коренных универсальных инноваций и разработок Россией уже потерян. Но большие перспективы открывает рынок специальных направлений, в частности — электронных приборов.

8. *Фантастика и футурология.*

Мы можем придумывать разные образы жизни, общества будущего и, что самое главное, создавать для них экспериментальные площадки на своей территории.

Глава 5
Ситуация в России (Восстановление подлинности политической жизни)

СТАВЯ И РЕШАЯ ЗАДАЧУ модернизации российской власти, мы должны понимать, с кем и с чем мы имеем дело.

В этом мы не должны повторять ошибку существующей власти, когда она описывает ситуацию в России. Ошибочно и бессмысленно начинать с инвентаризации того, что есть в России: количество населения, нефти и прочих ресурсов, площадь территории и иные материальные параметры.

> *Понятие «ситуация» невозможно представить, не уделяя должного внимания сознанию участников, их позициям и напряжению между ними.*
>
> *Карл Мангейм*

Ошибочно искать за этим некоторую объективность. Чтобы ориентироваться в современной политической игре, в первую очередь нужно понимать, каковы игроки, что они будут делать и в чем заключается дух момента, приносящий интригу в их игру.

Игроки в современной ситуации

Внутренние игроки

«Силовики», «бюрократия», «чиновники»

Те, кого часто называют «силовиками», кого назначили на высшие посты в силовые министерства (МВД, ФСБ, МЧС, МО и др.), - это квинтэссенция бюрократии. На сегодняшний день «силовики» и прочие чиновники в значительной степени вышли из-под контроля тех, кто их назначал. Сегодня люди, назначенные исключительно для выполнения своей функциональной роли, стали самостоятельными историческими игроками, которыми они никогда не были. Бюрократический чиновничий класс сейчас стал оформляться как самостоятельный класс, который претендует на роль «правящего класса».

Раковая опухоль на теле России возомнила себя жизненно

важным органом, что действительно опасно. По своей сущности чиновничество — в том числе силовой блок — исполняет в обществе строго определенную функциональную роль и никогда не может становиться властью.

> *Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной.*
>
> *Василий Ключевский*

Современные социологические исследования фиксируют следующий механизм самосохранения общества. Практически во всех обществах в той или иной степени узкоспециализированные профессиональные группы, обладающие специфическими способностями (манипулирования людьми, знаниями в некоторых специальных областях) никогда не допускались к власти. Например, в древности шаман никогда не мог стать вождем племени. Это было табу.

Точно так же выходцы из спецслужб не допускаются в политику, крупные бизнесмены не могут занимать важнейшие государственные посты и т. д. В случае если такое происходит, нарушается главный принцип власти — разделение инстанций[32] и возникновение композиции, приумножающей жизнь[33].

Как только та или иная узкоспециализированная группа начинает строить систему власти, получается тоталитарное общество, угнетающее жизнь. Происходит это не столько в силу злонамеренности отдельных людей, попавших во власть, сколько из-за узости и ограниченности их понимания. Люди, воспитанные в рамках одной из узких областей с ограниченным пониманием и видением целого (народа в целом, страны в целом, ситуации в мире в целом), не могут задать новые перспективы стране и ее народу. Они начинают либо перестраивать общество под собственное понимание, либо отстаивать чьи-то частные интересы, либо провозглашают курс на стабильность, что рано или поздно приводит к коллапсу общества.

В России возникла такая ситуация, что бюрократия и чиновничество волею судьбы вошли во власть. В результате мы получили отсутствие для страны собственной перспективы. Это приводит, с одной стороны, к потере суверенитета, поскольку Россию начинают включать в проекты чужих стран и цивилизаций (западное капиталистическое общество, исламский мир, Китай и пр.) С другой стороны, это приводит к распаду народа: растут сепаратистские настроения, лучшие люди становятся приверженцами чужих ценностей, поскольку там они получают

перспективы, которых не имеют в России. Наконец, Россия исчезает из поля игроков на современной арене: она постепенно теряет собственные перспективы, зоны конкурентности, и с ней перестают считаться.

Это мы и наблюдаем сегодня. Во-первых, спецслужбы и чиновничество, попавшие во власть, не могут задать стране перспективу, поскольку в силу своего врожденного устройства они работают на удержание существующей ситуации, на ее сохранение, а не на будущее.

Во-вторых, бюрократическая прослойка вышла в главенствующее положение в экономике и начала перераспределять ресурсы, средства и пр. При этом у них господствуют стереотипные представления о том, что их положение временно, — что само по себе верно. Но когда они их переносят на страну в целом, получается, что у России нет долгосрочной перспективы.

> *Эта недоразвитая форма господствующего класса бюрократии является также выражением экономической недоразвитости и не имеет иной перспективы, кроме как постоянно нагонять отставание в подобном развитии в некоторых регионах мира.*
>
> *Ги Дебор (1)*

В-третьих, в силу ограниченности своего понимания они воспринимают вещи, более сложные, чем они могут освоить, как враждебные. Возникает идеология страны как осажденной крепости, вызовы современности интерпретируются как попытка нападения и мировой заговор против России.

В-четвертых, «бюрократия» по своей сущности находится в плену процедур. Когда она попадает во власть, она делает свои бюрократические процедуры, созданные как вспомогательные ради определенной функции, самодовлеющими и самоценными. Тупое выполнение процедур, слепое следование законам и идеологемам, вместо того чтобы их изменять под нужды народа и жизни, приводит к истощению власти и угнетению жизни.

Непонимание чиновничеством духа момента современной политической игры приводит к серьезным ошибкам и просчетам — как во внешней, так и во внутренней политике[34].

Кормление и коррупция, которые в нормальном обществе возникают как побочный эффект бюрократии, чиновники переводят в смысл своего существования и способ самовоспроизводства.

Крупный бизнес

Имеются в виду те группы бизнесменов, которые в прошлом пытались стать олигархами. Это прослойка людей, которые когда-то были назначены властью ответственными за определенные отрасли хозяйства: раз невозможно провести разделение естественных монополий и крупных предприятий на несколько частных компаний, были назначены бизнесмены, которые должны сохранить национальные активы.

Эти люди не стали строить себя как бизнес-элиту[35]. Они не стали строить механизмы накопления и приумножения богатства внутри страны. Проблема не в том, что они несправедливо стали собственниками стратегически важных для экономики предприятий. Проблема в том, что вместо того, чтобы формировать свою собственную инстанцию власти — власти денег и богатства, власти колоссальных возможностей, — они стали либо вывозить богатство в другие страны, где их капитал работает на чужие экономики, либо стремиться войти в государственную власть, которая им не принадлежит по своей сущности.

Они поставили себя против интересов страны, стали приверженцами чужих, западных ценностей и превратились в тех, кого сейчас называют «офшорной аристократией». В чем их интересы сегодня?

Что бы каждый из этих бизнесменов по отдельности про себя ни думал, существуют только два варианта:

♦ первый вариант: перенести западные механизмы и ценности в Россию, где находятся их материальные точки прибыли (заводы, предприятия и прочее);

♦ второй вариант: уехать за границу (там они получают признание, статус и перспективы, которые открываются перед ними другой властью).

В настоящее время практически весь крупный бизнес, который не ушел из России, оказался ориентирован на Запад. На сегодня это сильные игроки, но находятся они в четко определенных рамках и не имеют других перспектив.

Самоназванные эксперты и чиновники от науки

В России образовалась большая прослойка чиновников от науки, которые ведут себя как эксперты в частных областях. Чиновники от науки возглавляют группы, паразитирующие на государственном бюджете. Они готовы бесконечно жаловаться на

развал советской науки, но при этом планомерно проедать все больше и больше бюджетных денег.

К этой группе относятся экономисты, которые любую ситуацию в стране могут интерпретировать с точки зрения экономических терминов. При этом действительно важные проблемы России в целом, проблемы современного рынка и конкуренции[36] пропадают из поля общественного внимания. Эти группы могут интерпретировать ситуацию в зависимости от того, кто им больше заплатит. С одинаковым успехом, к примеру, могут быть обоснованы как перспективы автомобилестроения в России, так и его невозможность. Все зависит от того, чьи интересы обсуживают самоназванные эксперты.

К этой же группе относятся и либералы, специалисты по демократии, которые пытаются анализировать политическую жизнь России в соответствии с образцами, описанными в западных учебниках. При этом реальные общественные процессы и образования, структуры организации власти они не видят. Поскольку их положение практически монопольное, получается, что эти вещи не попадают в поле внимания ни общества, ни власти.

В силу узости своего взгляда эти группы не видят новых форм организации жизни, общества, власти. Они претендуют на статус наиболее интеллектуальных и образованных людей и экспертов, но пока выступают как тормоз общественных преобразований.

Самоназванные эксперты создают слепое пятно, поскольку реальные комплексные проблемы (проблемы власти или проблемы развития общества) пропадают из поля зрения и вообще не обсуждаются. Политическая проблема состоит в том, что надо избавиться от этой самопровозглашенной интеллектуальной гегемонии, чтобы Россия могла выйти в поле современности. Во власть, в круги интеллектуалов и экспертов должны попадать люди, обладающие широким взглядом, чувствительностью к новому и способностью понимания разных точек зрения.

Либо лучшие из этих людей будут включены в проекты прорыва и программы (инициированные властью) создания конкурентных преимуществ России в мире и будут этой же властью жестко контролироваться[37], либо они останутся одним из главных тормозов преобразования и развития страны.

В целом самоназванные эксперты и чиновники от науки — очень пассивный, но сильный и консервативный игрок на поле политики.

Народ

Вопрос с народом — один из наиболее трудных. Если остальные позиции как-то проявлены в общественном поле (а некоторые «проявлены» так, что их измышления подменяют собой любые обсуждения реальных проблем), то народ никак не высказывает своей позиции, не оформляет ее. Ведь элиты, которая способна говорить за него, нет.

Однако понимать и оформлять позицию народа необходимо, поскольку власть может опираться только на народ — критическую важность этого показали украинские события. Сегодня народ может уйти из-под власти — и власть уйдет в небытие[38].

Народ сегодня не оформляет своей позиции, не идет на диалог с властью и другими игроками, но он реагирует на различные процессы в стране и зачастую напоминает о себе. Разрозненное население выступает либо разрушительной бунтарской силой, либо силой, стопорящей любые инициативы «сверху». Люди могут заблокировать какое-либо преобразование, не подчиниться решению властей, но при этом не сформулировать свою точку зрения. Их отношение вдруг проявляется на выборах, когда население может избрать неясных людей (типа М. Евдокимова) просто из чувства протеста против нынешней власти. С другой стороны, потенциал народа хорошо известен — об этом мы говорили выше.

Чтобы как-то задать народ как игрока в сегодняшней ситуации, мы поступим следующим образом. Во-первых, обозначим те группы, которые выделяются в населении по отношению к любой власти. Во-вторых — проанализируем ряд ситуаций, в которых проявляются типичные способы реагирования и стереотипы населения.

Народ в России устроен резко неоднородно. Это проявляется и в ценностях, и в достатке, и в самоопределении по отношении к власти. Последнее здесь — самое важное, поскольку дает возможность власти и политикам понимать, на что и на кого имеет смысл опираться и с кем работать.

Самозанятое население, ушедшее из структур власти

Термин «самозанятое население» был взят из американской социологии, где он означает население, которое себя никак не проявляет, живет само по себе, в выборах не участвует; оно аполитично, аэкономично, из него не получается никакого прибытка ВВП. Это население потеряно и для народа, и для власти.

По подсчетам, в России до 15 миллионов «потерянного» населения[39]. Это люди, которые всячески подрабатывают, но не создают дополнительный прибавочный продукт для страны. Они потребляют столько же, сколько и производят. Это большая часть деревенских жителей, «челноки», продавцы на рынках и в лавках, строители в рабочих бригадах и т. п. По-видимому, это люди, пока что потерянные для страны.

Иждивенческая часть населения, которая проедает больше, чем производит, также является довольно значительной. Эта часть населения предъявляет к власти требования, связанные с социальной защитой, опекой, гарантиями. Ошибка сегодняшних властей по отношению к этим людям состоит в том, что, с одной стороны, власти всю без исключения социальную политику строят так, чтобы не потревожить именно эту часть населения (в результате преобразования в России всячески тормозятся); с другой же стороны, когда все-таки приходится что-то делать, власти просто перестают считаться с этой частью населения, что провоцирует резко негативное отношение к их действиям. Таким образом, непоследовательность и тотальность — две стороны ошибочного отношения властей к такому населению.

Самодеятельное население. Это те, кто начинает самостоятельно обустраивать жизнь вокруг себя в различных сферах: создают разные формы бизнеса, муниципального самоуправления, самоорганизации, различные сообщества. Это активное население, которое рассчитывает в основном на себя. Оно концентрируется в крупных центрах, поскольку связано по большей части с бизнесом и чиновничеством. На настоящий момент в силу отсутствия общих страновых проектов эта часть населения расколота и реально работает на различные нероссийские проекты — в основном на проекты прозападные (защита прав человека, свободы, демократии и пр.) и на сепаратистские (Сибирь, Дальний Восток, Калининград).

Самодеятельное население составляет незначительную часть населения, но оно довольно активно. Пока оно не включено в проекты элитарной пророссийской направленности[40].

Новой власти или элите придется иметь дело с этим расколотым, почти потерянным народом. Фактически народа уже нет — из 140 миллионов смогут что-то сделать в России максимум 20–35. Остальные «ушли».

По отношению к «народу» принцип действия власти состоит в том, чтобы выделять его наиболее прогрессивную часть и использовать ее так, чтобы она объясняла остальным смысл проводимых преобразований.

Если этого не происходит, то при любых действиях властей

возникают типичные способы реагирования населения, где, с одной стороны, проявляются стереотипы, страхи, надежды народа, а с другой — проявляется отношение к нему нынешней власти. Кажется, что правительство делает все возможное, чтобы разрушить доверие народа. Вот несколько примеров.

Монетизация льгот. Проблема монетизации льгот и основная ошибка правительства была в том, что нынешние власти не проявили понимания социального смысла льгот и подменили его экономическим содержанием. Система льгот, унаследованная от Советского Союза, была устроена по принципу социальной статусности. В однородном советском обществе льготы были единственным, что фиксировало социальный статус человека. Ветеран или инвалид за счет льгот чувствовал свое место в обществе. Проблему льгот правительство начало решать экономически, а не социально, что и привело к бунту. Самое интересное, что правительство не поняло этого даже после всех январских выступлений и сделало вывод снова в терминах экономики: населению, мол, мало и не вовремя выплатили деньги.

Предстоит социальный взрыв по поводу запущенной *реформы жилищно-коммунального хозяйства* (ЖКХ). Первым последствием введения рыночных отношений и конкуренции в сфере ЖКХ окажется то, что люди в результате этого почувствуют себя абсолютно беспомощными. Многие из них живут в больших городах, и у них нет способов самоорганизации и понимания новой системы ЖКХ. Люди боятся, поскольку в результате реформы оказываются один на один с какой-то непонятной системой ЖКХ, а механизмов объединения, самоорганизации, ликвидации возможных последствий аварий, найма для этого других структур и прочих необходимых для жизни в условиях новых отношений навыков у них нет. В частности, у людей есть глубоко запрятанный страх, что если убирают ответственного за ЖКХ, то в случае аварии или неоказания услуг сами они не справятся.

Нынешние власти не понимают, что этот глубокий социальный страх связан не с экономическими или юридическими недостатками реформы. Люди боятся, поскольку не разбираются ни в договорах, ни в экономических отношениях, ни в структурах подчиненности, ни в системе контроля, ни юридическом оформлении. Реформа ЖКХ бьет по жизненным основаниям народа, не давая новых оснований.

Есть большая опасность, что народ в такой ситуации будет реагировать таким же образом: население будет требовать, чтобы за водопровод по-прежнему отвечала администрация, а не

частные компании, в результате чего будет восстанавливаться старая схема отношений.

Ситуация с жильем. Введение процедуры выселения за неоплату услуг ЖКХ также бьет по глубокому социальному страху людей. Дело в том, что квартиры люди в своем большинстве сами не заработали, не построили, не купили. Они их получили. На сегодняшний день 99 % населения не может этого сделать. Когда вводится процедура выселения за неуплату, возникает страх, поскольку человек не знает, что ему делать в таком случае. Вдруг он вовремя не заплатит, у него не будет денег, у него отберут квартиру и выселят к бомжам? Из этого у человека нет выхода. Власть загоняет народ в безвыходную ситуацию.

Все вышеперечисленные проблемы народа порождаются неэффективной властью, которая делает все, чтобы загнать его в тупик и добиться практически полного к себе недоверия. Это, разумеется, получается не в силу злого умысла, а в силу непонимания. Но от этого не легче. Нынешние устарелые власти предпочитают «не чувствовать» народ, рассуждая о нем в экономических терминах, поскольку просто не имеют эффективных средств работы с его социальными стремлениями, жизненными основаниями, страхами и стереотипами.

В результате такой игрок, как народ, представлен на политическом поле стереотипами прежней жизни, страхом потери себя и отсутствием позитивных шагов, чтобы из этой ситуации выбраться. На настоящий момент нет власти, нет элиты, которая могла бы задать новые горизонты и перспективы для народа.

Единственная альтернатива, которая сейчас открыта для народа, — это другая легитимность и сепаратизм. Люди начинают думать, что, отделившись от России, они могут как-то обустроить свою жизнь: включиться либо в западную, европейскую цивилизацию, либо в исламский мир, в любом случае — уйти в другую формацию, где их проблемы и страхи будут ликвидированы и будут заданы определенные перспективы. Но нынешние власти собственной, российской перспективы для народа не задают.

На кого можно опереться

Эта ситуация кажется беспросветной только с точки зрения сегодняшней российской власти. Она сама загоняет себя в этот тупик, транслируя на все общество свое устаревшее понимание власти и тем самым создавая клинч для всех общественных сил.

Между тем в обществе есть огромное количество активных

людей, которые пока не видят возможности работы на пользу стране, не ощущают перспективы. Это почти все самодеятельное население, уже сейчас привыкшее рассчитывать только на себя и обладающее опытом обустройства жизни вокруг себя, развития новых сфер, развития бизнесов в новых областях и т. п. Это люди с врожденной жаждой власти, концентрирующиеся сейчас в армии или в бизнесе, которые делают профессиональную карьеру — вместо того чтобы делать карьеру общественную или политическую. Это молодые амбициозные и энергичные чиновники и управленцы, которые вынуждены делать карьеру внутри больших оргструктур, но которые по своим амбициям могут выйти на поле общественной деятельности. Это думающие люди, еще не вошедшие в профессиональные экспертные кланы и не надевшие себе на глаза шоры, люди, которые в принципе могли бы составить костяк будущих элит. Это предприниматели в сложных и комплексных, становящихся областях практики, в силу самой своей позиции умеющие думать о целом. Это критически настроенные люди, ведущие бизнес или обучающиеся за границей, которые могут сравнивать и сопоставлять и которые обладают передовыми технологиями, относящимися к гуманитарной сфере. Это молодые политики, активисты, профсоюзные деятели, которые жаждут заниматься реальным делом.

Осознание перспективы по отношению к России и к самой теме модернизации власти, которое мы здесь раскрываем, даст таким людям тот недостающий толчок, который позволит им сдвинуться в собственном понимании власти и российской ситуации.

Дальше уже следует вопрос политики и технологий, которые могли бы позволить обыгрывать существующие силы, консервирующие ситуацию уже сегодня. Никто не мешает заинтересованным в этом людям устраивать дискуссии на общественно значимые темы. При этом, если постоянно следить за уровнем этих дискуссий, четко работать с понятиями, фиксировать формирующиеся позиции и не впадать ни в любительщину, ни в оголтелый профессионализм, то они в скором времени вполне могут нарушить монополию записных экспертов, сдвинуть ситуацию в СМИ.

Точно так же создание общественных объединений, ставящих своей целью инициирование реформ в отдельных сферах — медицине, образовании, муниципальном управлении и т. п., — реально будет поддержано сегодняшними властями, поскольку и они сами находятся в том же клинче по отношению к преобразованиям, что и все остальное население.

Внешние игроки

«Внешние управленцы»

Это те люди и организации, которые пытаются поставить Россию в условия своего внешнего управления. Они обладают собственными образцами культуры и деятельности и пытаются их реализовать в России. Мы можем выделить несколько таких сил.

♦ Европейские проекты, которые пытаются привить России идею прав человека и в соответствии с этим построить демократию в европейском понимании.

♦ Американский проект построения демократии, основанной на принципе свободы. В первую очередь здесь имеются в виду рыночные свободы, идеи либеральной экономики, стремление ограничить роль государства в экономике и общественной жизни.

♦ Западные образцы бизнеса и менеджмента, которые должны быть реализованы в России.

Кроме того, России демонстрируются западные образцы внешней политики, то есть того, как надо себя вести в мире: надо входить в ООН, в ВТО, в «Большую восьмерку» и т. д. и следовать их стандартам. Россия в этом процессе занимает очень двойственную и слабую позицию: стремясь в эти организации, она старается отказаться от выполнения требований, выторговывая себе те или иные исключения. Сильной позицией могла бы стать выработка собственных стандартов (например, хозяйствования, демократии и пр.) и обсуждение и согласование этих стандартов.

Стандарты работы в этих организациях были выработаны в первую очередь США. Поэтому сами они делают что хотят и тех правил игры, которые навязывают России, не соблюдают. Войну в Ираке США с ООН не согласовали, но это не помешало им развернуть военную операцию.

Следование таким образцам связано с отсутствием собственных российских проектов и с господством бюрократии. Например, так обосновывается отсутствие сильной внешнеполитической позиции: Россия слаба экономически и не может себе этого позволить. На самом же деле сила связана с расчетом и позицией, с наглостью и амбициями, а не с материальными ресурсами[41].

Внешние управленцы не связаны напрямую с проектами экспансии; они осуществляют действия по включению России в свои проекты и программы для реализации своих образцов.

Страны снг

Содружество независимых государств (СНГ) было создано и функционировало для того, чтобы осуществить «цивилизованный развод» между республиками бывшего СССР. Оно решало целый комплекс проблем: от военных до хозяйственных, от внешнеполитических до гуманитарных. Ни Российская Федерация, ни остальные страны — республики бывшего СССР не могли в начале 1990-х годов обойтись без такого союза.

Сегодня, после 14 лет существования СНГ, ощутимо проявилось различие в темпах осуществления преобразований в странах-участницах. Активно происходит смена поколений власти. Новоизбранные, а также получившие власть в результате различных драматических событий лидеры стремятся проводить свою собственную политику, не обязательно ориентированную на Россию, а иногда и прямо противоречащую ее интересам.

Такая ситуация возможна исключительно потому, что эти страны видят неготовность России отказаться от СНГ, видят, что Россия не в состоянии сформировать иной, альтернативный СНГ механизм осуществления своей политики и своего влияния на постсоветском пространстве.

Безусловная заинтересованность России в сохранении СНГ осознается остальными членами СНГ, что ставит Россию в неравное, невыгодное и слабое положение. Это положение может стать по-настоящему нелепым и поистине позорным, если иные страны начнут отделяться от СНГ и Россия останется его единственным членом — и без того слабость и неэффективность действий РФ на постсоветском пространстве в последнее время стали очевидными для всех, включая и политических противников.

Экспансионистские проекты

Говоря о внешних угрозах для России, в первую очередь упоминают экспансию США. Однако, с нашей точки зрения, США действуют не целенаправленно против России, а просто в свою пользу, по законам распространения своего порядка. Они действуют через рынки, валюту, капиталы, культурное влияние, через распространение самого проекта демократии и либеральной экономики и т. п.

Основные игроки, осуществляющие попытки сознательной экспансии на территории России, — это страны ислама и Китай. Они поддерживают сепаратистские настроения среди российского

населения, поскольку включить Россию в свою зону влияния они могут только по частям.

Западный бизнес

Эти группы рассматривают Россию как колонию для выкачивания дешевых ресурсов. В этом заключается их рыночная стратегия. Подобным образом западный бизнес удерживает Африку в ее нищем состоянии, за счет чего добываются алмазы, бокситы и другие дешевые ресурсы. Этому игроку выгодно удерживать Россию в состоянии политической неопределенности, зависимости — и от этого получать высокие прибыли. Западный бизнес, как правило, не имеет собственной политической программы. Он поддерживает действия других внешних и внутренних игроков с целью консервации страны в ее теперешнем состоянии. Курс нынешней российской власти на стабилизацию выгоден именно западному бизнесу. Российский бизнес от этого теряет напор и перспективу.

Дух момента (интрига игры)

Негативные черты момента

Первое. Все внутренние игроки — кроме доведенного уже почти до отчаяния «народа» и самодеятельного и самозанятого населения — играют в стабилизацию и консервацию существующего состояния. Большинство игроков сейчас «прикормилось»; они будут и дальше пытаться сохранить возможность получать свои хоть и небольшие, но вполне понятные им доходы. Лозунг стабилизации останавливает наши собственные проекты преобразований и сохраняет на неопределенно долгое время ситуацию внешнего управления со стороны западных стран.

Второе. Самодеятельному населению и «народу» эта власть попросту надоела. Степень скуки и «болотности», бессмысленности происходящего возрастает. Растет взаимное непонимание и недоверие, власть и народ говорят на разных языках. Стратификацию общества и создание системы статусов для заслуженных людей власти заменяют денежными выплатами — то есть работой в экономических категориях. Вместо того чтобы давать народу новые жизненные перспективы, нынешняя власть ставит его в ситуацию боязни потерять достигнутое.

Третье. Огромное количество людей, в том числе в высших

слоях, уходят в мистицизм. Появляются соответствующие книги, колдуны, разного рода квазираспутины. Поскольку люди в жизни не могут найти хоть что-то осмысленное, они обращаются к мистицизму, пытаясь сохранить свою самостность в потустороннем мире. В реальном политическом пространстве они уже на это не надеются. Происходит выход за границы современности и реальности.

Четвертое. Власть содержательно ничего не делает. Здесь показательным является лозунг коммунистов: «Непонятно куда идем». Он неправильный, потому что предполагает единый вектор движения (коммунисты тоже не могут отказаться от своих стереотипов), но за ним кроется реальное ожидание народа, что будет показан если не вектор, то перспектива, куда каждый сможет стремиться. К примеру, в советское время колхозник мог стать рабочим. Рабочий мог стать инженером. Инженер мог стать лауреатом премии или заслуженным изобретателем. Проработав двадцать лет на одном предприятии, человек получал квартиру. Ничего подобного сейчас не наблюдается.

Результаты опросов российских школьников о том, кем они хотят быть, хорошо показывают бесперспективность власти. В свое время дети отвечали, что хотят быть рэкетирами и проститутками, потому что это была единственная перспектива, которая в то время показывалась по телевидению и поддерживалась властью. Недавний опрос показал, что дети хотят быть в большинстве юристами и чиновниками. Но часть ответила — уехать на Запад, где перспективы понятны и открыты, а в России они непонятны и не открыты.

Нарушено ощущение жизненной и социальной перспективы, за которую отвечает власть, разрушена «социальная лестница». Люди чувствуют, что даже если ты получил высшее образование, это еще не значит, что ты станешь богатым или хотя бы проживешь жизнь достойно. Если ты стал бизнесменом, то это еще не значит, что ты доживешь до счастливых времен и у тебя в один момент все не отберут. Если ты стал политиком, то это не значит, что тебя завтра не прижмут.

Если ты стал чиновником — ты можешь тихо отсидеться в своем пожизненном кресле. Если ты стал юристом, то будешь спокойно решать чужие проблемы, но тогда придется забыть о своих.

Нет никакого резона растить детей, обустраиваться, организовывать жизнь вокруг себя. Единственное, что остается — для тех, кто это может себе позволить, — это огородиться и построить для себя райский уголок за высоким забором.

Наша власть архаична[42]— но сама она этого не видит и не

понимает. Нынешние власти в своем сознании заместили эти важнейшие вопросы вопросами материальными, говоря: мы же повышаем зарплаты и пенсии, вон сколько в магазинах всего появилось, вот на сколько вырос ВВП и прочее.

В глазах народа это выглядит как издевательство. Повышение зарплаты на 500 рублей практически не решает ничего для человека и не создает ему перспективу. Изобилие на прилавках магазинов раздражает, поскольку люди, пенсионеры прежде всего, понимают, что они никогда этого не смогут купить. Молодой человек из небольшого российского городка никогда не купит квартиру, поскольку покупать квартиру в родном городе ему незачем — он молодой и ему нужны перспективы роста, которых там нет, а в Москве или в областном центре квартира стоит бешеных денег. Нынешняя власть создает для народа социальный тупик и не понимает этого.

Она деградировала даже с точки зрения власти в Советском Союзе, которая эти вещи понимала очень хорошо. Советская власть понимала, как работать с чиновниками, она понимала, что значит создавать перспективы для молодежи. Она открывала новые стройки и зоны новых возможностей. В Советском Союзе было хотя бы примитивное разделение инстанций власти. Когда человека прижимали по административной части, он мог пожаловаться в партком или в газету, что реально помогало (были, конечно, и исключения, но был и нормально работающий механизм контроля за действиями властей).

Нынешнее укрепление вертикали власти — это путь к массовому попранию справедливости. Действительно, только наличие многих инстанций власти создает возможность поиска справедливости. Если тебя обидели бизнесмены — иди в суд, там справедливость будет восстановлена. Если в суде не поняли, то есть прокуратура. Если и там не поняли, то есть СМИ, где ты можешь поднять это до общественного обсуждения.

Когда все инстанции сведены в одну вертикаль власти, возникает тупик, социальная пробка, отсутствие перспектив и возможностей поиска справедливости. Формально существует множество карьерных траекторий, но реально все они закупорены из-за отсутствия общих перспектив.

Позитивные стороны «духа момента»

Закончилось время, когда население было занято только тем, как бы заработать хоть чуть-чуть, хоть немного улучшить свою жизнь. Теперь народ начинает обсуждать проблемы более высокого порядка. Начал проявляться дух нации.

Люди, а особенно самодеятельная часть народа, почувствовали дух современности. Они почувствовали воздух свободы, и архаичная власть их уже не устраивает. Это обстоятельство может использоваться внешними силами для включения в их проекты. Оно может использоваться и в России для формирования разумного, современного, развивающегося общества. Еще один вариант: этот дух будет использоваться как взрывная сила, негативно, для развязывания бунта.

Россия — открытая страна, и закрыть ее еще раз будет очень сложно. Дух современности начинает проникать в страну со всех сторон, чувствительный к этому российский люд это чует. Люди начинают понимать, что дух современности — не в богатстве или материальном благополучии, не в монументальной и косной державности, а в игре, в коммуникации, в свободе, в передвижении, творчестве, эксклюзивности, экстремальности. Дух современности бродит по России и теребит души русских людей.

Россия — суверенная страна, это ее нормальное состояние, ей не надо ни к кому прибиваться, присоединяться. Ей надо на новых основах восстанавливать и строить себя. Поиск Россией своей миссии, обсуждение этого разными людьми — это и есть дух момента и попытка выйти к самоопределению в новой ситуации. Эта ситуация предреволюционная, как во времена французских событий 1968 года (3). Сейчас в России дух современности постепенно входит в конфликт с архаичностью и застарелостью власти. Экономические отношения уже в той или иной степени осовременены, а властные отношения и политика находятся в «лежачем» состоянии. И это взрывоопасно.

Активное самодеятельное население бизнес уже освоило — это произошло всего за десять лет, с 1988 по 1998 год. Возникает новая сфера — технологии реорганизации власти и общества. За нас этого никто не сделает. Игроки, которых мы перечислили, будут использовать эти технологии для реализации своих целей. Самодеятельному населению нужно идти во власть и ее обустраивать, создавать самые разные ее инстанции. Модернизировать, изменять власть.

Если этого не произойдет таким образом, то это получится в виде взрыва. Если кто-то во власти этого не понимает, он рано или поздно будет из власти выкинут. Но если человек, находящийся в той или иной властной позиции, это понимает, то ему и карты в руки: он должен делать именно это, то есть заниматься модернизацией власти и приведением ее в современное состояние. Это позволит создать максимальные возможности и для свободного человека, и для общественного развития в России.

Если сейчас не начать строить настоящую политику, не начать заниматься властью — это сделают другие. Но тогда на нашей территории будут реализованы внешние проекты и мы потеряем свою страну. Речь, конечно же, идет не о территории. Речь идет о том, что мы рискуем навсегда потерять возможность формирования российского народа, а Россия рискует превратиться в одну из экзотических культур и жить на задворках глобализованного мира — так, как живут мексиканцы в США: со своим языком и прессой — и все.

Россия — это народ, а не территория

Политика и работа с властью сейчас является такой же сферой новых возможностей, какой десять лет назад были экономика и хозяйство. Это совершенно новая сфера для роста. Идти во власть — это не значит работать чиновником и заниматься фальшивой политикой в марионеточных партиях. Предметом современной политики является техничная реорганизация власти.

Да, есть препятствия в политике: коррумпированные чиновники, марионеточные партии, засилье бестолковых СМИ — все это создает ощущение, что во власть идти безнадежно. Но тот, кто это начнет делать, — тот займет лидирующее положение в будущем. Поэтому надо начинать сейчас.

Глава 6
Принципы модернизации власти в России

СЕГОДНЯШНЯЯ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ — и ее понимание, и ее реальное воплощение — основана на целой серии стереотипов. Эти стереотипы есть и у «начальства», и у народа — конструкция сегодняшней российской власти соответствует состоянию умов в стране.

В то же время именно эти стереотипы делают власть в России архаичной, несовременной, постоянно проигрывающей, слабой и препятствующей тому, чтобы Россия снова стала одним из мировых лидеров.

Стереотипы по поводу власти

Стереотип первый: власть одна, и она персонифицирована в том или ином «начальнике»

С этим стереотипом бороться крайне тяжело: очень трудно представить себе наличие нескольких властей. В сознании российского человека сразу возникает опасение, что несколько властей — это несколько начальников, которые тут же вступят в конфликт между собой и возникнет хаос.

Эти опасения имеют под собой основания, поскольку в новейшей российской истории новосозданные «ветви власти» тут же начинали выяснять между собой, «кто главнее». Кончалось это иногда кровью, как в октябре 1993 года.

Однако это чисто российский стереотип (может быть — наследие советской власти). Все известные в истории конструкции власти с самого начала строились как разделенные на несколько инстанций, каждая из которых формирует свою собственную ценность и исключительность, которые недоступны другим инстанциям. Сегодня этот принцип осознан, и современные инстанции власти формируются инженерно, искусственно[43].

В первобытном обществе существовали власть вождя и власть шамана. В средневековой Европе композиция власти формировалась на конфликте между светской и духовной властями. Ни одна из них не могла покуситься на другую, поскольку у духовной власти была исключительная компетенция, исключительный ресурс: связь с Богом; светская власть этого обеспечить не могла. Но у светской власти была своя исключительная компетенция: владение материальными

ресурсами и войсками, что, в свою очередь, не могло перейти церкви. На этом возникало напряжение, зрел конфликт, что в дальнейшем приводило к появлению все новых и новых инстанций власти.

Стереотип российского сознания относительно подобных конструкций ярко демонстрирует следующий пример. Во время Ялтинской конференции Черчилль спросил у Сталина: «Как будем договариваться с католической церковью по поводу Европы?» Сталин ответил шуткой: «А сколько у папы римского танков?» Этот эпизод отражает полное непонимание советским лидером устройства власти в Европе: несмотря на то, что у папы римского танков нет, договариваться с ним придется.

Принцип нескольких не сводимых друг к другу инстанций власти зафиксирован в принципе разделения властей Монтескье (1). Однако внутренняя непонятность этого принципа в России приводит к тому, что при переводе на русский язык даже сам термин был выбран неудачно: по-русски «разделение власти» означает, что есть одна власть и ее разделяют на несколько частей. При этом неявно подразумевается, что корень власти все равно один.

У Монтескье заложена прямо противоположная конструкция: существует несколько отдельных инстанций власти, каждая из которых обладает исключительным ресурсом, и эти инстанции вынуждены между собой договариваться. Российским людям очень непривычно в этом жить, они плохо понимают этот принцип и еще хуже его реализуют.

Однако реальная демократия возникает именно в такой ситуации. Когда существует несколько инстанций власти, это создает определенные степени свободы для общества и человека, и существует процедурная проблема согласования действий властей между собой и их согласования с интересами общества и человека. Когда такая проблема возникает, демократия становится реальной. Если этого нет — демократию подменяют выборные технологии (см. об этом ниже).

В России господствует понимание власти как некоторой группы («семья», «чекисты»), захватившей власть в стране. Но это даже не феодальное, а дофеодальное устройство власти.

Такое понимание приводит к тому, что любое стремление моноцентра власти к усилению порождает ответную реакцию — сепаратизм, стремление к отделению. В России очень трудно себе представить, как на одной территории могут сосуществовать две или более инстанций власти, обладающих каждая своим эксклюзивным ресурсом и эксклюзивной трансценденцией. Именно это порождает сепаратистские тенденции.

Стереотип второй: власть отождествляется с государством

Этот стереотип активно муссируют российские интеллектуалы. Есть государство, а у него есть власть. Или наоборот: власть — у государства, государство и есть власть.

По-видимому, именно поэтому в последние четыре года взят курс на усиление государственной бюрократии: В. Путин предполагает, что таким образом усиливается и власть в стране. Но усиление государства (даже если предположить, что усиление федерального центра это и есть усиление государства) не означает приобретения власти. Наоборот: при этом резко ослабляются иные, негосударственные инстанции власти, а значит, вся конструкция резко слабеет.

В условиях господства этого стереотипа не понимается и не принимается тезис правых политиков о том, что государство должно выполнять сервисную функцию. Если государство выполняет сервисную функцию, это значит, что есть еще больший «начальник», чем само государство. Кого можно себе представить в этой роли?

Правые политики отвечают: общество. Но если (см. стереотип первый) мы считаем, что власть моноцентрична и иерархична, то общество не может быть «главнее» государства.

В результате господства этого стереотипа тезисы, взятые напрямую из западной демократической риторики, «проскакивают» и не понимаются.

Стоит принять на вооружение понятие о власти как о композиции нескольких автономных инстанций, как тезис о сервисной функции государства начинает играть в полную силу. Тогда становится совершенно понятно, что государство — только одна из инстанций власти, обладающая вполне определенным эксклюзивным ресурсом (всеобщий порядок и одинаковость процедур на всей территории) и не подменяющая собой иные инстанции.

Современное понятие власти состоит в том, что власть — это владение каким-то недоступным или эксклюзивным воспроизводящимся ресурсом. Она больше не отождествляется с государством (конструкция XIX века). Современные технологии власти состоят не в гипертрофированном и абсурдном усилении одной инстанции, а, напротив, в увеличении количества инстанций власти и их постоянном смещении — с тем, чтобы все стороны жизни современного общества были охвачены всеми инстанциями власти в совокупности.

Эти принципы очень хорошо видны там, где происходит столкновение власти, построенной на современных принципах, со

старой властью, которая отождествляется с государством. Так с властью играют на территории постсоветских республик: в Киргизии, Украине, Грузии.

Когда формируется другая инстанция власти, неподконтрольная Шеварднадзе, Кучме, Акаеву (например, народ, признающий другую легитимность), происходит смещение всей конструкции. Стройная и, казалось бы, незыблемая государственная власть вдруг оказывается вне структуры новых соглашений. Она падает, как карточный домик. Или: одна элита дискредитируется, а вместо нее подставляется другая. При таком действии вся конструкция старой власти тоже разрушается[44].

В этом заключается основной принцип современных властных технологий: не уменьшать количество инстанций власти, а, наоборот, увеличивать их со скоростью, большей, чем скорость общественного развития. Тогда власть создает пространство, которое полностью контролируемо, прозрачно, люди могут в нем ориентироваться, возникают свободы и демократия, когда народ может принимать участие в достижении соглашения между инстанциями власти.

Отметим еще одно последствие отождествления власти и государства. Этот стереотип не дает активным людям участвовать во власти, поскольку они с самого начала считают, что власть — это прерогатива государства. Разрушение этого стереотипа сразу же привлечет сотни активных и мыслящих людей во власть — в дело формирования новых инстанций власти.

Стереотип третий: страх перед бунтующим народом

Причиной этого непреодолимого страха является существование одной-единственной инстанции власти. Власть исходит из одной точки: от государства, которое совмещено с бизнесом, со СМИ, с судом, с прокуратурой. Власть сегодня абсолютна, и бунт народа означает разрушение всего порядка целиком.

Существующая власть не способна направлять народ на нужные и для нее, и для него самого действия. Власти не могут решиться на самомалейший шаг и стремятся подстраховаться буквально во всем, поскольку одно неверное действие означает полный крах. В результате с народом заигрывают, народу поддаются.

Неудача большинства реформ (монетизация льгот — яркий тому пример) связана с тем, что из-за нераспределенности инстанций власти все претензии в конечном счете предъявляются государству. Но реформы не могут идти бесконфликтно: любая реформа имеет своих интересантов и своих оппонентов (2). Кто-

то все равно что-то теряет. Когда власть принадлежит исключительно государству, интересанты, получив свое, не благодарят государство: зато обиженные активно протестуют. В результате государство вынуждено перераспределять уже распределенное. При этом те, кто был ранее заинтересован в реформе, естественно, переходят в стан недовольных. Круг замыкается.

В такой монолитной, абсолютистской конструкции невозможно провести ни одну общественную реформу. Однако принципиальный выход есть. Надо выделить интересантов и сформировать их в отдельную инстанцию власти. Например, при осуществлении реформы образования необходимо оформить инстанции власти, которые и будут ею заниматься (ими могут стать родители, бизнес, работодатели, конкуренты стандартным школам). Оппонирующий им консервативный профессорско-преподавательский состав окажется в ситуации проблемы, затем — конфликта, после чего государство может выступить в качестве арбитра и сформулировать новые правила взаимодействия — уже с учетом произведенных сдвижек.

Стереотип четвертый: власть должна быть основана на праве и процедуре

Здесь мы только отметим этот момент, поскольку обсуждали его подробно во второй главе. Приверженность формальной процедуре и формальному выполнению закона (при реальной внутренней неготовности строго ему следовать) делает Россию и российскую власть и неэффективной — с точки зрения осуществления преобразований, — и неконкурентоспособной. В условиях, когда ведущие мировые игроки утверждают свой суверенитет, не считаясь с правом, Россия оказывается в одном клубе со слабыми государствами, которым остается только уповать на международное право — с тем чтобы сохранить хотя бы видимость суверенитета[45].

Схема современной власти

СНИМАЯ ЭТИ СТЕРЕОТИПЫ, постепенно отказываясь от них, можно подойти к пониманию того, что собой представляет современная власть. На схеме изображены ее необходимые элементы.

Власть существует, всегда стягивая на себе два типа того, что существует для нее безусловно.

Во-первых, это определенные материальные условия, от которых она отказаться не может и вынуждена иметь с ними дело

(внизу на схеме — территория, инфраструктуры и сам народ, который для власти также является точкой безусловности).

Во-вторых, это определенная трансценденция, то есть обращение к некоторому идеальному порядку. При формировании инстанций власти то, что оформляется в качестве эксклюзивного ресурса, соотносится с трансценденцией — то есть с идеальной конструкцией: свобода, право, Бог… Инстанция власти не может усомниться в этом порядке, в этой идее. Для разных инстанций власти будет своя трансценденция: для одних это связь с Богом (религиозная власть), для других — связь с культурой, для третьих (СМИ) — объективная информация и формирование смыслов. Для государства это всеобщий порядок и одинаковость процедур на всей территории. А для судебной власти такой идеей является идея права.

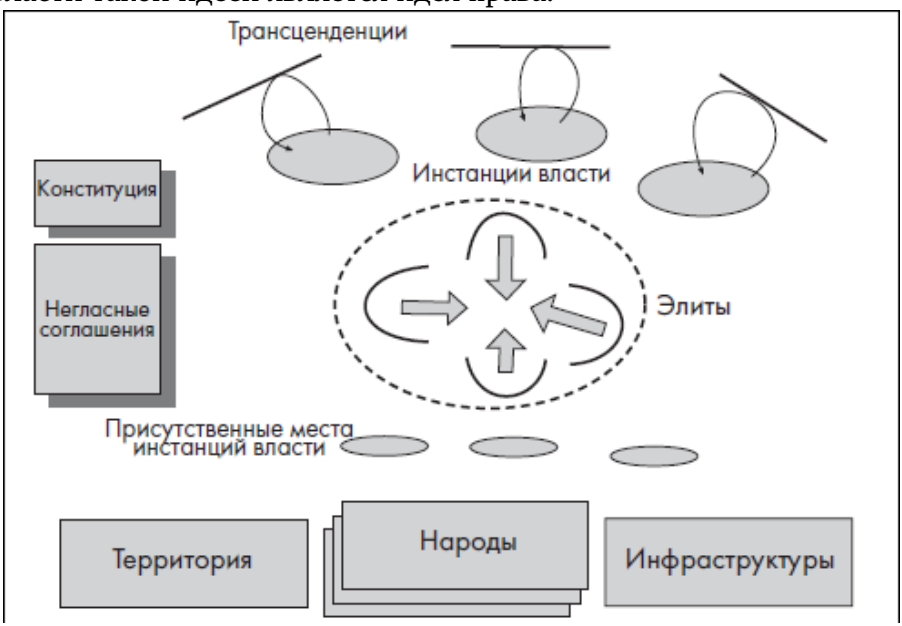

Схема современной власти

Эти идеи для некоторой части народа становятся ценностями, которым они следуют в социальной жизни и с точки зрения которых обсуждают происходящее в стране. Так формируются элиты.

Всякая инстанция власти имеет свои «присутственные места», для того чтобы отправлять власть, реализуя свой порядок. Через эти присутственные места народ соприкасается с властью. Это могут быть церкви, отделения милиции и паспортные столы, газеты (для СМИ) и так далее.

Кроме того, вопросы отправления власти и ценностных

приоритетов регулируются гласными и негласными соглашениями и стереотипами относительно того, до какой степени какая инстанция власти может «проводить» свой порядок, упорядочивать жизнь народа, которая всегда стремится выйти за границы порядка. Также эти соглашения регулируют принципы взаимоотношений между самими инстанциями власти и базисными трансценденциями.

Иногда такие соглашения оформляются в виде конституций. Конституция фиксирует типологию уже существующих инстанций власти. Примером этого служит американская конституция, где с самого начала четко прописано, что:

1) человек имеет неотъемлемые права (они перечислены); это означает, что существуют границы вмешательства других инстанций власти: суда, государства, частных лиц, общественных организаций;

2) существует свобода слова; это означает, что для государства, суда, частных лиц и общественных организаций недостижима возможность мешать кому бы то ни было провозглашать какие-то идеи;

3) существует идея неприкосновенности частной собственности; это тоже фиксирует границу для других инстанций;

4) существуют независимость суда и приоритет закона.

При этом сама конституция становится внутренне противоречивой. В ней уже заложена конфликтность между инстанциями власти: свобода слова может противоречить частным свободам или интересам государства. Но конституция и не должна быть внутренне согласованной, поскольку главная ее функция — зафиксировать растяжку между разными инстанциями власти (в отличие от конституций СССР и России, где сразу расставлены приоритеты ценностей, прав и свобод и где зафиксированы принципы моноцентричной, иерархичной власти — власти с единственной инстанцией).

Таким образом, плюрализм власти становится изначально зафиксированным. Власть распределена, она организована как сеть, в рамках которой возможно выращивание различных инстанций власти.

Фокусы инстанции власти имеют свою исключительность и недоступность для других. Там формируются «поля» суверенности: суд суверенен в своей трактовке законов и в своих решениях; богатство суверенно в создании своих собственных возможностей; государство суверенно в рамках организации и мобилизации граждан и их упорядочении; СМИ суверенны в освещении событий, задании их важности и чередования. Эти

инстанции могут потеснить друг друга, но не могут друг друга уничтожить (как только они собираются в одну линейку, происходит обрушение всей конструкции).

В социальной реализации эти конструкции существуют в виде ценностей, которых придерживается часть населения. Эти ценности связаны со способом жизни людей. Так, свобода для бизнеса, для экономических субъектов — вещь абсолютно не теоретическая. Для них она реальна и желанна. Каждая инстанция власти фиксирует определенный тип трансценденции, который она превращает затем в социальные ценности, а потом и в принципы взаимодействия людей или иных общественных единиц.

Любая новая реальная политическая или организационно-властная конструкция не может реализоваться без трансцендентного прикрепления. У нового буржуазного порядка, возникшего после французской революции, такими трансценденциями были «свобода, равенство, братство». В России, как мы обсуждали это выше, эти трансценденции не осмыслены и не очень реалистичны для жизни. Другие понятия, которые выработались в России, более значимы для россиян (мы уже отмечали значимость для российского народа понятий «справедливость» и «осмысленность»).

Теперь — с точки зрения такого современного представления власти — можно попытаться обсудить принципы, на которых может строиться эффективная, подлинная власть в России.

Новые принципы власти в России

Власть не связана с государством

Отождествление власти с государством — стереотип и анахронизм, сковывающий всю жизнь в стране. Их отождествляют и эксперты, и политики, и все население.

Этот стереотип обосновывает сегодняшний российский непросвещенный абсолютизм.

Но власть не завязана накрепко на государство. Власть сегодня строится иначе. Первый принцип новой конструкции власти в России — власть строится поверх государства, государство же становится одной из инстанций власти.

Этот принцип сразу же высвобождает активность огромного количества людей, расчищает место для современной политики в том, что касается устройства власти и перспектив страны.

Власть задает народу перспективу

По отношению к существующей государственной власти

имеется очень серьезная претензия, которая заключается в том, что у нее отсутствует деятельностная составляющая. Она лишь укрепляет сама себя, усиливает чиновничество. При этом деятельностной позиции, которая занималась бы формированием перспектив и горизонтов, не образуется — мы об этом уже говорили выше, во второй главе.

Государственная власть не задает движения — и тем самым сама роет себе могилу. Именно к такому выводу нас приводит анализ всех революций: как только в стране начиналась хорошая жизнь при бездействующей власти, сразу возникали революционные настроения (например, в начале XX века жизнь в России была прекрасной, экономические показатели были лучшими за всю историю страны, международные отношения — тоже).

Реализованный принцип разделения властей

В России не обойтись без формирования новых, независимых от государства инстанций власти.

Из-за того, что инстанции власти не разделены, всякая смена властителя (выборы президента или парламента) превращается в экстрим, игру на выживание. Проблема преемственности власти в России все обостряется. Как только в стране должны пройти выборы, сразу возникает патовая ситуация, причем во всех сферах жизни одновременно. Неразделенность инстанций приводит к параличу власти и к возникновению угрозы революции. То, как это происходит, мы видим на примере Киргизии, Украины или Грузии[46].

Избежать повторения таких ситуаций можно, только доведя до реализации принцип разделения инстанций власти: суд — отдельная инстанция, президент — отдельная, бизнес — отдельная и самостоятельная инстанция.

Сегодня власть стремится быть монологичной. Происходит странный и бессмысленный откат по отношению к демократическим процедурам. Сегодня правят бал политтехнологи, которые строят фальшпанели демократии: создают «марионеточные партии», проводят «управляемые выборы» и т. д. Причина этого в том, что не развиты иные инстанции власти: ведь демократия состоит в том, что народ участвует в выработке соглашений между инстанциями.

Гипертрофия политтехнологий в нашей стране связана с отсутствием реальной политики. Если бы в России существовала настоящая политика и велись дискуссии по общественно значимым темам, то в политтехнологах не было бы нужды. Они перешли бы на роль технических исполнителей.

До самостоятельных инстанций власти должны «дорасти» все существующие органы управления и центры влияния.

Прежде всего это относится к *законодательной власти.* Сейчас ее как самостоятельной инстанции, как реальной власти не существует: Дума имеет силу только, может быть, по отношению к правительству, партии имеют силу только в самой Думе.

Напротив, если бы партийная жизнь пронизывала всю страну, если бы партии вели идейную работу с населением, то именно они бы формировали у него ценности и образцы, создавали пространство для самоопределения. Это являлось бы их задачей.

Это может случиться, если выборы в местные законодательные собрания станут партийными. Возможно, и правительству следовало бы формироваться из думского большинства. Тогда партии и общественные объединения могли бы стать самостоятельной инстанцией власти.

> *Идеология есть основа мышления классового общества в конфликтном движении истории.*
>
> *Ги Дебор (3)*

Партиям ничего не стоило бы дорасти до того, чтобы стать инстанциями власти, если бы они занимались общественным развитием, а не только заявляли свою идеологическую направленность. Одни партии могли бы заниматься социальным обеспечением, другие, наоборот, — формированием самодеятельного населения; именно они могли бы удерживать различные ценности, в том числе демократические.

> Партии построены по административным принципам с участием политтехнологов, с дутыми программами и идеями; фактически это не партии, а выборные комитеты

Они этого не делают, потому что все партии построены по административным принципам с участием политтехнологов, с дутыми программами и идеями. Фактически это не партии, а выборные комитеты.

России совершенно необходимо, чтобы сформировалась *власть бизнеса,* удерживающая в обществе такую трансценденцию, как *богатство.*

В начале 1990-х годов, на заре становления олигархических структур, это было сделать легче, чем сейчас. Тогда бизнес мог сам стать властью, но не государственной, а, напротив — создать особую инстанцию власти. Для того чтобы сформировать свою

инстанцию власти, бизнес должен был ответить себе на следующие вопросы: как он может воспроизводить свои накопления и богатство внутри России и как построить механизм их защиты, безотносительный к другим инстанциям? Это и было бы тем механизмом воспроизводства, который превратил бы влияние и могущество бизнеса во власть. Если бы это удалось, то «богатство» могло бы строить договоренности с государством, фиксируя принципы экономической свободы, гарантий собственности и т. п. как обязательные.

Вместо этого олигархи начали устанавливать контроль над государством и пытаться его захватить. По-видимому, они также считали, что власть должна быть единственной, абсолютной и принадлежать только государству.

Сегодня такую инстанцию власти, как богатство, сформировать значительно труднее, однако направление работы остается тем же: бизнесу необходимо создавать независимые от государства механизмы накопления богатства внутри страны и формировать правила ведения национального бизнеса. Это сделать совершенно необходимо, поскольку за счет этого национальный бизнес сможет стать конкурентным по отношению к другим бизнесам, присутствующим на мировой арене.

Чтобы можно было говорить о *суде как о самостоятельной инстанции власти,* нужно обеспечить такую ситуацию, чтобы люди и бизнес могли судиться с государством. Это является важнейшим моментом для формирования суда как инстанции власти.

Кроме того, важно понимать, что даже если независимость суда зафиксирована, но в реальности суд не служит идее права, то говорить о нем как о самостоятельной инстанции невозможно. Реализация ценностей должна быть обеспечена организационно через независимые механизмы. Необходимо закончить рассматривать «право как орудие карающего класса».

Специфические трансценденции российской власти

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ, связанная с особенностями истории и народного духа России, сделает возможным новый рывок России по направлению к тому, чтобы снова занять достойное место в истории и современном мире. Такая специфика может быть построена через те трансценденции, которые должна задавать власть в России. Эти трансценденции должны соответствовать базисным ожиданиям народа: если власть сможет обеспечить «прикрепление» народа к этим идеальным сущностям, она снова станет властью, способной

вести за собой народ.

С нашей точки зрения, такими трансценденциями должны быть *справедливость и осмысленность.*

Власть в России должна обеспечить народу и своим гражданам, во-первых, ощущение справедливости (чувство того, что все происходящее в стране причастно к справедливости), а во-вторых — восстановить чувство осмысленности происходящего и сделанного Россией в истории.

Справедливость для российского человека заключается в том, что достойные люди здесь, в России, могут построить достойную жизнь. Осмысленность можно попытаться понять как причастность к судьбам всего мира и человечества. Наша задача — сформировать власть на таких принципах, чтобы содержание этих идеальных сущностей постоянно восстанавливалось, не пропадало, как это произошло сегодня.

Справедливость

Несмотря на тяжелую жизнь, произвол местных начальников и частные неурядицы, все российские люди понимают, что общая, базовая справедливость — существует, а здесь на земле есть (или должна быть) инстанция, которая сделает так, чтобы справедливость восторжествовала. Это объединяет людей и делает возможным их обращение к некоторому общему образцу.

В России справедливость есть принцип установления правильных взаимоотношений. Напротив, несправедливым является действие по инструкции и закону, поскольку это почти невозможно: в России земля разная, люди разные, культуры разные, и одного закона для всех не построишь.

Всем понятно, что любое дело в России необходимо решать не по закону, а по справедливости. Все также понимают, что должны быть инстанции, которые рассудят по справедливости — а не по формальным, придуманным чиновниками процедурам, не по фактическому положению дел (как этого требует экономизм) и не с точки зрения свободы (свобода свободой, но если ты, например, находишься в многоквартирном доме, в котором деваться некуда, то реализация твоих свобод и прав во что бы то ни стало справедливой уже не будет).

Европейская конструкция «прав человека» ни в России, ни в Китае не работает и работать не будет: в России всем очевидно, что люди не равны и права у них разные. Они сами себя относят к разным структурам и культурам. Так, чеченцам прекрасно понятно, что русские — это не чеченцы, и они не равны, потому что они другие. Но зато может работать справедливость: можно установить такие отношения между чеченцами и русскими, при

которых и те и другие будут понимать необходимость сожительства, понимать границы своих возможностей и границы того, когда по отношению к каждому из них действуют так, как они считают приемлемым для себя. (И действительно, одна из проблем с кавказскими народами заключается в том, что то, как с ними поступают, они не воспринимают как справедливое отношение.)

Такое понимание справедливости и требование справедливости означает:

♦ неформальное решение вопросов властью;

♦ специальную процедуру рассуждения;

♦ специальный тип коммуникации и с народом, и с разными народами;

♦ вынесение временных решений, которые сохраняют свою силу до тех пор, пока ситуация кардинально не меняется (например, то, что справедливо во время мира, несправедливо в войну).

С превалированием идеи справедливости связано и то, что экономический тип действия, который навязывается либералами, в России не может быть тотальным. О каких экономических свободах можно говорить в тундре или в моногородах, где вся жизнь завязана на одном предприятии? Экономический способ действий возможен для России только локально, только в определенных условиях. Так, все понимают, что по справедливости уникальные ресурсы должны принадлежать всем, и только там, где можно их разделить, они могут принадлежать частным лицам. Но вместо этого обстоятельства происходит тотальное наложение идеи экономических свобод и подгонка под эту идею принципов организации всего хозяйства.

В российском понимании справедливость означает еще одно: что бы ни происходило, люди должны жить. Следовательно, существует граница применения любого рода формальных процедур. Так, несправедливой будет любого рода процедура выселения людей из квартир — именно потому, что это затрагивает границу, при которой люди могут не выжить. Да, они пьяницы, да, они не платят за коммунальные услуги — их можно переселить, но факт их формального выселения будет восприниматься как фашистская процедура уничтожения людей. А уничтожать людей несправедливо.

(Точно так же воспринимаются действия нового министра природных ресурсов, который инициирует судебные процессы по слому новопостроенных домов вблизи берегов водохранилищ: кто сейчас разберет, законно или незаконно были получены эти разрешения? А вот разрушать дома несправедливо.)

В этой ситуации любой принятый писаный закон работать не будет. Со стопроцентной уверенностью можно сказать, что и милиционеры или судебные приставы, которым поручат это делать, будут соблюдать границу справедливости, либо каким-то образом пытаясь «разрулить» ситуацию, либо отлынивая, либо закрывая глаза. Действительно, есть сферы, в которых наши правоохранительные органы избегают исполнения своих обязанностей, поскольку они лежат за границами справедливости и здравого смысла.

Итак, хотя критерии справедливости со временем могут меняться, в России власть может быть только справедливой — и никакой иной.

Осмысленность

В европейской конструкции власти между властью и человеком стоит закон. Именно он определяет границу действий власти. В России соприкосновение с властью происходит непосредственно. Поэтому действия власти должны быть осмысленными.

Это происходит на всех уровнях: при взаимодействии и с ГАИ, и с управдомом, и с президентом. Власть делает властью осмысленность ее действий.

На гигантской территории, при большом количестве народов, принадлежащих к разным культурам, именно эта осмысленность должна создавать пространство ориентации. Власть в России показывает и говорит, что правильно — что неправильно; что существует — чего не существует; что можно делать — а чего делать нельзя. Власть должна восстанавливать картину мира и жизни в России, и это представление должно быть прозрачно и осмысленно. Только тогда люди в России могут спокойно и уверенно жить; в противном случае они из этого пространства так или иначе выпадают.

Оба этих схематизма сознания — справедливость и осмысленность — впитываются при воспитании. Они апеллируют к российскому здравому смыслу. При этом их значимость трудно переоценить: они позволяют людям жить на громадной территории, соседствуя с большим количеством разнообразных народов.

Идеологические конструкции, регулирующие жизнь в стране и устройство ее власти, должны преломляться через эти базисные схематизмы сознания. Ценности демократии, свободы, собственности и т. п. реализуются по-разному в разных странах, и эта разница обусловлена как раз отличием в ведущих схематизмах тех или иных народов.

«Демократия» в Европе, США, Мексике и Японии — это совершенно разные демократии: реализация демократических ценностей организуется по-разному в зависимости от схематизмов самосознания.

Принимая трансценденции справедливости и осмысленности за безусловные, традиционные, за то, что составляет нашу самостность, мы теперь должны ответить себе на вопрос: какой может быть справедливая, например, демократия и в чем ее осмысленность для России? В чем может появиться как справедливый и быть осмыслен как полезный такой институт, как собственность? И так далее.

Демократия

Демократия означает участие народа в достижении соглашения между инстанциями власти[47]. Такое участие может проявляться многими различными способами: через выборы, плебисциты, через работу в партиях, профсоюзах или профессиональных организациях, через общественные дискуссии и т. п.

Первое условие существования демократии — это наличие разных инстанций власти. Что в этой конструкции из многих властных инстанций задает справедливость и что — осмысленность?

Продумывание демократии с точки зрения справедливости и осмысленности представляет собой одну из центральных проблем, без которой демократия в России зачахнет и страна эту демократию не освоит. Потому что выбирать местное самоуправление, которое не становится инстанцией власти, — бессмысленно.

Справедливость задает само участие народа (специально сформированной инстанции) в конструкции власти. То есть народ может выдвигать свои требования, но при этом не навязывать их, а согласовывать, потому что народ может многих вещей не понимать.

С этой точки зрения демократия в России означает, во-первых, то, что должен быть понятный и реализуемый механизм, при котором люди могут выбирать и смещать начальника. Этот механизм должен соответствовать представлениям народа об осмысленности таких действий. Например, на выборы президента в России приходят многие (поскольку народ понимает, что выборы верховной власти — это осмысленно, что от этого многое зависит), когда выбирают местные власти — отношение такое же, но уже по другой причине, а вот на выборы губернаторов приходят немногие (это средний масштаб, и для российского

сознания демократия здесь не очень осмысленна).

Система выборов и смещения начальствующих лиц должна быть проработана с учетом этих особенностей российского сознания. Формы демократии (выборы, референдумы и пр.) должны отвечать для людей на вопрос, что в этой композиции они в результате своих действий изменяют.

Во-вторых, в России демократия должна не опираться на права отдельного человека, а служить выживанию территорий, сел и других общественных единиц.

В-третьих, в России демократические механизмы должны использоваться в качестве «социального лифта». Но сегодня демократия (участие народа во власти) никак не структурирует пространство социальной ориентации, поэтому она и не используется, например, в качестве инструмента изменения своей собственной жизни. Хотя главное, что может приобретаться при участии в демократических институтах, — это опыт общественной жизни.

Осмысленность демократии возникает при ответе на вопросы: зачем и кому она нужна? кто и как может участвовать в установлении принципов действия власти?

Поскольку эти вопросы никак не регулируются и не обсуждаются, то демократия сегодня находится в кризисе.

С точки зрения участия России в современных мировых проектах, было бы осмысленным сделать территорию нашей страны полигоном для отработки разнообразных экспериментальных форм осуществления демократии, при последующем обсуждении новых стандартов ее реализации. Россия вполне может давать уроки демократии всему миру, а особенно США, которые считают свой способ осуществления народовластия единственно приемлемым.

Собственность

Понятия и механизмы функционирования собственности в России с точки зрения справедливости и осмысленности не проработаны вовсе. Первая ошибка, которая здесь обычно делается, состоит в том, что вопросы собственности предполагаются относящимися к экономике или к бизнесу[48].

Но для бизнеса важна не проблематика собственности (какая структура собственности сложится — в такой структуре бизнес и будет пытаться зарабатывать), а проблематика защиты собственности и механизмов накопления. Это лежит в сфере власти.

Точно так же и для экономистов, которым, казалось бы, важна лишь оценка собственности. Как только они ставят

проблему эффективного функционирования собственности или проблему ее появления в масштабах страны (как института) — они уже вынуждены реально обсуждать устройство власти, которая бы это могла обеспечивать.

Проблема собственности лежит только в сфере власти.

Можно выделить несколько важнейших проблем, которые необходимо решать для того, чтобы сформировать справедливый и осмысленный институт собственности в России.

Первая проблема состоит в том, что понятие собственности уже несколько раз трансформировалось. От понятия собственности на вещи перешли к понятию собственности на права (пользования и распоряжения), а потом и к распределенной собственности. Кроме того, появляются новые виды собственности, например — собственность интеллектуальная. Именно эти, совершенно нетрадиционные для России типы собственности и являются базовыми для современного бизнеса.

Проблема заключается в том, что вводить private property в России и обсуждать ее защиту совершенно бессмысленно. Такой собственности давно уже нет в бизнесе (например, чтобы лично кому-нибудь принадлежал завод). Сегодняшняя собственность опосредована капиталом, акциями, менеджментом, корпоративными конструкциями и т. п. Именно этими вопросами должна активно заниматься власть в России. Вместо этого она полагается на экспертные суждения замшелых интеллектуалов, которые говорят об «управлении имуществом». Но это XVII век, а не XXI!

Вторая проблема, жизненно важная для России, это проблема общих ресурсов. Так, в России земля всегда считалась Божьей, ее брали в пользование, а не владели как собственностью. То же самое относится — с точки зрения справедливости — и к другим общим системам и ресурсам: территориям, инфраструктурам, крупнейшим системам. Они не могут переходить в частную собственность, и пользование и распоряжение ими должны регулироваться особыми властными инстанциями.

Это не специфически российские «заморочки»: проблема общих ресурсов сегодня активно обсуждается в мировой экономической литературе (4), которая, по-видимому, неизвестна нашим экспертам-интеллектуалам. Вводятся различные конструкции, позволяющие регулировать пользование, владение и распоряжение подобными ресурсами, причем разными людьми — по-разному (граждане или не граждане, малые народы или приезжие и т. п.)

Это делается через такие конструкции, как народные компании, публичные компании, различные фонды, территории с

особым статусом и т. п. Создание системы подобных — более сложно устроенных, чем просто частные компании, — организационно-правовых форм может начать процесс освоения категории собственности в России через осмысленность и справедливость. Но пока эта проблема не ставится и не формулируется.

Как «Норильский никель» может принадлежать частным лицам? Необходимо отвечать на вопросы о том, где в России может быть private property, где граница several property, где корпоративные структуры, где — исключительно общественное достояние и как поставить границы их взаимного непроникновения. Через публичное, дискуссионное «распутывание» этого донельзя запутанного вопроса должно происходить формирование идеи и ценности неприкосновенной собственности. Это должна обеспечить власть. Пока этого не произойдет — в вопросе собственности будут царить несправедливость и неосмысленность.

Что касается множества мелких собственников, то функционирование этой собственности вполне поддается упорядочению и защите через инстанции судебной и государственной властей и не представляет собой серьезной проблемы. Она получит свое решение, если в России будут решены проблемы типа собственности, подлежащей защите, и общих ресурсов.

Рынок

Проблема освоения института рынка распадается на две.

Во-первых, тот рынок, который идеологически вводился в России в 1990-е годы, не имеет ничего общего с современным рынком (5). В его структуру помимо классических марксовых хаотично двигающихся производителей входят общие инфраструктуры, экраны и индикаторы, финансовые инструменты, предпринимательские и инновационные способы извлечения прибыли. Осваивать в России нужно именно это понятие.

Во-вторых, по отношению к современному рынку проблема справедливости и осмысленности фиксируется в двух точках.

Первое — это механизмы накопления. Если нет механизмов накопления и закрепления богатства на своей собственной территории, то рынок становится бессмысленным и полностью несправедливым. Он начинает напоминать воровство. Возникает «офшорная аристократия».

Однако этой проблемы российские экономисты-либералы не видят. Такие механизмы не строятся. Но это функция власти, и

если власть этого не построит, то она рано или поздно будет сметена: бизнес предпочтет чужую легитимность, а народ будет противопоставлен бизнесу Таким образом, это проблема власти, а не бизнеса или экономики.

Второе обстоятельство состоит в том, что рынок возможен только в структурах взаимного доверия. В западных конструкциях это иногда преломляется как равенство всех перед законом и одинаковость правил игры. В России формальное применение этого принципа бессмысленно: слишком разные регионы, бизнесы, культуры, обыкновения. В результате возникает общее взаимное недоверие: населения — к бизнесу, бизнеса — к власти и так далее по кругу. Установление осмысленных и правильных взаимодействий должно быть не на уровне единых правил, а на уровне «наместников», «шерифов», губернаторов, которые бы удерживали справедливость в общем масштабе по отношению к своей территории.

Та же проблема возникает с налогами. При очень низком подоходном налоге в России существует огромный социальный налог, а ставки налога на имущество — ничтожны. Налоги устанавливаются не исходя из принципа справедливости, а исходя из собираемости. Результат — подрыв доверия по отношению к власти.

Что касается экономической свободы, которая тоже связана с рынком, то специфически российское переосмысление этого понятия состоит в том, что границей проявления свободы является общая справедливость, а не определенные законодательные ограничения (как это понимается сегодня). Нельзя быть свободным от общих систем, от общих правил и так далее. Человек должен быть свободен настолько, чтобы не нарушать общую справедливость.

Достойная жизнь

Через понятие достойной жизни происходит сопряжение принципов справедливости и осмысленности и хозяйственных принципов — эту функцию в капиталистических странах выполнял протестантизм.

Эта категория является совершенно новой для российской власти. Если существуют механизмы накопления, то это приводит к тому, что у тебя соразмерно и пропорционально твоей работе построена твоя достойная жизнь. Она легализована, застрахована — существуют целые процедуры и механизмы этого обеспечения.

В России понятия достойной жизни нет, а значит — нет и важнейшего механизма обеспечения справедливости и осмысленности. Это понятие подменено материальными

параметрами и конструкциями: вместо качественных параметров достойной жизни идет расчет «потребительской корзины».

Если перестать фетишизировать материальные выплаты, то окажется, что, например, очень многие люди в деревнях считают свою жизнь вполне достойной[49]. Показателен эпизод, который произошел на выборах в Ненецком автономном округе. PR-консультанты одного из кандидатов выпустили листовки: «При нашем губернаторе вы будете жить, как в Архангельске!» Это вызвало резкое неприятие, поскольку местные жители считают свою жизнь гораздо лучше, чем в областном центре Архангельске.

Игра с достойной жизнью, переосмысленной с точки зрения справедливости и осмысленности (разумности), становится критичной. Существующее в России социальное обеспечение с пенсиями и льготами построено на материальных конструкциях. Если пенсии — то всем по две тысячи рублей. Но 2000 рублей пенсии в сибирской деревне при своей корове и те же 2000 в Москве — это совершенно разные деньги. Эти деньги бессмысленны и несправедливы и с точки зрения сибиряков, и с точки зрения москвичей.

Это проблемы власти. Если власть их содержательно не разрешает, то не возникают разные инстанции власти, не возникают и не культивируются ценности. Самое главное — не возникает доверия и соглашения с властью. В этом клинче не порождается ни народа, ни народов.

При этом становится невозможным решение демографической проблемы. В принципе, если население не нарождается и его недостаточно для удержания территории, то проблема эта вполне решается за счет привлечения мигрантов. Но тогда возникют проблемы их ассимиляции, адаптации и интеграции в российский народ. Эти проблемы невозможно решить на основании бюрократических формальных процедур. Поэтому существующие власти боятся мигрантов: они властям непонятны, а механизмов интеграции последние построить не в состоянии. Эту проблему можно было бы решить через формирование образов достойной жизни для тех людей, которые хотели бы жить в России.

И это только один пример. Нет ни одной позиции, с которой бы осваивалась категория достойной жизни. Так, в современной России отсутствует социальная стратификация, социальная лестница, которые в стране существовали всегда: при советской власти были передовики, орденоносцы, почетные президиумы и т. п., в царской империи — чины и награды.

Глава 7
Программа самостроительства современной власти в России

ВЛАСТЬ, ВЫСТРОЕННАЯ на современных принципах, может браться за такие проблемы внутренней жизни страны, которые недоступны или невидимы для существующей правящей верхушки.

Решение (или движение к решению) этих проблем одновременно означает и строительство, формирование новой композиции власти в России: такая композиция строится в ходе общественных конфликтов и дискуссий, в ходе современной и реальной политической игры.

Неверно рассуждать так: сначала строительство власти — потом решение важнейших проблем. Модернизация власти и модернизация страны станут двумя сторонами одного процесса: восстановления России как страны мирового уровня, участвующей во всех процессах современности.

Пусть расцветают сто цветов.

Мао

Общее направление движения задается принципом, сущностью власти: подлинная власть способствует приумножению жизни, всех ее форм и проявлений. Браться придется за все одновременно.

1. *Существующая власть увлеклась строительством хозяйства и государства и забыла про свой народ.*

Если про него не вспомнить, то он сам про себя напомнит, как это происходит в Украине и других странах постсоветского пространства.

Народ в России разделен на несколько слоев. В первую очередь это расслоение не по материальному признаку, а по самосознанию. Разные слои фактически уже живут в разных странах, сами строят для себя разное будущее, незаметно для власти включаются в чужие проекты. Ситуация становится взрывоопасной.

Власти шаг за шагом теряют народ. Они уже потеряли самозанятое население, которое живет само по себе. Сейчас они теряют пенсионеров, которым бояться уже нечего: отчаянные

протесты могут начаться в любой момент. В какой-то момент власти противопоставят себе бюджетников и молодежь, которые потеряют перспективу жизни и роста.

Эту ситуацию придется распутывать. Но не так, как работают нынешние власти, — в одной только логике повышения жизненного уровня. Это приводит только к тому, что народ начинает бурлить, потому что он хочет справедливости и осмысленности, а не подачек. Людям нужно совсем другое: молодежи нужно указание перспектив и возможностей их роста, старикам и пенсионерам — формирование достойной жизни и гордость за страну, представителям бюджетной сферы — легализация их нелегальных доходов плюс возможности карьерного роста. Однако параметры достойной жизни для них не формируются, и они все никак не могут превратиться в средний класс.

2. *В структуре народа сложились паразитирующие классы.*

Это государственный люд, чиновники всех мастей. Многие бюджетники превращены существующей властью в чиновников.

Если для народа надо формировать перспективу, то этот класс нужно ликвидировать. Мы не имеем здесь в виду кампанию по репрессиям: должна быть построена такая организация работ, чтобы чиновнический класс постепенно исчез.

Вытеснение чиновников из важнейших областей жизни страны должно сопровождаться параллельным формированием новых инстанций власти, куда бы чиновники могли переходить на службу из госструктур.

3. *Власть несовременна и всего боится.*

Эта ситуация приводит к тому, что *на общественные дискуссии накладывается та или иная цензура,* в результате чего они вытесняются либо в Интернет (то есть в неподцензурную область), либо на кухни.

Цензура осуществляется не прямая, а косвенная. Действует механизм заполнения и вытеснения[50]: одни и те же люди — штатные политологи, эксперты-экономисты, социологи, самовлюбленные обозреватели — обсуждают одно и то же на экранах телевизоров и в газетах. Все пространство обсуждений занято этой «группой заполнения». Реальной дискуссии не происходит.

Кроме того, происходит замена содержательных дискуссий профессиональными обсуждениями: специалисты обсуждают между собой частности, рамки дискуссий не выставляются, при этом общественное сознание полностью дезориентируется.

Слишком много вещей в сегодняшних псевдообсуждениях принято за безусловное — относительно демократии, рынка, власти. Они не проблематизируются, и это и есть самая главная самоцензура.

Это положение дел необходимо изменить, так как общественные дискуссии в современном обществе нужны. Можно и нужно использовать предвыборные напряженные ожидания для запуска общественных дискуссий, для самоочищения власти и для мобилизации населения.

4. *Реализация либеральных проектов устройства экономики приводит к тому, что возникает проблема излишков средств.*

Эксперты-экономисты щеголяют термином «голландская болезнь» — это означает, что никто в этом не виноват, просто болезнь такая. Все объяснено.

> Боязнь воровства, которая сегодня не лает инициировать крупные проекты, — ложная

Такая структура экономики не предполагает размещения излишков, и деньги не работают. Нужно поменять структуру экономики, вернуться к идее крупных проектов, которые смогут инициировать качественный сдвиг в стране.

Не нужно бороться с воровством — нужно создать механизмы, которые бы дали возможность оставлять ворованные деньги в стране, легализовывать их и запускать в оборот.

Один из таких механизмов — приватизация. Например, создается некий проект; при этом и бизнесу, и чиновникам известно, что следующим этапом его реализации, когда он выйдет в режим функционирования, будет приватизация, и у них здесь будет приоритетное право. Тогда они станут меньше воровать, а будут работать на завершение проекта.

Вообще создание механизма накопления денег, капиталов, механизма функционирования денег в стране — первейшая проблема подлинной власти.

5. *Нужно поменять миграционную политику.*

Сейчас она — псевдонациональная и псевдопатриотическая, защитная. Нужно открыть страну и пустить в нее всех желающих. Власть должна научиться ими управлять, ассимилировать их и превращать в русский народ, а также их адаптировать, то есть превращать в граждан, которые лояльны и могут эффективно функционировать в России.

Новая демографическая политика должна состоять в том, чтобы приглашать в Россию лучших, наиболее активных и

творческих людей из всей Евразии — с тем, чтобы они концентрировались в России. Качество и количество населения должны увеличиваться за счет внешнего притока — но притока организованного и прошедшего механизмы адаптации.

Необходимо перестать говорить о «защите русских за рубежом», а ввести и инициировать статус двойного гражданства бывших граждан СССР и заниматься их возвращением. Вернувшиеся граждане, их энергия, способности и капиталы должны получить особую защиту и эффективно использоваться.

Особый вопрос — использование русских, живущих в Европе и по всему миру, в качестве влиятельной политической силы, преодоление их разобщенности, «собирание русской земли» уже во всемирном масштабе.

6. *Нужно отказаться во внешней политике от линии на изоляцию, которая сейчас начала развиваться в России.*

Если эти тенденции усилятся, страна совсем выпадет из современного процесса. Вместо этого нужно *интегрироваться и состязаться с сильными* (США, «Большая восьмерка», Европа, Индия, Китай), с ними вместе расти и развиваться, работать над устройством мира и самих себя. Выход на уровень взаимодействия с ними — основной приоритет внешней политики.

Должен произойти отказ от СНГ и от приоритета работы с ближним зарубежьем. Требуется ликвидация СНГ как лишнего груза, паразитической структуры, блокирующей выход России на мировую арену[51].

7. *Принципы новой политики России должны радикально измениться.*

Россия должна ориентироваться на выработку собственных стандартов международной и внутренней жизни (демократии, устройства власти, хозяйствования), на продвижение собственных стандартов, отказавшись от ориентации на заимствованные оценки и формы организации.

Должен произойти отказ от политики, направленной на сохранение территории, от идеи территориальной целостности. Опасность лежит не здесь. Политика должна состоять в использовании территории как ресурса для взаимодействия с другими странами.

Стратегия стабилизации уже приводит к новому застою, ропоту населения и подготовке к протестам и бунтам, «оранжевым революциям». Власть должна перейти к идеологии развития.

В хозяйстве России необходимо выделение стратегических зон с иными законами и принципами работы и максимальная либерализация всех остальных сфер хозяйствования.

Далее: должна произойти смена социальной ориентации. Надо ориентироваться на сильных, а не на средних и отсталых, прекратить практику социальных подачек, формируя вместо этого стандарты достойной жизни, структуры социального продвижения, перспективу.

8. *Необходимо вернуться в зоны, откуда власть устранилась. Если этого не сделать, в стране будут нарастать проблемы с суверенностью.*

Во-первых, это работа с народом. Существующая власть занимается только экономикой, а «народами» не занимается. Они активно формируются под влиянием других сил. Власть делает все возможное, чтобы партии и общественные силы также не занимались народом. Ликвидация мажоритарных округов ведет к еще большему отрыву партий от народа, затруднение референдумов ограничивает волеизъявление народа и ликвидирует общественные дискуссии. В результате народ попадает под иную легитимность и возникает «дыра» в суверенности страны.

Вторая точка — структура коммуникации, смысловое пространство, которым власть совершенно не занимается и которое тоже может заполняться (и заполняется) извне. Не происходит ни социальной стратификации, ни задания структуры смыслов для следующих шагов развития страны, ни общественных дискуссий. Общественная коммуникация не структурируется.

Третье — пустые, выморочные инстанции власти, которые нынешняя власть упускает. Это судебная власть, СМИ, образование, бизнес. Сосредоточившись исключительно в государстве, власти оставляют в этих областях выморочные зоны, которые заполняются извне. В результате бизнес при первой возможности перетекает за границу и вообще ориентируется на нероссийскую легитимность, СМИ и журналисты могут в любой момент начать работать по заказам извне, народ пойдет за всяким, кто начнет работать со смыслами и покажет ему достойную цель — например борьбу с нынешней властью.

Тот же корень прослеживается и в ситуации в Чечне: Россия не может там победить в том числе и потому, что народ в Чечне формируется другими. Российские власти занимаются там военным присутствием и экономикой — дать денег, построить жилье, больницы, школы. Но народом Чечни не занимается

никто, и власти не понимают, что реально образование детей в Чечне происходит не в построенных ими школах.

Проблемы суверенности в условиях демократии: подходы и решения

Опасения властей

Вопрос о суверенности сегодня настолько важен для России, что его начинают обсуждать даже нынешние власти. Однако в их поле зрения попадает лишь один аспект проблемы: противоречие между суверенностью и демократией. Встает вопрос: как Россия может быть демократичной и при этом суверенной (то есть ни к кому не присоединяться, самой определять свою политику)?

В условиях «неподконтрольной демократии» власти замечают, что губернаторы им не подчиняются, поскольку они начинают подчиняться народу; что им также не подчиняются выборные судьи с судом присяжных; что результаты любых выборов становятся непредсказуемыми.

Власти замечают, что стандарты и образцы демократии находятся за границей, поэтому можно извне оценивать демократию в России. У демократии — внешний источник легитимности. Кроме того, через проект расширения зоны демократии (и рынка) фактически возникает внешнее управление. Это все, как предполагают власти, ограничивает суверенитет.

Возникает «кризис сознания»: власти осознают, что своими руками впустили в страну неподконтрольные им силы, с которыми они сами справиться не в состоянии.

В ответ правящие круги начинают, во-первых, ограничивать демократию в тех рамках, в которых она существовала в России, — начинают контролировать СМИ, ограничивать выборность и референдумы, сужать сферу действия политических партий и т. п. Во-вторых, начинают обсуждаться различные идеологические конструкции, призванные словесным образом разрешить противоречие: политические противники властей говорят об «управляемой демократии», сами власти — о «суверенной демократии». Страна должна ни к кому не подверстываться, а сама определять свою политику, а значит — и роль демократического проекта нужно ограничить.

Это такая же пустая идеологема, какой при Горбачеве было «политическое руководство КПСС» (политика будет, но руководить ею будет компартия) или при советской власти — «демократический централизм». Это внешняя, идеологическая попытка соединить несоединимое, а не заглянуть в проблему.

Проблема демократии: отсутствие собственного понимания

Ответить на вопрос, что такое демократия, можно, лишь построив собственное понимание демократии, которое бы позволяло выполнять ряд процедур таким образом, чтобы быть совместимыми и «валентными» с другими демократическими государствами.

> Россия сможет сформировать свой собственный образен демократии и будет способна вступать в коммуникацию с зарубежными демократами

Если это будет сделано, то Россия сможет сохранять и формировать свой собственный образец демократии и при этом будет способна вступать в коммуникацию с зарубежными демократами и дискутировать с ними на эту тему. Ведь существует же долгая и содержательная дискуссия об образцах демократии между Великобританией и континентальной Европой, между Европой и США. Европейцы критикуют США за то, что у них не подлинная демократия, что они не отдают должного предпочтения правам человека. Представители США в ответ говорят, что демократия — это прежде всего свобода людей, а не их права. Между Великобританией и континентальной Европой продолжается дискуссия о том, соответствует ли идея монархии демократии, которая к тому же усложняется из-за разницы в системе права. И так далее.

Россия не видит этого всего, боясь абстрактного образца «европейской демократии». Она не может участвовать в подобного рода дискуссиях, поскольку не имеет собственного образца и собственного понимания.

Суверенность будет формироваться тогда, когда по уровню проработки проблемы демократии Россия будет по крайней мере не ниже своих оппонентов, когда ее элиты будут понимать все тонкости вопроса и все проблемные точки. Второе условие — суверенность будет формироваться тогда, когда у России хватит силы и ума создать свой собственный образец. И третье, самое главное, — когда у элиты и власти хватит технологичности, то есть средств, способов и обученных людей, чтобы противостоять оппонентам в тех точках, где возникают конфликт и расхождение интересов.

Проблема демократии: отсутствие иных инстанций власти

Внутренние проблемы страны, возникшие, по мнению власти,

из-за демократии, реально связаны с тем, что власти строят моногосударство (абсолютистское, как мы это называли выше) с единственной государственной инстанцией власти. Они создают «управляющую вертикаль», а элиты, которые были бы озабочены формированием иных инстанций власти, отсутствуют. Стремясь сохранить «для декора» выборы, власти вынуждены вводить неудобопонятную «суверенную демократию».

Но, как мы выяснили, само понятие демократии возможно только тогда, когда есть хотя бы две-три инстанции власти, есть элиты и есть еще одна инстанция — народ, — которая участвует в процессе установления отношений между инстанциями. Можно взять для примера избранного народом губернатора, который тем самым якобы выпадает из поля управления государственной власти. При наличии нескольких инстанций власти для взаимодействия с ним есть суд, СМИ и народ. Не нужно воздействовать напрямую на губернатора. Если он нарушает закон, то суд его может осудить. Если он не выполняет свои обязанности, его можно переизбрать. Если он осуществляет какие-то действия за пределами возможного влияния суда и народа — подключаются СМИ. Избранный губернатор в этой ситуации не становится неприкасаемым.

Проблема не в «избытке» демократии, а в устаревшем монопольном устройстве власти. В тех же странах ЕС демократия есть, но они суверенны как целое. Но государство суверенно в определенных рамках, на которые само же согласилось, в первую очередь по отношению к иным инстанциям власти и к народу своей страны.

Мнимые поводки

У этой проблемы есть еще один аспект. Непонятно, откуда вообще взялось мнение об отсутствии суверенности. Можно реконструировать следующие опасения, которые есть у правящего слоя: Россия зависит от курса доллара, от цены на нефть и от импорта.

Возникает вопрос о степени реальности этих «поводков». Варианта здесь три. Первый: правительство России само решило, что оно что-то может, а чего-то не может, и связало себя договоренностями. Второй: существуют механизмы и способы давления, которые при попытках «вырваться» дают определенную реакцию (что-то вроде «строгого ошейника»); но тут возникают вопросы, были ли такие попытки, какова была реакция и где предел прочности. Третий: эти поводки настолько жесткие, что, мол, рвись не рвись — все равно. Возможен и четвертый вариант: мнение о неизбывной несуверенности России есть общий

стереотип сознания, такой же мощный, как стереотип, отождествляющий власть и государство.

По-видимому, вопрос о том, где граница суверенности России и какова будет цена сдвига этой границы, вообще никем не ставится. Но если это так, то страна сама попала во власть непроверяемых, мнимых (по крайней мере неизвестно, насколько реальных) очевидностей.

Дело вовсе не в том, что суверенитет ограничен кем бы то ни было со стороны; дело в самих российских властях. Россия сегодня совсем не осуществляет действий, которые бы рассматривались как суверенные. Значит, проблема не в том, что у страны мало суверенитета. Суверенитет — это лишь возможность. Ею можно пользоваться и постоянно строить то, что можно назвать состоянием суверенности. А можно и не пользоваться.

Отсутствие действий по достижению суверенности обусловлено тем, что правящий класс России не знает, чем Россия «повязана», где граница между объективными и субъективными ограничениями. Объяснения того, почему Россия не может действовать, преследуя собственные интересы, относятся к области общеизвестных предрассудков.

Власть нынешними правителями страны понимается исключительно как государственная, а демократия — как «европейская». Потому любые попытки суверенных, основанных на собственном понимании собственных интересов и действий оказываются внутренне конфликтными. В результате власти не пытаются нарастить суверенность, а весьма успешно ограничивают демократию.

Власти в России не ставят перед собой задачу выработать свои собственные стандарты в области общественного устройства, а значит, такое положение клинча будет продолжаться неопределенно долго.

Построение суверенности

Нет никаких внешних причин, которые бы мешали России осуществлять любые действия, необходимые для достижения статуса великой страны. Катастрофическое сознание у населения, паралич воли и ряд предрассудков относительно устройства власти у правящей верхушки — по-видимому, только эти причины (относящиеся к «субъективным») мешают России начать строить собственную суверенность.

Казалось бы: хочешь быть суверенным — будь им. Но дело не только в желании, но и в воле, а самое главное — в способе и технологиях.

Двести лет назад Гегель опубликовал свое знаменитое рассуждение о диалектике раба и господина. Он рассматривает такую ситуацию: два человека сталкиваются в поединке. Тот, кто ценит в первую очередь свою жизнь и хочет во что бы то ни стало сохранить ее, становится рабом у второго — того, кто готов идти до конца, на смерть. Господин — тот, кто не боится смерти и берет раба под свою защиту.

> Тот, кто хочет что-то сделать, ищет способ, тот, кто не хочет, — ищет причину

То же приложимо и к суверену. Он готов нарушать любые правила во имя сохранения того, над чем он властвует — страны, области, — и остальные делегируют ему это право умереть, защищая существующие порядки.

Это внутреннее состояние, оно регулируется только способами: что суверен сумеет сделать. Иными словами: если есть суверенная воля, то дальше вопрос только в способе.

Проблема сегодняшних российских властей не только в нехватке воли, но и в непроработанности способов достижения суверенитета. Суверенитет — это некоторые эксклюзивные возможности, лежащие за пределами обычного нормального состояния, возможности, которыми можно обеспечивать действия. Значит, надо формировать их[52]. От СССР России досталось совсем немного таких возможностей — ядерное вооружение, постсоветские территории и энергетический ресурс. Новые не создаются.

Многие эксклюзивные возможности выявляются только в действии, только в условиях вхождения в некоторый клуб. По-видимому, именно это заставляет нынешние российские власти так держаться за место в «Большой восьмерке» и в иных «клубах избранных». Но это избранничество не вечно: эксклюзивные преимущества, доставшиеся по наследству от СССР, быстро тают. Необходимо поддерживать статус, строя иные эксклюзивы.

Ими могут стать, например, собственные образцы и, затем, собственные стандарты демократии. В этом случае Россия сможет частью своих внешних контрактов и коммуникативных тем отвечать более высоким стандартам демократичности, а значит, и в остальном сможет стать существенно более свободной.

Это парадоксальное обстоятельство стало понятным на примере сегодняшней Украины. Новое украинское правительство объявило о пересмотре трех тысяч приватизационных сделок (даже с участием западных инвесторов), совершенных, с его точки зрения, с нарушениями закона, — однако США и ЕС это воспринимается с пониманием. При этом в России «дело ЮКОСа»

и любые намеки на возможность «пересмотра итогов приватизации» вызывают очень острую реакцию Запада.

Дело в том, что Украина сейчас достигла — под ожидания действий новых властей по сближению с ЕС и демократизации — определенного уровня коммуникации с Западом (на тему демократии и движения к ней). После этого она может делать фактически все что угодно. Например, устроить сотни показательных процессов над олигархами — с точки зрения Запада, это будет означать движение к демократии. Идеологически любые действия Украины после установления такого типа коммуникации — после вхождения в клуб «передовых стран», да еще на правах форпоста демократии на постсоветском пространстве — будут рассматриваться как соответствующие и приемлемые. Тем самым Украина сегодня стала существенно более свободной и суверенной страной, чем раньше.

Получается странный, но, по-видимому, логичный вывод: проблема суверенитета — это проблема воли интеллекта, стоящего выше внешних ограничений и законов. Как только этими ограничениями элита страны начинает играть, как только поверх этих ограничений она вступает в коммуникацию с теми игроками, которые не слепо подчиняются правилам, а проблематизируют и обсуждают их и тоже играют с ними, — появляется возможность суверенитета. У того, кто не способен играть, она никогда не появляется. Суверенным можно стать благодаря интеллектуальному усилию и освоению технологии игры.

России никто не мешает выработать свои собственные проекты по развитию страны. Для этого достаточно выделить несколько десятков миллионов долларов и собрать хорошую команду. Стабилизационный фонд Россия накопила — значит, проекты возможны.

По-видимому, мешает в первую очередь страх. Страх, что они этого не смогут, что фонд разворуют. Страх изменить самоопределение — правящая верхушка за десяток лет привыкла к позиции «бывшей великой державы», к положению наследников-хранителей. Имеет место блокировка на уровне сознания псевдоэлиты. Кроме того, мешает отсутствие самих проектов, неспособность их разработать и неспособность понять последствия.

Но ведь в 1870-х годах, после крестьянской реформы, как и в конце 1920-х, после Гражданской войны, ситуация была хуже, чем сегодня. Однако суверенность России была восстановлена. А придумать себе объяснений, почему страна не может оторваться от нарисованной линии, можно очень много.

Битва за Россию начинается

Россия еще не потеряла суверенитет. Но раз за разом она упускает возможность осуществить очередное действие по восстановлению суверенитета.

Типичный пример того, как Россия теряет очередную «точку суверенитета», ситуация с Киргизией: Россия помогла вывезти Аскара Акаева и выступила посредницей в договоренности о его отставке и о бескровной передаче власти. Но российские политики не увидели здесь возможности договориться о новой конфигурации сил вокруг Киргизии ни с Китаем и США, которые тоже играют в этом регионе, ни даже с самой Киргизией. Россия спасала своего «старого знакомого», но упустила возможность получить свои дивиденды от роли посредника и той силы, которая может вмешаться в ситуацию и решить ее. Другой пример: Россия могла бы, договорившись с США по поводу рыночных принципов хозяйствования и демократии, выговорить себе функцию контроля над Евразией. Средняя Азия, Индия, Китай, поддержание демократии в Афганистане — поле деятельности огромно. Россия могла бы стать сверхвеликой державой. У США просто не хватит ресурсов поддерживать свой «имперский» порядок сразу и в Афганистане, и в Ираке, и в других странах, которые они уже готовы включить в зону этого порядка. Россия, например, могла бы контролировать Северную Корею с ее грязными ядерными бомбами — причем США было бы совершенно все равно, будет там установлен капитализм или же Россия разработает для Северной Кореи некоторый очередной шаг социализма-коммунизма в качестве социального эксперимента.

На такие проекты США готовы выделять огромное количество денег — только бы глобализованный порядок расширялся, угроза международного терроризма уменьшалась и не гибли бы американские солдаты. Со стороны России могут быть предложены гарантированные поставки нефти или газа — это и может быть предметом договора. Россия при этом будет преследовать собственный интерес: реализовывать множество межкультурных проектов в рамках функции моста между Европой и Азией. Если же не будет сделано этого или какого-то подобного шага, то это будет никому не нужная, забытая северная территория, которую можно превращать в свалки, в зону добычи урана, алмазов, нефти или леса.

Таких упущенных возможностей можно перечислить множество. Нынешние власти вместо борьбы за суверенитет и восстановление России начали восстанавливать вертикаль власти

— одна упущенная возможность. Ценой обескровливания и обессмысливания жизни стали устанавливать стабильность — другая. Вместо элиты власти стали формировать класс высших чиновников, меняя олигархов на чиновную массу, шило на мыло — третья.

Власти не удосужились подвергнуть ревизии саму проблему государства, власти, суверенитета, экономики и всего остального. Понятийная катастрофа в умах, отсутствие воли, отсутствие элиты приводят к тому, что Россия сдает позиции — не потому, что она их не может не сдать, а потому, что она оказалась несовременной совершенно в другой сфере. Точно так же СССР не мог противопоставить западным социальным идеологическим технологиям свои и мгновенно распался без бомбежек и войн. Эта ситуация продолжается, но не обсуждается. Многие темы, поднятые здесь, в этой книге, остаются вне поля зрения, за скобками.

Тем не менее мы убеждены в том, что основные пункты суверенности в России еще сохранились: евразийская роль России, ядерный потенциал, человеческий потенциал, энергоресурсы и так далее. Но державы, входящие в глобализованное человечество, будут сейчас раз за разом испытывать Россию на прочность: какова будет реакция на шаги, ударяющие именно по этим существенным пунктам суверенности. Поэтому битва за Россию только начинается — все, что было до этого, было окончательным решением старых проблем, доставшихся в наследство от СССР. Теперь весь вопрос в том, каким образом «заденут» Россию и заговорит ли она, сможет ли ответить.

Начнется эта битва в обозримом будущем. Первые попытки — 2008 год. Нельзя сказать, что этой опасности власти не видят, но реагируют они на нее единственным известным им способом: «укрепляют вертикаль власти» и «консолидируют элиты». Но сколько ни укрепляй несовременную проигрывающую власть и не консолидируй псевдоэлиты (региональное чиновничество и компрадорскую буржуазию) — результата не будет. Однако ни одного шага по формированию России как евразийского игрока не делается.

Скорее всего, Россию через три года ждет серия «оранжевых революций» в провинциях, ряд бунтов, после чего к управлению будут допущены управляемые демократические лидеры. Далее — убийство национальной промышленности, разоружение, блокировка ядерных объектов внешними силами. Гниение в этом состоянии лет сорок — пока полностью не сменится поколение россиян. Словом, максимально гнусный сценарий. Приготовление

к этой битве уже началось. Битву за суверенность выигрывают властной волей, интеллектом и умением работать с современными технологиями власти. Сомнительно, чтобы нынешние российские власти это понимали — судя по тому, как они шаг за шагом сдают позиции, даже не понимая этого и продолжая твердить о территориальной целостности, современное российское сознание еще не сложилось.

Мы совершено убеждены в том, что власть в России в 2008 году изменится. Вопрос только в одном: будет ли это изменение власти проведено по сценарию оппонентов России или по сценарию ее модернизации? Власти могли бы сами запустить античиновничьи революции, отказаться от поиска преемника, самим осуществить замену власти, начать работать с народом и пестовать элиты[53]. Надежд на это почти нет. Нынешние власти пока сами не понимают, за что им биться.

Первоочередные задачи российской власти

В ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ существует мелкая власть. Это власть бюрократии. Она все устроила по своему бюрократическому принципу. Что она сделала за четыре года?

Оформила войну в Чечне, объявив происходящее там происками терроризма, и начала бороться с ним.

Полностью подорвала взаимное доверие с бизнесом, начав и доведя до конца «дело ЮКОСа».

Изменила бюджетный процесс, выдавив оттуда бизнес. Чиновничество стало господствующим классом. Кормление через бюджет оформилось и стало средством удержания власти.

Инструменты власти сегодня — это, с одной стороны, ее административный ресурс и с другой — PR-ресурс через подконтрольные СМИ. Но по всей стране начинаются процессы, связанные с осознанием того, что власть не адекватна ни самой стране, ни вызовам современности. И к 2008 году эти процессы полностью развернутся.

Пройдет несколько «оранжевых революций», не согласованных друг с другом — с целью отделения, исламизации, западнизации и т. п.

Возникнет коллапс, поскольку эти движения не смогут быть согласованы в рамках нынешнего устройства власти в России.

Под предлогом возникновения ядерной угрозы для всего мира войска США и НАТО заблокируют ядерные объекты России, тем самым произведя частичную оккупацию страны. Власть ничего не сможет противопоставить этому, поскольку будет застопорена и разрушена, а общественные движения быстро

создать не удастся. Весь народ будет разделен по сепаратистским движениям. Начнется процесс автономизации и разделения территории на том основании, что в этих новых образованиях людям жить будет лучше, чем было в России.

Если власть все-таки возьмется за решение первоочередных проблем, то для реальных политиков и для новой элиты возникнут следующие задачи.

1. *Работа с забытым народом.*

Формирование народов. Формирование общественной дискуссии на других площадках, помимо тех, которые заняты властью, с точки зрения возможных вариантов восстановления справедливости и осмысленности жизни в России для забытых народов.

Учиться, учиться и учиться!

Владимир Ленин

2. *Обучение элиты новым технологиям власти.*

В противном случае она не справится: создание народов, создание инстанций власти, создание элиты, создание трансцендентности суть вещи запредельные для сегодняшних политиков. Предстоит напряженная учеба, причем в условиях конкуренции.

3. *Подготовка людей, способных работать с общественными движениями.*

4. *Формирование эффективной власти в том виде, в котором она пригодна для России.*

Эти задачи — сложные, непривычные, неприступные. Но разве в 1990-х годах, совсем недавно, мы не освоили технологии бизнеса или политического лоббирования, не создали невиданными темпами с нуля новые для России сферы — банки, страхование, выборные технологии, финансы? Если мы хотим жить в современной стране, то вот оно — обширное поле деятельности.

Главное — осваивать технологии

ВСЕ УПИРАЕТСЯ В ДВА ВОПРОСА: вопрос самоопределения и вопрос освоения технологий.

Но политикам или иным активным людям, которые не мыслят себя без решения комплекса задач по модернизации

власти в России и по восстановлению статуса России как великой и современной страны, предстоит долгая работа.

В общественном обсуждении должно появиться адекватное понимание проблемы суверенной и современной власти.

То же относится и к современным технологиям власти. Они сегодня устроены вполне технологично, и кто эти технологии освоит, тот и будет сильнее.

Часть II

Глава 1
Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство

ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ в эти дни в Украине, — очень серьезно. Эти события не сводятся ни к решению вопроса о том, кто займет пост президента Украины, ни даже к тому, как это произойдет — относительно мирным путем или с помощью насилия.

Вопрос гораздо глубже. Мы стали свидетелями и даже участниками *столкновения двух способов выстраивать и оформлять власть* ~ и мы продемонстрировали самим себе и всему миру полное бессилие, проиграв в ситуации украинских выборов по всем статьям. Тот способ власти, то понимание власти, которые реализуются на территории Украины — как и на территории России, и Грузии, и Абхазии, и ранее Сербии, — оказались не способными противостоять другому, современному и эффективному.

Выборы в Украине — это яркий и наглядный пример использования технологии, которую применяет глобализованная часть человечества — Европа и США — при расширении границ формирующейся империи. Европа и США проводили на этой территории нечто вроде «спецоперации»: действие по особой технологии, в которую выборы были включены в качестве лишь одного элемента.

В чем она состоит и чего мы в России и Украине не понимаем и не умеем?

Механизм использования выборов

СХЕМЫ, ПО КОТОРЫМ ДЕЙСТВОВАЛА и действует оппозиция в Сербии, Грузии, а теперь в Украине, настолько близки, что можно уверенно говорить о том, что мы имеем дело с новым, осознанно применяемым механизмом реализации внешней политики США (и Европы), с новым механизмом захвата власти в посткоммунистических странах. В чем состоит эта схема? Сначала проанализируем ее внешние проявления, а потом попробуем выявить то, что стоит за ними.

1. Выбирается оппозиционная фигура, так или иначе близкая по образу мыслей американцам, внутренне чуждая тем обыкновениям власти, которые практикуются на территории. Этот человек должен быть «привержен демократическим

ценностям и ценностям свободы».

Для того чтобы эта приверженность не оказалась просто предвыборным трюком — все кандидаты говорят примерно одно и то же, — важно, чтобы этот человек был материально «прикреплен» к западным ценностям: либо жена — американка (Коштуница, Саакашвили, Ющенко), либо человек учился или долго жил в США или Европе (Саакашвили). «Цивилизованность» должна быть на нем закреплена, он должен быть не в состоянии от нее отказаться.

Это требование связано с ментальностью постсоветских людей: с такой цивилизованностью у них связаны определенные ожидания. Люди подсознательно верят: Ющенко, в отличие от партбюрократа Януковича, не может вести нечестную игру.

2. Вокруг этого лица объединяют прежде всего интеллигенцию — точнее людей, ориентированных не только на общенациональные телевизионные каналы. Интеллигенция противопоставляется действующей власти, к которой она испытывает недоверие и от которой ожидает различных проявлений репрессивности.

Очень важно понять, почему именно интеллигенция поддается на имидж западной цивилизованности. Помимо очевидных ценностных и материальных причин (более тесная, чем у остального народа, связь с Западом — контакты, гранты и т. п., над чем хорошо поработали соответствующие фонды), есть и такие, как общий идеологический вакуум посткоммунистических стран (люди подвержены самым различным влияниям), а также отношение к власти, законности и иным институтам власти как к относительным явлениям, подверженным изменениям и небезусловным. Интеллигенция плохо понимает, чем живет остальной народ.

Причиной этого является то, что нынешняя властная элита не знает способа эффективного включения интеллигенции во власть. Во Франции после событий 1968 года механизмы, включающие ротацию, были разработаны, и теперь каждый интеллектуал часть своего времени посвящает выработке государственных решений: работает в экспертных советах, занимает соответствующие должности и т. п. В Украине (и в России) интеллигенция не понимает власть, поскольку власть не знает, что с ней делать. Она лишь использует интеллигенцию, употребляет ее, не пытаясь привлечь ее к созидательным делам во благо государства и политической системы. Интеллигенция не видит во власти людей мудрых и разумных, ощущает себя выброшенной на «обочину истории» и считает, что европейский порядок подходит ей больше.

3. Внутри страны формируется территория, где оппозиционный кандидат получает безусловную поддержку; в дальнейшем она становится плацдармом для объявления и расширения власти оппозицией. В Украине это западные области и Киев, в Грузии — прежде всего Тбилиси. На этой территории власть избранного президента заранее не признается. Люди, живущие на этой территории, наряду с интеллигенцией, по замыслу, должны стать основой, костяком будущего «народа оппозиционной власти» — того народа, над кем получит в первую очередь власть оппозиция[54].

Новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей, на определенный стиль жизни и

определенное будущее, которые существующая власть не поддерживает. Действующая власть не фиксирует, что она имеет дело уже с другим народом, не признающим ее власти, не понимает, что с этим можно делать, просто не видит этого.

Действия властей трактуются как неправовые

США заранее объявляют, что выборы нелегитимны и что они признают только победу оппозиционного кандидата. Другой народ приобретает легитимность извне.

4. Используется традиционное недоверие украинских и российских граждан к власти. Действующая власть объявляется участником выборов (а не их организатором) через одного из кандидатов («административный ресурс»). Предполагается, что она этот ресурс не может не использовать.

Из этого проистекают многочисленные следствия, самое важное из которых следующее: выборы и вообще действия властей трактуются как неправовые, а факт нарушений (вообще говоря, еще не доказанный) превращается в очевидный. Требования к властям концентрируются вокруг того, чтобы они вернулись в правовое поле или не выходили из него. При этом действия оппозиции могут быть какими угодно. Фактически налицо шантаж.

5. В массовом масштабе используются международные миссии, наблюдатели и общественные организации, имеющие возможность интерпретировать события в нужном для оппозиции ключе, а также участвовать в альтернативных подсчетах голосов, формировании общественного мнения и т. п. Одна из важнейших функций этой массовости — физическое заполнение каналов коммуникации и СМИ: такое, что иные интерпретации просто не могут пробиться к слушателям и читателям. Происходит захват дискуссионного поля.

6. Используются параллельные подсчеты результатов и

экзитполы, а также социологические опросы (прежде всего — для формирования и усиления недоверия к власти).

7. Используются основные мировые информагентства для формирования трактовки происходящего, нужной оппозиции, и для выражения — причем заранее, до объявления любых результатов — уверенного сомнения в демократичности процедуры.

8. Используются массовые выступления в столицах стран — Белграде, Тбилиси, Киеве — для демонстрации несогласия с действиями властей и продавливания своего кандидата. Но это — несогласие с той интерпретацией действий, которую сами же сторонники оппозиции и сделали.

Столицы государств выбираются из тех соображений, что там сконцентрирована пресса, особенно иностранная, штабы международных организаций, посольства и т. п.

Именно там противостояние с действующей властью может быть эффективно показано и проинтерпретировано. Кроме того, структура сознания в постсоветских государствах отождествляет власть со столицей.

9. Заранее создаются и после выборов используются экстремистские (силовые) организации активистов оппозиции — в Югославии «Отпора», в Грузии «Кмара», в Украине «Пора». Члены этих организаций знают друг друга, обмениваются опытом, а в моменты смены власти участвуют в активных действиях.

Эти экстремистские организации являются зачатками будущей «гвардии» и организационной структуры, которая будет обеспечивать безопасность демонстрантов, возможность противостояния силовым структурам, организацию транспорта и т. п.

Эти силы финансируются, их тренируют и организуют — именно они будут управлять организацией демонстраций. За месяц до выборов почти все пансионаты под Киевом были сняты для размещения и тренировок этих активистов.

В Киеве оппозиция организована на высочайшем уровне: участников сменяют, кормят, размещают, одевают, им платят — то есть демонстранты просто наняты на работу. Организационно оппозиция легко побеждает действующую власть: известны случаи, когда приехавшие донбасские шахтеры были «перенаняты» (растворены) оппозицией, поскольку власть, привезя их из Донбасса, не озаботилась далее их размещением, едой для них и т. п.

Существующие структуры власти либо не замечают этого организационного фактора, либо не могут с этим ничего сделать: факт оплаты демонстрантам не является основанием для

административного преследования, хотя, разумеется, то, что заполняет майдан Незалежности, — это не демонстрация народа, а форма занятости нанятых служащих. Формируются зародыши будущей оппозиционной полицейско-административной структуры.

10. Парламент и депутаты используются оппозицией для вмешательства в выборный процесс. Во-первых, существует неприкосновенность депутатов, что позволяет им служить живым щитом для различных действий, граничащих с силовыми (так, в Киеве оппозиционные депутаты 23 октября захватили ЦИК Украины, что привело к непринятию решения ЦИК об открытии 400 изоирательных участков в России). Во-вторых, парламент используется как площадка для интерпретации и трансляции нужных для оппозиции трактовок. В-третьих, через него можно легитимизировать определенные действия (так, например, В. Ющенко принес присягу перед частью депутатов в зале парламента).

Парламент и депутаты используются оппозицией для вмешательства в выборный процесс

Демократические формы используются не по назначению, законные механизмы применяются незаконно.

11. Сознательное использование принципов ненасилия, начиная от названия («бархатная», «каштановая» революция, «революция роз») и заканчивая символикой, имиджем и пр. Неправым окажется тот, кто первым применит насилие.

На самом деле насилие просто скрыто. Оно смещается с физического насилия на иной его тип — блокада Киева ударит по поставкам продуктов, дезорганизация органов власти вызовет ряд вполне ощутимых последствий и так далее. Волк в овечьей шкуре причиняет реальные беды, однако притворяется мирным демонстрантом.

Такой способ действий основан на генетических страхах народа: перед смутами и народными восстаниями, гражданскими войнами и репрессиями.

12. «Изматывание» существующих структур: объявление бессрочных забастовок и массовых пикетов в столице и на территориях, где сконцентрированы сторонники оппозиции и которые фактически перешли на ее сторону.

Примерно так выглядит эта эшелонированная и продуманная схема захвата власти оппозицией, которая уже дважды сработала в Грузии и Сербии и полным ходом разворачивается в Украине.

Суть ее можно резюмировать и описать в нескольких словах.

♦ Полный захват пространства интерпретаций и

символического пространства.

♦ Создание «своего народа», увод его из-под действующей власти.

♦ Принуждение власти к действиям на правовом поле. При этом оппозиция пользуется знанием правовых механизмов, но свободна от права.

♦ Использование законных структур и механизмов не по назначению — для захвата власти, «убийства государства» (и расчленения «трупа»).

Поразительно, но с точки зрения технологии существует отчетливая параллель между действием этой схемы захвата власти и современным терроризмом.

Террористы так же продумывают схемы действий официальных властей, находят в них «дыры» и строят свою схему поверх существующих, тем самым добиваясь нужного результата. Точно так же их схема невидима, точно так же они используют законные и демократические формы не по назначению, точно так же этот принцип действий практически неуязвим[55]. Точно так же они могут понести наказание за деяние, не являющееся основным: террористы — всего лишь за убийство, а захватчики власти, действующие по этой схеме, — за беспорядки, препятствование деятельности органов власти и т. п.

Наказания за «убийство государства» нет. Почему? Из-за чего этой схеме невозможно ничего противопоставить?

Современная власть — против власти, давно устаревшей

ДЕЙСТВУЮЩАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ приложила массу политических усилий, чтобы способствовать выигрышу Януковича. Несколько раз Путин встречался и с ним, и с Кучмой. Было принято несколько популярных и разумных решений — например, по гражданству, по регистрации, по отмене НДС на продажу газа и т. п. Были предприняты действительно все возможные действия в рамках конституционного, правового и политического поля. Власти России и Украины действовали точно по учебникам политологии, а лучшие российские политтехнологи ковали Януковичу выигрыш в выборной гонке.

И все же, несмотря на объявленную победу, власти он не получил. Оппозиция продолжила разворачивать свой сценарий дальше. В этом смысле и Украина и Россия проиграли оппозиции, оказались в беспомощном состоянии.

Независимость оппозиционного сценария от исхода

выборов

СТОРОННИКИ ВИКТОРА ЮЩЕНКО заранее объявили свою победу — пока моральную, заявляя как широко известный факт неспособность и нежелание властей провести честные выборы без использования административного ресурса. Даже если по официальным голосам Ющенко и проигрывал, оппозиция действовала точно по плану.

Оппозиция была в беспроигрышной ситуации.

Понимали ли это действующая украинская власть, российские консультанты, штаб Януковича? Неизвестно, но действовали они так, как будто не понимают. Их внимание было сосредоточено на выборах, как будто бы цифра, полученная внутри этой демократической формы, является решающей для передачи власти.

Оппозиция действовала поверх выборов, используя этот момент только в качестве пускового механизма для начала действия согласно отработанной схеме. Была применена антивыборная технология, которая никак не блокировалась.

Что мешает выявить схему?

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПОНЯЛИ ЭТУ СХЕМУ — она же была использована буквально месяц назад в Абхазии, а год назад в Грузии! — и не смогли противодействовать ей? Что заставляло власть сосредоточиваться на использовании исключительно «внутривыборных» механизмов?

Мы считали, что результаты будут говорить сами за себя, не осознавая, что мир изменился, что ничего уже само за себя не говорит, что созданы совершенно другие структуры легитимизации, чем те, к которым мы привыкли. Мы проиграли не в избирательных участках и не в ЦИКе, а в мировых информагентствах и «внутри» тех граждан, которые уже заранее приняли решение не подчиниться власти. И проигрываем не оппозиции, а тем новым способам осуществления власти, которые уже добрый десяток лет отрабатывают США и Европа. Настоящий кризис, подлинная беда в том, что мы просто не видим и не понимаем, за счет чего это делается.

Внешняя легитимация

ЧТО ДЕЛАЕТ ЛЕХ ВАЛЕНСА, приехавший в Киев? Ведет переговоры с Кучмой, Януковичем и Ющенко. Но кто такой Ющенко?

Формально — никто. Но политики, государственные деятели, комиссары разговаривают с ним, придавая ему внешнюю легитимность.

Действующая власть не отказывается встречаться с Квасьневским после его встречи с Ющенко — хотя факт этой встречи превращает визит в неофициальный, в частный. Она не запрещает Квасьневскому въезда в страну. Тем самым признается авторитет ЕС, а Кучма и Янукович признают существование Ющенко, а потом и садятся с ним за стол переговоров.

Де-факто это означает, что Янукович сам не признает себя властью — он начинает сомневаться в собственном существовании, в собственной легитимности. В глазах народа, который идет за ним, эта легитимность просто распадается.

Это значит, что власть не понимает механизмов порождения легитимности. А они таковы: если десять международных деятелей приедут и проведут переговоры с Ющенко, то он уже будет фигурой, равноправной всем остальным, имеющей статус «третьей силы». Давая внешним деятелям встречаться с Ющенко, власть признает факт спорности выборов, наличие у Ющенко оснований для притязаний и т. п. Фактически — отказывает самой себе во власти.

Политтехнологи в авангарде непонимания

ДАЖЕ ТЕ ЛЮДИ, которые причисляют себя к мозговому центру действующей власти, к проектировщикам политического процесса, не видят происходящего. Комментарий Глеба Павловского, сделанный им по каналу «Россия» в ночь с 24 на 25 ноября, звучал так: «Оппозиция лишила себя маневра. Она завела людей в тупик. Им нужно обострение ситуации для оправдания самозванчества».

Это говорится в тот момент, когда сторонники Ющенко фактически — если не будут предприняты решительные действия — выиграли ситуацию в мировых СМИ и в отношении правительств влиятельнейших стран. Когда в Украине создаются внутренние анклавы непокорства (причем уже с обеих сторон — ввиду дефицита общеукраинской власти). Когда половина населения не подчиняется решениям власти и не верит ей — когда у власти украдена половина народа!

Это свидетельствует о том, что Павловский работает исключительно в рамках выборов, повышая рейтинги и явку, консолидируя сторонников Януковича и доводя процент до максимальной цифры, — в то время как оппозиция совершенно безразлична к этим усилиям и действует в других пространствах.

Пока политтехнологи работали внутри России, их способы были относительно эффективны, но как только они столкнулись с внешними технологиями, их никчемность стала видна воочию.

Технология захвата власти против права

УКРАИНСКАЯ СИТУАЦИЯ ПОКАЗЫВАЕТ, что фактически навязанный Западом Украине (и России) в начале 1990-х годов правовой механизм легитимизации власти, закрепленный в конституции, оказался ловушкой (как и само правовое государство). Стратегию Запада можно представить как двухходовку[56].

Первый ход: дать власти в руки новую, модную, «демократическую» игрушку — выборы, научить с нею обращаться, вырастить на ней слой политтехнологов и политконсультантов, сделать ее привычным инструментом (вместе с вытекающими из культурных и менталитетных особенностей народа характерными нарушениями) смены или продолжения власти.

Второй ход: проанализировать использование этого инструмента и создать противодействующий сценарий, основанный на работе поверх выборного демократического механизма — на использовании современных властных инстанций: «биовласти» и власти интерпретаций, которые обсуждаются во многих современных трудах о новом общественном порядке[57].

Биовласть — это власть государства над телами и сознанием людей, формирование своего народа, своих граждан. В традициях российской власти использовать народ как сам собою появляющийся материал, тогда как в США, например, народ тщательно готовят под определенный тип власти.

Символическая власть, или власть интерпретаций — контроль того, как люди понимают и воспринимают события и ситуации, с использованием механизмов коммуникации. Власть направляет и подсказывает: что важно, а что нет, на что обратить внимание, а на что не надо, что существует, а чего нет совсем. Действующая в этой плоскости власть ни за что не дала бы транслировать клятву В. Ющенко на Библии в верности украинскому народу на всю страну…

Если механизмы сознания людей строятся и находятся в поле внимания власти — то правовые формы реализации власти уже не срабатывают: они основаны на неизменности интерпретаций и сознания. Современные технологии власти, влияющие непосредственно на сознание, на порядки, мощнее привычных

нам — правовых. В Украине мы видим тот неуклонно действующий и перемалывающий все на своем пути процесс распространения империи, который описан у Антонио Негри и МайклаХардта (1).

Действующая власть не может осознать, что используемый механизм — лишь один из возможных. Оппозиция решает вопросы гораздо более свободно, неправовым образом, вычисляя действия противника без труда.

Характерными являются слова Леонида Кучмы на пресс-конференции вечером 24 ноября: власть не принимает участия в работе избиркомов, в Украине действует самый демократический избирательный закон. Это означает, что власть не видит необходимости покидать правовое поле, несмотря на то, что ее противники действуют все более беспардонно.

Раздаются призывы Путина, Лаврова, Кучмы, Януковича оставаться в рамках права и публичные заверения в том, что они из этих рамок не выйдут. Именно на это рассчитывает оппозиция. В это время Ющенко приносит присягу, создается Комитет национального спасения, объявлена политическая забастовка, планируется перекрывать дороги и нарушать работу госучреждений. Руки связаны только у государства.

Заметим: каждое из действий оппозиции законно. Только все вместе они образуют неправовую конструкцию, с которой государственные службы пытаются справиться в рамках права, фиксируя лишь отдельные ее проявления. Ведь правовым образом практически невозможно доказать взаимосвязь отдельных проявлений идущей «спецоперации» — поскольку тот, кто удерживает схему целиком, находится за пределами страны.

Оппозиция уже сформировала свою власть, без материальных опор, но действующую и крепнущую. У нее есть зародыш своей территории и административно-полицейской структуры, мировая пресса, свой народ, поддержка ряда стран и одной из церквей. Этого не увидела ни команда Януковича вместе со всеми политтехнологами, ни существующее государство. Власть для них была замещена, заслонена правом, материальной силой, государством. За этими шорами не было видно, как формируется власть оппозиции, использующая современные механизмы.

Какие властные механизмы не сформированы?

РАСЧЕТ НА ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ поддержания власти не позволил Украине развить иные, существенно более современные и эффективные механизмы.

Нематериальные угрозы. Среди угроз власти, которые

способна «различить» и выявить власть сегодняшняя, есть только материальные угрозы: нарушение территориальной целостности, диверсии и саботажи, угроза военного нападения или пограничных конфликтов, экономические угрозы и т. п. Эти угрозы сосредоточены в хозяйственной, административно-полицейской и военной плоскостях.

Вне зоны внимания власти, прессы, политтехнологов остается огромное количество «нематериальных угроз», связанных с политическими институтами, с населением и его сознанием и ментальностью, с символическими и коммуникативными формами, с интерпретациями и чужим экспертированием.

Та власть, к которой мы привыкли, умеет увидеть, как у нее пытаются захватить территорию, украсть деньги — но в Украине совершенно незаметно для всех у государства украли репутацию, авторитет и часть граждан, «перевербовав» их в свой народ.

Напротив, в США, в различных государственных доктринах сформулированы (и закреплены в массовом сознании) такие понятия, как «угроза демократии» и «приверженность идеалам свободы». Это позволяет американцам объявлять зоной своих жизненных интересов любую точку планеты, где, по их мнению, нарушается демократия или откуда исходит угроза свободе.

Отношение к населению. Власть не обращает никакого внимания на свое собственное население — с точки зрения того, насколько оно принадлежит по факту этой стране. Быть гражданином, иметь паспорт — этого с точки зрения власти вполне достаточно. И вдруг выясняется, что половина граждан за один день перестали быть подвластными этой власти и, скорее всего, готовы присягнуть не объявленному президенту, а его оппоненту.

Что же произошло? Неужели государство не заметило, что эти люди, живя в Украине, фактически ориентировались в своих интерпретациях, оценках, интересах, жизненных стремлениях или на другие государства — Польшу, Венгрию, ЕС, США, — или на иные идеалы? Как власть могла спокойно допустить, чтобы у нее за несколько лет украли половину населения?

Это происходит не только в Украине, но и в России, поскольку власти наших стран рассматривают свой народ как неисчерпаемый ресурс, а может быть — и как материал, как то, что всегда было и будет, к чему не надо прилагать никаких усилий.

Человек рассматривается властью как обуза, как объект бюджетных трат, поэтому чем меньше будет населения, тем лучше. В идеале оно должно достичь таких размеров, чтобы власть могла с ним без труда управляться. После этого не надо

удивляться, что целые области — такие как Сахалин, Владивосток и Калининград в России или Львовщина и Волынщина в Украине — готовы без труда перекинуться под иную юрисдикцию, а выпускники самых престижных вузов куют экономическое процветание США. Попытки выращивать нужных людей делаются на нашем постсоветском пространстве на редкость неуклюже и неэффективно, с использованием устарелых идеологических приемов, а в это время власти Европы и США создают для себя граждан на чужих территориях.

Исключительный режим. В Украине не зафиксирована возможность введения никакого «исключительного режима» или «механизма федерального вмешательства». Как утверждалось уже триста лет назад, суверен, властное лицо — это тот, кто принимает решение об «исключительном случае», то есть приостанавливает действие законодательства в силу «права на самосохранение» государства.

Теряя возможность действовать таким образом в исключительных случаях — а сейчас сложилась как раз такая ситуация, — уповая только на правовые формы, государство теряет, не восстанавливает свою власть. Если ответом на все действия оппозиции, поднявшей свой народ на акцию неповиновения, на фактический выход из-под власти, может последовать только заведение двух уголовных дел на тех лиц, которые вторглись в здание АП и Минобразования, то власть в Украине еще раз подтверждает свою беспомощность.

Оппозиция отделяет в свою пользу несколько областей, набирает себе народ, пользуется зарубежной поддержкой для устранения законной власти — и действующий президент не имеет средств, чтобы ввести то или иное особое правление?! Конгресс США после 11 сентября 2001 года принял так называемый Патриотический Акт[58], отменяющий массу существовавших правовых механизмов и гражданских прав ради защиты и сохранения государства, то есть поступил как подлинная власть, восстанавливающая свой суверенитет. Кондолиза Райс заявила прямо: «Мы не будем ориентироваться на устарелое консервативное право».

Право на вмешательство. Сегодня в государственном праве активно обсуждается вопрос кодификации права на вмешательство в случае тех или иных угроз. США и Европа заявляют о возможности вмешательств в случае «нематериальных угроз» — угрозы демократии, нарушения прав человека, а также ситуации безвластия. Такое право на вмешательство в Украине не кодифицировано.

Все сказанное относится в полной мере и к России, которая

также стала объектом террора, демографической угрозы и иных «нематериальных угроз». Она также ничего не может им противопоставить (хотя раньше, в советскую эпоху, мы имели понятие «угроза делу мира и социализма» и действовали в соответствии с ним). Мы не можем конкурировать ни в способах трансформации власти, ни во включении людей в нужную власть.

Что ждет Европу и мир: третья мировая на пороге

УКРАИНА — ЛИШЬ ОДИН из плацдармов распространения новой империи. Ни одно государство постсоветского пространства не может ему ничего противопоставить.

Империя — глобализованный однополярный мир — использует новейшие и самые эффективные механизмы и инстанции власти для закрепления своего господства. Это символическая власть, власть интерпретаций, биовласть — то есть формирование людей, приспособленных для жизни в этом обществе: людей с определенными стандартами поведения, взглядами, реакциями, ориентациями и т. п. Это опора на внегосударственные формы власти: механизмы ЕС, ВТО, международные трибуналы и суды, различные клубы и неправительственные организации, на торгово-промышленные международные концерны и СМИ. В основе своей это власть инфраструктур, с которыми обязан быть совместим любой товар, власть стандартов, сертификатов и т. д.

Благодаря тому, что этот эшелонированный механизм поддержания и распространения власти является на сегодняшний момент самым эффективным, мы не в силах ничего ему противопоставить.

В Хельсинки в 1975 году все государства Европы обязались руководствоваться принципом нерушимости границ, фактически объявив вне закона территориальные притязания, а тем более войны. Именно на этом держится международный порядок в Европе, да и во всем мире. Первый же прецедент нарушения этого принципа явится пусковым механизмом для множественных претензий.

Масса частных интересов различных государств сосредоточена сегодня на расколе Украины. Так, Польша стремится приобрести вес и влияние в ЕС — и отторжение части Украины в ее пользу (да даже и участие в разрешении сложившейся ситуации) будет очень способствовать достижению этой цели. Именно поэтому польские влиятельные эмиссары пытаются разрешить ситуацию в Украине в своих интересах. В этом же направлении действует и мощное польское лобби в США

(вспомним, что Збигнев Бжезинский — этнический поляк).

Европейский порядок жизни распространяется. Белоруссия станет следующим объектом воздействия: уже сейчас она находится в международной изоляции. Россия слишком велика, чтобы по отношению к ней применить подобные связанные с выборами механизмы, поэтому в ней будут применяться схемы биовласти: отторжение населения по частям, слоям, группам.

Западные области, Калининград, возможно — юг России, а также Поволжье с высоким процентом мусульманского населения и, разумеется, Дальний Восток станут объектами такой экспансии.

Как вернуть Украину?

КАК СОХРАНИТЬ ВЛАСТЬ в условиях нового империализма? Какие технологические принципы противодействия ведущейся организационной войне могут сработать?

1. «Вычисление» схемы: власть должна научиться видеть не отдельные проявления схемы действия оппозиции, а всю ее целиком, должна научиться оперативно менять схему собственного действия.

2. **Отношения с правом:** власть существует, возникает и сохраняется не в структурах права и государства, а поверх этих структур.

3. **Видение «нематериальных» угроз:** необходимо кодифицировать «нематериальные» угрозы для власти и страны и отработать введение различных чрезвычайных ситуаций для противодействия им.

4. **Действие на опережение:** сегодня после выборов никто автоматически президентом не становится. Президент должен захватить поле интерпретаций и победить в нем.

Перед новым президентом Украины стоит именно эта проблема: сможет ли он реально взять власть — не ту власть, которую фиксирует ЦИК на бумаге, а ту, которая позволит ему восстановить целостность народа и страны?

Виктор Янукович должен перейти к активным действиям. Во-первых, он должен понять, что власти сейчас в Украине нет и что расчет на правовые механизмы утверждения его во власти не сработают. Необходимо действовать на опережение и формировать свою собственную власть, свой собственный украинский народ. Тот, кто сейчас делает первый шаг, — тот уже захватывает власть.

С Украины начинается постепенный, но неуклонный

передел Европы

Во-вторых, он должен реализовать иные способы — помимо инаугурации в торжественной обстановке — легитимизации и оформления собственной власти.

В-третьих, он должен воспользоваться всем набором других конституционных механизмов, если уж в пространстве выбора он потерпел поражение.

В-четвертых — воспользоваться существующим коммуникационным и политическим пространством для кардинального изменения тематики общественного обсуждения, для сдвижки реальности взаимодействия с оппозицией: перейти от проблем противостояния с Ющенко к проблемам организации власти и государства после своего избрания. Фактически он должен дать украинскому народу и государству то, что оппозиция только обещает.

Выводы для России

В СИТУАЦИИ ВЫБОРОВ В УКРАИНЕ Россия столкнулась с реализацией новых принципов власти. Необходимо проанализировать эти принципы и начинать работу по использованию аналогичных или более эффективных механизмов устройства власти.

Эти механизмы суть формирование граждан нужного качества и использование власти интерпретаций в мировых и внутренних коммуникационных пространствах.

Внимание к теме механизмов современной власти является обязательным условием восстановления Россией статуса великой страны и достижения состояния конкурентоспособности.

29 ноября 2004 г.

Глава 2
Ловушка-2008. Уроки Киевского восстания

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Я ОФИЦИАЛЬНО, ОТ ИМЕНИ парламентской группы участвовал в событиях в Украине в качестве наблюдателя и знаю положение дел не понаслышке. То, каким образом обсуждается ситуация, не имеет ничего общего с реальностью происходившего в Киеве.

Пройдет месяц-другой — и аналитики и журналисты докажут нам, что вообще ничего особенного там не произошло, что всего лишь народ таким непростым путем выразил свою волю, что надо налаживать отношения с Украиной под президентством Ющенко.

> В Украине случилось то редкое событие, которое обнажает реальные технологии власти

Не возражаю против последнего тезиса. Но в ноябре 2004 года в Украине случилось то редкое событие — *событие власти,* ~ которое *обнажает* базисные реальности современного устройства политико-организационной жизни, *реальные технологии власти.*

События 2004 года в Украине небезобидны. За ними стоит определенная технология отъема власти у «прогнившего» режима (но «прогнившим» оказывается всякий свергнутый режим власти — с точки зрения нового режима).

Мы пережили *«момент истины»,* позволяющий заглянуть в наше собственное будущее, — и грош нам цена, если мы не сможем увидеть таящегося в нем вызова.

В начале прошлого века Ленин написал статью «Уроки московского восстания» (1). Анализируя ход революционных событий, он разработал технологию отъема и становления новой власти. Существующая на тот момент российская власть не проделала аналогичной работы. Результат нам известен. Теперь, восстанавливая и строя власть в России, мы можем оказаться в том же положении, что и царская власть образца 1905–1917 годов.

Россия не украина?

ПЕРВОЕ, ЧТО БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА при чтении комментариев по поводу украинских событий, — это удручающее непонимание российской властью сущности произошедшего события и убежденность в том, что «оранжевая революция» — это единичное и стихийное событие.

Так, Александр Вешняков, председатель российской ЦИК, 27 декабря 2004 года заявил: «Предпосылок для создания «оранжевой революции», как в Украине, у нас нет». Итоги выборов в России становятся известны не за десять дней, а за часы — «это обезоруживает наших оппонентов и не дает раскачивать ситуацию, как в Украине или в Грузии». Сайт ЦИК России защищен от нападок профессиональных хакеров — а в Украине в ходе выборов сайт был «разрушен». Вешняков считает, что в Украине была «система дезорганизовать голосование, чтобы потом условия диктовала улица» (орфография и стилистика автора сохранены). В России все организовано неизмеримо лучше, а потому такого рода «революция» невозможна.

«Крепкий организатор» Вешняков уверен, что гарантией сильной власти служат оперативность и защищенность передачи информации. Но оказывается, что и Сергей Кивалов, председатель ЦИК Украины, был уверен в этом. В своих ноябрьских интервью он обсуждает исключительно организационно-технические вопросы: необходимость создания единого реестра избирателей, защищенность и мощность серверов, фильтры и утечку информации. Чтобы не получилось, «как в Грузии».

Два руководителя ЦИК мыслят в одинаковых рамках. Как же можно тогда утверждать, что условий для «оранжевой революции» в России нет? С нашей точки зрения, эти предпосылки имеются в России все до единой — пусть даже российские технические системы и совершеннее украинских.

Цунами «оранжевых революций»

ЗАЯВЛЕНИЕ ВЕШНЯКОВА ПОКАЗЫВАЕТ, что он просто не понял главного в украинских событиях: уже не имеет значения, как считаются голоса и кто выигрывает сами выборы[59]. Но это потрясающее непонимание наталкивает и на неизмеримо более серьезные выводы.

Революции оранжевого типа происходят в Восточной Европе и на постсоветском пространстве регулярно: Сербия, Грузия, Украина. В августе 1991 года мы в СССР пережили нечто аналогичное. Недавно подобная смена власти произошла в Румынии, но осталась практически не замеченной российской прессой.

Кто или что является основной причиной таких революций? Злые и коварные внешние силы?[60] Ни в коем случае.

Причин две. Во-первых, развитие новых технологий захвата и реализации власти. Во-вторых, неспособность существующей властной элиты на постсоветском пространстве их освоить.

В знаменитой на Западе, но практически неизвестной в России книге Курцио Малапарте «Техника государственного переворота» (2), написанной еще в 1931 году, автор указывает, что основным условием применения технических приемов государственного переворота всегда является уверенность действующей власти в полном контроле над ситуацией и ориентация на существующие механизмы установления власти (выборы, назначения и т. п. — я бы даже сказал, зацикленность на них).

В то же время те, кто захватывает власть, используют *новые механизмы осуществления и удержания власти,* которые традиционно даже не считаются элементами власти. Вспомним формулу восстания 1917 года в России: захватить почту, телеграф, мосты[61] и банки. Временное правительство не рассматривало эти «технические» устройства как элементы власти — и поплатилось за это.

Презрительные высказывания Кучмы и Януковича о «власти толпы» и «власти улицы» закончились тоже известно чем. Уроки киевского восстания могут быть извлечены, если мы поймем, на чем держится современная власть. Упорство в отстаивании старых истин сделает наших руководителей основными организаторами следующих «революций» и поставит их в один ряд с Милошевичем, Шеварднадзе, Кучмой.

Шеварднадзе был уверен в собственной власти. Кучма занимался манипуляциями, создавая двух равномощных кандидатов-преемников. Российский истеблишмент, который уверен в своей неуязвимости, просто-напросто является следующим претендентом на проведение «оранжевого» сценария. Выступив с публичным заявлением о том, что он ничего не понимает в способах осуществления современной власти, Александр Вешняков сам о себе заявляет как о следующем кандидате на отставку после будущей российской «оранжевой революции».

То, что природа власти коренным образом меняется в современном мире, это, наверное, знают многие[62]. Многие читали (или видели) книгу Элвина Тоффлера «Метаморфозы власти» (3), читали (или слышали) про книги Фукуямы и разные другие книги. Но все время кажется, что это — «у них». На самом же деле это — «у нас». У нас происходит коренное переосознание

власти. Поэтому именно у нас можно в одночасье развалить Советский Союз, поменять социализм на капитализм — и сделать это так, что мы даже не поймем, как это произошло. Так же, как Кучма и Янукович (а с ними и донецкие шахтеры, и многие другие, верившие в право, конституцию, выборы и силу государства) не поняли, как же произошло, что все механизмы власти (которые они считали механизмами власти) вдруг отказали разом.

Власть поменяла свою природу. Теперь она — не в государстве, не в контроле за СМИ и бизнесом. Все эти механизмы «обходятся» и используются знающими людьми по своему усмотрению. Власть перешла в организацию коммуникации, в организацию сознания. Термины «биовласть», «символическая власть», «коды коммуникации», «интенции сознания», «ориентация сознания» наверняка нынешним российским людям власти незнакомы. Они уверены, что «реальная власть», это указы, распоряжения, законы, бюджеты, силовые структуры и пр., а также — деньги, машины, мигалки и подобострастная челядь. Однако именно в этом и заключена проблема власти.

Пока Временное правительство в 1917 году с важностью решало «государственные» дела, не обращая внимания на «технические детали» — вроде того, как работают почта и телеграф, банки и мосты, — власть ушла[63]. Так же и сегодня: пока обсуждается удвоение ВВП, захват государством нефтяных активов и основных СМИ, выстраивание вертикали власти и политические PR, — власть перетекает туда, где конструируют коды коммуникации, меняют символические структуры сознания и вырабатывают новые ориентации.

Что же именно российская власть про власть не понимает?

Мягкие технологии

ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ «оранжевых революций» строится, с одной стороны, на определенном понимании сущности власти «новыми технологами», а с другой — на непонимании сущности власти истеблишментом: государственными властями и их советчиками, российскими политтехнологами.

Какие именно условия делают эффективным применение «оранжевых технологий»?

1. *Сегодняшняя власть убеждена, что вся полнота власти должна быть сосредоточена у государства,* что укрепление власти происходит в первую очередь через укрепление государства (в

том числе и укрепление организацонно-техническое, как это видится г-ну Вешнякову).

Но современное государство имеет *очень ограниченные функции* по поддержанию власти. Есть массовые коммуникации, СМИ, независимые экономические субъекты. Существуют современные технологии организации и индивидуального сознания, и толпы.

Вспомним события в Украине 29 декабря, когда Виктор Ющенко призвал своих сторонников блокировать Совет министров, с чем легитимная, обладающая вооруженными и полицейскими силами власть ничего не смогла сделать. В результате Виктора Януковича не пустили на заседание правительства — и правительства в Украине не будет до тех пор, пока этого не захочет Ющенко.

В совместном заявлении 4 января, которое сделали Виктор Ющенко и Михаил Саакашвили в Карпатах, говорится: «Воля народа сильнее государственной машины». Это действительно так: государственная машина безусловно слабее технологий, использующих в том числе и народ.

2. *Действующая власть вызывает у населения недоверие, поскольку общеизвестно, что она коррумпирована.*

На основе этой ситуации строятся базовые дуальные схематизмы организации сознания (использование подобных коммуникативных кодов описывает социолог Никлас Луман (4): *если власть коррумпирована и к ней нет доверия, то она подделает выборы.*

Сколько бы политтехнологи ни бились за доли процентов, привезенные наблюдатели, не выходя из гостиниц, заявят: выборы были поддельными. Коррумпированная власть и умело разожженное под выборы недоверие к ней у части населения — этого вполне достаточно, чтобы оспорить любые результаты.

Технология состоит в том, чтобы для людей возможность подделки выборов вытекала из самой природы существующей власти, чтобы эта возможность была известна всем. В достижении этой цели исключительно высока роль СМИ.

3. *Власть признает по отношению к себе чужую легитимность.*

И Россия и Украина заявили на официальном уровне: «Мы движемся по пути рынка и демократии». Где в этой ситуации расположена «Мекка демократии и рынка»?

Известно где: Мекка рынка — в США, а демократии — в Европе. Поэтому для людей, которые мыслят в рамках бинарных коммуникационных схем («либо демократия — либо нет», «либо рынок — либо нет»), оценка, сделанная со стороны ЕС или США,

уже создает *единственно возможную легитимность*. И если наблюдатели ЕС сказали, что выборы 25 декабря в Украине были проведены лучше, чем 16 ноября, значит, так оно и есть.

С другой стороны, кто поверит Любови Слиске, которая утверждает, что нарушений было много, если она сама плоть от плоти той власти, которая регулярно подделывает выборы? Об этом «известно всем»: если доверие утеряно, то любые дела, слова и жесты будут трактоваться либо как заметание следов, либо как ложь. Европейский же наблюдатель на обман «не способен».

Мы сами оплатили появление такой конструкции, заявив, что мы стремимся к идеалу, который находится вне наших границ. Мы признали над собой легитимность чужих оценок и трактовок.

Страна, избавившаяся 10–15 лет назад от партийной гегемонии, физически не в состоянии быть столь же образцовой демократией, как и страны с трехсотлетней демократической историей. Значит, наша *власть заранее и кругом виновата.*

4. *Власти не понимают, какова роль средств массовой информации.*

С точки зрения организации власти, СМИ делают только одно: относительно событий, которые невозможно проверить, они формируют мнения, которые известны всем. Откуда, например, известно, что Бен Ладен вообще существует? Только из телевидения и газет.

Поэтому «оранжевая технология» в отношении СМИ простая: часть журналистов необходимо законтрактовать, а остальные СМИ просто заполнить выступлениями и материалами тех людей, легитимность которых сама власть признала. Поле общественной коммуникации заполняется рядами нужных для оппозиции трактовок. А власти уже потом никто не поверит, поскольку что бы она ни заявила, *известно,* что она коррумпирована и недемократична.

Такого рода технологии, связанные с использованием средств массовой коммуникации, власть просто не видит.

Показателен эпизод, описанный в интервью президента Польши Квасьневского, где он рассказывает о ходе посреднических переговоров в Украине. Он настаивал на открытом и гласном освещении заседаний Конституционного суда. У представителей Украины и России это вызвало, по словам Квасьневского, страшное смущение и непонимание.

Квасьневский убеждал их: важнейшее решение нужно принимать гласно. Но реально ход состоял в том, чтобы *происходящее в суде стало публичным и его можно было бы трактовать всеми возможными способами,* чтобы вывести это событие в поле интерпретаций и обсуждений. (Кроме того, в этих

условиях судьи, которые уже заранее знают точку зрения Совета Европы и проголосуют за противоположное решение, станут в глазах Европы тоталитарными, а не демократическими судьями. Это клеймо на всю оставшуюся жизнь).

И европейцы, и Ющенко, использовавший телевизионную трансляцию своей клятвы на Библии для упрочения своей власти, умеют работать со СМИ и использовать их власть и влияние. А государственные власти ни в Украине, ни в России этого не умеют. Более того, даже заседания правительства уже хотят сделать закрытыми для прессы под предлогом того, что министры не умеют говорить публично.

Но это значит, что *мы сами отказываемся от той власти,* которую дает умение работать со СМИ и со всем интерпретационным полем общественной коммуникации. Замкнув заседания правительства, мы даем возможность кому угодно строить обвинения в закрытости и коррумпированности власти, а СМИ — изощряться в подтверждении этих глубоко скрытых оснований.

5. *Последний пункт: власть пользуется финансовой поддержкой приближенных к ней олигархов.*

Выборы в Украине финансируют олигархи — это известно всем. В рамках «оранжевых технологий» олигархам и власти противопоставляется народ. Народ финансировать можно — ведь он же борется против коррумпированной и лживой власти!

Именно такая смысловая конструкция и была использована в Украине. Фактически был создан особый «народ», поддерживавший Ющенко и ставший зародышем легитимности новой власти[64]. Такой народ поддерживается и прекрасно организуется. Отряды «Опоры», еда, автобусы, смена, организация масс — все ставится на службу «оранжевой революции».

Итак, власть, сосредоточенная исключительно в государстве, коррумпированная и не пользующаяся доверием, не умеющая работать со СМИ и с общественной коммуникацией, но признающая над собой чужую легитимность, оказывается беззащитной перед совершенно скромными финансовыми и организационными вложениями — но вложениями, направленными в нужную точку.

Сигналы готовности поданы

ОПИСАННЫЕ «ОРАНЖЕВЫЕ технологии» эффективны против вполне определенного типа государственной власти — той, которая сложилась в государствах постсоветского пространства. Но, кроме того, необходимы и вполне определенные действия,

своего рода сигналы, демонстрирующие, что эта власть уже «готова», «созрела» для применения таких технологий.

Таким сигналом, несомненно, станет интервью Вешнякова. Но есть и более серьезные демонстрации.

1. *Власть начинает искать преемника, подтверждая худшие опасения народа.*

Вспомним, что все российские дворцовые перевороты XVIII–XIX веков были связаны с тем, что отсутствовал закон о престолонаследии. Не было единого порядка занятия престола, и эта ситуация порождала множество соблазнов. Екатерина, минуя Павла, отдала власть внуку Александру Безбородко выкрал это завещание Екатерины и привез его Павлу, за что был осыпан бесчисленными милостями. В этой ситуации хорош любой порядок — демократический ли, наследственный, какой угодно, — лишь бы он был *зафиксирован и известен.*

Даже Ельцин не искал себе преемника: он это сделал быстро, освободив свой пост досрочно. В результате он одномоментно выиграл ситуацию.

Объявив, что ищет преемника — это уже всем известно! — власть подставляет любому противнику или просто властолюбцу самое уязвимое место, теряет доверие народа и возбуждает любые силы на действия против себя.

2. *Власть придерживается Конституции и законности, говоря народу, что она ни в коем случае не применит силу.*

Это означает, что власть попала в ловушку: она отказывается от своей основной функции — ради страны и ее жизни действовать в рамках высшей справедливости и высшей цели, признавая лишь суд Истории. Когда власть, не обладающая доверием, заявляет, что будет действовать «по закону» — это сигнал к атаке: власть бессильна. Когда власть заявляет, что не будет использовать силу против своего народа — можно выводить толпу на улицу. Применит силу — виновата, ее надо свергать. Не применит — свергнем и так.

3. *Власть приглашает на выборы наблюдателей из ЕС.*

Это сигнал к тому, что власть готова принять внешнюю легитимность. Когда власть это делает — вне зависимости от того, как к этому относится народ, — она создает систему предпосылок для революций всех цветов.

Все три указанных пункта рассогласованны. Они не создают единого порядка передачи власти. Требование конституционности взято из одной рамки, поиски преемника — из другой, а наблюдатели представляют собой внешнюю упорядочивающую силу. Между этими требованиями — разрыв, дыра, куда элементарно утекает власть или откуда могут

запросто проникнуть непрошеные технологии.

Так произошло в Украине. Следующие точки — Киргизия и Молдавия. А уже потом — в 2008 году — будет и Россия. В России найдется немало людей, не доверяющих власти и сталкивающихся с ее коррумпированностью, и немало проблем, благодаря которым этих людей можно будет поднять (не происходит ли это уже сейчас с манифестациями пенсионеров?). Государственные власти будут по-прежнему слепо придерживаться Конституции, которой сами не соответствуют, — тем самым расширяя упомянутую дыру, куда утянет реальную власть.

4. *Реальное подчинение СМИ государству является ложным и ошибочным ходом.*

Страна открыта, существуют Интернет и мировые СМИ. Усиление контроля над СМИ вызывает недоверие к ним и подтверждение худших опасений по отношению к власти, а уж внешний мир постарается «влезть» в эту ситуацию и компенсировать информационно-интерпретационные дыры — по крайней мере для небольшой части народа.

Не следует утешаться тем, что контроль над тремя-четырьмя центральными телеканалами позволяет удерживать в интерпретационном поле 90 % населения: ведь это — в среднем. В России «оранжевые технологии» будут применяться в отношении различных частей страны, и там-то можно спокойно сконцентрировать недоверие и к власти, и к этим СМИ.

Люди уже понимают, что задача СМИ — интерпретировать события, которые другим образом недоступны и которые никто не может проверить. Функцию достоверности *отдельное* СМИ не выполняет. Некая достоверность может быть достигнута только за счет *конкуренции,* когда есть много разных газет и телеканалов. Когда очевидно, что считаные каналы контролируются государством, то все отлично понимают, что это недостоверно.

Концентрация СМИ неизбежно приводит к подтверждению опасений людей по отношению к власти, к росту недоверия.

Дальше будет просто: при возникновении «революционной ситуации» поверх сообщений центральных подконтрольных СМИ будет мгновенно создано интерпретационное поле, трактующее все, что они говорят, как ложь или бессильные оправдания. Займутся этим те люди, которых выдавили с телевидения и из газет. Сергей Доренко уже ездил в Украину агитировать за Ющенко. Нетрудно догадаться, что именно будет делать в случае российской «оранжевой революции» Леонид Парфенов — работать на зарубежные телеканалы (кстати, кто владелец той газеты, куда он недавно поступил на службу?).

Если СМИ не будут максимально освобождены, если не будет создано большое их количество, то «оранжевые технологии» получат в СМИ, контролируемых государством, своего надежного союзника.

5. *То, что государственная власть делает сегодня по отношению к бизнесу, также является подготовкой к революционным событиям 2008 года.*

Именно власть должна обеспечивать бизнесу две важнейшие вещи: инфраструктуру доверия и возможность накопления и умножения бизнеса на территории России. Ни того ни другого она сегодня не обеспечивает, и эти вопросы даже не стоят в повестке дня.

Потому весь бизнес строится сегодня так, чтобы механизмы сохранения своих капиталов и поддержания доверия располагать вовне. Капиталы в Россию не вкладываются, правительство никак не может отыскать точки и зоны концентрации усилий для бизнеса, а уж про атмосферу доверия, про стабильность, надежность правил и справедливый суд и говорить не приходится.

Ответом на сегодняшние налоговые игры будет бегство капиталов под зонтик международного бизнеса и соответствующего права (такое произошло в Грузии). Крупные интернациональные корпорации будут под чужой юрисдикцией защищать капиталы и бизнес российских миллиардеров — так же, как раньше эти же миллиардеры искали защиты в МВД или ФСБ. Альтернативы нет — в условиях сегодняшней России и политики властей эта структура обеспечивает и доверие в бизнесе, и правила игры, и судебную защиту, и возможность мультиплицирования и накопления богатства.

Техасский суд в деле продажи «Юганскнефтегаза» уже начал вводить сюда, на территорию России, зарубежную легитимность. Это первая проба пера. Российские власти поступили по отношению к международному сообществу так же, как бизнесмены поступают по отношению к российской власти: осуществив продажу через фирму-однодневку. Технически власти победили, а морально только подставились: теперь стало ясно, что начались другие, жесткие игры.

Политика государственной власти истощает национальный бизнес. Это означает, что в революционной ситуации он не будет поддерживать существующую власть. Он будет осторожно и понемногу поддерживать всех. В решительной ситуации, поскольку он уже признал западную легитимность, для бизнеса будет важно — при любых патриотических словах — поддержать на конечных этапах «оранжевую революцию». Иначе — клеймо

прихвостня режима и потеря имени.

Поэтому и с экономической точки зрения ловушка-2008 уже поставлена.

Ловушка захлопывается: идеология «сдачи»

УСУГУБЛЯЕТ СИТУАЦИЮ ТО, что выборы в России в 2008 году будут делать все те же политтехнологи, которые делали выборы в Украине. Степень их непонимания ситуации и неготовности к ней — просто вопиющая (впрочем, в интересах «оранжевой революции» поддерживать их в мнении, что они самые великие). В журнале «Эксперт» (5) Глеб Павловский объясняет украинский провал всем чем угодно, только не действиями политтехнологов. Основные причины остаются невидимыми.

Эта позиция демонстрирует будущим организаторам оранжевых революций, что Павловский (как и Вешняков) — вообще не противник, что он будет делать только то, что делал пять последних лет: надувать проценты при голосовании. Своими статьями и выступлениями Вешняков и Павловский говорят: нас бояться нечего.

Более того: уже появляются тексты, направленные просто на подготовку оранжевой революции-2008 в России.

Первая ласточка — статья Сергея Переслегина (6) в том же «Эксперте», основной тезис которой заключается в следующем: даже если Россия разделится, ничего страшного не произойдет: «русская структура сознания» и русская культура останутся. На первый план выходит идея не страны России и тем более не Российской империи, а «русского мира». Фактически утверждается, что русские — это только культура.

Но сегодня как-никак русские — это еще и территория, и сила, и определенная материальная организация, и определенный тип социальной жизни, и тип власти, и те схемы освоения территорий, которые в людях заложены, и православие, сосуществующее с другими религиями.

Что произойдет, когда это все будет объявлено неважным, а акцент будет сделан исключительно на культуре? То же, что сейчас происходит с испаноговорящими гражданами США. Да, почти все они говорят на испанском; да, у них есть свое телевидение; да, они представляют свою культуру (так же, как афроамериканцы); но представляют ли они силу? Нет — они просто часть электората в рамках совершенно другой игры.

После войны и Холокоста евреи делали все, чтобы создать государство Израиль. Народу нужна своя территория для того,

чтобы его жизнь была не просто культурой, чтобы можно было защищаться, чтобы можно было воссоздавать на территории свой, не навязанный никем способ и порядок жизни. Без этого еврейский народ был неполноценным — и эту неполноценность надо было ликвидировать, создав свое государство. *А сейчас русских убеждают добровольно перейти в состояние диаспоры!*

Статья Переслегина приучает россиян к мысли, что ничего страшного не произойдет, если они сделаются бездомными — но будут продолжать говорить на своем языке, любить Пушкина и Достоевского.

Более того: утверждается, что реально нет никаких *рациональных* (подчеркиваем) причин, по которым Россия должна продолжать оставаться как целостное хозяйственно-политичесое образование, как страна. При обсуждении российских реформ один из явных соблазнов — об этом говорится в недавно вышедшей книге Вячеслава Синюгина «Искусство реформирования» (7) — это признать, что с точки зрения организации производства и жизни Россия как таковая не нужна и вполне можно разделить ее на несколько регионов: европейская часть примкнет к Европе, Южная — к Турции, Сибирь — к Китаю, Дальний Восток — к Японии (что, собственно, давно предлагает Бжезинский). И действительно: люди на этих территориях будут жить и лучше, и богаче, и более демократично.

Но существование страны не исчерпывается рациональными причинами, и есть глубокое чувство, что ее разделение недопустимо. Территория дает возможность воспроизводства того типа жизни, который сейчас существует, дает возможность накопления тех материальных вещей, которые не подвержены переинтерпретациям.

Именно власть должна объяснять своим гражданам и всему миру, зачем существует великая страна Россия. Если она этого не делает, если у нее нет стратегии вписывания России в мировую конфигурацию сил, то недопустимость расчленения страны и отождествления русскости только с русской культурой остается на уровне общественного чувства, которым можно начать манипулировать.

Это и начала делать упомянутая статья: надо приучить россиян, что русскость останется как великая (но частная) культура. И в соединении с определенным замыслом выборов-2008 продвинутая идея «русского мира» (согласно этой версии, в самой идее «русского мира» ничего плохого нет) просто приведет к тому, что людям будет внушаться: неважно, что Россия распадется, — русские-то останутся.

Это еще один сигнал к повторению «оранжевой революции» в

России. В статье говорится: *мы не знаем сами, зачем нужна Россия,* и мы готовы к тому, что революции будут происходить и страна будет растаскиваться. И мы, политтехнологи, не только не сможем ничего этому противопоставить, но даже не попытаемся этого сделать.

Сценарии для россии

РОССИЯ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО не Украина: в России должна произойти *не одна «оранжевая революция», а четыре-пять.*

Нынешние кремлевские администраторы твердо убеждены, что с Россией этого просто не может быть. Потому что Россия — очень большая страна, потому что она великая и потому что у нас есть ядерное оружие. К нам не сунутся.

Конечно, не сунутся, — этого просто не понадобится. Будет сделано следующее.

Первая революция уже идет на *юге России и в кавказских республиках.* Там за последние несколько лет было сменено практически все исламское духовенство на низовом, бытовом уровне. Теперь эти места заняты выходцами из Иордании и других арабских стран. Кроме того, идет исламизация русского населения.

Таким образом на юге России готовятся основания другой легитимности (ведь ислам всегда был эффективен с точки зрения придания легитимности или нелигитимности государству — вспомним Иран и аятоллу Хомейни).

Это, конечно, совсем не «бархатная», не бескровная революция. Но технология та же: создать на территории особый народ, признающий чужую легитимность. Достаточно событий вроде тех, которые произошли в Карачаево-Черкесии, чтобы «спустить курок»: недоверие к власти растет, толпа блокирует власть — и поверх этого будет мгновенно сформирована новая структура власти.

Практически все южные республики к этому готовы.

На западе, в Калининградской области будет достаточным планомерно перехватывать все торговые и экономические контакты и переводить их на европейские страны — Польшу, Германию, Литву. Несколько лет такой работы — и население по факту станет признавать другую легитимность. Там особо и стараться не придется.

Китай по отношению к российской Сибири действует методом вытеснения и заселения. Там идет своя революция. Власть не понимает, что происходит физическое формирование нового народа, хотя эффективной стратегией было бы превращение

переселившихся китайцев в своих граждан с точки зрения организации жизни, ассимиляции и т. п. Сегодня же, как только власть даст слабину или что-нибудь случится — напор тут же усилится.

Следующий вариант — японский на *Дальнем Востоке.* Здесь Япония перехватывает власть у России за счет экономического давления и формирования экономических интересов. И рыбаки, и почти все население оказываются и экономически, и технически зависимыми от Японии. У жителей Курильских островов уже возник «синдром заложников», поскольку усиление российской власти для них означает просто угрозу для жизни. Начинают прерываться контракты с японскими партнерами, контрабанда не продается, жители не могут покупать японское топливо, дизели и т. п. Люди оказываются на грани выживания. Естественно, что им укрепление российской власти не нужно. В случае реальных действий со стороны России ответ будет таким: не трогайте нашего единственного защитника — Японию. В таком положении находится весь Дальний Восток.

Три года, оставшихся до 2008-го, — срок вполне достаточный, чтобы развить все эти тенденции, сформировать центры сторонней легитимности и соответствующие «народы» или группы населения. Поэтому нападать на Россию не будут. *В России создадут несколько анклавов, где эти «народы» станут требовать той власти, которая будет устраивать их* (и, может быть, независимости). Будут созданы — как в Украине — свои столицы: Казань, Калининград, Иркутск, Владивосток, откуда приедут люди, чтобы перекрыть центр Москвы и парализовать действия власти.

Это ловушка, из которой не будет выхода: мирные митинги приведут к украинскому варианту, а если власть решится разгонять блокирующие массы и применит силу, то в условиях недоверия это будет означать ее еще более резкое ослабление (вспомним начало первой русской революции). Это немедленно спровоцирует отпадение регионов.

Это типичная *институциональная ловушка:* если система начала переходить в новое состояние, то любые действия только ускорят этот процесс. Возникает ситуация взрывного роста недоверия к власти, перехода под чужую легитимность, формирования двойной структуры жизни (а именно она является питательной средой для современного терроризма)[65].

Мы уже близки к попаданию в эту ловушку. В ноябре в нее попал Кучма: он думал, что он — конституционный гарант, что он удерживает власть, что он все контролирует, что олигархи работают на него. Он думал, что это и есть власть.

Как выясняется, такая власть разрушается только от того, что ее объявляют сильной.

Заявление Вешнякова, статьи Павловского и Переслегина, смысл которых состоит в том, что ничего страшного не происходит и произойти не может, что такого, как в Украине, у нас не произойдет никогда, что власть крепка и сильна, — как раз и готовят эту ловушку. Власть, успокоенная этими заявлениями и убежденная в правильности своего курса на концентрацию в рамках государства, будет все более усиливаться и концентрироваться внутри себя самой.

При этом она будет оставлять все большие общественные поля под чужой властью. *Бизнес, СМИ, культурная и религиозная жизнь будут планомерно переходить под чужую легитимность.* Это значит, что власть не будет видеть тех социальных процессов, тех структур двойной организации жизни, которые все больше формируются в этой ситуации. Концентрируясь внутри самой себя, используя исключительно административно-государственные рычаги и будучи при этом уверена, что она контролирует все, власть истощает жизнь и провоцирует формирование иных, инолегитимных очагов власти.

Да, государственная власть всегда была в России скелетом, на котором держалось в стране почти все. Но сегодня, *концентрируя все в себе и истощая остальные сферы общественной жизни, государственная власть превращает страну в скелет с отваливающейся плотью.*

Альтернативная власть

«ОРАНЖЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» будут продолжаться, они достигли уровня осознанно применяемых и эффективных технологий. Государственная власть в России не видит сущности современных форм отъема и организации власти, с готовностью демонстрирует свое непонимание, и поэтому в 2008 году, скорее всего, станет объектом такого «бескровного нападения». При нынешнем уровне понимания и организации она не сможет противодействовать созданным технологиям увода власти.

Сценарий такого рода, который был представлен выше, неизбежен, если уровень понимания событий сегодняшней власти останется таким, каков он есть сейчас.

Власть в срочном порядке должна прекратить истощение общественной жизни, концентрируясь на государственно-бюрократических структурах. Необходимо строить власть поверх всех сил, не сводя ее к государству.

Нужно усиливать всех вокруг и усиливаться самой через союз

с этими силами. *Нужно поднимать, взращивать, обогащать жизнь, способствовать ее приращению во всех возможных областях.* В этом состоит стратегия предотвращения возможных «оранжевых революций».

Для того чтобы не допустить реализации разрушительных сценариев, в России должна быть выращена «альтернативная власть», владеющая новыми технологиями организации и способная устраивать мягкие революции в России и на постсоветском пространстве — в национальных интересах, для того чтобы начала складываться современная конфигурация инстанций власти.

Но существующая российская власть на все это органически, по самой своей сути, не способна.

Вывод очевиден: так или иначе, но сегодняшняя форма организации власти самое позднее в 2008–2010 году прекратится. *Власть в стране будет устроена кардинально по-иному.* Она либо изменится сама (что маловероятно), либо к власти придут принципиально другие фигуры, действующие на основании других организационных принципов.

Ситуация уверенности и стабильности закончилась.

18 января 2005 г.

Глава 3
Анахронизмы российской государственности

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА и государственного устройства занимают, наверное, главное место в российской общественной мысли. Про проблемы государства Российского каждый вечер говорят по телевидению обозреватели, устройство государственной власти обсуждают чиновники и политики, к государству и властям апеллируют люди, попавшие в неприятную ситуацию. Государство не удается не замечать — как, говорят, можно делать, живя в Европе или США.

Экономисты обсуждают, «много или мало нужно государства в сфере производства»; министерские чиновники разрабатывают концепции государственного участия в развитии секторов экономики; деятели образования, здравоохранения и культуры дискутируют о государственных программах в своих сферах; и так далее.

Однако все эти многочисленные обсуждения никак не касаются одной проблемы, которая, наверное, всеми жителями России просто не замечается, принимается как данность: считается, что то государство, которое в России есть сейчас, может обеспечить существование и процветание страны на многие столетия, что *государство олицетворяет собой высшую и суверенную власть.*

Да, конечно, оно нуждается в оптимизации, в повышении эффективности своего функционирования, и власть этим занимается: идет административная реформа, строится и укрепляется вертикаль власти, обсуждаются различные проекты обеспечения единства и преемственности государственной власти. Но все эти шаги делаются в рамках улучшения, во-первых, уже существующего, а во-вторых — исключительно государственного механизма.

Между тем перед Россией — и перед властью в России, если, конечно, это подлинная власть, — стоит ряд серьезных вызовов, на которые с помощью сколь угодно эффективно оптимизированного государства ответить невозможно. Логика, которой подчинялись действия власти по государственному строительству в последние 3–4 года («сначала укрепим государство и вертикаль власти, а потом, имея сильное и эффективное государство, сможем решать накопившиеся проблемы»), не проходит. Само устройство государства в России

является проблемой, фактором неконкурентоспособности, тормозом подлинной властной воли.

Но с точки зрения граждан и экспертов это проблемой не является.

А вот, например, премьер-министр Японии Накасонэ в своей книге о стратегии развития Японии называет вопрос устройства государства и власти в числе трех приоритетных задач, без решения которых Япония не станет конкурентоспособной.

Японцы должны жить как японцы. Поэтому необходимо задуматься над конституционным устройством Японии. Пока оно представляет собой механическое объединение традиционных японских институтов и насаженной американской демократии. Эта форма сыграла свою роль, вывела Японию в лидеры, а теперь надо подумать, как должна быть устроена власть японцев для японцев.

Это требование к власти. Вопрос о конституционном устройстве — это не вопрос об устройстве государства, но обсуждение устройства общего порядка. Государство лишь следует из конституционных принципов, конструируется на их основе.

В России эти проблемы никого не интересуют, хотя слова про «сильное и эффективное государство» высшие лица очень любят произносить. При этом считается, что сильная и разумная власть является следствием наличия такого государства.

Но так ли это?

Государство и власть: исторический экскурс

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ поставить проблему современного государства, необходимо сначала обсудить реализующиеся сегодня типы власти и конструкции власти. Но для этого нам надо вспомнить, как именно возникло новоевропейское государство и какова история принципов или технологий власти.

Постановка задачи по исторической реконструкции предполагает, что персоналии власти не должны входить в зону нашего внимания. Власть — это не лично В.В. Путин и даже не пост президента, не президентское или парламентское государство, не правитель или властитель, а та своеобразная *материя,* которая имеется в виду, когда говорят: «власть порядка», «власть языка», «власть денег «или «делегировать власть».

Обычно, конечно, мы думаем, что власть — это президент, губернатор, начальник на службе или сотрудник ГАИ. Но это происходит оттого, что перед глазами у нас все время есть ее

представитель — он «заслоняет собой» власть, и мы с трудом можем представить себе власть как эту особую материю.

Там, где эта материя власти сосредоточивается, сгущается, — там возникает та или иная *инстанция власти.* Власть исходит именно от инстанции, а властитель ее только персонифицирует. А значит, вопрос стоит так: какие инстанции власти работают сейчас в России и мире, каковы мировые тенденции в этом вопросе, какие властные конструкции сегодня строятся? Эти вопросы вовсе не совпадают с вопросами о формах организации государства и о том, кем власть представлена.

Конструкции власти меняются по ходу человеческой истории, а инстанции власти постоянно умножаются. Даже в глубокой древности власть вождя и власть шамана, как это выяснили антропологи, никогда не сливались, являя собой две различные инстанции власти.

Китайская традиция требует взаимно-напряженного сосуществования власти советника (мудреца) и власти правителя.

Изменяются и способы «захвата» властью подданных (это подробно обсуждается, например, в работах Мишеля Фуко): от торжественно-устрашающих публичных казней, от редких праздников власти над людьми власть переходит к дотошным, дисциплинарным, надзорно-полицейским формам (при этом формы государственного правления и законность никак не меняются!). Дисциплинарная власть начинается с младенчества и продолжается в школе, в армии, на заводе. Прямое насилие сменяется демонстрацией возможности насилия — и одновременно дисциплина проникает в школы, фабрики и больницы. Формируются люди, которым было бы крайне трудно поступить иначе, чем предписывает власть.

Повсеместность дисциплинарной власти обеспечивается символами — так, один урядник у Салтыкова-Щедрина говаривал, что ежели он пошлет вместо себя к бунтующим крестьянам свою фуражку, то и тогда бунт немедля прекратится.

Самой главной символической властной конструкцией стали, конечно, не фуражки с гербами, а деньги. Деньги или богатство создают возможности — при согласии других людей признавать это факт. Именно этот класс возможностей позволил построить новую инстанцию власти — власть капитала.

Столкновение традиционной коронной власти — короля и аристократии — с новой властью денег прошло через множество кровавых эпизодов. В результате в конце XVIII века эта *композиция двух соперничающих инстанций нашла свое выражение в конструкции буржуазного государства* с классическим, по Монтескье, разделением властей на исполнительную,

законодательную и судебную.

Эта композиция властей опиралась на новую концепцию организации подвластного населения: теперь власть управляла не подданными, а гражданами, причем составляющими определенную нацию. В соответствии с политико-философскими проектами Канта и Гегеля, население государств оформлялось в нации — в этой общности должны были получить свое полное выражение культурно-этнические параметры, дух народа, организационная структура государства и власти, территория, богатство, хозяйство и социальные группы. По всей Европе — особенно после Версальского мира, провозгласившего принцип самоопределения, — началось строительство *унитарных мононациональных государств*: именно государство, в согласии с Гегелем, есть предельная инстанция власти.

Власть и государство отождествились, почти слились в сознании, и эта конструкция буржуазного государства просуществовала два века. Сегодня даже трудно представить себе, как оно может быть по-другому.

Однако сейчас в том мире, который мы называем западным или глобализованным, разворачиваются *более сложные принципы власти.*

Помимо власти, основанной на символических формах, формируются другие инстанции. Уже добрых полвека твердят о *власти СМИ.* Пока это воспринимается как метафора — но только до той поры, когда станет окончательно ясно, что коммуникация является в современном обществе ведущим процессом. В западной литературе активно обсуждается информационный, или *знаниевый, принцип власти.* Он состоит не только и не столько в том, чтобы за счет имеющихся знаний принимать эффективные решения (вроде выигрыша на бирже или прогнозирования трендов развития), но главным образом в том, чтобы, управляя потоками информации и структурами смысла, *ориентировать* людей в поле возможных действий и оценок.

Функция ориентации, или навигации, становится сегодня весьма и весьма «властепорождающей». Это отлично видно на примере рекламы или экспертно-аналитических оценок, критики и формирования спроса. То, что не попадает в эти сферы, для людей просто не существует.

Итак, вот какая инстанция власти вырисовывается сегодня: *ориентирующая, навигационная.* Она указывает возможное и невозможное, важное и неважное, желательное и осуждаемое, модное и устаревшее, безупречное и допустимое. Она определяет, *что* именно человек видит и с чем он предметно действует. Запреты остаются для пограничных ситуаций, диапазон между

которыми раздвинут очень и очень широко. Эта власть не устрашает, а демонстрирует будущее.

Условием осуществления такого типа власти являются более глубокие основания, нежели дисциплина. Некоторые исследователи называют этот тип власти *«биовластью»* — то есть властью над основаниями телесной организации и сознанием. Реально все люди должны стать одинаковыми — при всем внешнем и даже культурном разнообразии: они должны быть однотипно восприимчивыми к социальным сигналам, обладать идентичными социальными реакциями, быть равно компетентными в пользовании вещами цивилизации — компьютерами, автомобилями, связью, деньгами, карьерой, здоровьем и т. п. Если этого ничего не будет, их ориентация в человеческом мире станет невозможной.

За это и ведутся современные «консциентальные» (то есть направленные на сознание) войны: за возможность формировать нужные себе структуры сознания вместе с их «носителями», то есть соответствующими людьми, гражданами. Горячий пример такой невидимой, но чрезвычайно результативной войны — последние события в Украине[66].

Соответственно этому микроуровню власти строится и макроуровень: господствующая форма организации — инфраструктурные сети, а в политической области — империи, распространяющие единый порядок на многие государства (примеры — перед глазами: ЕС и США). Этот порядок для соответствующего типа человека как бы незаметен, его вроде бы и не существует, он маскируется невиданным разнообразием вкусов, стилей, культур, образов жизни.

Впрочем, это все темы для отдельного обсуждения. Важно другое: основные функции власти — продолжение жизни той или иной общественной единицы, когда естественные механизмы воспроизводства могут быть нарушены. Количество способов или технологий обеспечения такого продолжения все время умножается.

Появляются совершенно новые конструкции и принципы власти, инстанции власти, которые раньше были просто немыслимы: власть рекламы, смысловых технологий, власть законодателей мод и стилей. Строятся новые композиции власти, институциализируются все новые функции власти: стратегическая, ориентационная, антропотехническая.

Незаметно и последовательно происходит новая «Великая французская революция», обнажившая и реализовавшая новые властные сочетания.

Государство как одна из инстанций власти

СЕГОДНЯ ГОСУДАРСТВО превратилось из высшей, предельной инстанции в одну из инстанций. Власть реально распределена между различными властными силами. И чтобы власть в стране появилась, нужно строить их композицию, — где бы эти частные силы могли взаимодействовать.

Но сегодня в России власть и государство все еще являются полными синонимами. Российское политическое и экспертное мышление только-только осваивает концепцию разделения властей (на деле же, как только это разделение происходит, власти начинают выяснять, «кто главнее»). Самые продвинутые мыслители обсуждают необходимость формирования властной инстанции, связанной с обществом и его самоорганизацией. При этом никто из них не обращает внимания на уже существующие, уже оформленные инстанции власти: поскольку их нет в теориях двухсотлетней давности, то обсуждать тут нечего. Государство должно победить коррупцию и криминал, а также выиграть войну у террористов — и все будет замечательно. Однако коррупция, криминал и терроризм суть лишь привычные, неосмысленные, взятые из замшелых теорий обозначения для целого класса новых общественных явлений.

Мы видим сейчас, насколько бессильно украинское государство против новых форм и технологий формирования власти, которые через Ющенко и его сторонников сейчас полным ходом реализуются в Украине. Это не захват власти с помощью народных выступлений — это совершенно новая технология, уже опробованная в Грузии, Абхазии и Сербии.

Задача подлинной власти — определить сущность вызовов для воспроизводства жизни в стране и принять адекватные этой сущности меры. А считать, что именно в укреплении государства заключается самый лучший ответ на угрозы и вызовы, поскольку государство-де есть предельная, высшая инстанция власти — это не более чем пережиток, анахронизм. И анахронизм опасный.

Во-первых, как уже говорилось, страна стоит перед рядом серьезнейших вызовов — и со стороны внеглобализованного человечества[67] (терроризм), и со стороны собственного устройства: вымирание народа, истощение человеческого и социального капитала, дефицит стратегического видения, проблема идентичности.

Во-вторых, возможно, что с точки зрения страновой конкурентоспособности мы уже «отстали навсегда». Речь здесь даже не идет о нашей сырьево-индустриальной экономике. Ситуация еще хуже: те конструкции государства и власти,

которым мы привержены, неэффективны и не дают нам успешно конкурировать.

Мир уже понял, что власть устроена сложным образом, она является структурой многих инстанций, каждая из которых удерживает тот или иной срез власти. И те люди и силы, которые начинают использовать конструкции биовласти или контроля над сознанием, инфраструктурный принцип или общественные интерпретации, становятся на порядок сильнее нас. Они обладают более изощренными техниками власти, концентрирующимися вне государства (чтобы далеко не ходить, снова сошлемся на пример Украины — оппозиция получила свой народ, легитимность, зародыш административно-полицейской структуры вне всякого государства[68]).

В России даже проблема такая не ставится — и потому мы отстаем и во всем остальном. Если мы видим, что решение лежит в формировании той или иной новой инстанции власти — то и надо делать их столько, сколько нужно для ответов на вызовы (а не сколько положено по написанному в Конституции).

Заранее предопределяя структуру власти, мы закрываем себе возможность ее усиления. Но только подлинная, сильная, настоящая власть может решать и хозяйственные, и социальные задачи, и противостоять терроризму, и строить инновационную экономику, если это будет сочтено необходимым.

Властные композиции и государство

УКРЕПЛЯТЬ ВЛАСТЬ — не значит скрутить всех в бараний рог. Это значит построить такую композицию властных инстанций самого разного рода и работающих по разным принципам (от полицейского до консциентального), чтобы обеспечить воспроизводство жизни страны, народа, всех людей. Воспроизводство и преумножение.

Понять это тому, кто привык отождествлять власть и государство, очень и очень трудно. Да и сам русский язык препятствует такому пониманию, поскольку власть как структуру и власть как материю мы обозначаем одним словом. Возможно, здесь поможет следующий пример.

В Великобритании власть и жизнь страны удерживаются королевской семьей, а также старым и новым дворянством — членами палаты лордов. Они сохраняют баланс, сохраняют контур границ власти: например, следят, чтобы СМИ не слишком критиковали государство, а государство не слишком критиковало СМИ. Они удерживают порядок, прекрасно понимая, на какие действия государства народ никогда не согласится. Народ тоже

является одной из инстанций власти: голосование закона, запрещающего охоту на лис, провалилось. Нам трудно в это поверить, но получается, что возможность поохотиться на лис является одним из тех «скрепов», которые удерживают порядок жизни в Великобритании. И государство ничего не может с этим сделать — оно само есть порождение этого порядка. Не вооруженные пистолетами английские полицейские позволяют удерживать власть эффективнее, чем если бы они были вооружены — именно за счет существующей композиции власти, в которую собраны самые разные инстанции: и лорды, и народ, и СМИ, и автономии, и т. п.

Порядок поддерживается в числе прочего и за счет системы элитарного образования, через которую все будущие столпы общества и государственные деятели обязаны пройти. Получается, что образование (Итон, Кембридж и т. п.) является более эффективной инстанцией власти, чем государство.

Композиция из разнообразных инстанций власти, которая олицетворяется несколькими сотнями семей или групп (именно эти люди удерживают баланс, равновесие и всю страну), есть почти во всех развитых странах: и в Израиле, и в США. Именно такая структура задает те границы, до которых может дойти государство.

Эта композиция постепенно меняется: медиамагнаты раньше в нее не входили — теперь входят; в Англии сначала опорой страны служила лишь королевская семья и лорды — теперь добавился политический, научный, коммерческий истеблишмент.

При существовании таких властных композиций государство является одной из частных инстанций власти — той, которая будет решать свои специфические задачи, недоступные никому более. Например, поддерживать большие инфраструктуры. Но не нужно считать его ответственным за преумножение жизни — это задача всех инстанций власти в совокупности.

Государство и угрозы

КАК ЖЕ ПОДОЙТИ к постановке реальных проблем формирования новой, реально действенной инстанции власти? Прежде всего надо выделить основные угрозы с точки зрения продолжения жизни. Выделить факторы ослабления и, соответственно, усиления власти — и дальше начать думать над тем, как ослабить первые и усилить вторые. Но это после, а сначала надо перечислить реальные угрозы по отношению именно к государственной власти как одной из инстанций.

1. *Проблема целого.*

Власть должна сформировать пространство для продолжения и преумножения жизни некоторого целого. Именно здесь сегодня и заключается проблема, поскольку не обсуждается, что же это за целое: это должна быть жизнь страны? жизнь всех ее граждан? жизнь на территории? или жизнь государства? или русского этноса как русского? или жизнь империи по типу этнической конструкции — соединения русского суперэтноса и других этносов? Безо всяких дискуссий по этому поводу сразу делается утверждение о необходимости «укрепления государственной вертикали власти» — то есть бюрократической конструкции.

В Европе это целое совсем недавно понималось как жизнь нации. Сегодня происходит очень значимый сдвиг: теперь для европейцев и граждан США таким целым является цивилизованный и демократический образ жизни. Они теперь пекутся не о жизни страны, а о жизни целого — свободного мира, в том числе и сталкиваясь с Россией на его границах.

Поэтому для России абсолютно необходимо сконструировать и объявить равномощное целое. В советские времена на такое целое страна ориентировалась. Оно называлось «социалистический лагерь», «дело мира и социализма» и т. п. Советский Союз был частью, ядром некоторого порядка, о котором власть пеклась. Сегодня в России ничего подобного нет, а власть не понимает, зачем ей — и всему народу — нужна та или иная территория.

Отсутствие равномощного целого делает нас неконкурентоспособными с ЕС и США.

2. *Проблема административно-территориального деления.*

По-видимому, именно здесь может состояться событие нового становления власти в России, если будет проявлена необходимая воля.

Дело здесь не только в том, чтобы «продавить» новое территориальное деление, соответствующее новым хозяйственным реалиям. Прежде всего необходимо определить, какова будет в России национальная политика, и вообще, что это за страна — Россия? Существует как минимум три варианта: это многонациональная страна; это страна с основным, системообразующим этносом и многими иными; либо же это моногосударство, рассматривающее себя как «плавильный котел» по формированию новой общности (учтем при этом, что время наций и национальных государств уже прошло, и многим народностям и культурным автономиям уже не суждено стать нациями). Далее возникает вопрос о том, насколько безусловная культурная автономия может и должна проявляться в устройстве органов власти? В соответствии с ответами на эти вопросы и

должно строиться новое территориальное деление.

Возможно даже, что оно должно быть построено совершенно иначе — границы административных округов могут, например, не совпадать с округами судебными, образовательными, хозяйственными, округами национального расселения и т. п. А может быть, учитывая, что современные типы власти экстерриториальны, следовало бы и вовсе подвергнуть сомнению сам принцип территориального деления?

Россия имеет дело с явным анахронизмом, наслоением трех предыдущих национальных политик — дореволюционной, советской и перестроечной. Проблема административного деления не ставится и тем более не решается. А ведь сегодняшние национальные властные органы, образовавшие прочные структуры с национальным же бизнесом и с национальным устройством жизни, которое не совпадает с официальным, в первую очередь ответственны за воспроизводство условий для терроризма или для таких вызывающе отвратительных случаев, как недавние события в Черкесске, которые просто уже отдают какой-нибудь Колумбией, а то и полпотовской Кампучией[69].

Российские территориальные органы власти необходимо постепенно превращать в «собесы»: они должны выполнять административно-регулятивные функции и функции социальной поддержки и не должны иметь в своей деятельности экономической, политической и прочих составляющих. Хозяйственное развитие при этом будет осуществляться поверх этих единиц — через проекты, округа, экономические регионы и т. п. Сохранять области как экономические и политические единицы давно уже нецелесообразно.

Кроме того, необходимо учесть, что регионы России очень и очень разнообразны, и реализовывать в них власть одним и тем же образом крайне неэффективно (например, в приграничных регионах не может быть той же организации администрации, что и во внутренних).

3. *Проблема преемственности и институционализации власти.*

Как показывают минские и киевские события и примеры Туркменистана, Азербайджана и Грузии (а также национальных республик в составе России, да и областей тоже), никакого отработанного механизма передачи легитимности от предшественника к преемнику не существует. При этом делается вид, что все в порядке, поскольку механизм прописан в Конституции.

Это реальный вызов власти как власти, поскольку со сменой властителя в стране приходится «начинать все заново», и ни о

каких длинных циклах воспроизводства жизни говорить уже не приходится.

Проблема здесь двоякая. Во-первых, отсутствуют институциализированные безличные механизмы отправления власти. Несмотря на все административные реформы и укрепления вертикалей, они остаются «лично-ориентированными», а не четкими, работающими как часы устройствами, отправляющими властные функции.

Неизвестно, можно ли в условиях России построить такие структуры, но то, что этот вопрос вообще не стоит на повестке дня, — это очевидно.

Во-вторых, в России отсутствует непрерывность воспроизводства и преемственности элит — та непрерывность, которая существует, например, в уже упоминавшейся Великобритании и которая обеспечивает баланс общей конструкции власти. В России произошли Октябрьская революция, чистки 30—50-х, события 1991–1993 годов. Все эти переломные периоды означали разрыв в преемственности элит. Это означает, что в стране нет конструкции, которая удерживала бы ее в масштабе исторического времени, вне государства и поверх него, которая «отвечала» бы за Россию, а не за администрацию и не за те или иные партии.

В-третьих, проблема легитимизации преемника невероятно усложняется в России, где в народе чрезвычайно развито осознание относительности догм и порядка, где эти категории традиционно ставятся под сомнение. Русский человек всегда сомневается, и люди не спешат выполнять установки последней власти, поскольку понимают: и эта власть сменится.

Порядок — он относителен. Любое очередное действие власти (да и вообще любое решение любого социального вопроса) подвергается сомнению. Тут же начинаются прикидки, как это все можно обойти, в какую игру с этим решением можно сыграть, правильное оно или нет — конечно же, нет, поскольку не учтено то-то и то-то. Сознание российского человека устроено так, что в нем нет ничего безусловного: ни собственность, ни законность, ни власть, ни технологии, ни выборные механизмы таким безусловным не являются. По всеобщему мнению, любые выборы непременно произойдут с подтасовками и вбросами, любая передача власти по наследству — результат сговора таких-то и таких-то сил и так далее. Можно ли построить механизмы типа «пост сдал — пост принял» в этих условиях — неизвестно, но ставится ли такая проблема принципиально? Осознается ли, что это проблема работы с базисными структурами сознания, а не просто «впаривания» и «идеологической обработки»? После

событий в Украине[70] власть не сможет делать вид, что такой проблемы не существует. Так или иначе, с этим придется что-то делать.

4. *Угроза суверенитету.*

Привычное понятие суверенитета связано с национальным государством — оно трактуется как государственный суверенитет. Но когда государство становится лишь одной из инстанций власти, то подлинный суверенитет связан именно с ней.

Именно власть должна быть суверенна, то есть способна принимать решения самостоятельно. Ведь власть никому не подчиняется. Если подчиняется — то это не власть, ее структура не обеспечивает самостоятельности решений. Что при этом происходит с суверенностью государства — это второй вопрос.

Это реальная проблема, поскольку сейчас мы наблюдаем почти полную потерю суверенитета России. И дело не в том, что мы входим в разнообразные договоры и подписываем протоколы, а в том, что мы несамостоятельны в понимании того, что хорошо и что плохо для России. Мы пользуемся чужими критериями — а значит, неизбежно проигрываем, поскольку критерии эти устанавливаем не мы.

Сегодня суверенитет нужно доказывать постоянно, восстанавливая его всеми общественными, а не только властными инстанциями. Но нынешняя власть вообще не видит здесь проблемы.

Инстанции и механизмы современного властного суверенитета таковы. Во-первых, механизм «властного вмешательства», о котором уже говорилось. Во-вторых, нет суверенитета без своего народа, который может быть отмобилизован и подчиняется этой власти. В-третьих, нет и народа без своего суверена — именно последний создает своему народу условия для преумножения, расцвета, зарабатывания, то есть — обеспечивает воспроизводство и развитие жизни.

В России суверенитет так не понимается. Нынешняя российская власть чувствительна к своему суверенитету лишь в отношении материальных объектов. Она не занимается мировоззрением своего народа (а ведь именно мировоззрение позволяло удерживать участие в социалистическом всемирном проекте, о котором уже говорилось, в качестве основного содержания жизни советских людей). Повторим еще раз: она вообще не видит здесь проблемы.

5. *Угроза вымирания и запустения.*

Никогда за всю историю Российского государства (разве что во времена Ивана Грозного) реально освоенные пространства не

сокращались. Но сегодня российское население не может обеспечить освоение занятой территории.

О качественных причинах этого речь пойдет ниже, а здесь отметим, что современные концепции власти предполагают совершенно иное отношение к демографическим процессам. Власть должна уметь управлять потоками — миграционными, квалификационными, товарными, финансово-инвестиционными (собственно, в этом и состоит суть процесса глобализации). Государство сегодня не может существовать как некая стабильная замкнутая территория, контролирующая потоки через границы. Напротив, именно сгущения и пересечения потоков образуют ту материю, на которой и выстраиваются современные властные инстанции.

Сегодняшние государства существуют на потоках и на обмене, а не на запасах и «ресурсах». Но нынешняя власть этого принципиально не видит. В частности, это проявляется в отношении к гражданам — и к резидентам, и к мигрантам.

Миграционные потоки должны стать важнейшей материей реализации власти. Вместо этого принят ужесточенный закон о миграции, где не сделано исключения даже для мигрантов из СНГ или этнических русских. Ставка делается на пограничный контроль, а не на активное использование, абсорбцию, натурализацию; на централизацию, а не на инициативу местных властей. И уж подавно речь не идет об активном приготовлении потенциальных желательных мигрантов из сопредельных и более отдаленных стран.

Передвижения граждан должны рассматриваться как возможности — и для самих граждан, и для власти, — а не как беда и напасть. Население России сейчас крайне немобильное — и в физическом, и в карьерном, и в качественном пространстве. Но это даже не числится в списке проблем и угроз.

Самое же плохое — то, что граждане России рассматриваются властью как нахлебники, а не как источник активности и инициативы (и, соответственно, налогов). Власти легче работать не с большим, а с малым числом граждан — ввиду неповоротливости, лености ума, устаревания всех процедур, нищеты всех социальных служб. Именно это отношение и роет России демографическую яму.

6. *Угроза истощения социального и человеческого капитала.*

Современные исследователи понимают социальный капитал как ресурс, предоставляемый разнообразными формами общественной связности. Власть в России этот ресурс не видит и не использует, а следовательно — теряет важный фактор обеспечения конкурентоспособности страны.

Такие формы связности, как местное самоуправление, самоорганизация людей либо по деловым, либо по культурным интересам или, наконец, гражданское общество, должны специально находиться в поле внимания власти. Они должны послужить обустройству собственной жизни, и государственная власть может рассматривать это либо как особую инстанцию власти, либо как ряд автономных (то есть самозаконных) сфер жизни, обладающих естественными механизмами воспроизводства.

Сегодня вместо специальных действий по выращиванию современного мобильного, инициативного, предприимчивого, ответственного и здорового населения власть всячески подчеркивает: «обойдемся без вас».

Власть полагает, что можно принять ряд законов и распоряжений по СРО (саморегулирующимся организациям) или по ТСЖ (аббревиатуры-то одни чего стоят!) — и дальше все пойдет само собой.

Сегодня не выполняется одно из важнейших предположений, на котором всегда строилась власть в России: что человеческий ресурс бесконечен — и количественно, и качественно; что из него можно выбрать лучших; что можно бросить несколько миллионов на Берлин или на колымское золото; иными словами — что резерв народных сил неисчерпаем.

Естественные механизмы воспроизводства населения оказываются нарушенными, а значит, это становится заботой власти. Стало понятно, что этот ресурс конечен и, самое главное, что он становится неконкурентным. Но власть по-прежнему действует так, будто для решения этой проблемы не нужно прилагать специальных и очень продуманных усилий.

Морально устаревшие стереотипы власти

МОЖНО НАЗЫВАТЬ и другие проблемные области, которые действующая власть просто не видит. А это значит, что и сама власть, и основной инструмент ее отправления — государство — морально устарели.

Прежде всего морально устарели представления об устройстве власти и государства. До сих пор существует иллюзия, что если власть сконцентрировать и выстроить из нее вертикаль, то тогда-то мы и подумаем, что делать с обществом и «куда идти».

Но проблемы устройства власти не могут быть отделены от проблем общественного развития в целом.

Мы привычно говорим о суверенитете, о народных основах

государства, о праве и законах. Но нам придется привыкнуть к ситуации, когда принцип *суверенитета* будет поставлен под сомнение в условиях глобализации, *народы и нации* (и механизмы их воспроизводства — культура и образование) станут незначимыми в поле работы массмедиа и иных форм коммуникации, а действенность *права* будет подвергнута сомнению из-за распространенности социальной рефлексии и социального проектирования.

Строятся иные конструкции современной власти, абсолютно для нас невиданные и непривычные.

Современная власть использует для своего удержания гуманитарный (работа со смыслами и ценностями, с жизненными траекториями), а не административно-бюрократический ресурс.

Современная власть институциализирует работу с постоянно появляющимися самоорганизующимися единицами.

Современная власть строит комплексные стратегии работы с будущим.

И самое главное: современная композиция власти опирается не на единственный «столп» — государство, — а на структуру властных инстанций, которые работают на разных принципах, вбирая в себя власть СМИ, сетевых сообществ и локальных автономных порядков, стремясь построить эффективные и конкурентоспособные конструкции власти. Именно в этом смысле прежде всего она является открытой: если Поппер пол века назад обсуждал открытое общество, то сегодня на повестке дня стоит «открытая власть».

Государство выполняет внутри структур современной власти важную, но всего лишь одну функцию — административно-бюрократическую.

Чего можно хотеть?

СТЕРЕОТИПЫ, КОТОРЫЕ определяют наше отношение к власти и государству, говорят нам, что люди не могут заниматься проблемами власти, что власть является делом государства и никого более.

Но власть отнюдь не совпадает с государством, она есть понятие более общее, более фундаментальное. Государство — это лишь один из инструментов власти.

Поля власти, связанной с интерпретациями, с формированием самих граждан, с гуманитарным ресурсом, с самоорганизующимися единицами, сегодня пусты и заброшены.

Многие перспективные люди, многие интеллектуалы считают, что власть невозможна вне бюрократических структур.

Потому-то они и не идут во власть, не желая превращаться в безликих чиновников.

Но ведь можно попытаться развернуть новые инстанции власти!

30 ноября 2004 г.

Глава 4
Террор и власть

Жизнь в другом мире

«ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКИХ событий в Беслане Россия попала в принципиально новую ситуацию, мы теперь живем в другом мире», — так пишут многие комментаторы.

Действительно, в Беслане произошла беспримерная трагедия. И это значит: мало повторять, как заклинание, что мы находимся в новой ситуации, — мы обязаны понять, с каким явлением мы столкнулись и что с нами происходит.

Всю безвыходность ситуации подчеркивает полная беспомощность государства в борьбе с терроризмом. Даже опросы показывают, что большинство россиян считают действия властей в отношении терроризма неадекватными. В обществе распространены ложные представления о действительных масштабах терроризма и о сущности этого явления.

А ситуация такова.

Терроризм развивается, количество терактов со все более ужасающими последствиями растет и в России, и во всем мире, несмотря на отчаянную борьбу с ним. Достаточно просто посмотреть мировую статистику терактов, чтобы убедиться, что борьба государств с террором результатов не приносит. Государства в целом и все их органы и ведомства бессильны против терроризма.

Это проявляется не только в росте числа терактов, но и в том, что ни государства, ни общества не знают, как реагировать на них. Практически по поводу всех наиболее нашумевших терактов (11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, 11 марта 2004 г. в Мадриде, серия терактов в России 2004 г.: крушение пассажирских самолетов, взрыв у станции метро «Рижская», захват школы в Беслане) до сих пор высказываются различные и противоречащие друг другу гипотезы. Все они равно фантастичны и малообоснованны.

То, как власть реагирует на террор, вызывает резко негативную реакцию. Почему она искажает правду? Почему использует случившиеся трагедии для извлечения выгоды для себя?

Не будем углубляться в различного рода эмоции, негодование и недоумение по поводу действий властей против терроризма. Вместо этого проанализируем, откуда проистекают

такого рода реакции и почему они оказываются неадекватными. Ведь самое главное заключается в том, что мы все — и власть, и общество — действительно плохо понимаем, с каким явлением мы столкнулись. Вроде бы приняты все меры противодействия — а оно не только не уменьшается, но и развивается!

Пока, не обращая внимания на сущность и причины возникновения этого нового явления, власть действует так, как удобно отдельным министерствам, ведомствам и государственным органам.

Ведомственные реакции власти на террор

РЕАКЦИЯ СО СТОРОНЫ МВД. Что предлагается по поводу борьбы с терроризмом? Усилить системы безопасности, усилить контроль и, конечно же, увеличить финансирование органов. Утверждается, что террористы настолько хорошо оснащены, экипированы и организованы, что для их поимки нужны еще более серьезные средства охраны и контроля.

Это очень выгодно соответствующим ведомствам, поскольку позволяет получить значительно большие ресурсы на то, что они и так делают. При этом эффективность их действий оценить невозможно. С одной стороны, якобы какие-то теракты удается предотвратить, с другой стороны — они все равно продолжаются.

Приведет ли усиление систем безопасности к тому, что теракты прекратятся? Вряд ли. Достаточно вспомнить Израиль. Неужели МВД действительно думает, что террорист пойдет через металлоискатель? Неужели и вправду верит, что у террористов не окажется денег на приобретение легальных документов для перемещения по Москве и России? Террористы — аккуратнейшие люди, документы у них всегда в порядке. А Басаев с Масхадовым не выйдут из ущелий с поднятыми руками, чтобы получить паспорт с биометрическими данными.

Возникает вопрос: пытается ли МВД действительно решить проблему терроризма — или оно попросту извлекает из этого свою выгоду (и, надо заметить, немалую)?

Реакция спецслужб. «Организаторы» терактов (вроде Басаева, Масхадова, Бен Ладена) наделяются такими качествами, которые делают борьбу с ними бесполезной, но бесконечной. Их постоянно ловят — и постоянно не могут найти; из дальних стран они руководят большой разветвленной сетью тех, кто осуществляет теракты.

Бесконечно ловить неуловимых — золотая мечта спецслужб: постоянное финансирование идет, мощь растет, новое оружие поступает. Тезис о международном терроризме очень выгоден

соответствующим ведомствам. Чем крупнее заговор, раскрытием которого они занимаются, тем больше требуется на это средств, сил, кадров, финансирования — и тем меньше с них спросит общество.

Реакция государства. Сегодня предлагается усилить бдительность общества в отношении террористов. И это выгодно власти, поскольку если что-то случилось, нам скажут: что-то вы сами были не слишком-то бдительны. Хороший способ снять с себя ответственность.

Нам ставят в пример Израиль: мол, там такие меры безопасности, там общественность бдительная — но известно, что, несмотря на все это, Израиль от терроризма не избавился. Израиль надо изучать не как образец успешной борьбы с террором (хотя там и действуют не так топорно и прямолинейно, как в Европе), а как пример действий, воспроизводящих терроризм.

Вместо того чтобы проанализировать сущность такого явления, как терроризм, каждое ведомство объявляет, что оно знает рецепт борьбы с ним — как правило, еще более дорогой, чем предыдущий. С точки зрения государственной власти, мы не можем справиться с терроризмом потому, что недостаточно бдительны. По версии спецслужб, это очень хорошо организованный заговор. Правоохранительные органы утверждают, что всему виной недостаточный контроль надо всем. Военные говорят, что это война и надо бомбить базы террористов. И так далее.

В результате мы имеем дело не с действительным врагом, а с его ведомственными версиями.

Ложные стереотипы

В РЕАКЦИЯХ ВЛАСТЕЙ и общественности по отношению к терроризму четко прослеживаются заведомо ложные стереотипы. Вместо того чтобы понять это явление как новое — а значит, строить новые способы реакции, — власть «ищет там, где светло».

Терроризм — это война. Но с кем? Один из стереотипов состоит в том, что терроризм — этой война. Тезис о необходимости войны с мировым терроризмом заявлен и Бушем, и Путиным. В результате президент США после 11 сентября развернул серию военных операций в Афганистане, а затем — и в Ираке, а Путин недавно заявил: «Нам объявили войну». Началась подготовка военных ударов по базам террористов.

Сама постановка вопроса о войне нелогична. Кому мы объявим войну? Кто враг? Но дело не в логике, а в том, что

объявление войны выгодно правительству и государственной военной машине. Это снимает лишние вопросы к власти, усиливает ее авторитет, вызывает одобрение общества, ведет к усилению административной и военной машины. Административно-военная машина исторически настроена на ведение войны, и ей, оказывается, гораздо проще разгромить отдельное государство (такое как Ирак, к примеру), чем отслеживать неуловимые банды террористов, а уж тем более — думать, что это за явление такое: терроризм.

Терроризм — это преступление. *Но кого наказывать?* Следующая конструкция, мешающая разобраться с тем, что такое терроризм, — это объявление его некоторым видом преступления. Это тоже не приносит результата. Прежде всего, кого наказывать, если террорист-смертник сам себя взрывает, и преступник исчезает? Может быть, наказывать пособников и организаторов преступления? Но как их вычислить? Или для простоты пособником назвать того милиционера, который их отпустил? Спекулянта билетами или водителя, который провез их по определенной территории? Приведет ли это к какому-то результату, непонятно.

По крайней мере ясно, что данный ход, безусловно, выгоден соответствующим ведомствам, в частности — МВД и ФСБ.

Терроризм — столкновение цивилизаций. Свою лепту в обсуждение проблем терроризма вносят политологи, историки, социологи и прочие интеллектуалы, строя по этому поводу грандиозные концепции: «столкновение цивилизаций», «искажение традиции», «мусульманский мир». Историки изучают историю террора начиная чуть ли не с войны 1812 года или Великой французской революции, хотя мы чувствуем, что современный террор — это нечто совсем другое. Работа находится всем, только от этого теракты не прекращаются.

Мы чувствуем, что современный терроризм — это особое явление. С ним невозможно бороться прежними, привычными ведомственными методами. Террор врастает в обыденную жизнь, становится привычным, а количество терактов растет. Явление терроризма перерастает границы деятельности отдельных отморозков и групп, становится фактом общественной жизни. Работают механизмы его воспроизводства: привлечение и подготовка террористов, создана система террористических баз и лагерей, функционируют сайты террористических групп, существует специальная литература и музыка.

С этим надо что-то делать. Одно дело — реакция властей, которую можно долго критиковать, а другое — взрывы, сотни погибших и самые трагические последствия. Понимаем ли мы,

что это такое — сегодняшний терроризм?

Три причины возникновения современного терроризма и его неуничтожимости

Причина первая: мир раскололся на «три человечества»

Дело не в столкновении религиозных традиций или цивилизаций, а в том, что разные страны по-разному участвуют в процессе глобализации. Первое человечество — это человечество глобализирующееся. Второе составляют люди из тех стран, которые уже не имеют шанса включиться в процессы глобализации.

К примеру, разница между людьми, у которых с детства на столе стоит компьютер, и людьми, которые первый раз его видят в 30 лет, колоссальна. Сократить эту разницу очень сложно, поскольку она связана не только с наличием техники или с экономикой той или иной страны. Включение в глобализованное пространство означает определенное устройство психики человека, его антропологию, тип мировоззрения и т. д. Поэтому разрыв между двумя человечествами уже не удастся ликвидировать (по крайней мере, если и поставить такую задачу, то не ранее, чем через полсотни лет).

Второе человечество существенно больше, чем первое: это — вся Африка, исламский мир и т. д. Но при этом второе человечество не имеет шанса развить свою собственную культуру до равномощной западной. Ему нечего противопоставить западной цивилизации, в результате чего оно сталкивается с тем, что его игнорируют другие типы «человечеств». Второе человечество начинает в прямом смысле исчезать из поля видимости и из коммуникации с другими культурами.

Третье человечество эту проблему решило: ряд стран, в числе которых Китай и Индия, сохранили собственную

культуру, а из глобализованного пространства научились брать и осваивать различные технологии. Перед ними проблема терроризма стоит не так остро.

Источник современного терроризма, как правило, — второе человечество. А это значит, что ситуация, с одной стороны, проще, чем она предстает в работах современных философов, социологов, политологов, которые пишут о терроризме, а с другой — ужаснее.

Речь идет о противостоянии глобализированному человечеству, которое практически по всем параметрам несравнимо мощнее отдельных государств и наций второго человечества. Получается, что либо они принимают западные

стандарты жизни и включаются в глобализационные процессы, либо их попросту не замечают.

Но первого они сделать не смогли и уже, скорее всего, не смогут, а второе означает их исчезновение из истории. Происходит именно это: второе человечество де-факто перестает существовать в современных коммуникационных пространствах. Эти нации и люди себя теряют.

Поэтому заявить о себе им просто необходимо.

Оказывается, что это можно сделать, используя и эксплуатируя сами эффекты глобализации. Присутствовать в этом поле можно, если привлечь к себе внимание и сделать себя необходимым элементом жизни всего человечества, чтобы на тебя обращали внимание и с тобою считались.

Человечество, которое выпало из процессов глобализации, может обратить на себя внимание, только сделав нечто такое, чего не могут сделать другие люди. Простейший вариант — это осуществить теракт. Что и начинает эксплуатироваться.

Ведь с точки зрения цивилизованного и глобализованного человечества есть вещи, которых делать нельзя ни в коем случае: например, убивать людей, а тем более детей, лишать самого себя жизни и пр. Этого нельзя делать даже для того, чтобы защитить себя и свою нацию. Назвать это преступлением невозможно: взорвав вместе с собой поезд, «преступник» исчезает. Это начинают называть терроризмом.

Терроризм есть способ, которым существуют неглобализованные общности и группы, получая деньги, славу, известность и — самое главное — признание их существования.

Проблемы этих групп начинают решаться. Они теперь уже существуют в глобализованном пространстве, у них есть слава — хоть и дурная, но есть. Террор становится своего рода выгодным предприятием (например, он позволяет шантажировать правительство осуществлением или неосуществлением актов). Террористов можно использовать для решения противоречий между странами (например, где строить газопровод), в политической борьбе разных групп и группировок, которые сами не станут осуществлять теракт, но будут активно использовать факт его совершения и за это готовы платить деньги.

Но это — лишь первый контекст, в котором возникает терроризм.

Причина вторая: питательная среда терроризма

Сегодня в рамках глобализованного мира происходит интенсивное развитие сообществ и отдельных людей, которые находятся вне социальных, культурных, юридических и иных

норм. Чем стабильнее общество, тем больше появляется людей, понимающих относительность норм, в которых живут остальные члены общества. Они начинают использовать эту относительность.

Это всякого рода финансовые спекулянты, контрабандисты и продавцы наркотиков, алмазов, рабов, человеческих органов и пр. Это разнообразные пиарщики, рекламисты, которые научились сдвигать нормы человеческого существования и привлекать за счет этого внимание к новинкам. Это рейдеры[71], специалисты по слияниям и поглощениям, которых можно привлечь по закону только за что-то второстепенное. Это — политики, которые осуществляют глобальные взаимодействия между странами, способствуя перетоку капитала.

Иными словами, это огромный фронт людей, который за счет глобализации и развития средств коммуникации начинает существовать вне государственных порядков, как бы поверх них. Возникают огромные индустрии, которые находятся вне структуры легальности. Они, как правило, не криминальны. Они не действуют незаконно, они действуют вне поля, обозначенного законом.

Именно эти люди становятся питательной средой террористов, потому что они начинают понимать, как террористов можно использовать. По поводу теракта 11 сентября в США появляются материалы, показывающие, что перед этим была очень интенсивная игра на бирже по авиакомпаниям и по нефтяным компаниям. Использовать теракт, который осуществит террористическая группа, ищущая внимания к себе, становится, во-первых, реально, а во-вторых — довольно выгодно. Прибыль в таком случае оказывается намного больше, чем затраты на теракты.

Есть и еще один аспект. В результате роста сообществ, понимающих относительность норм, развивается двойная структура жизни. В рамках второй, внелегальной, деятельности такие люди могут помочь провезти ядерные материалы, продать химическое оружие, взрывчатку и прочее. Эта среда создает возможности для существования терроризма, для его неистребимости.

В России эта тенденция проявляется в полной мере. Выясняется, что последние теракты осуществлены при помощи обычных милиционеров или простых людей, которых, например, попросили что-то или кого-то подвезти, а те согласились. Практически весь Северный Кавказ живет в аналогичной двойной структуре: днем человек — добропорядочный гражданин, он ходит на работу, а ночью он же может пойти и за тысячу долларов

поставить фугас. При этом неверно говорить, что именно Северный Кавказ является рассадником терроризма, вернее сказать по-другому: способствует терроризму именно такая двойная структура стандартов жизни, которая развита в том числе и на Кавказе.

Еще один яркий пример: захват Назрани и Карабулака в Ингушетии. Террористы освоили и успешно использовали механизм, похожий на флэш-моб, подговорив множество людей с помощью своих обширных родственных связей. Простые мирные люди, местные жители, вышли в ночь, получили автоматы — и начали стрелять милиционеров. Но сами они — не террористы, профессиональной подготовки у них нет. Они сдали автоматы, получили по 500 долларов и утром, как обычно, пошли на работу. Ночью они лишь подработали.

Сейчас терроризм переходит в другую стадию, поскольку ему удается за счет «двойной жизни» включать в свои проекты и планы вполне добропорядочных людей. А они лишь за деньги перепарковывают машины, как было в одном из последних терактов. Милиционеры пропускают кого угодно, когда им говорят, что везут арбузы. И это становится нормой жизни.

Причина третья: неспособность власти реагировать на террор

Любое новое явление государство пытается удерживать в определенных границах. Так устроены правоохранительные органы.

Контроль удерживается за счет установки некоторой границы «здравого смысла», разделяющей действия недопустимые и допустимые (но тоже незаконные). К примеру, нельзя устраивать массовые побоища; тех, кто эту грань перейдет, ликвидируют. А те, кто нарушает закон в «разумных пределах», являются осведомителями, помогая пресекать преступления, выходящие за рамки этого «здравого смысла».

Но терроризм действует иначе. Террористы начинают понимать, как можно вычислить границы, где их не смогут контролировать ни государство, ни спецслужбы — и как можно за эти границы выйти. Если террористы поняли, что правоохранительные структуры и службы безопасности построены на приоритете ценности жизни человека (на том, что человек ни при каких обстоятельствах не будет делать того-то и того-то), то они станут действовать прямо противоположным образом. Например, взрывать себя, превращая самолет вместе с пассажирами в бомбу, как это было 11 сентября в США. Службы безопасности не предполагали, что пассажирский самолет можно

использовать для уничтожения зданий лучше бомбардировщика или ракеты.

Когда такого рода границы вычислены, ведется поиск людей, которые за счет психологической, наркологической и иной подготовки смогут это сделать. В результате осуществляется теракт, который предотвратить обычными методами ни государство, ни кто-либо другой не может.

Но мало того, что террористы нашли способ решения своих проблем. Они понимают, что привлекать внимание они должны все более шокирующими терактами. Они уже не могут отказаться от террора. Почему?

Первая причина состоит в том, что семьи получают средства к существованию за счет отправки некоторых своих детей в террористы. Вторая — в том, что как только они прекратят террор, их территории, общности, нации и они сами физически исчезнут. К примеру, турки, сумев посадить курдского лидера Абдулу Оджалана на остров Имралы в Мраморном море, добились того, что про курдов перестали вспоминать. В России, если бы не террор, вряд ли бы кто-то вспомнил о маленькой нищей Чечне. Она была бы еще меньше и незначительней, чем Адыгея, Калмыкия или другие области. Но теперь она известна на весь мир, во всех западных и российских СМИ Чечня и ее проблемы мелькают в главных заголовках.

Если мы хотим обсуждать террор, если мы хотим как-то ему противостоять, то должны иметь в виду, что это — не отдельные группы и не сумасшедшие, не преступники и не военные противники. Мы должны признать, что *терроризм приобрел статус самостоятельного общественного самовоспроизводящегося механизма.*

Проблема состоит еще и в том, что первым, кто призван реагировать на эту проблему, конечно же, является государство. Но Путин и Буш объявляют терроризму войну, в то время как воевать — не с кем. Системы безопасности и усиление бдительности общества не решают эту проблему, спецслужбы с этим тоже не справляются.

Государство уже потеряло здесь подлинную власть и не может ответить на вопрос, как быть с террором и как жить дальше в новой ситуации. Оно предлагает взамен старые методы, которые работали раньше, но не способны работать сейчас. Должны быть найдены принципиально новые способы борьбы с терроризмом, соответствующие сущности, причинам и механизмам этого явления.

Способна ли сегодняшняя власть осуществить нижеследующие меры по нейтрализации терроризма?

Комплекс антитеррористических мер в России

1. *Изменение административно-территориального деления РФ.*

Необходимо ликвидировать национальные образования в составе России, введя другое административное деление, никак не связанное с этническими образованиями, с национальностями местного населения, его менталитетом и пр.

Если структуры власти привязаны к этническим образованиям, возникает связка: «власть — правоохранительные органы — бандиты — местное население». При этом смещаются принятые в государстве границы легальности, люди в регионах живут по двойным стандартам. Именно это наследие Советского Союза порождает структуру, в которой развивается терроризм. Как только статус республики будет ликвидирован, эта связка разорвется.

Чем эта связка грозит, видно на примере событий в Беслане: вдруг выяснилось, что практически все местные жители были вооружены автоматами Калашникова. В Северной Осетии нет закона, запрещающего ношение оружия, — местная национальная власть его принять не в состоянии.

В США штаты делятся не по наличию там мексиканцев или афроамериканцев. Там структура власти оторвана от этнических структур, которые сохраняются как культурные или экономические сообщества, но не как структуры власти.

2. *Создание структур, которые бы могли перевести конфликтные ситуации Северного Кавказа из военной плоскости в политическую.*

Вместе с изменением административного деления нужно создать Северокавказский парламент (название условное), в котором бы участвовали представители всех кавказских культурных или этнических автономий и где обсуждались бы их проблемы. Сообщества, составляющие питательную среду для терроризма в России, должны поднимать вопросы в парламенте, а не с оружием или бомбами в руках на поле физического столкновения. В таком случае враждующие между собой народности в парламенте через своих представителей будут вынуждены искать компромиссы — а сейчас они все настроены против Российского государства и действуют против него.

3. *Кардинальное изменение антитеррористического законодательства.*

Ответственность за теракт должна быть не индивидуальной, а коллективной, семейно-родовой. Отвечать должны род, семья, деревня, причем очень жестко — вплоть до выселения с территории и физического истребления. *Если этого не сделать в*

качестве чрезвычайных мер, мы не сможем остановить механизм воспроизводства терроризма. Генерал Ермолов прекратил чеченскую войну в царской России, объявив, что за каждого убитого русского солдата будет разгромлена деревня.

Диаспоры также должны отвечать за теракт: люди, строящие коррупционные или финансовые цепочки, поддерживающие террористов, должны жестко вычисляться и наказываться как пособники террористов.

4. *Разрушение мотивов и смысла совершения теракта.*

Важно понимать, что терроризм держится на связях со структурами поддержки, на подпитке как деньгами, так и людьми. Поэтому должен быть предпринят ряд шагов для того, чтобы смысл совершения геройства в виде террористического акта терялся.

Ермолов сделал так, что разбойный акт подставлял под удар весь род — и героизм стал бессмысленным. И сейчас надо делать нечто подобное.

Когда чеченцы захватили турецкий корабль, власти нашли родственников террористов, заключили их в тюрьму и предложили террористам обмен. Террористы готовы были пойти на личную смерть, но не были готовы на гибель рода, ради которого это делалось; они сдались и больше турецких кораблей не захватывают. В России так почему-то не делается.

Англичане подобным образом поступали по отношению к восставшим мусульманам в Индии. Убитых террористов они хоронили завернутыми в свиные шкуры, вызывая отвращение у людей, которые не хотели погибнуть такой смертью. Они готовы были гибнуть героически, но не в свиной шкуре или в навозе. Что нам мешает делать то же? Неужели приверженность принципам права?

5. *Создание и развитие противостоящих терроризму сетевых (самоорганизующихся) сообществ.*

Прежде всего в России противостоять терроризму могло бы казачество. Но почему-то по отношению к казакам работает закон о ношении оружия, а у осетин, чеченцев, ингушей — не работает. В результате чеченцы могут спокойно нападать с гранатометами и автоматами на казаков, зная, что у тех нагайки да сабли, и уводить скот. Казаков надо вооружать и противопоставлять их террористам.

К сетевым сообществам, которые должны быть использованы, относятся и диаспоры. Пока существуют этнические группы чеченцев, ингушей и т. п., которые зарабатывают деньги, до тех пор будет существовать терроризм. Значит, за террор должны отвечать другие сообщества: все достаточно богатые чеченцы,

проживающие, к примеру, в Москве, должны четко понять, что терроризм в Чечне — это прежде всего их проблема, а не проблема Путина. Если они не будут разрывать цепочку поддержки терроризма за счет родовой структуры, их следует карать как террористов.

Нужно ввести на муниципальном уровне наемную полицию или милицию — примерно так, как это сделано в США. Люди должны иметь возможность нанимать милицейскую охрану не в виде вневедомственной охраны, которая ни за что не отвечает, а в виде охраны с особым статусом. Ей должны быть делегированы максимальные права по защите населения, которое платит ей за то, чтобы она их охраняла. У такого рода структур должно быть право на ношение и применение оружия, право доступа к информации, подобные тем, что есть у милиции, возможность получать содействие со стороны милиции и т. д.

Сетевые сообщества, противостоящие террористам, должны быть созданы повсюду. Это и будет реальной мерой по мобилизации общества на противодействие терроризму, а не пустым призывом к бдительности.

6. *Расселение и разбавление населения Северного Кавказа.*

Мы уже упоминали, что один из механизмов воспроизводства террора — когда семья кормится за счет того, что поставляет часть своих детей в террористы. Он существует в Палестине, а теперь начинает работать в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Чтобы сломать этот механизм, надо частично выселить чеченцев в другие регионы — например, за деньги. Пусть те, кто ненавидит Россию и не хочет в ней жить, уезжают, к примеру, в Саудовскую Аравию, за что получат 20 ООО долларов на обзаведение. Это будет намного меньше, чем те суммы, которые сейчас там тратятся. Подобным образом действуют турки в отношении курдов, так действуют китайцы в отношении тибетцев. Нужно разбавить и чеченское население.

7. *Проведение специальной кампании в СМИ по дегероизации террора.*

Почему мы знаем про Масхадова и Басаева? Почему нам известны различные факты их биографии, их похождения и приключения? Если это террористы, то называть их надо по кличкам: это террористы, а не люди. Вместо этого террористы получают себе рекламу, как звезды шоу-бизнеса.

Такую ошибку уже совершили США, когда Усаму Бен Ладена превратили в неуловимого героя, которого боится вся Америка. Тысячи детей, которые не имеют никакой надежды вырваться из нищеты, уже понимают, что если станут такими, как Бен Ладен, то станут известными, сам Буш их будет бояться.

Должна быть проведена кампания по лишению террористов не только статуса героев современности, но и статуса людей вообще. Для этого могут быть применены разного рода специальные формы наказания за террор, демонстрирующие непризнание их людьми.

Очень важна ликвидация внимания общества к террористам. Их надо перестать замечать, перестать признавать их людьми, героями, а вместо этого называть по кличкам и вырабатывать к ним отвращение, а может быть — и такое отношение, как к опасным явлениям природы или общества, вроде эпидемий, нашествий саранчи или автомобильных аварий. Сейчас этого отвращения нет, и многие готовы в рамках двойной жизни помочь террористам.

Проблема состоит в том, что глобальная структура СМИ построена на смене сенсаций. Террористы от этого получают серьезную выгоду. Пусть они — антигерои в глазах цивилизованного человечества, но зато они становятся всемирно известными героями в глазах второго человечества. За счет этого они пополняют свои ряды, привлекают к себе всеобщее внимание, делают себе рекламу, PR…

Сейчас ведется дискуссия по поводу того, чтобы запретить СМИ публиковать сведения о терактах. Но надо понять, что ограничение на работу СМИ не приведет к противодействию террору: результатом будет ликвидация СМИ. Общество полностью перестанет доверять властям, воспринимая официальную информацию как заведомо ложную. Вместо этого возникнут слухи и сплетни, и террористы станут от этого еще ужаснее, а доверие к власти будет подорвано.

8. *Экономическая и социальная легализация теневой экономики и иных внелегальных структур.*

Это важно для борьбы с двойным стандартом (двойным порядком) жизни: сообщества, в которых развиты эти составляющие, становятся питательной средой терроризма.

Государство не может ликвидировать внелегальные структуры, живущие по двойным стандартам. Поэтому их нужно использовать в борьбе с терроризмом. Например, раз уж истребить коррупцию нельзя, то нужно различать коррупцию двух видов. Одно дело — коррупция в пользу террористов, что должно наказываться нещадно, а другое — это аналогичные действия, не связанные с ними, на которые будут закрываться глаза («по факту жизни»). К примеру, милиционер, который отпустил гастарбайтеров из Узбекистана, взяв с них деньги, не сильно пострадает. Но сотрудника милиции, который отпустил за деньги чеченок, которые потом взорвали самолет, нужно ликвидировать.

Необходимо достичь такого состояния, чтобы все без исключения боялись брать деньги у определенной категории людей, подозревая за ними совершение теракта. Коррупционные сообщества должны быть против терактов, и для этого нужно проделать специфическую работу

Работать с внелегализованными сообществами можно, только способствуя их легализации. Для этого должны быть приложены усилия по легализации взяток, проституции и прочего нелегального бизнеса, как ни радикально это звучит. Когда граница дозволенного сдвигается в сторону ужесточения, так называемая «серая сфера», которая еще не является криминалом, начинает увеличиваться и криминализироваться. Поэтому в отношении деятельности внелегализованных сообществ государство должно, напротив, «расслабляться» и оставлять эти сферы на самоорганизацию, получая тем самым возможность «держать руку на их пульсе».

9. *Восстановление жизни на территории Чечни на новых основаниях.*

Заместитель главы администрации Президента РФ В. Сурков в недавнем интервью «Комсомольской правде» говорил, что начата реализация «сложного решения» проблемы Чечни: «Это активная социализация Северного Кавказа, поэтапное создание демократических институтов и основ гражданского общества, эффективной правоохранительной системы, производственных мощностей и социальной инфраструктуры, преодоление массовой безработицы, коррупции, провала в сфере культуры и образования».

Перечисляются опять ведомственные задачи по восстановлению всех сторон жизни в Чечне. Однако ничего не предполагается делать ни со структурой двойной жизни, ни с национальной системой управления. Средства, стянутые в Чечню, опять в который раз в конечном итоге пойдут на развитие терроризма.

Прежде чем выполнять намеченное «сложное решение», необходимо разорвать круг воспроизводства того способа жизни в Чечне, который все время восстанавливает терроризм. Этот круг состоит из трех элементов: этнической власти, родовой структуры жизни и замкнутой экономики, источником богатства в которой являются бюджетные вливания. Слом этой системы — необходимое условие восстановления хозяйственной жизни в Чечне.

Некоторые меры уже были названы: изменение территориально-административного устройства власти, расселение и разбавление населения, коллективные наказания за

участие в терроре. Родовую организацию жизни следует переводить в культурную сферу, отделяя ее от хозяйственной и находя такие функциональные сферы в хозяйстве всей России, которые могли бы занять чеченцы. Не менее важной является задача разрыва замкнутого экономического пространства Чечни, установления нормальных хозяйственных связей с иными регионами и укладами — все это вместе позволит постепенно вытеснить господствующую там экономику воровского типа, которая «варится в собственном соку», подпитываясь вливаниями сверху.

Без целенаправленного слома сложившегося в Чечне хозяйственного уклада задача экономического восстановления этой территории решена быть не может.

10. *Коренная реорганизация МВД и ФСБ.*

В нынешнем состоянии МВД и ФСБ не способны справиться с террористами.

Единое министерство внутренних дел могло работать только в условиях тотального государства. Сейчас становится очевидным, что в условиях индивидуальной свободы, когда большинство людей живут независимой от государства жизнью и когда двойные стандарты жизни сильно распространены, милиция быстро морально разлагается и превращается в коррумпированное и малоэффективное образование, реликт из прошлого.

Современная организация охраны правопорядка в борьбе с терроризмом должна строиться на интенсификации сетевых сообществ, работе с ними, противодействии преступным структурам за счет внедрения своих агентов, легализации этих структур и специфической работе с ними. Важно учиться «считать» быстрее террористов, реконструировать схемы их замыслов и действий, их следующие шаги — нужно уметь думать, как они, но быстрее.

Если террористы образуют всемирную сеть, если они уже давно работают, невзирая на государственные границы и используя современные возможности для связи, финансирования, вербовки, — то не следует ли создать аналогичные трансграничные структуры их вычисления, нейтрализации и уничтожения? По крайней мере объединения, призванные охранять первое человечество, должны быть мощнее и эффективнее объединений террористов.

11. *Коренная реорганизация государственной власти.*

Надо понять, что государственная власть — это не единственная власть. Существует множество точек, с которыми государственная власть должна договариваться, поскольку они не

менее влиятельны. Нужно договариваться с крупным бизнесом, с олигархами, со СМИ, с профсоюзами, с разного рода внелегальными структурами — во имя продолжения жизни в России. Государственная власть вместе с остальными центрами власти и влияния должна строить эффективную жизненную композицию, иначе война различных точек власти между собой приведет к разрухе, а концентрация государства — к тому, что оно просто ничего не сможет сделать и развалится само собой. Нынешнее «укрепление» государства — на самом деле его ослабление. Полицейское бюрократическое государство, отталкивая любых возможных сторонников, вытесняя «серые» структуры в зону криминала и объявляя войну цивилизационному явлению, подрывает самую основу возможности справиться с террором (да и с другими современными вызовами).

Государство должно быть дебюрократизировано, оно должно разделить ответственность за жизнь в России с другими центрами влияния, поняв, что вся полнота власти ему сегодня не принадлежит. В условиях масштабных вызовов жизни в России, таких как современный терроризм, реальная власть будет принадлежать тем из общественных или государственных сил, которые смогут найти адекватный ответ на эти вызовы, справиться с ними. Это условие легитимности власти сегодня.

12. *Коренная реорганизация российского права.*

Многие из перечисленных мер противоречат существующим в России правовым нормам: коллективная и асимметричная ответственность за пособничество терроризму, легализация теневой сферы, изменение административного деления требуют переделки Конституции. Но угрозы, исходящие от терроризма, направленные на само существование России, таковы, что требуют не останавливаться перед самыми решительными правовыми новациями.

Важной проблемой становятся возможные международные последствия для России. Однако если жесткость или нетрадиционность принятых правовых принципов и решений будет однозначно соответствовать сущности современного терроризма, то в конце концов они неизбежно будут признаны адекватными всем первым человечеством, а впоследствии — будут приняты и Европой, и США на вооружение.

Постепенно становится понятно, что и Израиль, и США, и европейские страны реально используют внеправовые методы в борьбе с терроризмом, применяя правовые ограничения исключительно для давления на «неевропейские» государства, в том числе и на Россию. Европа и США — так же как и Россия, и

другие страны, вынужденные противостоять терроризму, — действуют вразрез с традиционными принципами права, однако стыдливо боятся себе в этом признаться. Российские действия в этом отношении могут получить статус пробных, цивилизационно-экспериментальных, а затем и прецедентных.

Напротив, такие меры, как отмена выборов губернаторов, никак не связанные с террористической угрозой и вытекающие из явно устаревшего представления о сущности государственной власти, будут до скончания века вызывать резко негативную реакцию на Западе именно своей неадекватностью и неэффективностью.

Есть и другая, даже более важная сторона этого вопроса. Почему российские федеральные власти в своих действиях против террористов и террора должны согласовывать свои действия с мнением США и Совета Европы? Известный ответ — ради вхождения в первое человечество. Но тогда почему они должны согласовывать свои шаги, например, с местными национальными элитами? А если это и задает границы власти — то почему она пытается решать проблемы терроризма единолично?

Терроризм ставит на повестку дня собственно вопрос о власти: он создает ситуацию, *где власть должна проявиться, реализоваться.* Если же событие власти не состоится, результатом будет лишь прекращение жизни в России.

Власть и террор

МОЖЕТ ЛИ ВЛАСТЬ пойти на экстраординарные решения, направленные на устранение подлинных причин террора и механизмов воздействия террористов? Сейчас власти в отношении терроризма по всем пунктам делают все наоборот. Национальные образования усиливаются, им дают все больше денег. Коррумпированные структуры получают беспрецедентные бюджеты. Террор и террористы получают колоссальную рекламу: террористы в глазах общества уже стали силой, а в собственных глазах остаются героями-мучениками. Базовые мотивы совершения терактов (слава, воздействие на ситуацию, поддержка семьи) лишь усиливаются; работа с ними не ведется.

Парадокс: объявив войну терроризму, власти одновременно с этим увеличивают финансирование программ социально-экономического развития Чечни — а тем самым создают и усиливают базу для возникновения и развития террора.

Приходится констатировать: вместо того чтобы решать проблемы возникновения, механизма действия и последствий террора, государственная власть порождает все новые и новые

проблемы. Меры, предпринимаемые властью для борьбы с терроризмом — прежде всего объявление ему войны, — свидетельствуют о том, что государственная власть (равно как и спецслужбы, милиция и общество в целом) с этим явлением не справляется. Власть, руководствуясь упрощенным и ложным пониманием сущности терроризма, укрепляет неработоспособные структуры, делая только то, что может делать. Может ли государство выработать меры борьбы с террором в соответствии с его сущностью? Или уже начинают проявляться ограничения, которые эта государственная власть преодолеть не в силах? Не дошла ли она до границ своей дееспособности? А если да — то власть ли это?

В последнее время высказываются мнения, что власть не может сподвигнуть общество на борьбу с террором и на решение иных важнейших проблем, что задачей, которую она решает, является не более чем выстраивание «структуры власти». В этом находят оправдание сегодняшних действий президента. Но это лишь административная задача, а не выстраивание структуры власти со многими центрами, способной отвечать на масштабные вызовы. Президент великой страны, столкнувшейся со страшной угрозой, не может быть лишь администратором и «начальником спецслужб». Террор поставил и перед президентом, и перед элитой страны вопрос о власти.

Перечисленные пункты противодействия террору — это не административно-бюрократические меры, предназначенные для реализации министерствами и ведомствами, а те действия, которые обязана совершить реальная власть, восстанавливая и строя себя. Иного пути нет.

Но государственная власть сегодня скована непониманием происходящего, ложными стереотипами, стандартизованными реакциями. Не разрушает ли эту веру она сама своими неуклюжими, неадекватными действиями?

15 октября 2004 г.

Глава 5
Киргизия-2005: «демотехника» на марше

РЕЧЬ ПОЙДЕТ не о технике демонстраций и презентаций, хотя демонстрации упоминаться будут. И не о демонах и демонизме, хотя подчас события разворачиваются так, что хочется сослаться на нечистую силу. Здесь «демо-» — от слова «демос», народ. Техника работы с народами — вот что нуждается в обсуждении после событий 25 марта в Киргизии.

Ситуация, в отличие от украинской, в Киргизии очень точечная, модельная, быстроразвивающаяся. В этой пробирке в чистом виде проявляется одно обстоятельство, очень тревожное для возможных ситуаций такого рода в России.

Ситуация еще на закончена, и вариантов, объясняющих непостижимую потерю власти Акаевым, существует несколько. Это либо очередная запланированная «оранжевая революция» (ее уже назвали «маковой»), либо переворот, осуществленный при содействии отставленных силовиков, либо факт слишком долгого пребывания Акаева у власти. Обозреватели ищут руку наркобаронов, Китая, США…

Но эти версии не схватывают одной удивительной технологии, которая реализовалась в Киргизии. Мы уже писали о ней, обсуждая украинские события[72] и то, как это может проявиться в России[73]. В Бишкеке она проявилась в абсолютной чистоте. Снова, как и в Украине, сработала демотехника — техника работы с народом, создания народа и «увода» народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится.

Сегодня, в условиях, когда любые идентичности могут достаточно легко формироваться и «обыгрываться», народ не существует естественно (как это было сто или двести лет назад) — народ можно быстро создать. Фактически любую группу граждан можно объявить народом и сформировать такую ситуацию, что право так называться за этой группой будет признано. В этом и состоит демотехника. Группа автоматически становится неприкасаемой — ведь власть не может противостоять народу!

Если власть объявляет о верховенстве закона, о том, что она не может в принципе стрелять в народ и разгонять его без введения особого положения по прописанной в Конституции процедуре, — то против этого «народа» она бессильна.

Следовательно, даже небольшая группа людей, вошедшая в роль народа, практически смещает власть. В Киеве было

побольше народу, в Бишкеке — поменьше (писали о 700-1000 человек).

При этом важно следование именно букве закона, выполнение всех процедур. Тот же самый закон может сколько угодно попираться в ходе проведения выборов (вбросы, махинации, давление на оппозицию, продвижение в парламент родственников) — но это делается втихомолку, по тем каналам, которые законом не регулируются. В документации, протоколах и постановлениях о признании выборов все должно быть в полном порядке. Тем более в порядке все должно быть на площадях — ведь демократическая власть не воюет с собственным народом!

В этих условиях мы получаем простой, эффективный и жесткий способ свержения всякой власти, которая объявляет себя демократической и действующей в рамках закона.

(Обратите внимание, что в свое время в Азербайджане подобная ситуация была пресечена быстро и очень свирепо. Но Азербайджан никогда не объявлял себя демократическим государством, его власти не клялись, что не будут стрелять в свой народ. Была выстроена династическая власть, народ это принял — и значит, таков суверенный азербайджанский порядок, сколь бы недопустимым это ни казалось кому бы то ни было.)

Второе обстоятельство ситуации в Киргизии связано с суверенностью власти. Бишкекская власть свою суверенность утеряла. Если бизнес в стране преимущественно казахский, военная поддержка российская, товары идут в основном из Китая, а идеология демократии взята из Европы, — то понятно, что конструкция реального суверенитета разрушена и разломана. Легитимность Акаева и всей власти в Киргизии оказывается не внутренней, а внешней.

Когда против этой власти выступает «сконструированный народ», то оказывается, что всем этим силам власть и страна просто безразличны. Акаеву становится важнее сохранить капиталы и собственные бизнесы и скрыться у друзей в Казахстане, чем руководить страной. И он бежит, продолжая, правда, утверждать, что он все еще легитимный президент.

(Опять-таки сравнение с Азербайджаном и здесь не в пользу Киргизии. Власть Азербайджана не пользуется внешней легитимностью, она в своих действиях — как бы мы к этому ни относились — полностью суверенна.)

И третий, очень важный вывод, касающийся демотехники в России.

Остальному народу — не тому, который так себя называет и выходит на площадь, — совершенно безразлично, какая существует власть. Получается, что на постсоветском

пространстве власть так устроена, что тот, кто объявил себя представителем народа, создал этот народ и повел за собою достаточное количество людей, может ее «сковырнуть». Достаточно некоторого упорства, обозначенности в публичном пространстве и принадлежности к чужой легитимности — той, которую власть уже утратила или никогда не имела.

В своих статьях мы писали[74], что один из возможных сценариев для России — не планомерно-систематическая революция с одним лидером, а революция «кусочная», с несколькими лидерами, которые могут даже и не договариваться между собой. В России, скорее всего, произойдет несколько «цветных революций» — происламская, сибирская, прозападная, дальневосточная, — в результате чего страна может не только потерять существенные территории, но и распасться на части.

Что будет происходить с точки зрения демотехники? Например, в сознании прозападно настроенных людей российская власть частично утратила свою легитимность из-за того, что она нецивилизованная, не заботится о выполнении прав человека, разбойничает по отношению к чужой собственности, трактует политических противников как уголовников, не культивирует экономические свободы и т. д. Теперь уже дело техники — сформировать из так настроенных граждан прозападный народ (например, со «столицей» в Калининграде) и — опираясь на чужую, европейскую легитимность — начать атаку на власть. Скажем, под лозунгом «отпусти народ мой» (так обращались евреи к фараону) — в данном случае в Европу. И лидеры легко найдутся.

Точно так же в сознании исламистов российская власть не до конца легитимна, потому что она проправославная, потому что не строит правильные отношения с исламом и так далее. С точки зрения жителей Сибири и Дальнего Востока власть не до конца легитимна, потому что не выполняет своих обязательств по отношению к населению, потому что эти регионы сегодня забыты — и так далее.

Кстати говоря, народы не обязательно должны быть локализованы территориально. Например, по отношению к пенсионерам российская власть потеряла свою легитимность, потому что не выполняет никаких своих обязательств — начиная с обмена денег, когда все сбережения были потеряны, и кончая нынешними фокусами с монетизацией. А сейчас еще начнутся проблемы с лекарствами и с отменой льгот на жилье…

Потеря властью тех или иных оснований легитимности свидетельствует о том, что любой из «народов», восстав и выйдя на площадь, получает возможность ее скинуть. И сегодня этому

ничего нельзя противопоставить. Ведь власть не может признать, что она — «антинародный режим».

Никто не будет сегодня спорить с таким классическим тезисом из Декларации независимости США: «В случае если какая-либо форма правительства становится губительной… народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье». Но тогда, когда это писалось, демотехники еще не было, и народ понимался традиционным образом — как все население страны, естественно проживающее на этой территории. Однако сегодня можно назвать народом любую наперед заданную часть населения — и получить в руки фомку, против которой у власти, пыжащейся быть демократической, нет приема.

И хотя мы много раз слышали, что в России этого не может быть, потому что здесь все другое, — эта «дыра» остается той же самой.

Что же в этой ситуации можно сделать?

Многие комментаторы уже поднимают этот вопрос.

Так, в «Русском журнале» Ярослав Греков (1) пишет: «Было бы глупо предполагать, что, будучи осведомленной о существовании вышеописанной технологии "революции"-переворота, современная российская, избранная демократическим путем власть не стала бы превентивно противостоять попыткам создания всевозможных ПОР и ОТПОРОВ… Именно поэтому действующая власть имеет полное право на создание полувоенных контрреволюционных молодежных политических движений, ибо как оранжевая революция является политической технологией, так и контрреволюционное движение является контрполиттехнологией».

Ему возражает Алексей Чадаев (2): «Один из самых любопытных сюжетов, общих для Киева и Бишкека, — это провал попыток мобилизации провластного низового актива, "федаинов" и "партизан порядка". Оказалось, что эти "добровольцы режима" работают скорее в минус, нагнетая градус нестабильности и увеличивая критическую массу "революционной ситуации" — но при этом категорически не в состоянии противостоять оппозиционерам, организованным "снизу" и выступающим не за власть, а за себя… И, значит, не надо никаких "федаинов".

Переиграть "бархатную революцию" возможно только тогда, когда в обществе — включая сюда как лояльную, так и оппозиционную его части, — складывается консенсус по поводу необходимости защищать всеми имеющимися силами саму

легальную процедуру передачи власти. Тогда возникает конкуренция… между теми, кто предпочитает решать политические вопросы на выборах, и теми, кто пытается решать их на площадях».

Мы готовы согласиться, что формирование проправительственных отрядов «федаинов» и «янычаров» проблемы не решает. Но вот по поводу консенсуса обозреватель пропускает одно очень важное условие.

Киргизские события показывают очень важную вещь: если тысяча людей, объявившая себя народом, начинает что-то требовать, то власть не может удержаться, если не появится *другой народ,* который выходит на ту же площадь и говорит: мы не хотим так, как вы требуете. Только если между этими народами возникает напряжение, а может быть, даже и столкновение, — власть оказывается нужной, необходимой. Но речь идет именно о народе, а не о фальшивых, созданных политтехнологами «движениях».

Ведь если этого народа, который готов существующую власть и существующий порядок защищать, нет — то значит, власть действительно никому не нужна. Этого не понимают политтехнологи, работающие в идеологии обмана народа и создающие подделки («фальшивки») народа в форме псевдообщественных движений. Дело не в «контрреволюционных молодежных политических движениях» и не в «федаинах», а в том, чтобы начал наконец существовать народ, поддерживающий существующий порядок.

Тем самым мы подходим к позитивной стороне демо-техники: что необходимо взять на вооружение, чтобы противостоять отработанным технологиям устранения власти. В этом смысле Киргизия дает ответ нашей стране, как действовать.

Если, например, в Сибири возникает сильное сепаратистское общественное движение, то должно появиться сильное, равномощное ему движение, ориентированное противоположным образом, члены которого бы заявляли, что они хотят жить в России и не хотят, чтобы Сибирь или Дальний Восток были отдельными государствами. Это не должно быть движение в европейской части страны, которое бы твердило «не отпустим» (все помнят, чем кончил фараон из книги Исхода). Реально может помешать лишь движение, укорененное в Сибири, но желающее сохранения России. Это может быть и местный бизнес, радеющий за свои рынки, поставки или кооперацию, могут быть люди, которые понимают, что им нужно перемещаться, сохранять и развивать культуру, образование и пр. Только тогда, когда между этими двумя народами возникает содержательное столкновение,

напряжение, взаимодействие, — власть оказывается нужна. Именно она пытается этот вопрос урегулировать, пытается создать такой порядок, который бы устраивал обе стороны, — и тогда возникают основания для подлинной демократии.

То же — с «прозападным народом»: если какая-то часть народа говорит «мы хотим в Европу» (как было в Украине), то для того чтобы этому противостоять, должен возникнуть другой народ, который заявит: «Мы не хотим в Европу, мы хотим жить здесь — и жить по-своему, а не по-европейски». И снова в условиях такого взаимодействия появляется необходимость во власти.

То же с исламом. Если часть народа считает, что нужно жить по исламским законам и порядкам, то на той же территории должны возникнуть люди, заявляющие: а мы не хотим. Мы хотим жить так, как живут в России. И в этом случае, кстати, такие люди есть: это казаки. Но что с ними сделали? В соответствии с новыми законами о казачестве превратили это движение в балаган. Осетины и ингуши ходят с оружием открыто — а казакам ношение оружия не разрешено. Неужели власть после этого думает, что сможет удержать ситуацию с помощью своей пресловутой вертикали? Казачество и есть тот другой народ, который должен быть равно силен с теми, кто хочет исламизации и отделения, который на себе сохраняет российский порядок жизни на Северном Кавказе. Сейчас ни общественной силы, ни просто силы оно собой не представляет. Власть его обессилила.

Противостоять возможным сценариям потери власти в России могут только народы, стоящие за единство и целостность России и за сохранение ее суверенитета на основе сформированного в России типа порядка. Но есть ли те, кто может составить собой такой народ?

Есть ли у нас сильное общественное движение, которое будет говорить, что Сибирь — это Россия, наша задача развивать ее? Есть ли у нас антизападное движение, такое, которое было бы против глобализации, против навязывания европейских стандартов?

Вопросы — риторические. Даже возможность таких движений с трудом мыслится российским человеком. Это свидетельствует о том, что произошедшее в Киргизии элементарно возможно и в России. Если движение пенсионеров или дальневосточных сепаратистов догадается сказать, что они — народ, а власть — антинародная, то они смогут, собрав пару тысяч человек, вышвырнуть власть из ее кабинетов. При этом вокруг будут стоять толпы зевак, считающие, как в октябре 1993 года, что все эти игры — не их дело. Но сегодня ситуация может стать

значительно драматичнее.

Сегодняшняя архаическая власть в России эту дыру в принципе не закрывает. И как только пойдет какое-либо финансирование и появятся любые силы, заинтересованные в том, чтобы сбросить нынешнюю власть, и понимающие эту схему — она сработает на все сто процентов. Ведь нет народа (и он не формируется), который бы сказал — «мы хотим быть Россией». Более того: всех тех, кто сейчас говорит такого рода вещи, во многом справедливо считают националистами и шовинистами. А значит, демотехническая задача только усложняется: надо создавать, формировать не просто народ, который заинтересован в сохранении России и тех порядков, которые регулируют нашу жизнь, но и является современным, модным и осмысленным.

Может ли существующая российская власть взяться за решение этой задачи? Очевидно, что нет.

Например, «Единая Россия» заявляет, что она представляет тот народ, который устраивает политика, проводимая нынешней властью. Какова была позиция «Единой России» во время выступлений пенсионеров? Если бы эта партия была действительно народной, то она просто обязана была бы вывести людей на площадь и инициировать демонстрации пенсионеров — например, сельских, — в поддержку реформ, за увеличение возможностей для пенсионеров, возникших в результате заметного роста пенсии. Они, разумеется, не смогли этого сделать, даже в голову такое им прийти не могло, и в результате за все отвечало правительство. Власть продемонстрировала в очередной раз свою неизбывную слабость.

Аналогичную демотехническую ошибку допустил Янукович и поддерживающие его российские политики в Украине. Ведь тезис «лишь бы не было войны» реально приводит только к войне. Если бы восток Украины объединился, объявил себя народом, занял бы площади — то власть бы удержалась: она бы занялась разделением, организацией коммуникации, введением общих для всех принципов жизни. И это была бы подлинная власть. Но Кучма заявил: «Разве это народ?» В каком-то смысле он был прав, потому что на майдане Незалежности стоял не весь украинский народ, — но оказалось, что другого-то народа нет! Пытались противостоять ему «донецкие шахтеры», то есть не народ, а профессиональная и территориальная группа.

Так же случилось в Киргизии; так же может случиться в России: власть в один непрекрасный момент обнаружит, что народа у нее нет. Если власть не дает ответов на вопрос о том, зачем россиянам жить в России, то она не власть, а просто чиновничество, случайный набор оставшихся и пришедших.

Выходит, что важнейшими вопросами для власти сейчас являются не экономические, не идеологические, не вопрос «укрепление властной вертикали» — а инициирование движений, которые способны ответить на эти содержательные вопросы. И не просто ответить, а воплотить на себе. Созданная элитой и этими общественными силами умозрительная конструкция должна быть воплощена в народе. Мы должны вырастить, создать, вылепить российский антизападный народ, российский анти-исламистский народ, выступающий за светский характер российского общества. И только тогда, когда в трудный момент он сможет противостоять иным общественным силам, мы поймем, что власть в России — современная и прочная.

5 апреля 2005 г.

Глава 6
Тезисы по СНГ

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ государств (СНГ) было создано и функционировало для того, чтобы осуществить «цивилизованный развод» между республиками бывшего СССР. Оно решало целый комплекс проблем: от военных до хозяйственных, от внешнеполитических до гуманитарных. Ни Российская Федерация, ни остальные страны — республики бывшего СССР не могли в начале 1990-х годов обойтись без такого союза. Сегодня, спустя 14 лет существования СНГ, явственно проявилось различие в темпах осуществления преобразований в странах-участницах. Активно происходит смена поколений власти. Новоизбранные, а также получившие власть в результате различных драматических событий лидеры стремятся проводить свою собственную политику, не обязательно ориентированную на Россию, а иногда и прямо противоречащую ее интересам.

Такая ситуация возможна исключительно потому, что эти страны видят неготовность России отказаться от СНГ, видят, что Россия не в состоянии сформировать иной, альтернативный СНГ, механизм осуществления своей политики и своего влияния на постсоветском пространстве.

Безусловная заинтересованность России в сохранении СНГ осознается остальными членами СНГ, что ставит Россию в неравное, невыгодное и слабое положение. Это положение может стать по-настоящему нелепым и поистине позорным, если иные страны начнут отделяться от СНГ и Россия останется его единственным членом — и без того слабость и неэффективность действий РФ на постсоветском пространстве в последнее время стали очевидны для всех, включая и политических противников.

8 апреля 2005 г.

Глава 7
Современные инстанции и технологии власти

НЫНЕШНИЕ ВЛАСТИ и элиты не умеют видеть сегодняшнюю власть, ее материю и ее потенции. Строй понятий непригоден для того, чтобы иметь с ней дело, — и они постоянно «проносят ложку мимо рта» и молотят палкой по призракам, попадая с размаху себе по уху.

Технологии властвования, которые строятся в соответствии с их понятиями и представлениями, еще кое-как срабатывают внутри России, но оказываются предельно неэффективными при столкновениями с реалиями власти XXI века. Впрочем, их эффективность теряется и в России: вся ситуация взаимоотношений государства и бизнеса, государства и СМИ, государства и террористов это демонстрирует.

В этой статье мы не будем касаться современных российских проблем. Здесь будут обсуждаться технологии власти, интенсивно разрабатывающиеся сейчас в мире. Эти технологии либо уже активно используются, либо вовсю формируются, либо их возможность применения прослеживается в самом ближайшем будущем.

Что именно несется к России на всех парах, угрожая подмять беспечных пешеходов с ядерным зонтиком под мышкой?

Что понимается под технологиями власти?

ПРЕЖДЕ ВСЕГО необходимо отделить вопрос о новых властных технологиях от вопроса о различных способах контроля.

Контроль над индивидуумом развился в рамках концепции «дисциплинарного общества» — той, которая появилась в середине XVIII столетия в связи с распространением капиталистического производства. Оказалось, что вчерашние крестьяне не способны работать методично и регулярно, как это нужно для новых мануфактур. Решением этой проблемы было появление форм дисциплинарного, полицейского, образовательного и т. п. контроля. Эти формы, начиная с XIX века, буквально пронизывают всю государственную и общественную жизнь[75].

Постепенно формы дисциплинарного контроля начали совершенствоваться. Работает паспортная система, система учета социальных обязательств, страховая система, ведутся кредитные

и налоговые истории, национальные системы дипломов об образовании и достижениях. Вводится биометрический контроль, начинают работать национальные тестовые системы с международным признанием результатов и так далее.

Дисциплинарный, полицейский, технологический контроль является одним из *механизмов* власти. Раз он освоен, он будет использоваться *любыми формами власти,* которые возникают сегодня и появятся в будущем. Ни к чему отказываться от хорошо работающего на своем месте механизма.

Точно так же никогда не потеряют своего технологического значения и другие признанные механизмы поддержания власти: это и военная сила, или военно-промышленное сдерживание, и демонстрация силы и государственно-судебной воли по отношению к преступникам и мятежникам, и восстановление единения народа в моменты кризисов и опасностей.

Любое сегодняшнее государство строится на системах учета и контроля — но все это не имеет никакого отношения к современным альтернативным формам власти. Новые инстанции власти пользуются механизмами дисциплинарного контроля: например, при формировании власти над телесными проявлениями человека (биовласть). В настоящее время применяются медицинские досье, данные из которых поставляются в органы социального страхования и страховые компании. Важно, что возникает совершенно новая возможность власти — иметь дело с телесностью, физиологией и вообще здоровьем человека (а может быть, и групп людей) как с особой сущностью, требующей (с точки зрения этой власти) внимания и упорядочивания.

Таким образом, под новейшими инстанциями власти мы имеем в виду новые *действительности искусственного и сознательного упорядочивания жизни людей.* Они идут на смену уже ставшим традиционными формам власти (таким как власть права, бюрократического контроля, силы, богатства, массовой информации). Это не новые формы контроля, а новые сущности, попадающие в поле внимания человечества, через которые можно удерживать тот или иной искусственный порядок.

Что означает слово «технологии» по отношению к власти?

ТЕХНОЛОГИЯ ДАЕТ возможность воспроизвести тот или иной вид деятельности в соответствии с описанным образцом этой деятельности на другом материале и в других условиях. Это позволяет переносить эту деятельность в любую точку земного

шара, на любых носителях, с любыми ресурсами.

С середины XX века человечество стало осваивать уже не материальную природу, а социальную, общественную природу человека (то, что Карл Маркс называл «второй природой»). Технологии власти имеют отношение именно к ней.

Великие революции XIX–XX веков принесли с собой колоссальные потрясения. Стало понятно, что социальные процессы, процессы строительства и удержания власти, процессы формирования культуры необходимо осваивать, иначе происходят грандиозные разрушения[76].

В XX веке было немало попыток перенести в область общественных отношений инженерную идеологию (2). Казалось возможным по планам и проектам строить такое общество, которое было задумано. Но неудачные результаты этих попыток заставляют усомниться в том, что инженерный подход, взятый из сферы производственных технологий, применим к сфере управления общественными процессами и изменения общества в целом.

Проблема общественных технологий и их коренное отличие от прежнего понятия технологии состоит в том, что, хотя основная идея технологичности сохраняется, меняются процесс и материал, по отношению к которым производится деятельность. В основе технологий, связанных с производством вещей, основной процесс и материал либо остаются неизменными, либо меняются в заранее определенных рамках. Этот процесс можно разбить на процедуры, операции. Материал при этом меняется таким образом, каким ему предписано. А в случае с общественными изменениями материал меняется стихийно, он рефлексивен, активен, потому что этот материал — люди, объединения людей, организации.

В рамках инженерного подхода для решения этих проблем шло построение систем обратной связи для корректировки деятельности, использование электронно-вычислительных машин для учета гигантского количества информации и применение вероятностных методов.

Но проблема в другом. Рефлексивные субъекты, включенные в технологии, начинают рефлексивные игры, начинают менять условия и обстоятельства, а самое главное — начинают менять самих себя. Условия меняются кардинальным образом, в отличие от производственных технологий, где можно заранее просчитать этапы изменений первичного материала.

Таким образом, технологии работы с общественными системами кардинально отличаются от инженерных технологий.

Во-первых, новые образцы организации не изложены на

бумаге, а, как правило, формируются как некоторые зародыши или позиционные структуры в обществе, которые несут этот образец на себе. В результате «образцы» тоже становятся играющими, участвующими в процессе и меняющимися в соответствии с изменением ситуации. То есть «образец» технологичности следующего уровня способен развиваться, и вопрос состоит в том, сможет ли он в себя «вобрать» этот процесс и его организовать.

Люди, демонстрирующие на себе технологию, постоянно показывают свою эффективность и вбирают в свою схему все большее количество материала. В этом смысле завершение технологии состоит в том, что новый образец поглощает и вбирает в свою организацию все окружающее пространство. Здесь нет и не может быть разделения образца и способа его реализации, ситуации и материала.

Во-вторых, социально-общественные технологии всегда связаны с конфликтом, противоборством и играми. В этом смысле технологии не реализуются. Они становятся[77], «вырастают» из образцов, поглощая все вокруг и достигая конечной, не известной заранее формы. Поэтому результат здесь не продуктивный, заранее известный, а совершенно другой. Он состоит в том, что тот образец, который выбран как зародыш следующей технологичности, распространяется и становится главенствующим, поглощает другие.

Результатом в этом случае является образец организации. Например, результатом демократизации является демократия. Но каждый раз заранее неизвестно, какая именно: та, которую удастся «вырастить».

Такого рода «технологии» скорее должны рассматриваться как определенные способности людей и возможности и способы становления организаций. Иными словами, это не технологии получения определенного продукта, не технологии деятельности — это технологии организации, которые компонуются в разного рода виды деятельности, человеческой активности, культуры.

Если мы рассматриваем власть как схему организации, основная идея «технологий» власти состоит в том, чтобы запустить процесс восстановления полной схемы организации власти — схемы, которую несет на себе «образец».

Для того чтобы «технологии» власти начали работать, необходимо возникновение ситуации, в которой старая власть начинает разрушаться, перестает быть властью. Это значит, что вещи, которые до этого были само собой разумеющимися, начинают ставиться под сомнение, становятся неочевидными; общество начинает переходить ту грань всеобщих

трансценденций, которые до этого никаким образом сомнению не подвергались.

Вопрос «технологий» появляется тогда, когда возникают следующие вопросы: возможно ли восстановление власти и какая власть при этом сможет опять все собрать во что-то жизнеспособное?

Технологии власти и искусственная организация человеческой жизни

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ технологий власти находится в теснейшей связи с тенденцией артификации (или обискусствления) всех доступных сторон человеческой жизни.

Сегодня вся наша жизнь регулируется и упорядочивается искусственно. Речь идет и о промышленных технологиях, и о денежных и финансовых системах, и о городских и всемирных инфраструктурах, и о регулировании здоровья, потребления, информационных потоков, квалификаций, конфликтов и так далее.

Все эти структуры жизни нуждаются в поддержании и воспроизводстве, равно как и в том, чтобы существовать согласованно. Воспроизводство человеческой жизни сегодня просто невозможно без постоянного «пригляда», регулирования, структурирования.

В этом и состоит базисная, первая, безусловная функция власти вообще: обеспечивать воспроизводство человеческой жизни.

Формы организации человеческой жизни чрезвычайно разнообразны. В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» Фукуяма пишет: «Человеческая природа не определяет жестко поведение человека, но ведет к большому разнообразию в способах воспитания детей, правления, добывания средств к существованию и так далее. Постоянные усилия человека по культурному самоизменению — вот что создает человеческую историю и прогрессивный рост сложности и разветвленности человеческих институтов» (3).

Функция власти состоит в том, чтобы создавать условия для дальнейшего продолжения человеческой жизни, воспроизводства существующих ее форм.

Все больше сфер жизни начинают выходить из-под действия естественных механизмов. А значит, все больше действительностей, или — плоскостей власти, необходимо (или: приходится) включать в работу. Чем «искусственнее» становится жизнь — тем более разветвленной и всеобъемлющей должна

становиться власть, иначе жизнь просто остановится.

В древние и средние века власть создала механизмы государства для защиты от врагов, для захвата ресурсов и т. п.

В Новое время нужда в регулировании все более усложняющейся хозяйственной деятельности вызвала к жизни власть денег, финансов, капитала — и одновременно дисциплинарных форм осуществления этой власти.

В начале XX века освоение человечеством таких видов деятельности, как создание общественных систем и идеологий, потребовала создания власти символических форм, власти прессы.

Сегодня искусственно строятся системы потребления, стили жизни, нации и государства, системы биологического воспроизводства человека — и соответственно человечеству не обойтись уже без тех технологий и действительностей власти, которые могут работать с этими сферами жизни.

Раз вмешавшись в какую-то сферу, человечество не может дальше оставить ее на произвол судьбы.

Биовласть

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ *биовласть* — власть, имеющая дело с действительностью человеческой телесности, с механизмами организации самой человеческой жизни. То, что ранее считалось личным делом индивидуума или вопросом его воли, способностей, везения и т. п., теперь все более активно подчиняется упорядочивающему действию власти — и со стороны медицины и медикаментозных средств, и со стороны образования, и со стороны иных сфер воздействия[78].

Как выясняется в последнее время, формы организации человеческой жизни, человеческая телесность, являются условием формирования нужных структур сознания и, соответственно, структур организации[79].

С одной стороны, современная власть смещается все больше от внешнего давления со стороны властных инстанций к использованию тех или иных форм интериоризации своего воздействия: от публичных казней и полюдья княжеских дружин, напоминавших вражеские набеги, от налоговых откупов и рекрутчины власть переходит к установлению планомерной дисциплины, учету, регулярным и заранее известным налогам и повинностям.

И только затем — через систему всеобщего государственного обучения граждан и через первые, еще робкие ростки идеологической обработки через прессу и радио — власть

начинает внедрять стандарты поведения внутрь каждого индивида, стремясь превратить отклоняющееся поведение и необычные реакции в нечто внутренне невозможное.

Этим занимается, разумеется, не только и не столько государственная власть: еще более мощному стандартизующему воздействию индивид подвергается со стороны экономических инстанций власти (все имеют дело с деньгами, зарплатами, кредитами, наследством и т. п.), в том числе — со стороны работодателей и со стороны сферы потребления. В этих незаметных, но цепких воздействиях инстанции власти пользуются институтами семьи, детства (индивид работает на семью, а стандарты сегодняшнего потребления задают, как правило, его дети), институтом самой индивидности и личности с его ориентацией на личный успех.

Добавим сюда разветвленную систему права — и получим власть, «доведенную до каждого человека», «внутреннего редактора», не позволяющего ни на шаг отклониться от правильного поведения.

С другой стороны, конкурентность и разнообразие современной жизни все время повышаются. Идея культурно-стилевого разнообразия и равноправия усиленно внедряется в общественное сознание. Вместо одного мейнстрима прогресса мы видим, что человечество сегодня движется по десяткам самых разнообразных направлений — и в науке, и в общественной жизни, и в культуре, и в формах права, и в прочем.

Встает вопрос об основаниях прав, морали или этики: если в мире налицо культурный и общественный плюрализм, то те же стандарты права будут культурно обусловленными, а следовательно — могут быть какими угодно. Взаимная критика «цивилизаций», построенных на разных культурных основаниях, становится невозможной. Культурологи утверждают, что «природа не может дать философски оправданного базиса для прав, морали или этики» (3).

Вот как Фукуяма описывает возникающие при принятии такого культуроцентрического взгляда проблемы: «Когда западные защитники прав человека критикуют китайское правительство за аресты диссидентов, оно отвечает, что у них в обществе права коллективные и социальные перевешивают права личности. Что ответит защитник прав культурно отличному от нас обществу, где с помощью совершенно правильных процедур практикуются такие страшные вещи, как самосожжение вдов, или рабство, или обрезание женщин? Никакой ответ невозможен, поскольку с самого начала было декларировано, что нет всеобщего стандарта определения хорошего и дурного, помимо

того, что сама культура объявляет правом» (3).

Это не устраивает Фукуяму принципиально, и он в своих книгах[80] стремится доказать, что у человека есть определенная природа. Эта природа непременно связана с возможностью морального выбора, со стремлением следовать собственным интересам, с сообщительностью — стремлением вступать в коммуникацию и формировать дружеские, семейные, деловые кооперативные связи, с заботой о близких и так далее. Из всего этого следует такой вывод: «политическая система, которая уважает [эти естественные склонности человека], будет более стабильной, работоспособной и удовлетворительной для человека».

Ради этого вывода и ведется проблематизация радикального культурного плюрализма: утверждается, что *современное глобализованное общество,* основанное на свободном предпринимательстве и на взаимном доверии, открытое в плане возможностей создавать разнообразные объединения (как писал об этом Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги»), *опирается на глубинные свойства человеческой природы* и, следовательно, является «более естественным» и «более правым», чем иные типы обществ — социалистические, религиозно-фундаменталистские и пр.

Права человека, зафиксированные в современном глобализованном обществе, по этой логике действительно имеют фундаментальный характер.

Из этого вывода проистекают три важных для нашей темы следствия.

1. Глобализованное общество приобретает внутреннее право на любое вмешательство, любое проявление своей власти по отношению к остальному человечеству. Более того — стоит только согласиться с приведенной логикой «от естества человека к общественному устройству», как мы окажемся во власти глобализованного общества. Это пример проявления работы с сознанием, работы новейшей инстанции власти.

2. Современная власть работает как «машина самообоснования»: признавая, что человеческая природа такова, можно применять все известные стандартизующие механизмы, приводящие человеческое поведение в соответствие с его декларированной природой. А поскольку эта работа ведется уже как минимум три поколения, сегодня созданные социально-стандартизующие механизмы, как это ни парадоксально, действительно будут соответствовать природе человека — уже вновь сформированной.

3. Становится понятно, почему многие продвинутые

политики — тот же Фрэнсис Фукуяма — так сосредоточены на проблеме медикаментозного, генетического и т. п. вмешательства в природу человека. Если современная власть — во всех ее проявлениях: от отдельного индивида до мегамощных сверхгосударственных машин глобализованного общества — базируется на *определенной* природе человека (человека морального, предприимчивого, коммуницирующего, сообщительного), то изменение этой природы уничтожает сам базис этой власти. Но можно усиливать и улучшать эту «природу» — и это новая инстанция власти.

Именно потому биовласть становится в современном мире столь актуальной: от того, какова есть природа человека, зависит прочность общественных и властных конструкций современного мира. И потому ряд сил будут упрочивать свою власть, стремясь стабилизировать эту природу — с помощью и медикаментов, и психотерапевтических групповых программ адаптации, и воздействия на сознание, и методов контроля. А иные силы, напротив, будут стремиться поколебать, изменить эту природу — либо ради ее «улучшения» для достижения конкурентных преимуществ, либо ради ее качественного изменения для создания на этой основе обществ на иных принципах.

Инфраструктуры и власть стандартов

ВАЖНЕЙШИМ АСПЕКТОМ власти, направленной на сохранение сложившейся человеческой природы, — биовласти — является поддержание в работоспособном состоянии имеющихся инфраструктур.

Речь идет и о транспорте, и об инфраструктурно организованных потоках товаров, и о связи, о финансах и информационной инфраструктуре. «Мягкими инфраструктурами» являются: образование, новости, судебная система, системы действия в чрезвычайных ситуациях и т. п. Это системы, созданные на основе принципов избыточного, непрерывного, бесперебойного и повсеместного действия. Они являются сегодня основой существования глобализованного человечества.

Условием «подключения» к любой из этих инфраструктур является выполнение ряда стандартов. Это могут быть и технические стандарты (напряжение, ширина колеи, химический состав, стандарт безопасности), и стандарты «гуманитарные», связанные с параметрами людей, которые эти инфраструктуры обслуживают и к ним подключаются. Это образовательные и квалификационные стандарты, но также и стандарты мотивации, качества работы, «управляемости», а для потребителей —

стандарты качества жизни, потребительские стандарты, мировоззренческие (например, «зеленые» или технократические) стандарты и т. п. Активно формируются стандарты коммуникации, понимания, появления желаний.

Из всего этого для современных инстанций власти следуют два вывода.

Первый. Поскольку инфраструктуры и возможность подключения к ним обеспечивают конкурентность в современном мире, а стандарты обеспечивают саму возможность подключения, *механизм стандартизации* (установления стандартов) является одним из *важнейших механизмов власти сегодня.* Речь идет обо всем комплексе стандартов: и технических, и поведенческо-мировоззренческих. В частности, в приведенном выше примере Фукуямы работает стандарт «демократического общественного устройства», который позволяет проявлять власть над всем остальным миром, располагая страны по степени их «демократичности» и применяя в зависимости от этого те или иные стандарты (опять!) действий. Так же действует «стандарт рыночной экономики». Обратный пример: неспособность ввести собственно российские стандарты качества жизни или общественного устройства превращает Россию на мировой арене в подвластное, несамостоятельное государственное образование.

Второй. Биовласть, направленная на природу человека (на ее сохранение или контролируемое изменение) будет проявляться в той мере, в какой эта природа будет соответствовать введенному комплексу стандартов. Современному глобализованному человечеству нужны только такие люди, которые совместимы со всей системой стандартов и инфраструктур, которые обладают вполне предсказуемым набором стандартизованных вариантов поведения и которые могут, не задумываясь, действовать как человек потребляющий, человек коммуницирующий, человек экономический, человек патриотический.

Именно поэтому биовласть становится настолько актуальной сегодня.

Власть-невидимка

ВОЗНИКАЕТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ парадокс: по своему смыслу инфраструктуры — это своеобразные машины, работающие «сами по себе»: их не надо организовывать и налаживать, достаточно точно исполнять регламенты. Смысл работы инфраструктур состоит в бесперебойном функционировании, а следовательно — они должны быть не подвластными никому. Можно сказать, что инфраструктуры вместе с системой стандартов сами образуют

власть — власть порядка.

То же относится и к людям, подключенным к этим инфраструктурам. Они в совокупности образуют власть порядка, и, если они уже созданы такими, то они *не нуждаются более ни в какой власти* — внешней, видимой власти; власть — внутри них, в их сознании.

Биовласть вместе с инфраструктурами, образующими и поддерживающими общий порядок, является незаметной, невидимой властью. Политические мыслители, подобные Фукуяме, утверждают что порядок современного общества соответствует природе человека. Достаточно поддерживать эту природу и порядок в техническом смысле — и власть окажется ненужной. Как говорится, отомрет.

В каком-то смысле так оно и будет: старые формы силового и даже дисциплинарного контроля отойдут в прошлое, на передний план выйдут более современные формы — такие как биовласть.

Как прогнозируют исследования Стокгольмской школы экономики, поверх этого может возникнуть такая совершенно необычная форма власти, как «нетократия», то есть власть сетей или власть в сетях (так называется книга Александра Барда и Яна Зодерквиста, вышедшая в 2004 году (5)). Возникает новая элита и новый «низший класс» — те самые люди, которые имеют заданную природу и могут подключаться к инфраструктурам; их авторы «Нетократии» именуют «консъюмтариат» (от англ. to consume — потреблять). «Нетократия контролирует производство собственных желаний, а консъюмтариат подчиняется ее указаниям. Стало быть, важнейшим символом образа жизни нетократа и показателем его общественного дистанцирования от народных масс является постоянная демонстрация того, что он независим от потребительского производства манипулированных желаний» (5).

Эта власть тоже будет вполне невидимой: речь идет о создании стилей жизни, самих стандартов потребления, культурных стандартов, введении тем для обсуждения и т. п.

Именно такая экзотическая, на сегодняшний взгляд, власть приходит на смену традиционным формам.

Коды коммуникации

ЯЗЫК, КОТОРЫМ ДОЛЖНА описываться современная власть, отличается от того, которым говорят о силовом и дисциплинарном механизмах власти. Разработкой такого языка, который смог бы довести до строя понятий то, что делают современные реальные политики (например, при отъеме власти в

Сербии, Грузии, Киргизии или в Украине), занимаются сегодня многие философы.

Самым известным из них сегодня считается Никлас Луман. Его книги «Власть» (6) и «Общество как социальная система» (7) позволяют современной власти, по-видимому, наиболее успешно осознавать себя. Луман создает в своих работах картину общества и власти в обществе, которую трудно «узнать»; она, однако, является адекватной современному состоянию глобализованного общества.

Если общество постоянно дифференцируется, становится все более многообразным по многим и многим параметрам — то *что* же удерживает его целостность (помимо материальных инфраструктур, не относящихся к общественным явлениям)? Луман отвечает: коммуникация. Это нетривиальный ответ: лет двести назад общим ответом была бы «культура». Но сегодня культура и сама превратилась в объект технического действия: она искусственно меняется, и новые образцы создаются искусственно. Следовательно, культура более не может служить общей для всех системой образцов и норм.

Современное общество удерживается лишь некоторой материей коммуникации, для которой, однако, единства языка уже недостаточно: слишком многообразен мир вокруг. Становятся необходимыми так называемые *генерализованные* (общие для всех и обобщенные) *средства коммуникации,* среди которых Луман называет истину, деньги и власть. Фактически это те инстанции, к которым все должны относиться, чтобы коммуникация оказалась упорядоченной, чтобы люди имели возможность осознанного, мотивированного выбора.

Такое средство коммуникации, как власть, согласно Луману, служит для *ориентации среди возможных способов действия в обществе.* Современная власть не навязывает выбор, не осуществляет принуждение.

Напротив, сила власти заключается в богатстве предлагаемых альтернатив. «Властвующим» становится тот, кто сможет работать с большей неопределенностью возможностей, чем «подвластный». Современная власть формулирует мотивированные альтернативы — и в этом ее сила в современном многообразном обществе.

В острых ситуациях власть, напротив, основывается на формировании бинарных, оппозиционных схем: «черное — белое», «демократия — тоталитаризм», «цивилизация — варварство». Именно эти схемы являются каркасом, который связывает контролируемых биовластью индивидов, с одной стороны, и стихию общественной коммуникации с ее инстанциями интерпретации и символизации — с другой.

Использование бинарных схематизмов и кодов коммуникации впервые в качестве антиутопической гипотезы прозвучало у Джорджа Оруэлла в романе «1984» (8). В приложении к роману он описывает «новояз» — максимально обедненный язык, на котором нельзя было не только произнести крамольную фразу, но даже и помыслить нечто запретное, поскольку для этого уже не находилось понятий. «Враждебные идеи могли посетить сознание лишь в смутном, бессловесном виде, и обозначить их можно было не по отдельности, а только общим термином, разные ереси свалив в одну кучу и заклеймив совокупно», — так писал об этом языке Оруэлл.

Сужение общественной тематики до бинарных клише является мощным инструментом власти — в том числе и биовласти, поскольку человек, как писал Оруэлл про мир 1984 года, «был не в силах совершить многие преступления и ошибки — просто потому, что они безымянны, а следовательно — немыслимы» (8).

Принципы становления власти

В РАЗНЫХ СИТУАЦИЯХ используются разные комбинации «технологий» власти, но можно выделить общие принципы их построения.

Первый принцип. Из народного тела выделяется новая единица, новый народ. Это народ, который признает другого рода трансцендентные уровни и им подчиняется. Во время революции 1917 года это было появление классов рабочих и крестьян. В событиях в Украине это «оранжевые» — люди, которые признают внешнюю легитимность — легитимность демократическую, а легитимность властей Украины не признают[81]. Новый народ каждый раз создается за счет разных механизмов. Но само появление нового народа обязательно.

Второй принцип. Должны быть блокированы и обессмыслены существующие механизмы власти. Пример: действия Троцкого в 1917 году, который для захвата власти заблокировал системы связи — телеграф, телефон, почту (об этом пишет Курцио Малапарте в книге «Техника государственного переворота» (9). Временное правительство могло работать сколько угодно, но ни одно сообщение никуда не поступало.

Третий принцип. Введение новых инстанций власти — конкретных организаций и людей, которые от имени новой власти осуществляют те или иные действия. Так Советская власть ввела новое образование и всеобщую грамотность, чем задавался другой господствующий тип людей — не крестьянский. Для этого

необходимо предварительно выяснить нерефлектируемые, само собой разумеющиеся стереотипы, которые лежат в основе соглашения с властью, и ввести новые.

Современная технология становления власти всегда построена не на замене структуры власти, а на ее смещении. Власть нельзя взять и поменять. Она смещается, а образовавшиеся новые места являются механизмами удержания новой власти. Происходит создание нового народа, новой структуры сознания, новых систем взаимодействий и коммуникаций людей. Происходит также введение новых образцов и символики.

Все технологии становления власти построены на непрямом столкновении. Было бы нецелесообразно, например, пытаться захватить власть, у которой есть милиция и армия, противопоставив им свою милицию и армию. Можно вывести на улицы людей, по отношению к которым ни армия, ни милиция не имеют возможности действовать — депутатов, население и т. п. Или: не нужно участвовать, выигрывать в выборах, потому что это тяжело и сложно, — нужно просто объявить выборы недействительными. И тогда вдруг выясняется, что существующая власть — уже не власть.

«Технологии» построены на выделении вещей, неосознаваемых существующими инстанциями власти. После этого ищется другой плацдарм, который формирует новую инстанцию, обладающую некоторыми эксклюзивными возможностями. На этом происходит сдвижка.

Технологии удержания власти состоят в том, что существующая власть сама начинает развиваться и трансформироваться, увеличивая и меняя инстанции власти, реформируя себя быстрее, чем возникают события и субъекты власти, несущие на себе новые образцы. К. Малапарте об этом писал так: «Искусство защиты современного государства основано на тех же принципах, что и искусство его захвата»[82].

15 мая 2005 г.

Глава 8
Промышленная политика и российская власть

Обсуждения промполитики

В 2004–2005 ГОДАХ В СТРАНЕ активизировались обсуждения, связанные с выбором направления и стратегии промышленного развития. В последнее время, правда, тема роста экономики и возможных структурных преобразований была оттеснена с первых страниц политическими событиями в сопредельных государствах, и даже в Послании президента 25 апреля 2005 года вопросам хозяйственного развития места не нашлось.

Но проблема, связанная с поисками источников ускоренного экономического роста в связи с завершением цикла политики финансовой стабилизации, остается. Российский истеблишмент «увидел» Стабилизационный фонд и готов обосновывать его использование, называя эти обоснования «политикой» или «стратегией».

Сегодня в обсуждении промышленной политики и стратегии промышленного развития участвуют и представители законодательной власти, лоббирующие те или иные регионы или отрасли, и бизнес-организации, например РСПП, ТПП, «Деловая Россия» или «ОПОРА». В эти обсуждения вовлечены представители администрации президента, работает Комитет Государственной думы по промышленной политике. В последнее время промышленной политикой начали заниматься и органы исполнительной власти (Министерство промышленности и энергетики), а также аппарата премьер-министра, инициирующего разработку разного рода проектов частно-государственного партнерства, выработки приоритетов и т. п.

Основным замыслом разработки промышленной стратегии служит идея осуществления масштабных проектов с участием и государственного, и частного капитала двух типов: во-первых, инфраструктурного, а во-вторых — прорывного (инновационного, высокотехнологического характера). При этом государство берет на себя функции определения государственных приоритетов развития, фактически ориентируя бизнес, а последний участвует в работе по этим приоритетам своими капиталами. Кроме того, государство обеспечивает информационную-страновую (через представительства России в иных странах) поддержку, создает рыночную инфраструктуру и благоприятный климат,

предоставляет государственные гарантии, развивает лизинг, а самое главное — обеспечивает спрос.

В числе приоритетов сегодня называют развитие транспортной инфраструктуры, военный хай-тек, судостроение и т. п. Кроме того, ставится задача импортозамещения — прежде всего в тех отраслях, где оно будет связано с импортом промышленного оборудования нового поколения (лесная, деревообрабатывающая промышленность, металлообработка и т. п.), а также для обеспечения работы естественных монополий отечественными продуктами (трубы, компрессоры, буровое оборудование и т. п.).

Политика государственной власти в тех сферах, которые приносят основные экспортные доходы, как стало понятно по ситуации последнего времени, заключается в следующем.

Во-первых, поставить ключевые экспортно-ориентированные предприятия под государственный контроль.

Во-вторых, способствовать формированию масштабных вертикально интегрированных структур, черпающих прибыль из продажи продукции малой степени передела. Они также так или иначе ориентируются на государственные интересы и способны успешно выходить на западный рынок и как продавцы продукции, и как точки привлечения системных инвестиций.

Подобные замыслы в настоящее время находятся в стадии активной разработки. Несмотря на то, что за термином «промышленная политика» тянется недобрая память о лоббировании в 1992–1995 годах «красными директорами» своих отраслевых интересов и пустопорожней раздаче им бюджетных средств, сама идея частно-государственных промышленных проектов очень скоро прочно получит права гражданства. Слишком много сил заинтересовано в ее реализации.

На самом деле проблема состоит не в выборе тех или иных схем частно-государственного партнерства или приоритетов, а в том, чтобы понять, как Россия может на современном уровне стать одним из мировых игроков — в том числе и в сфере хозяйственной конкуренции. Или: как Россия может стать подлинно современной страной — и с точки зрения хозяйства, и с точки зрения власти.

Таким образом, мы должны сменить угол зрения и размышлять о том, что власть может сделать в отношении устройства хозяйства страны и как Россия может снова начать участвовать в современных глобализованных процессах.

Нужна ли сегодня промполитика?

СЕГОДНЯ САМА ПОСТАНОВКА вопроса о промышленной политике или стратегии является более чем сомнительной — как с точки зрения современных форм организации хозяйства, так и с точки зрения ситуации в России и мире.

Мир реально ушел от проблем промышленности. Мир уже пережил индустриальную эпоху, пережил и эпоху постиндустриальную; сейчас формируется новый уклад хозяйства, который носит условное название информационного. В рамках формирования информационно-технологической эпохи реализуются две стратегии.

Первая — американская и западноевропейская, которую можно охарактеризовать как маркетинговую. Маркетинговые структуры идут впереди производств: не можешь продать — не строй, не изобретай и не производи. Стратегия состоит в том, что нужно захватывать и монополизировать рынки, организовывать сбыт — и только под это строить производство.

Важнейшим инструментом маркетинговой стратегии служат стандарты, которые сегодня охватывают все сферы жизни и деятельности людей[83]. Это не только стандарты продукции (что еще как-то существует в России), но и технологические стандарты, и стандарты употребления, и стандарты жизни в виде сменяющих друг друга циклов мод (об этом в России вообще не имеют понятия). Стандарты очень жесткие, учитывающие сотни различных процессов: должна учитываться и транспортировка, и совместимость, и квалификация людей, и экологические требования, и надежность и т. п. Именно господство стандартов позволяет говорить об информационной эпохе, поскольку информация существует и играет ведущую роль только в условиях всеобщей стандартизованности.

В рамках этой стратегии действуют сегодня и американские, и европейские компании, и особенно активно — компании стран ЮВА.

Крупные японские компании отрабатывают новый ход. Их стратегия состоит в создании так называемых суперпроизводств. Замысел заключается в построении таких конструкторско-технологических и производственных структур, которые за счет высоких технологий могли бы производить любой товар в любом количестве — в том числе и очень маленьком — без перенастройки систем управления и технологии. Не желая ввязываться в войну брендов, они делают такую конструкцию, которая, получив заказ на качество и иные характеристики товара, может сделать все что угодно. Пока идут конструкторские и технологические разработки, под новый заказ компонуется производство, которое затем будет так же быстро разбираться. В

этой стратегии производство должно поспевать за товаром, за его заказом.

Обсуждая российскую промышленную политику — какой стратегии власть намеревается следовать?

Если первой, то надо вырабатывать не промышленную, а маркетинговую политику. Заботиться не о добыче и транспортировке нефти, а о ее продаже, об обеспечении устойчивого сбыта по как можно более высокой цене и т. п. Необходимо понять, какие рынки существуют у всего того, что мы в России делаем не руками, и вести по отношению к ним целенаправленную экспансионистскую политику. Это относится и к нефти и газу, и к лесу, и даже к территориям — необходимо только разработать нормальные условия их предоставления под освоение. Это будет гораздо современнее и честнее, чем заниматься промышленной политикой.

Если мы берем на вооружение вторую стратегию… Нет, такое России грозит еще в меньшей степени.

Обсуждать сегодня промышленную политику или промышленную стратегию — означает поддерживать стереотипы индустриального роста. Но вторым Китаем сегодня России не стать и вторую индустриализацию не произвести.

Даже если мы будем говорить, что речь идет не о «жесткой», а о «мягкой» промышленной политике, которая не сводится ни к дирижизму, ни к восстановлению производств; даже если мы будем говорить о том, что современная промышленность не сводится к производству, а включает в себя и систему управления, и рекламу, и финансы и инвестиции, то все равно в реальности это приведет лишь к восстановлению заводов, имеющих гарантированный государством сбыт. В начале XXI века — это безумная затея, закрепляющая отсталость России навсегда. При этом консервируется не только индустриальная (в лучшем случае — постиндустриальная) структура «реального сектора», но и система государственного управления, которая никак не может отойти от отраслевого принципа, адекватного советской структуре планового управления. Выработка промышленных приоритетов или частно-государственных больших проектов не должна являться предметом заботы власти или предметом политики. Даже если такие проекты планируются, то смысл их должен заключаться не в промышленном росте или в росте финансовых поступлений, а в реализации собственно властных функций. Это прирастание осмысленности жизни населения и соответственно формирование народа; мобилизация народа на освоение (не обязательно территорий); создание системы «социальных лифтов»; рост доверия и формирование механизма

накопления в стране. В этих и подобных рамках уже могут разрабатываться и промышленные проекты.

Современная хозяйственная ситуация в России и задачи власти

В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ создаются «гиганты государственного капитализма». Эту тенденцию можно четко проследить на примере Газпрома (сделка с «Роснефтью»), ЮКОСа и продажи «Юганскнефтегаза» и пр. Это будут масштабные и сверхкрупные вертикально интегрированные компании, которые базируются на выпуске продукции первого уровня переработки — на нефти, лесе, металлах, газе, электроэнергии. Это не будут моноотраслевые компании — они постепенно так или иначе включат в себя те производства (в том числе и высокотехнологические), которые нужны им для обеспечения собственной деятельности. Нефтяные компании возьмут под контроль трубников, Газпром — производства турбин и спутников связи, электроэнергетики — промышленную электронику, металлурги — сборочные производства т. п. Последние пойдут на это, поскольку в рамках таких корпораций им будет обеспечен сбыт.

Этот процесс идет в основном по двум причинам. Во-первых, гигантские холдинги соответствуют принципам планового управления, которое привычно для российских управленцев, — их и легко контролировать, и сами они внутри себя воспроизводят (в меньшем масштабе) систему производственно-финансового контроля и управления. Никаких иных конструкций российские управленцы строить не умеют. Во-вторых, сверхкрупные структуры смогут быть конкурентоспособными в мире, а тем самым — и инвестиционно привлекательными. Они смогут успешно включиться в мировой рынок, получить системных инвесторов.

Государственный контроль за этими «чоболями» нужен в первую очередь для того, чтобы обеспечить правильное использование средств от экспорта.

Вопрос государственной политики стоит теперь так: что означает это «правильное использование»? Должен ли это быть возврат средств в Россию, где власти начнут разворачивать инфраструктурные проекты? Или необходима какого-то рода экспансия (как это делает сейчас РАО ЕЭС)? Или нужно все средства пустить на развитие высокотехнологичных производств военного назначения?

Сегодня власть рассматривает в качестве основных именно

эти три направления, и идет лишь обсуждение того, на каком варианте выбора приоритетных проектов остановиться. Однако на любом из этих путей Россию ждет не возрождение, а неизбежные и очень серьезные проблемы.

Проблемы

Предположим, что власти инициируют создание ряда частно-государственных проектов инфраструктурного (или высокотехнологического) характера, одновременно поддерживая создание конкурентоспособных сырьевых компаний-гигантов. (Вот как сейчас наконец принято решение о строительстве Восточного трубопровода.) С какими последствиями в результате столкнется Россия?

Во-первых, серьезно просядет потребительский рынок. Инфраструктурные проекты потребуют серьезных вливаний, поэтому общий уровень жизни расти не будет, а это значит, что с потребительского рынка будут вытеснены европейские и российские товары в пользу китайских, турецких и малайских. Единственным сектором отечественного производства потребительских товаров, который сохранится, будет производство массовых товаров для малоимущего населения: пенсионеров, бюджетников и т. п. Европейские компании вынуждены будут сократить свое присутствие, и на оставшееся место хлынет дешевая кустарная азиатская продукция.

Во-вторых, надежда на то, что Россия получит инвестиции в общую инфраструктуру (коммунальные системы, транспорт и пр.) для нужд технического перевооружения не оправдается. Сколь бы инвестиционно привлекательными не делали власти эти системы, реальная стратегия инвесторов будет состоять в другом: дождаться, пока все окончательно выйдет из строя, и прийти в эти сферы. Но не с инвестициями — а просто получить их в собственность и затем обеспечивать заказами своих производителей. Единственное, что может спасти разваливающиеся системы общего пользования, — это принудительные инвестиции со стороны компаний-гигантов, однако это будет противоречить курсу на превращение их в инвестиционно привлекательные.

В-третьих, развитие высокотехнологичных отраслей неизбежно натолкнется на проблему стандартов и технологии. В самом деле: любые российские изобретения если и попадают в производство, то кончаются неким изделием. Мир уже живет по-другому. Там конечной точкой является не изделие, не продукт, а — технология, новый стандарт, новый способ употребления, в

конечном счете — новый стиль жизни. Пусть даже российские производители смогут продать некие новые изделия с заложенными в них новыми принципами. Однако через один цикл эти изделия — уже оформленные как новые стандарты — попадут к нам в виде западных аналогов.

Это происходит потому, что вопросы обеспечения продаж не входят ни в сферу внимания производителей, ни в сферу внимания властей, ни в состав системы управления.

Если и ставить задачу в области хай-тека, то необходимо сначала изменить весь уклад хозяйствования (а это — подлинная задача власти), а не начинать с производства высокотехнологичных изделий. В России же закон о техническом регулировании, подтягивающий российскую промышленность к технологическому укладу, будут вводить в действие только через пять лет — как раз тогда, когда в мире уже придумают новые поколения стандартов и регламентов.

И в-четвертых — и это самая главная проблема, — если власть России делает ставку на формирование сырьевых конкурентоспособных сверхкомпаний, то тем самым она строит конструкции, для России в конечном счете бесполезные. Дело даже не в том, что они будут опираться на сырье и будут консервировать сырьевую направленность хозяйства в России, а в том, что чем больше денег государство будет вкладывать в эти компании, чем успешнее они будут становиться инвестиционно привлекательными, тем быстрее они перейдут под контроль транснациональных корпораций.

Иностранный капитал будет входить в эти компании все быстрее (этот процесс уже начался). Как только они станут рыночно приемлемыми, их раскупят — нефтянку, энергетику, уголь, железные дороги. Они фактически «выйдут за границы» России, и российская власть не сможет их контролировать. Первый пример такого рода: завод «Силовые машины», получавший в течение пяти лет серьезную государственную поддержку по обеспечению экспортных контрактов, едва не был продан концерну «Сименс».

(Это имеет столь драматические последствия потому, что власть в России строится как «монологическая», в ней не созданы ни самостоятельные инстанции власти[84], ни — что самое важное для данного случая — власть богатства. В ведущих мировых державах отношения между двумя инстанциями власти — государством и богатством — давно выстроены, и в принципе все равно, кто владеет системообразующими предприятиями (даже и вопрос такой лишен смысла). В России же при любой возможности богатство меняет «прописку» — ввиду того, что не

созданы механизмы накопления и приумножения богатства. Сама власть в России с ее стратегией «выстраивания вертикали» провоцирует воспроизводство колониальной модели хозяйствования на нашей территории.)

Далее скупка успешных компаний наложится на смену поколения менеджмента в этих компаниях (и государственного менеджмента). На западные капиталы произойдет техническое и управленческое переоснащение, старые схемы участия и патронажа сменятся, и государство уже не сможет опираться на эти сырьевые «чоболи».

Скорее всего это произойдет около 2015 года — и на что тогда Россия сможет опираться?

Добавим к этому обстоятельство, вызванное неразберихой с нефтью (основным предметом экспорта) и с ненадежностью ее поставок. Казалось бы, Россия как крупный и устойчивый поставщик находится в выигрышной ситуации. Однако вполне возможно повторение и сценария 1973 года: мир отказывается от нефти в долгосрочной перспективе, переориентирует инвестиции в разработку альтернативы. Через десять лет Европа, Япония и США получают промышленность совсем иного типа, ориентирующуюся, например, на водород — и что Россия будет делать со своей нефтью?

Получается, что задача российской власти (и реальной бизнес-элиты) — серьезное продумывание направления трансформации российского хозяйства, но не в смысле «какие отрасли развивать», а в смысле ответа на вопрос, как трансформировать власть и организацию хозяйства, чтобы нужные отрасли развивались сами. В этом и состоит задача выработки реальной хозяйственной политики.

Задачи власти

Предположим все-таки, что ставка делается на создание «чоболей» (реально это сейчас единственный возможный вариант). Тогда первый вопрос: как, в рамках какой конструкции использовать экспортные поступления — с учетом того, что эти поступления будут продолжаться максимум 10–15 лет? И второй вопрос: что делать дальше, когда они прекратятся? Соответственно отвечать на первый вопрос необходимо с учетом второго.

Россия поставлена в жесткие условия, с которыми неизбежно приходится считаться, а именно: хозяйство в России не просто связано с сырьем и обладает устаревшей структурой — оно отстало от всего мира и по укладу. Оно не работает в рамках

маркетинговой стратегии, не придает никакого значения технологиям, логистике и стандартам. В то время как на Западе развиваются организационно емкие бизнесы, в России власти (да и вся верхушка бизнеса) мыслят индустриальными стандартами. Преодолеть этот цивилизационный разрыв уже невозможно.

Для того чтобы признать этот разрыв и начать работать с ним, и нужна властная воля сегодня. Остается только одно — перестать цепляться за устаревшие производства индустриальной эпохи: автомобильное и гражданское авиастроение, станкостроение, сельскохозяйственные машины, гражданская электроника и т. п. Вместо этого необходимо ставить в России самые современные сборочные заводы и цеха последнего передела продукции, выпускающие потребительские товары для российского рынка.

Россия должна будет договориться с Европой и США

о том, чтобы заводы и технологии поставлялись нам по льготной стоимости и на льготных условиях, а возможно — и о том, чтобы на льготных условиях могла продаваться в России их продукция. Аналогичные производства и системы управления должны ставиться и в сфере жизнеобеспечения российских жителей.

В чем состоит предмет политических договоренностей?

Современный мир разделился на глобализованное (первое) человечество и человечество, которое уже ни при каких условиях не сможет жить по стандартам первого (второе человечество). Последнее является источником терроризма, демографических проблем и иных масштабных вызовов современности[85]. При этом оно во многом является источником сырья.

Россия еще принадлежит первому человечеству и хочет в нем остаться, обладая при этом большими сырьевыми ресурсами и крупным потребительским рынком. Западный мир необходимо заставить понять, что сохранение России в первом человечестве — то есть в современных структурах потребления — является гарантией сложившейся геостратегической стабильности.

В обмен на устойчивые поставки сырья и продукции первого передела, а также в перспективе — на сами эти крупные холдинги, Запад сможет и должен будет обеспечить в России подъем уровня жизни до восточноевропейской отметки, удерживая цены на современные предприятия на приемлемом для России уровне и тем самым заполняя разрыв между ценами на сырье и на высокотехнологичные товары, — то есть фактически разрыв между сырьевым и современным укладами хозяйствования.

Российская власть, осуществляя эти договоренности, должна

дать понять Западу, что дело не в рыночности или нерыночности принципов хозяйствования в России и даже не в «степени демократичности» существующего в ней порядка; главное — это принадлежность России к первому человечеству. В противном случае она может превратиться в множество неизбежно дичающих мини-стран.

Кроме того, такая конструкция будет способствовать вытеснению с российского рынка дешевых китайских товаров и расширению сферы экономического влияния Европы и США.

Главным критерием при достижении этой серии договоренностей должен стать критерий уровня жизни в России, поскольку именно в соответствии с ним будут происходить миграционные и политические процессы, идти взаимодействие с другими странами и т. п.

Фактически со стороны России такая конструкция воссоздает советский цикл использования нефтедолларов в ВПК — но только теперь это проходит во взаимодействии с западными странами, поставляется не продукция, а высокотехнологичные производства, и используется это не для развития военной промышленности, а для подтягивания уровня жизни в России до приемлемого уровня.

Со стороны Европы это тот же тип стратегии, который применяется в Германии по отношению к восточным землям: для их населения создаются более дешевые и более легкие условия жизни с целью поддержания политической стабильности.

Что дальше?

ЧЕРЕЗ 10“ 15 ЛЕТ, когда рыночно привлекательные сырьевые компании России будут проданы и не смогут быть объектом торга с западными странами, — с чем тогда останется Россия? Если единственное, что сохранится у нее, — это купленные 10 лет назад сборочные цеха, то это тот самый вариант, с которым мы имеем дело сегодня: устаревшая промышленность, но уже в отсутствии ресурсов, на которые можно ее обновить.

Возникает вопрос формирования целенаправленной и активной политики власти. Возможны следующие варианты действий на десятилетний период.

Первый. На новой высокотехнологической базе и на базе «чоболей» инициировать развитие конкурентоспособного российского бизнеса, который затем и осуществит втягивание капиталов в Россию.

Второй. Включение миграционных механизмов: с повышением уровня жизни и уровня хозяйствования в Россию начнут втягиваться миграционные потоки — как

высококвалифицированные, так и массовые. Станет формироваться новый российский народ.

Третий. За десять лет происходит выделение и развитие конкурентоспособных отраслей, которые сейчас не могут развиться из-за общей отсталости хозяйственного уклада и отсутствия концентрации капитала.

И четвертый — обязательное условие для выполнения любых иных вариантов развития: использование купленных передовых предприятий для подъема всех иных отраслей. Новые предприятия, люди, работающие на них, применяемые системы управления и технологии должны стать образчиками и зародышами для других хозяйственных единиц. Для этого должны быть предприняты специальные меры: ротация людей, работающих на этих предприятиях, обучение новейшим технологиям, включение этих предприятий в профессиональное образование и т. п.

Что этому мешает?

ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ЗАДАЧИ таковы, что требуют властного сознательного усилия. Вряд ли сегодняшняя власть будет на это способна.

Обеспечить договоренности с европейскими странами об обмене сырьевых гигантов на предприятия следующего поколения, с тем чтобы Россия не могла выпасть из структуры первого человечества, и, далее, обеспечить на этой основе подъем и уровня жизни страны, и общего уровня хозяйствования — задача сверхтрудная.

Трудна она для сегодняшней власти потому, что последняя вместе со всем российским народом предполагает, что в России должно быть все — и автопром, и лучшее в мире образование, и нефть, и военная электроника, и так далее.

Но власть должна строить стратегии и политики исходя не из общего сложившегося мнения, а из видения будущего, действуя, может быть, и вопреки населению.

Промышленная политика сейчас вполне может строиться, но в рамках, во-первых, общего повышения доверия в стране и работы по выстраиванию перспективы для народа и формирования элит, а во-вторых — в рамках некоторой долговременной и осмысленной конструкции (например такой, как описано выше). Если строительство сырьевых вертикально интегрированных «чоболей» будет осуществляться с помощью частно-государственных проектов — это будет замечательно, однако в это время нужно продумывать и подготавливать и

«рамочные» шаги, и те следующие шаги, которые неизбежно надо будет сделать, когда эти гиганты будут проданы.

Задача власти в этих условиях — договориться о международном балансе условий, который бы позволил России удержаться в «первом человечестве», заранее четко понимая, что мы не можем сами восстановить у себя современный организационно-технологический промышленный уклад.

14 мая 2005 г.

Глава 9
Послание-2005: упущенные возможности (Три сценария модернизации власти в России)

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ Федеральному собранию 25 апреля 2005 года, как дружно отмечают все комментаторы, было очень неопределенным. Его приходилось расшифровывать. Комментаторы были бессильны «совместить с реальностью президентские призывы», — пишет Алексей Чадаев в «Русском журнале» (1).

Дальше он отмечает: «Идея «строить демократию» в то время, когда по градам и весям кочует оранжевая банда строителей ее же — это, если хотите, акт гражданского мужества. Биться за фразеологию и лексику, плотно закрепленную в общественном сознании за революционным мейнстримом, — задача практически неподъемная». Иными словами, комментатор не верит в возможность перехвата инициативы со стороны президентской команды по отношению к сегодняшним технологическим тенденциям работы с властью.

Мы уже отмечали ранее[86], что нынешние российские власти неповоротливы и нетехнологичны, что они пользуются архаичным пониманием власти и потому, скорее всего, проиграют в околовыборных событиях 2008 года. Тем не менее сама концентрация Послания-2005 на таких темах, как демократия, повышение качества и осмысленности жизни народа, чиновничество, блокирующее преобразования, показывает, что осознание подобного рода опасности постепенно проникает в околопрезидентские круги.

Комментаторы правы — это происходит настолько медленно и робко, что ни о каком перехвате инициативы речь не идет. Президент пожурил чиновников, сообщил, что Россия идет к демократии, но своими темпами, — собственно, и все. К реальной политике это отношения не имеет. В этом смысле Послание-2005 —это упущенная возможность повернуть события в нужное русло.

Предмет реальной политики — модернизация власти

НЕУКЛЮЖИЕ, НЕПОДХОДЯЩИЕ к самому стилю современной жизни действия власти, стремящейся использовать все возможные административные приемы для собственного

продолжения; организация власти, не поспевающая за современными реалиями — вот какой является сегодняшняя российская власть и в глазах народа, и в глазах комментаторов. Основания того порядка, который поддерживает сегодняшняя власть, воспринимаются обществом негативно. Возникло *раздражение по поводу (любых) действий власти.* При этом власти этой ситуации не видят: Послание-2005, как дружно утверждают комментаторы, не попало «в нерв» общественной ситуации.

Поэтому сегодня в России самая актуальная и насущная тема и проблема политики — это проблема модернизации власти. Власть в России должна быть приведена в состояние, адекватное вызовам современности.

Это не административная задача настройки документооборота или переподчинения всех институтов общественной жизни чиновничьей вертикали. Позиция реального политика — неважно, где он находится: в структурах президентской власти, в Думе или Законодательном собрании субъекта Федерации, — связана с решением проблемы эффективности и технологичности российской власти.

Реальная политика — это не подковерная борьба или интриги в государственном аппарате (то, что называют политикой сейчас); это и не различного рода экстремизм в стиле НБП, и не участие в проектах экспансии чужих стран и культур на территорию России.

Реальная политика должна быть направлена на изменение существующего положения в стране, на выход за рамки навязываемых идеологических представлений.

Реальная политика — это политика, которая может менять тип власти; это политика, способная задавать такие перспективы для страны и народа, которые будут реализовываться, а не просто провозглашаться; это политика, которая может мобилизовать народ на волеизъявления и действия; это политика, предметом которой является модернизация власти.

Следовательно, важнейшим для такой политики становится понимание современных механизмов и технологий власти.

Три варианта модернизации власти

С ПОЗИЦИИ ЭКСПЕРТА по технологиям современной власти сегодня для России видятся три пути (или — сценария) возможной модернизации власти.

Первый: власти модернизируют себя сами. Этот путь еще открыт, но поскольку никакие задачи и тезисы подобного рода в Послании-2005 не просматриваются, он становится все менее

вероятным.

Второй: внешняя модернизация. Для России это патовый, конфликтный вариант. Существует несколько проектов такой трансформации[87], и Россия станет полем борьбы между ними. Но если власть сама не будет заниматься этой проблемой, так и произойдет.

Третий: политическая модернизация. Именно этот путь мы считаем наиболее эффективным и приемлемым. Он связан с «прочисткой» и освоением основных понятий и ценностей, формированием новой элиты и фактически нового народа, проведением общественных дискуссий. Такой конструктивный, содержательный путь смог бы блокировать и усилия «оранжистов», и бессмысленную работу тех партий, которые работают в режиме идеологии, а не в режиме выработки системы ценностей.

Более подробно эти сценарии выглядят следующим образом.

Вариант первый: «революция сверху»

СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ месяцев обнаружили ряд весьма тяжелых обстоятельств, связанных с отправлением власти в России, с ее организацией и тенденциями. Общий смысл системы действий должен состоять в том, чтобы «перехватить» схему, в которой будут разворачиваться события, решительно и демонстративно преодолеть инерцию старого способа властвования, сделать ключевым показателем успешности новой политики рост доверия в обществе по отношению к власти.

Должна возникнуть «сеть доверия», которая станет обеспечивать доверие к власти, к представителям власти, между людьми, внутри бизнеса, между бизнесом и властью, бизнесом и общественными структурами, властью и бизнесом. Любые действия, которые могут вызвать или спровоцировать рост недоверия, должны быть исключены из действий власти.

Этот поворот должен быть сделан демонстративно, в рамках Послания президента Федеральному собранию и последующих действий.

Что мог бы и должен был бы сказать президент, обращаясь не только к истеблишменту, но и к народу, если бы он видел серьезность этой ситуации и этой угрозы? В Послании должны были бы присутствовать следующие важнейшие тезисы:

1. Президент **отказывается от идеи преемника и преемственности** власти в принципе, объявляя это недемократичным и оставляя выбор на волю народа. Соблюдение принципа честных выборов должно быть объявлено важнейшим

властным приоритетом.

Кроме того, следует совершить ряд демонстративных действий, направленных на показательное пресечение возможных нарушений в будущем. Например — провести служебное расследование нарушений в Центризбиркоме и инициировать ряд серьезных отставок.

2. Президент заявляет, что **существующая власть непригодна для решения принципиально новых задач развития общества в России, что она стала основным тормозом необходимых преобразований.**

«Централизация власти переросла все мыслимые пределы. Ряд должностных лиц стал переносить усиление вертикали власти в структуру общественной жизни и экономики. Эти лица должны быть наказаны, а тенденция — остановлена. Кроме того, следует отказаться от расширения влияния госструктур на бизнес и общество», — примерно так мог бы сказать президент, объявив о принципиальной смене отношений между властью и обществом.

3. Необходимо призвать структуры бизнеса и общественные структуры к активной самостоятельной жизни и гарантировать им в этом поддержку власти. Следовало бы перечислить те области жизни страны, которые нуждаются в совместной работе органов власти и общественных сил (очевидный пример — работа милиции), и указать для бизнеса ряд приоритетов или даже проектов, где было бы эффективно частно-государственное партнерство.

4. Кроме того, должна быть произведена демонстративная замена целых блоков властного аппарата (например, руководства и основной части Госналогслужбы, а также части правительства). *Необходимо произвести «оранжевую революцию сверху».*

Должно быть констатировано, что проблема заключается в нас самих, в нашей косности и неповоротливости, а не во «внешних врагах». Власть и общество должны стать современными, чтобы быть конкурентоспособными.

Иначе от России в скором времени ничего не останется, и, к сожалению, это будет исторически справедливо.

Мы полагаем, что такой тезис будет сильным, верным и действенным.

5. Репрессии должны быть демонстративно **перенаправлены с бизнеса на госаппарат.** Не может происходить борьбы с коррупцией, если не платящий налоги бизнес подвергается преследованиям, а чиновники, которые в этом активно участвовали, остаются безнаказанными (речь идет о ситуациях с незаконной приватизацией, с налоговыми льготами и попустительством налоговых схем, с поборами с бизнеса и т. д.).

6. **В** Послании **необходимо прямое обращение к народу.** Необходимо призвать народ к борьбе с чиновничеством, бюрократией, неэффективной социальной и административной системой, старым аппаратом (ведь если этого не будет сделано сейчас, это сделают в 2007–2008 гг. другие), призвать его к выдвижению своих требований по отношению к эффективности и прозрачности действий власти, к тому, чтобы он не мирился с нарушением достигнутых стандартов жизни, с коррупцией, с неправосудием и т. п.

7. Должна быть объявлена **долговременная программа развития общественной жизни: общественных самоуправляющихся организаций, альтернативных СМИ.** Необходимо предупредить разворачивание альтернативных общественных движений и «народных фронтов», инициируя и усиливая их, — с тем чтобы они канализировали те или иные группы требований по отношению к власти.

Власть в стране должна быть распределена между рядом «центров силы». **Должна быть объявлена программа диверсификации системы власти,** поскольку власть в одиночку действительно не справляется (при всем своем желании) со всеми разнообразными общественными проблемами.

Действующая до сих пор «программа централизации власти» должна быть объявлена ошибочной. Следует различить «укрепление вертикали власти» и «сосредоточение всей власти в стране в руках государства» — и со всей определенностью отмежеваться и от этой второй линии, и от ее проводников.

8. **Трансформация общественно значимых систем** (здравоохранения, образования, пенсионной системы) должна постепенно, но неуклонно **выводиться «из-под государства» и передаваться общественным объединениям** (а государство может обеспечивать эти трансформации законодательно). Пока люди не рассматривают это как свое дело, президенту в Послании необходимо призвать, пригласить их к этому.

Смысл этой меры состоит в том, чтобы создать на сферы, сильно связанные с государством и отчаянно нуждающиеся в реформировании, еще более сильное давление со стороны — от организаций потребителей и новых бизнес-организаций, стремящихся работать в этих сферах.

Эти организации должны быть созданы и активизированы; тогда государство сможет принимать под их давлением решения по систематическому реформированию этих сфер. Дополнительно эта мера приведет к тому, что недовольство населения будет канализировано на эти самоуправляющиеся организации, а не на власть.

9. При этом должно быть заявлено, что России необходимо постепенно и целенаправленно **разрабатывать собственные стандарты жизни, демократии и организации хозяйства,** а не следовать западным. Эти стандарты должны соответствовать нашей ситуации и позволять России эффективно взаимодействовать с рыночным миром, но критерии их применимости должны быть внутренними. *Организация власти в стране обязана обеспечивать процветание жизни* — именно этот тезис должен стать позитивным моментом Послания.

Итак, приблизительно такой ряд пунктов мог бы составить содержание действий сегодняшних властей, если бы сами они всерьез взялись за задачу модернизации власти. Дело не в построении демократии и рынка, а в приумножении наших сил во всех сферах жизни и деятельности, во всестороннем росте доверия.

В Послании-2005 этого, повторяем, не сделано. Если в нем и есть следы подобного рода мыслей, то они очень скрытые и несмелые. Поэтому вывод о том, что данный сценарий не удастся развернуть до 2008 года, получает дополнительное подтверждение.

Ежегодное Послание президента до сих пор используется крайне неэффективно. Оно еще не стало инструментом власти, а те возможности, которые оно предоставляет, пропадают зря.

Вариант второй: инерционный сценарий

Инерционный сценарий для сегодняшней власти — одновременно и сценарий внешней модернизации.

1. Власть продолжает действия, объективно ведущие к разрушению ситуации доверия между властью и народом, между властью и бизнесом; продолжает считать промышленные компании, в том числе и иностранные, источником бесконтрольного пополнения бюджета; продолжает показательные репрессии против бизнесменов и СМИ, возможно — и против ряда общественных сил. Причем — поскольку эти репрессии происходят в рамках идеологии «укрепления вертикали власти» и «восстановления экономической мощи государства», — даже будучи продуктами ведомственной самодеятельности, они не встретят осуждения и отмежевания со стороны высших органов государства.

2. **Власть продолжает быть неповоротливой, недееспособной и нетехнологичной, коррумпированной.** Коррупция окончательно проникает в суды, арбитражи, правоохранительные органы и т. п. Неправосудие становится

основой жизненного порядка в России.

3. Власть не стремится обеспечивать собственную демократичность и эффективность и не способна обеспечить прозрачный и предсказуемый порядок в обществе и бизнесе. При этом в экономике не накапливаются долговременные инвестиции, жизнь нельзя планировать. И люди, и бизнес живут как временщики, стараясь приспособиться к непредсказуемым действиям власти. Поэтому любые реагирующие действия власти, направленные на привлечение инвестиций, раскрутку долговременных программ, обеспечение в органах власти реализации долговременных государственных интересов, заканчиваются неудачей.

4. Власть стремится собрать все сферы общественной жизни (общественные организации, СМИ, суды и адвокатуру, многие автономные сферы деятельности) **под свой контроль,** истощая тем самым эту жизнь, протекающую помимо власти, и давая возможность действовать в тех сферах, которые не попали под контроль иным центрам власти (например, религиозным, противоправным, иностранным СМИ и т. п.[88]). Ситуация начинает напоминать ту, что была в России в начале 1900-х годов, когда любые действия власти у огромной части самого образованного населения вызывали отвращение, а подлинная жизнь протекала под влиянием иных общественных сил. Эта ситуация все более раскручивается: последнее назначение Б. Немцова советником В. Ющенко, активная работа С. Доренко в Украине демонстрируют тренд под-падания активных людей, не согласных с сегодняшней политикой властей России, под власть иных сил. Вместо того чтобы использовать и привлекать, власть отталкивает и отсеивает.

5. **Власть, с одной стороны, берет на себя ответственность за болезненные реформы, а с другой — позволяет искажать замыслы этих преобразований** под влиянием различных лоббирующих групп, прежде всего — чиновников заинтересованных сфер. В результате недовольство вызывает и факт реформирования, и его неэффективность. В этих условиях следует уже начать задавать вопрос — да власть ли это вообще?

6. Власть продолжает утверждать, что строит рынок и демократию и стремится к реализации западных стандартов, хотя на деле существует иная система и хозяйства, и власти. Это несоответствие также усиливает недоверие. Вместо того чтобы сделать элементарный управленческий ход — начать разработку собственных стандартов властвования, хозяйственных отношений, различных сфер жизни, власть тужится представить себя полностью соответствующей чуждым стандартам.

7. Готовясь к выборам, власть выбирает себе преемника и начинает его «проталкивать». Для народа это означает, что уже не вызывающая доверия власть останется той же, а выборы все равно будут «неправильными». Многочисленное самостоятельное и не зависящее от государства население в этой ситуации будет основным раздражителем, самым активным в недовольстве (в Украине люди голосовали против продолжения старой коррумпированной власти, а не за Ющенко — аналогичный сценарий определенно просматривается и в России).

Подобный инерционный сценарий не имеет политической перспективы. Фиктивная демократия, рост коррупции, поборы и дела против бизнесменов, неповоротливость и неумелость уже вызывают недовольство, а в ситуациях выборов оно будет определено и канализировано теми бывшими сторонниками, которых нынешняя власть оттолкнула. Внешнеполитические и оппозиционные силы станут разворачивать альтернативы, оформленные технологически, и власть будет не в состоянии что-либо им противопоставить.

Выборы-2008 в рамках этого сценария выиграть невозможно.

Ноябрьско-декабрьская ситуация в Украине позволила (точнее, заставила) почувствовать эту проблему в полной мере. Украинская ситуация связана с тем, что система власти оказалась неэффективной. Выявилось, что она не способна ни мобилизовать народ, ни вызвать его доверие, ни систематически провести нужные преобразования, включая и сами выборы. Это не был заговор: сама власть и ее отсталость и инерционность дают повод, чтобы так ее использовать[89].

Система власти в России та же, что (была) в Украине, недовольство и раздражение народа по отношению к власти все время нарастает, причем общим основанием будущих — а кое-где уже и сегодняшних — требований является требование демократичности, эффективности, обеспечения доверия и прозрачного и предсказуемого порядка.

В России существует реальная угроза «оранжевых революций» — пишем во множественном числе, потому что Россия — это действительно не Украина: здесь этих «революций» случится несколько.

К 2007–2008 годам развернутся широкие общественные движения, «народные фронты» — «южный», «происламский», «прозападный» и «прокоммунистический» (последний соберет к себе граждан с патерналистскими ожиданиями). В этой ситуации вмешательство самых разнообразных внешних сил, играющих в пользу этих «колонн», будет неизбежным. Сценарий вмешательства уже понятен: он определяется тем, что реакции и

действия существующей власти уже вычислены и ясно, что она будет делать, а чего не сможет сделать никогда.

Вариант третий: политическая модернизация

ИЗБЕЖАТЬ ПОДОБНОГО сценария при том условии, что власти не проведут модернизацию власти сами, можно только политически. Предметом такой политики, которую мы уже выше назвали реальной, должны стать вопросы трансформации, осовременивания власти.

Такая политика включает в себя, во-первых, формирование новой элиты, заинтересованной в восстановлении статуса России как великой страны и в участии России в современных всемирных процессах и обсуждениях. Под элитой мы понимаем не тех, кто волею обстоятельств оказался «у руля», и не тех, кто мелькает на телеэкранах, а тех, кто способен обсуждать темы, адекватные современным страновым и общественным вызовам, кто способен начать освоение в России понятий рынка, демократии, власти и тому подобных системообразующих понятий.

Во-вторых, такая политика включает в себя расчистку понятий, регулирующих общественную жизнь: «народ», «собственность», «демократия», «власть» и т. п. Сегодня эти понятия заслонены мифами и идеологемами, поставлены на службу сиюминутной конъюнктуре.

В-третьих, она включает в себя организацию серьезных общественных обсуждений — как упомянутых понятий и того, как они могут организовать нашу жизнь, так и тех ценностей и оснований, которые, независимо от политической системы, являются основами жизни в России; речь идет о справедливости, ценностях освоения территорий, мобилизации и т. п. Эти дискуссии должны ответить на вопрос, как в России возможен, например, справедливый суд или как богатство может работать на освоение территорий. Одновременно эти дискуссии явятся и тем местом, где будет формироваться элита.

В-четвертых, такая политика включает в себя реализацию современных технологий власти, связанных с диверсификацией инстанций власти, с созданием сложных властных композиций, с освоением коммуникативной и ориентирующей власти. Сама тема власти и ее модернизации должна стать предметом дискуссий.

И в-пятых, такая политика означает начало работы по формированию народа, который сегодня сведен до уровня населения и электората, не участвует в общественной жизни, не предъявляет свои ценности — а в таком качестве он становится

объектом манипуляций со стороны любых, более технологически оснащенных сил.

> Технологическое усиление — это и есть путь политической модернизации власти

Технологическое усиление — это и есть путь политической модернизации власти. Это позволит блокировать усилия «оранжистов» и создаст условия по выращиванию современных технологий власти в России. Дело современной, новой элиты — разворачивать такие технологии в оппозицию внешним силам и поверх существующей власти, которая, как оказывается, сама это только пытается делать — и не очень удачно.

На пути к содержательной модернизации власти

ДАЖЕ ПРИ РАБОТЕ с теми политическими понятиями, которые являются ключевыми для современой России, ни властями, ни оппозиционерами не рассматриваются содержательные альтернативы их идеологическим конструкциям, в результате чего возникает бессмысленный клинч. Современная политическая и общественная жизнь в России очень бедна.

В этой ситуации в выигрыше окажутся те, кто владеет пониманием современных технологий власти, кто проводит линию на технологическое усиление страны. (То же относится не только к политической жизни внутри страны, но и к межстрановым отношениям.) Именно это мы описываем и фиксируем как третий, наиболее актуальный для России, путь содержательной модернизации власти.

16 мая 2005 г.

ПРАВИТЕЛЬ

Часть III

Глава 1
Папские притязания на главенство в церкви: формирование инстанции власти

Введение

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР притязаний папской власти на главенство в церкви дает возможность увидеть процесс формирования церкви как инстанции власти[90]. Фиксацию важных, с нашей точки зрения, моментов этого процесса мы выделим в пронумерованных комментариях, помещенных в конце этой главы. Там же читатель найдет и заключение, где перечислены условия, необходимые для становления инстанции власти. Но прежде чем перейти к обзору, следует сделать вводный комментарий к теме.

Само положение о самостоятельности инстанции (любой) религиозной власти по отношению к светской не ставится под сомнение европейским человеком. Культурологические исследования подкрепляют эту безусловность, анализируя распределение власти в первобытных племенах и древние царствах, в которых всегда существовали две не сводимые друг к другу инстанции власти — жрец и царь (1). Эти две инстанции апеллируют к различным трансценденциям[91], к различным источникам порядка, у них разные основания власти.

Однако в послехристианской истории автономность церковной власти имеет своим источником еще и христианское учение. Христос недвусмысленно говорит (Пилату) о том, что «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18:36), возвещая иной, по сравнению с римским, характер своей власти. Э.А. Блум комментирует это место так:

«Поскольку Иисус говорил о "царстве", Пилат "ухватился" за слово "царь". Итак, Ты все-таки Царь? Христос не отрицает сказанного Пилатом, но дает ему понять, что Его Царство — это Царство Истины (в значении истинного Богопознания, духовной истины), которое стоит над всеми земными царствами. Всякий, кто от истины (т. е. расположен к ней, будь то иудей или язычник), слушает гласа Моего, говорит Господь. В нескольких словах Он, в сущности, утверждает Божественный характер как происхождения Своего (Я… пришел в мир), так и служения (… чтобы свидетельствовать об истине)» (2).

Являясь наследником именно такого понимания своего места в мире, вселенская церковь первых веков христианства, пройдя

периоды подпольного существования и гонений, а затем — государственного признания в новой (второй) Римской империи, с III–IV веков начала осуществлять становление себя как автономной инстанции власти. Это произошло в форме становления папской власти.

Историческим обзор становления власти папы [92]

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ (IV–VIII веков) ни одному из патриархов не предоставляли исключительной власти над вселенской церковью. За римским патриархом признавалось лишь первенство чести[93]. Вопреки этому римские патриархи, именовавшиеся «папами», подчинив себе все церкви Запада, стали считать себя главами и правителями всей вселенской церкви.

Этим притязаниям способствовали различные причины. С III века, особенно же в IV веке, западные церковные писатели стали насаждать представление о том, что в церкви кроме невидимого существует еще и видимый глава. Этим, по их утверждениям, достигается всеобщее единство церкви *(Комментарий 1)*. Таким главой они признавали римского епископа, главу всемирного города, наследовавшего власть апостола Петра, который, по их утверждениям, был князь епископов *(Комментарий 2)*. Римские епископы старались такие ошибочные утверждения проводить в церковной и политической жизни.

Начиная с IV века им в этом помогли обстоятельства церковной и политической жизни. В 328 году император Константин Великий начал создавать новую столицу в Византии, названную потом Константинополем. С его переездом туда в 330 году римский епископ сделался более свободным от непосредственного влияния императорской власти. Во время ереси Ария, когда императорская власть еще поддерживала ариан, папа Юлий (336~352 гг.) проявил себя строгим ревнителем православия. В Риме оказывалась поддержка православным епископам, искавшим там убежища. В то время на папу и на Востоке начали смотреть как на единственного защитника веры и церкви.

Ко времени второго Вселенского собора папы настолько дорожили своим авторитетом, что не допускали возможности равенства с ними константинопольского епископа. Папа Дамас заявил протест по поводу этого определения на соборе. Когда Рим стал столицей западных императоров, то значение пап еще окрепло. Император Валентиан III в 445 году утвердил власть папы над всеми церквами Запада, провозгласив, что мир в церкви будет только при признании всей церковью главой единого

правителя. Папа Лев I Великий, при котором был издан этот закон, смотрел на себя как на правителя всей церкви. Сознанием верховного авторитета проникнуты его замечательные по православному образу мыслей послания, которые он писал во время монофизитской смуты[94] в ответ на запросы восточных епископов. На четвертом Вселенском соборе (451 г.) большое значение имели его легаты. Папа Лев I, убедив себя, что римский епископ имеет всю полноту власти в церкви, был недоволен 28-м правилом четвертого Вселенского собора, подтвердившего равенство константинопольского патриарха с римским.

Падение Западной Римской империи в 476 году еще более возвысило пап во мнении западных народов. При господстве в Италии варварских германских племен они оставались единственными представителями порядка и защитниками народа. Когда император Юстиниан отнял Италию от готов, он одновременно ограничил стремление пап к независимости. Но когда Византия не смогла защитить Италию от лангобардов[95], то восстановилось прежнее высокое положение пап в понимании народа. Постепенно и сами византийские императоры начали с уважением относиться к могуществу пап. Независимость эта все прочнее утверждала мнение о главенстве в церкви римского епископа. Папы отвергли почетный титул вселенского, который в 587 году был присвоен константинопольскому патриарху Иоанну Постнику. Епископ Арсений в своей «Летописи церковных событий», излагая события, происходившие в 589 году на Константинопольском соборе, пишет: «Патриарх Константинопольский, извещая и Папу о происходившем на Соборе, подписался как „архиепископ Константинопольский и Вселенский патриарх“. Титул Вселенского уже издавна усвоялся патриархам Константинопольским в указах императорских в том же, без сомнения, смысле, в каком и председатель коллегии двенадцати учителей, заведовавший преподаванием наук в империи, назывался „вселенским учителем“. Но Папа Пелагий счел это превозношением и запретил своему апокрисиарию, архидиакону Лаврентию, участвовать в служениях с патриархом» (…) Но это не помешало папам принять вскоре от императора Фоки дарованный им титул «вселенский». Папы оказались защитниками православного учения в VII веке во время монофелитской ереси[96] и в VIII веке во время иконоборческих смут. Они решились даже отказать в повиновении восточным императорам-иконоборцам *(Комментарий 3)*.

Когда на Западе усилилось новое христианское государство — Франкское, папы нашли выгодным отказаться от зависимости от византийских императоров, признав франкских властителей.

Посредником в этом деле был известный миссионер Бонифаций. По совету папы Захария, франкский майордом Пипин принял в 752 году титул короля и был в Суассоне помазан на царство Бонифацием, тогда уже митрополитом Майнцким. Когда лангобарды заняли равеннский экзархат, принадлежавший Византии, угрожая Риму, тогдашний папа Стефан призвал на помощь Пипина, который в два похода (754–755 гг.) принудил лангобардов оставить все их завоевания. Города равеннского экзархата не были возвращены Византии. Пипин заявил, что отнял эти земли для Петра (*Комментарий 2)*. Он подписал дарственную грамоту, которою все отнятые от лангобардов земли предоставлялись во владение римской церкви. Грамота была положена на гроб святого апостола Петра. Папа был их государем, а Пипин удовольствовался покровительством ему и званием римского патриция. Император византийский Константин Копроним тщетно требовал возвращения этих земель, но не имел сил отнять их, занятый борьбой с арабами и своими православными подданными. Подарком Пипина положено в 755 году начало светской власти пап.

Во время постепенного освобождения пап из-под власти византийских императоров происходило и упрочение их власти в западных церквах, преимущественно тех, которые не входили в состав римского диоцеза [епархии]. «В церквах западных, например, африканской, испанской и других, Римский епископ издавна пользовался большим авторитетом как преемник апостола Петра. За решением разных недоумений они, по древнему обычаю, обращались к римской церкви, хранившей апостольское предание *(Комментарий 2)*. Это подало повод Римским епископам писать к таким церквам послания, в которых разрешались спорные вопросы на основании апостольского предания. Такого рода послания, появившиеся еще в конце IV века, при постепенном увеличении власти Пап, получили название декреталий, т. е. определений, и считались каноническими. Естественно, что с принятием папских декреталий западные церкви становились уже в подчиненное отношение к римской. Карфагенская церковь сильнее других церквей отстаивала свою самостоятельность, но и она под гнетом вандалов в VI столетии должна была искать опоры в церкви римской. Что касается папской власти новооснованных церквей в Британии, Германии и других странах, то оно совершилось очень легко. Здесь идея о главенстве Папы распространялась вместе с самым христианством тем удобнее, что все главные миссии шли из Рима.

К началу IX века во всех западных церквах Папа считался уже

верховным главою и судиею Церкви. К этому же времени на западе появился новый канонический сборник, известный в истории под именем лжеисидоровских декреталий, на котором Папы стали основывать свое мнимое право на главенство *(Комментарий 3)*. В этом сборнике главное место занимают декреталии Пап, начиная с самых первых времен римской церкви (с 77 г. по Р. Х.), почти все или подложные, или искаженные» (3, с. 251–254; 4, с. 330–333).

«Разумеются так. наз. декреталии (decretalia) Пап от Климента третьего Рим. епископа, до Дамаса (384), собранные неким Исидором, потому и называемые лжеисидоровскими декреталиями. По ним клир совершенно неподведом светской власти и высшей законодательной и судебной властью в церкви поставляются не соборы и митрополиты, а единственно Папы. Много странного и несообразного в этих декреталиях; думают, что они сочинены во Франции около 840 г. для интересов местных, чтобы вместо близкой светской власти и митрополичьей иметь более отдаленную в Риме. При тогдашнем невежестве выдумка удалась (хотя в самой Франции не вдруг). И тем более что она соответствовала тогдашним понятиям и нашла покровительство в Папах *(Комментарий 4)*. Варварская латынь, противоречия, исторические ошибки — все это было усмотрено к концу средних веков» (3, с. 254).

«По этим декреталиям, Папа, как преемник князя апостолов, ап. Петра, имеет всю полноту власти в Церкви Вселенской. Ему подчинены все церкви со своими предстоятелями, так что если последние в известной мере пользуются властью, то эту власть получают от Папы.

Без его соизволения не может составиться ни один собор, ни одно решение собора не может быть приведено в исполнение. Все недовольные решением областных соборов и местных митрополитов могут обращаться с апелляцией к Папе, и от него уже зависит окончательное решение, которому все должны подчиняться беспрекословно. В странах, отдаленных от Рима, назначаются Папою из старших митрополитов викарии апостольского престола, или примасы, которые пользуются на месте властью Папы и служат, таким образом, проводниками центральной власти Римских первосвященников. Таким образом, по лжеисидоровским декреталиям, власть Папы в Церкви стала выше власти даже Вселенских Соборов. Система церковного управления, изложенная в лжеисидоровских декреталиях и развившаяся на западе, известна в истории под именем папства.

Папа Николай I (858–867) первым начал ссылаться на лжеисидоровские декреталии и первым начал применять на

практике раскрытые в них идеи о папском всевластии. Сочувствуя вполне этим идеям, он обладал всеми необходимыми для осуществления их качествами — умом, твердым характером, строгою нравственностью. В свое девятилетнее правление он сделал для возвышения папства гораздо более, чем делали другие Папы в течение многих десятилетий. Столкновения его с Лотарем, владетелем Лотарингии, и Гинкмаром, архиепископом Реймским, в которых Папа остался победителем, вполне подтверждают это.

Лотарь хотел развестись с своею законною женою Титбергою, чтобы жениться на некоей Валдраде. Собор Ахейский (862 г.), на котором в пользу Лотаря действовали архиепископы Кельнский Гюнтер и Трирский Титго, разрешил ему как развод, так и новый брак. Лотарь женился на Валдраде. Но Титберга обратилась с просьбою о защите к Папе Николаю I, который и решился воспользоваться этим случаем для проявления своей власти. Он назначил новый Собор в Меце (863 г.) под председательством своих легатов для вторичного расследования дела

о браке Лотаря. Но и этот Собор, действовавший под влиянием Лотаря, решил дело в его пользу. Гюнтер и Титго, главные деятели на Соборе, сами отвезли Папе соборные определения на утверждение. Николай, очень хорошо знавший ход дела на Соборе, решился поступить со всею строгостью с ослушниками его приказаний и покровителями явного прелюбодеяния. Он отверг постановления Мецкого собора, лишил сана Гюнтера и Титго и угрожал тем же остальным участвовавшим в Соборе епископам, если они не раскаются. Лотарь не смутился папским решением; архиепископы Кельнский и Трирский также не хотели покориться Папе. Они, не признавая за Папою права верховного суда, требовали Собора, составленного из митрополитов, на котором бы они лично могли защищать свое дело. Кроме того, они вооружили против Папы брата Лотаря, императора Людовика II. Этот, желая принудить Папу отменить свое решение, занял своими войсками Рим; впрочем, он скоро примирился с Николаем. Но Гюнтер и Титго продолжали высказывать протесты против папской власти. Протесты их, однако, не возбуждали сочувствия, так как дело, защищаемое ими, было неправое; общественное мнение было на стороне Папы. Николай пошел еще дальше: он отлучил от церкви Гюнтера. Тогда архиепископы Трирский и Кельнский, не находя никакого исхода из своего положения, решились покориться Папе. Но Папа оставил в силе свое определение относительно лишения их сана. Прочие епископы также спешили засвидетельствовать пред Папой свое раскаяние. Теперь и Лотарь,

побуждаемый неблагоприятным для него настроением общественного мнения, счел за лучшее сойтись с Папою. Папа потребовал, чтобы он оставил Валдраду и принял законную жену Титбергу. Лотарь должен был повиноваться.

Так же успешно окончилось для Николая столкновение с Гинкмаром, архиепископом Реймским, человеком умным и энергическим. Гинкмар отстаивал права местного самоуправления церкви. Папа, напротив, проводил мысль лжеисидоровских декреталий о централизации церковной власти в лице Папы. Борьба эта произошла по следующему случаю. Гинкмар низложил на Соборе одного подчиненного ему епископа, Ротада. Этот апеллировал Папе. Папа, несмотря на отпор Гинкмара и галльских епископов, потребовал, чтобы Ротад и Гинкмар явились в Рим на суд. Когда явился один только Ротад, Папа признал его восстановленным в сане, после чего тот занял свою кафедру без возражений со стороны Гинкмара. Таким образом, в этих двух столкновениях Папа явился блюстителем нравственных законов, защитником невинности во всем христианском мире и верховным судиею в Церкви. Кроме того, ввиду централизации власти в лице Папы, Николай I установил, чтобы каждый вновь поставленный архиепископ при получении от Папы паллиума давал клятву и подписку в верности апостольскому престолу и в беспрекословном повиновении Папе (*Комментарий* 5).

Следующий Папа, Адриан II (867–872), действовал в пользу папских интересов не так удачно, как Николай. Неудачи, между прочим, происходили от того, что Папа изъявил претензии быть судьею государей не только в духовных, но и в политических делах. Так, когда по смерти Лотаря Карл Лысый овладел его землями помимо законного наследника, императора Людовика II, Адриан потребовал, чтобы Карл возвратил лотарингские земли Людовику и в противном случае угрожал своею церковною властью, от лотарингских же епископов требовал прекратить с Карлом общение. Но Папу никто не слушал — ни Карл, ни епископы. Гинкмар же Реймский в письме к Папе дал понять, что как король, так и вельможи не потерпят вмешательства Папы в их политические дела. Тот же Гинкмар по случаю низложения им на соборе одного епископа (так же, как при Николае) отказал Адриану в праве рассматривать вновь дело в Риме, а не на местном соборе — и Адриан должен был уступить *(Комментарий 6)*.

Преемник Адриана, Иоанн VIII (872–882), замечателен тем, что по стечению благоприятных обстоятельств положил начало тому порядку вещей, по которому императорская корона стала

раздаваться папами. Карл Лысый, незаконно присвоивший себе императорское достоинство (875 г.), нуждался в признании этого достоинства со стороны Церкви. Папа Иоанн VIII, короновав Карла, признал его законным императором, но в то же время воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что получение императорского достоинства зависит единственно от апостольского престола. Карл не протестовал против того, и действительно, с этого времени на западе утверждается представление, что Папа есть источник власти императорской *(Комментарий 5)*. Пользуясь расположением Карла Лысого, Иоанн VIII, со своей стороны, успел сделать несколько постановлений, направленных против вмешательства светских владетелей в дела Церкви. Например, чтобы никто из герцогов и князей не назначал епископов, не судил их и не налагал на них и на их церкви податей, — хотя эти постановления оставались только на бумаге. После Иоанна VIII папство, вовлеченное в разные политические комбинации, быстро клонилось к падению. Папский престол поступил в распоряжение светских владетелей и политических партий и замещался по большей части людьми недостойными. Безнравственность и разного рода преступления составляли принадлежность очень многих Пап. Папская власть, находившаяся в руках таких людей, если не потеряла своего значения в идее, — на практике потеряла очень много сравнительно с прежними временами. Неустройства на папском престоле продолжались целых полтора столетия до самой половины XI века» (3, с. 255~258; 7, с. 333~336).

Комментарии

Комментарий 1

Появление «видимого главы» церкви очень важно для формирования инстанции власти по двум причинам. Во-первых, это материальное воплощение власти. С видимым главой можно коммуницировать, задавать ему вопросы и договариваться. Вселенские соборы и другие высшие органы церкви коллективны, они собираются согласно процедуре, и поэтому с ними очень сложно осуществлять коммуникацию. Кроме того, в коллективных органах могут меняться лидеры, и соответственно возможность сохранения договоренностей резко снижается. Поэтому видимый глава, осуществляющий прямой контакт с Богом, оказывается очень удобным началом для формирования инстанции власти. Дальнейшие события в Европе, когда строилась сложная композиция двух инстанций власти — королевской

(императорской) и церковной, — показали необходимость материального воплощения церковной власти.

Другой исторический пример необходимости материального воплощения власти — царство Польское в XVIII веке, управляющееся сеймом, в котором каждый имел право вето. Это привело к резкому ослаблению власти в царстве и потере Польшей государственности.

Как священник (хотя и имеющий исключительный статус) «видимый», персонифицированный глава церкви вместе с регламентом коммуникации с ним (обращения к нему и его обращения к народу и иерархам) представляет собой одно из присутственных мест, которые существуют (строятся) для любой инстанции власти.

Комментарий 2

Для формирования инстанции власти важно наличие исключительного (недоступного для других) ресурса, доступ к которому возможен только для особых лиц. Таким ресурсом в начале формирования инстанции власти в западной христианской церкви являлось прямое наследование сана римского епископа от апостола Петра[97]. Как мы видим далее по тексту обзора, многие действия пап осуществлялись именно от имени апостола Петра — например, невозвращение земель Византийской империи оформлялось как подарок апостолу Петру.

Комментарий 3

Важным моментом является борьба за титул «вселенский». Власть имеет всеобщий характер, иначе это не власть (особенно это значимо для христианской власти, с самого начала утверждавшей свою независимость от национально-государственных границ). Фиксация всеобщности власти порождает ее безусловный характер в глазах каждого[98]. Локальная власть еще не совсем власть, поскольку требует постоянного подтверждения господства (силой, богатством и т. п.). Переход к всеобщности делает невозможными вопросы такого рода, как возможны ли другие варианты, может ли быть иначе и т. п.

Большую роль в формировании всеобщности папской власти играли лжеисидоровские декреталии (см. о них ниже по тексту обзора). Именно их распространение, а потом ссылки на них

обосновывали тезис, что «так было всегда и везде».

Комментарий 4

В формировании инстанции власти важным моментом является несомненность оснований и признание этих оснований (так называемая символическая власть по Бурдье). Неграмотность населения, невозможность установить другую истину, забывание альтернатив и тому подобные механизмы приводят к формированию общеизвестных, нерефлектируемых «истин», являющихся основанием для постепенного возникновения «негласного соглашения» по поводу возникающей инстанции власти: «Она такова и другой быть не может. У нее есть основания быть властью. Мы все согласны под ней жить, но она, как истинная власть, знает свои границы и не пересекает их».

Лжеисидоровские декреталии сыграли большую роль в качестве начала для такого рода соглашения и указания его границ.

Комментарий 5

Последовательность (действия) власти. Демонстрация наличия власти (в отличие, например, от демонстрации силы) основана на том, что в рамках установленной власти инстанция власти действует последовательно до конца, следуя принципам, но не обстоятельствам. Власть принципиальна, демонстрация же силы основана на достаточности (сила вызвала испуг, отступление — и достаточно). Демонстрация власти состоит в неотвратимости и реализации власти без оглядки на человеческие эмоции (жалость, расчетливость и пр.).

Обращаем также внимание читателя на подробность описания в обзоре двух исторических «кейсов», реализовавших — после всей подготовки в течение нескольких веков — папскую власть как особую инстанцию. В этом смысле эти два эпизода — историческая кульминация борьбы папства за власть. В этих описаниях тщательно прослеживаются именно принципиальность и напор становящейся власти.

Комментарий 6

Нарушение сформированного соглашения относительно возникающей инстанции власти влечет к ее ослаблению и сомнению в том, действительно ли она презентирует власть или

преследует какие-то интересы. Описанные колебания папского престола свидетельствуют об этом. В описании видно противопоставление с предыдущими эпизодами становления.

Заключение

ТАКИМ ОБРАЗОМ, приведенный исторический обзор со всей определенностью демонстрирует следующие общие принципы становления инстанции власти.

Это становление связано с формированием в обществе структуры, элементами которой являются:

- ♦ материальное воплощение власти;
- ♦ наличие исключительного ресурса;
- ♦ сакральность этого ресурса;
- ♦ обоснование всеобщности власти, представляемой данной инстанцией;
- ♦ признание (формирование негласного общественного соглашения) инстанции как инстанции власти;
- ♦ демонстрация последовательности власти (неотвратимости);
- ♦ формирование мест коммуникации с властью (присутственные места).

Одновременное наличие и правильное соотнесение указанных элементов превращают человека, группу людей, учреждение и пр. в инстанцию власти.

Глава 2
Тема власти в работах Никколо Макиавелли

Введение

ИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ Никколо Макиавелли «Государь» и «Рассуждения о последней декаде Тита Ливия», по-видимому, представляют собой одну из первых попыток европейских исследователей вплотную подойти к теме власти как таковой. Несмотря на то, что власть довольно часто оказывается в центре внимания исследований по философии, юриспруденции, истории, политологии и прочих дисциплин и что существуют целые художественные исследования о власти, их авторы в основном обсуждают (по крайней мере до XX века) не власть как таковую, а скорее ее проявления. К примеру, Гегель обсуждает господство, отождествляя его с властью; аналогично поступал и Макс Вебер, который дал одно из наиболее популярных определений власти как «возможность нечто сделать вопреки воле другого». При этом не ставится вопрос о том, кто или что дает такую возможность. Предполагается, что это условие, каким бы оно ни было, уже выполнено.

Многие обсуждают не власть, а ее проявления

Многие исследователи сосредоточивают свое внимание на властных институтах и на различных системах и инструментах власти (государство, суды, парламенты, право, формы правления и пр.). Анализ многих попыток европейских исследователей ответить на вопрос о власти создает впечатление, будто они постоянно избегают действительной постановки этого вопроса. Предпочитая строить свои дальнейшие рассуждения в предположении, что власть уже есть и всем очевидно, что это такое, они концентрируются на различных побочных вещах по отношению власти, но не на власти как таковой — поскольку они не ставят себе задачу освоить власть.

Исключениями из этого ряда являются прежде всего две фигуры — это Макиавелли и, позже, Ницше. Работы этих мыслителей являются альтернативами известному европейскому проекту, автором которого считается Кант (1, с. 5—23). Этот проект, который в значительной степени реализовался в современной Западной Европе, является еще одной попыткой

удалиться от темы власти. Дело в том, что реальный властитель в этой концепции подменен конструкцией права и наличием государства, обозначающего присутствие Разума в общественных делах. В такой конструкции не возникает вопроса о власти, поскольку люди действуют в соответствии с безусловно принимаемыми ими основаниями (право), властитель оказывается не нужен, а настоящая власть становится невидимой, ее загораживают «представители» — прежде всего государство.

Альтернативы европейскому проекту не получили серьезного развития. Вместо этого Макиавелли до сих пор осуждают за его предельно циничный подход к власти. Течение в политике, получившее название «макиавеллизм», носит скорее негативный оттенок. А работа Фридриха Ницше «Воля к власти», как известно, так и не была дописана до конца, возможно — вследствие тяжелой болезни и смерти автора.

«Ницшеанство» связывают с фашизмом, который использовал ряд понятий Ницше в своих целях. Тем не менее эти авторы заслуживают внимания с точки зрения темы власти. Возможно, в их трудах нам удастся выделить конструкцию власти, альтернативную европейскому проекту.

Фигура Государя

В НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНОЙ РАБОТЕ Макиавелли «Государь» автор начинает обсуждение темы власти с фигуры самого государя, властителя: какими качествами он должен обладать, что он должен делать, как должен анализировать ситуацию и пр.

Прежде чем перейти к анализу фигуры государя, важно развеять довольно распространенный стереотип по поводу того, кого имеет в виду автор под государем. У Макиавелли государь не есть чиновник, глава правительства, член магистрата и т. п. Он не имеет ничего общего с представителем высшего чиновничьего аппарата, как думают некоторые исследователи.

Макиавелли, по-видимому, считает, что только специфический человек может обладать властью, и для этого должен выполняться ряд особых условий. При этом не важно, к примеру, как этот человек пришел к власти (по наследству, завоеванием, обманом, назначен кем-то, избран народом, случайно и пр.). Точно так же не важен тип государственного устройства (республика или единовластное правление), не важно наличие определенной системы законов, права и прочих обстоятельств. Макиавелли подробнейшим образом обсуждает вопрос удержания власти, подразумевая тем самым, что если некто назначен, то не факт, что ему удастся удержать власть. У

чиновника такой проблемы нет, поскольку он есть часть функционального аппарата, он ограничен возможностями своего места, законами, правом, типом государственного устройства и прочим. Различение чиновника и государя дает нам право считать, что в центре внимания автора — некто, способный удерживать власть и чье занятие состоит только в осуществлении власти.

Следовательно, через реконструкцию фигуры государя мы можем подойти к теме власти.

Макиавелли утверждает, что у истинного властителя не существует чиновничьих (правовых, содержательных и т. п.) ограничений. Ни мораль, ни законы, ни тип государства не могут быть препятствием на пути к главной цели — удержанию и осуществлению власти. Все эти вещи для государя являются скорее лишь средствами удержания власти, но не условиями ее существования. Но тогда что же дает ему власть, на чем она основана?

> Ни мораль, ни законы, ни тип государства не могут быть препятствием на пути к главной цели — удержанию и осуществлению власти

Властитель не ограничен моралью

ЧИТАЯ ТЕКСТ, можно сразу заметить, что сам автор по большей части дает негативные ответы на этот вопрос, а именно: власть государя не зависит ни от морали, ни от законов, ни от типа государства. Итак, отличительным свойством властителя является умение быть вне моральных ограничений. Автор называет это умением государя «отступать от добра». Государь, «желая исповедовать добро во всех случаях жизни, неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности». То же самое касается вопроса о том, должен ли государь держать данное им слово. «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание[99]». Здесь следует заметить, что дистанция от морали есть не только отличительное свойство государя, но и его исключительная «привилегия». Только если дело касается власти, человеку подобает отступать от добра, если это необходимо.

Власть не ограничена правом и законами

ЗАКОНЫ, ПРАВО также являются не условием власти, а скорее ее средством. То, что законы творятся самим государем, видно из той части книги, где автор говорит о том, что «ничто так не прославляет государя, как введение новых законов и установлений». Автор даже рекомендует новому государю, захватившему власть в стране, полностью сменить в ней порядки и законы: «самое надежное средство удержать власть — это, поскольку он является новым государем, переделать в этом государстве все по-новому: создать в городах новые правительства под новыми наименованиями, с новыми полномочиями и новыми людьми; сделать богатых бедными, а бедных — богатыми». Поэтому законы и порядки, которые распространены в стране, также не могут считаться границами власти. Власть может устанавливать или не устанавливать законы по мере необходимости, но не наоборот. Законы могут являться опорой для власти, но не определяют и не ограничивают ее.

Власть не ограничена силой

ЗДЕСЬ ЖЕ СТОИТ упомянуть о том, почему автор так много внимания уделяет военной сфере. Не считает ли он действительной основой власти наличие собственного войска? Тем более, что в одном из мест «Государя» автор прямо говорит, что «основой власти во всех государствах — как унаследованных, так смешанных и новых — служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы».

Да, автор немало внимания уделяет наличию собственного войска. Действительно, для Европы его времени наличие постоянных войн делает этот вопрос довольно важным для власти — возможно, даже самым важным, поскольку Макиавелли заключает, что «война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого». И все же: войско ли делает государя, являясь условием его власти, — или наоборот: государь, уже обладая властью, собирает войско? На этот вопрос автор дает ответ тем, что рассматривает различные варианты обеспечения власти силой: можно собрать собственное войско, можно воспользоваться силами союзников или наемными войсками (что гораздо хуже). Из этого следует, что сила не является условием власти, хотя власть на нее опирается. Макиавелли напоминает, что дело власти — это не столько вести

войны, сколько сохранять целостность страны и жизнь своего народа — а это прерогатива власти, но не силы.

Власть не ограничена государством

И НАКОНЕЦ, САМ ТИП государственного устройства не является условием власти, несмотря на то, что Макиавелли по праву считают ярым приверженцем республиканской модели правления. Для автора вопрос о власти важнее вопроса о типе государства. Это становится видно из его рассуждений о том, как установить власть в стране, в которой нет сформированного государства, республиканского или монархического. Вопрос о государственном устройстве должна решать власть, и ее прерогатива определить, какие установить порядки и законы, какие назначить правительства и пр., но не наоборот.

Итак, мы замечаем парадоксальное обстоятельство: ни мораль, ни законы, ни порядки, ни сила, ни государственное устройство не определяют власть и не являются предельными для государя - значит, его власть держится на чем-то ином.

«Формула власти» Макиавелли

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ власть — это, по-видимому, важнейший для Макиавелли вопрос. Ответ на него дается, на первый взгляд, метафорически: власть держится на страхе и любви подданных к государю. При внимательном прочтении, однако, можно заметить, как много внимания автор уделяет проблеме презрения и ненависти, которых должен избегать государь. Поэтому вряд ли такой ответ можно считать случайным.

> Власть держится на страхе и любви подданных к государю

Автор всерьез считает и показывает на многих исторических примерах, что власть держится в первую очередь на такой невидимой и тонкой материи, как страх и любовь подданных. Все остальное: законы, государственные институты, порядки, войска и прочее автор считает скорее вторичными сущностями, которые помогают укрепить власть, но сами по себе власть не порождают. Поэтому рассмотрим подробнее, что же автор вкладывает в эту формулу власти (страх и любовь).

Макиавелли склонен давать ответы не в виде теоретических рассуждений, а в виде практических рекомендаций. В этом отношении основным советом и даже требованием к властителю

автор считает удержание власти. Достигается это прежде всего контролем за тем, чтобы страх подданных не превратился в ненависть, а любовь — в презрение. Автор пишет, что «презрение и ненависть подданных — это то самое, чего государь должен более всего опасаться». И далее: «презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость».

При этом автор отмечает, что презрение народа страшнее, чем отсутствие силы, собственной армии, вооружения, проблемы с союзниками. В главе XX автор утверждает, что от ненависти народа не защитишься крепостями: «я одобрю и тех, кто строит крепости, и тех, кто их не строит, но осужу всякого, кто, полагаясь на крепости, не озабочен тем, что ненавистен народу». Никакие союзники и войска не спасут государя, если он ненавистен свои подданным. Если народ возьмется за вилы, то всегда найдутся те чужаки, которые подсобят им в свержении своего правителя, считает автор.

Макиавелли в этом отношении дает государю несколько советов. Приведем некоторые из них:

♦ Удерживать власть любыми средствами, в том числе — ценой отступления от добра или нарушением данного однажды слова.

♦ Всячески избегать ненависти и презрения подданных, «в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость».

♦ Остерегаться щедрости и проявлять бережливость. «Презрение и ненависть подданных — это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому».

♦ Добиваться почтения военными предприятиями и необычайными поступками. «Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки».

♦ Обладать собственной мудростью, правильно выбирать советников, избегать льстецов. «Правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем».

♦ «Обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют,

тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше».

♦ «Дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами».

Формула власти, открытая Макиавелли, не осталась незамеченной современными исследователями. По мнению В.В. Малявина, Макиавелли первым из европейцев открыл тот аспект власти, о котором мы уже говорили: власть держится на страхе и любви подданных. Малявин называет это конструкцией тайного сговора властителя и народа (3). Это можно проиллюстрировать на примере того, как государь устанавливает «тайное» (неписаное) соглашение со своим министром. «Государь со своей стороны должен стараться удержать преданность своего министра, воздавая ему по заслугам, умножая его состояние, привязывая его к себе узами благодарности, разделяя с ним обязанности и почести, чтобы тот видел, что государь не может без него обходиться, и чтобы, имея достаточно богатств и почестей, не возжелал новых богатств и почестей, а также чтобы, занимая разнообразные должности, убоялся переворотов. Когда государь и его министр обоюдно ведут себя таким образом, они могут быть друг в друге уверены, когда же они ведут себя иначе, это плохо кончается либо для одного, либо для другого». По мнению В.В. Малявина (4), именно такого рода тайные неформализованные соглашения являются тканью, из которой соткана власть государя по Макиавелли.

Для чего нужна власть?

ТЕПЕРЬ ЗАДАДИМ автору вопрос: для чего же нужна власть, если ее понимать так, как описано выше?

Макиавелли довольно ясно отвечает на этот вопрос, отмечая одну из важнейших угроз для жизни, от которой должна защитить людей власть. Этой угрозой является европейский эгоизм, преобладание собственных интересов в мотивах действий людей. Автор называет это «испорченностью людей» — они следуют не добродетелям, а собственной выгоде: «в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать». Поэтому власть нужна для того, чтобы частные эгоистические стремления не разрушили жизнь: «Каждый из советников будет думать лишь о собственном благе… Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость».

Макиавелли иллюстрирует это на примере парламента во Франции и показывает, как такого рода учреждение может

сдерживать эгоизм и столкновение различных групп и тем самым — быть полезно королю и власти, а следовательно, и стране в целом. Во Франции «имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать».

Заключение

ПОДВОДЯ ИТОГИ, первое, что стоит отметить, — это то, насколько резко выделяется из ряда прочих попыток европейских исследователей ответить на вопрос о власти ответ (и сам вопрос) Макиавелли. Так «выламывается» из общего ряда еще только Ницше.

Одна из основных идей Ницше в отношении власти состояла в том, что установление властного порядка осуществляется для обуздания сильных и поощрения слабых, или, более грубо: в современном Ницше порядке власть устанавливают слабые, чтобы их не уничтожили сильные[100]. До похожего вывода доходит и Макиавелли, разбирая устройство французского парламента. Продолжая уже приведенную выше мысль, он пишет о французском парламенте: «Устроитель… монархии… не стал вменять [взаимное обуздание народа и знати] в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых».

Близки эти два автора и своей циничностью в подходе к власти, признавая, что власть — как раз та тема, о которой, как писал Ницше, «молчали или говорили величественно: т. е. цинично и с непорочностью» (5). Возможно, именно за это оба автора были многократно раскритикованы, но их книги показывают, что власть — это то, что стоит за границами морали, за гранью добра и зла. Власть устанавливает мораль, а не наоборот.

> Отличительной особенностью властителя является не наличие в его распоряжении внешних структур: институтов, союзников, советников, войска, права, государства и прочего, а умение чувствовать «душу народа»

Повторим, в чем же состоит противостояние Макиавелли традиционной линии исследования власти. Прежде всего в том, что автор не делает, как многие исследователи, заведомо ложных предметизаций власти (например, не определяет власть как тип отношений, как свойство социума, как свойство личности, как совокупность властных институтов, как систему, как правопорядок, как господство, как насилие и пр.). Вместо этого он вскрывает один из тонких механизмов, на котором держится власть: власть, по Макиавелли, держится на любви и страхе подданных. Отличительной особенностью властителя является не наличие в его распоряжении внешних структур: институтов, союзников, советников, войска, права, государства и прочего, а умение чувствовать «душу народа».

Глава 3
Немецкая классическая философия о проблемах власти

Исторический контекст

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (в лице в первую очередь Канта и Гегеля) достигла расцвета в переломный исторический период. И это не случайный факт.

На 1760—1770-е годы — годы зрелости Канта (1724–1804) — приходится время кризиса форм организации человеческого общежития, в том числе государства и власти. К власти усиленно стремится буржуазия, живущая «на вторых ролях» в обществе, где ведущие позиции занимает аристократия. Эти новые силы начинают изменять общество, взяв на вооружение идеи Просвещения и естественного права (и вообще естественных форм построения общества): грядущие преобразования мыслятся и пропагандируются ими как возврат к естественным формам, как избавление от искажений и усложнений, как возможность устроить общество в соответствии с разумом при избавлении от предрассудков.

На 1780–1790 годы — годы юности Гегеля (1770–1831) — приходятся революционные изменения в США и Франции, реализующие эти идеи. Эти изменения оборачиваются непредвиденными последствиями: затяжными, почти мировыми, войнами, в том числе и гражданскими, террором, разрухой.

Начало XIX века — взлет и падение Узурпатора, Наполеона Бонапарта, сформировавшего в одиночку и с нарушением всех возможных законов и установлений новую империю, которая затем была разгромлена. Действуя под влиянием энергетики революционных преобразований, он стал культурным образцом для многих людей, продемонстрировал возможности властной воли, или же произвола — в зависимости от интерпретации.

«Феноменология духа» Гегеля напечатана в 1807 году, «Основы метафизики нравственности» Канта — в 1785-м.

События Большой истории явились теми пограничными ситуациями, которые раскрыли для философов то, что было до времени скрыто за устоявшимися формами общежития и общественного устройства, позволили заглянуть вглубь тех структур человеческой души и духа, которые были до того потаенными, дали возможность, говоря языком Гегеля, увидеть движение (развитие) Абсолютного Духа.

> Власть в чистом виде, как событие или проявление, для Канта и Гегеля не более чем некоторый разрыв, случай, который должен воплотиться в некоторые регулярные формы: порядок, государство, право

Рефлексия новых границ и пределов, достигнутых человечеством в период переворотов конца XVIII — начала XIX века, — вот что определяет для нас ценность тезисов Канта и Гегеля относительно власти. По своим масштабам и значимости эти перевороты вполне сравнимы с нынешними, тем более что они были первыми: зашаталось и поплыло все, что было до того абсолютным и незыблемым.

Однако, эти философы показательны еще в одном отношении: они не занимаются собственно темой власти, стремясь отойти от нее как можно скорее и сосредоточиваясь на темах государства и права. Власть в чистом виде, как событие или проявление, для них не более чем некоторый разрыв, случай, который должен воплотиться в некоторые регулярные формы: порядок, государство, право.

В этом смысле эти философы интересны для нас прежде всего тем, что они являются представителями определенного проекта — можно назвать его европейским — по «усмирению», «приручению» властной воли.

Гегель: Диалектика раба и господина

ЗАМЕТИМ, ЧТО ГЕГЕЛЬ разделяет вопрос о власти и вопрос о государственной власти и связанных с ней понятиях: семья, народ, гражданство и пр. Первый вопрос он обсуждает в разделе «Самосознание — истина достоверности себя самого», а второй — в разделе «Отчужденный от себя дух. Образованность и ее царство действительности» (речь идет о книге «Феноменология духа» (1)).

Поскольку у Гегеля последовательность построения текстов всегда соответствует последовательности развертывания Абсолюта, это имеет важное значение. Отношения властвования — подчинения, господства и рабства обсуждаются до (логического) «появления» разума (а государство, напротив, принадлежит ему), а это значит, что власть, по Гегелю, — вопрос не организации, а воли и самосознания.

Диалектика раба и господина. Диалектика здесь заключается в том, что, как пишет Гегель, «самосознание есть… потому и благодаря тому, что оно есть… для некоторого другого самосознания, т. е. оно есть только как нечто признанное… Эта двусмысленность различенного заключается в самой сущности

самосознания, состоящей в том, что оно… противоположно той определенности, в которой оно установлено. Анализ понятия этого духовного единства в его удвоении представляет собой для нас движение признания» (1, с. 99).

Самосознание никогда не совпадает с наличным существованием, говорит Гегель, и должно получить признание — поэтому для этого нужен другой. Признание нельзя получить раз и навсегда — это всегда процесс становления (признавания).

«Самосознание должно стремиться снять другую самостоятельную сущность, дабы удостовериться в себе как в сущности… Движение есть просто двойное движение обоих самосознаний… Они признают себя признающими друг друга» (1, с. 99, 100).

Как это происходит? Поскольку самосознание противоположно жизненной определенности, то, следовательно:

«Проявление себя как чистой абстракции самосознания состоит в том, чтобы показать себя чистой негацией своего предметного модуса, или показать себя несвязанным ни с каким определенным наличным бытием… не связанным с жизнью» (1, с. 101).

Движение самосознания — выход из самого себя, дохождение до предела, который кладет другой. Но и ты кладешь предел другому, поэтому «каждый идет на смерть другого» (1, с. 101). Одновременно проявляется действование, исходящее от себя самого — направленное на сохранение собственного бытия. «Отношение двух самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. Они должны вступить в эту борьбу, ибо достоверность себя самих, состоящую в том, чтобы быть для себя, они должны возвысить до истины в другом и в себе самих. И только риском жизни подтверждается свобода…» (1, с. 102) — подтверждается то, что сущностью для него является не погруженность в жизнь, а возможность идти в отрицании себя до конца. «Каждое должно в такой же мере идти на смерть другого, в какой оно рискует своей жизнью» (1, с. 102).

Конечно, в этой борьбе оба могут погибнуть, но движение признавания заключается в том, что эту возможность начинает удерживать лишь сознание (а не реальное действие), создавая для себя пограничный опыт. «В этом опыте самосознание обнаруживает, что жизнь для него столь же существенна, как и чистое самосознание… выявлено чистое самосознание и сознание, которое есть не просто для себя, а для другого сознания» (1, с. 102–103). В борьбе сознание расщепляется: «оно есть в качестве сущего сознания и сознания в виде вещности» (1,

с. 103). На первых порах, пока «рефлексия в единство еще не последовала», они составляют два противоположных вида сознания: «сознание самостоятельное, для которого для-себя-бытие есть сущность, другое — несамостоятельное, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность» (1, с. 103).

Таким образом, речь идет о двух типах самоопределения, которые, однако, пока существуют как возможности в одном сознании: идти ли на риск до конца, отстаивая свою сущность, или предпочесть жизнь как ценность. Заметим, что именно пограничный исторический опыт, пережитый человечеством в конце XVIII — начале XIX века, в том числе и борьба немецких народов с наполеоновскими войсками, позволил именно эту борьбу самосознаний сделать ядром выявления сущности отношений власти и подчинения. Лет за сто до того власть и подчинение могли обсуждаться только как естественные институциональные образования.

Далее Гегель персонифицирует эти два типа самосознания: «Первое — господин, второе — раб» (1, с. 103).

Бодрийяр комментирует это место у Гегеля так: «Власть, вопреки бытующим представлениям, это вовсе не власть предавать смерти, а как раз наоборот — власть оставлять жизнь рабу, который не имеет права ее отдать. Господин присваивает чужую смерть, а сам сохранят право рисковать своей жизнью. <… > Изымая раба из смерти, господин изымает его и из оборота символического имущества; это и есть насилие, которому он его подвергает, обрекая его служить рабочей силой. Это и есть тайна власти (так и Гегель в своей диалектике господина и раба выводит власть господина из нависающей над рабом отсроченной угрозы смерти)» (2, с. 103–104).

Опосредованное господство. «Господин относится к рабу через посредство самостоятельного бытия, ибо оно-то и держит раба; это — его цепь, от которой он не мог абстрагироваться в борьбе, и потому оказалось, что он, будучи несамостоятельным, имеет свою самостоятельность в вещности. Между тем господин властвует над этим бытием, ибо он доказал в борьбе, что оно имеет для него значение только в качестве некоторого негативного; так как он властвует над этим бытием, а это бытие властвует над рабом, то вследствие этого он подчиняет себе этого другого» (1, с. 103).

Это очень важный момент для понимания сущности власти: над рабом властвует не господин непосредственно, а «между ними» находится бытие: *господин властвует над бытием, раб подчиняется бытию.* Раб имеет самостоятельность в вещности,

причем не только в вещности себя самого, но и всего порядка вещей. Господин же властвует над этим порядком. Тем самым Гегель переходит от ситуации становления власти (установления отношений власти между двумя конкретными людьми) к ситуации воспроизводства власти посредством существующего наличного бытия. Сам порядок бытия и отношение к нему начинают удерживать отношение «господство-рабство».

Отношение к вещам. Господин относится к вещам посредством раба — для раба вещь самостоятельна, и он может ее обрабатывать, трудясь, господин же лишь потребляет (отрицая вещь).

Поскольку труд является «подавленным желанием», раб учится дисциплине, которая отличает человека от животного. Это отрицание природного, но отрицание продуктивное, потому что оно воплощается в результаты собственного труда. Так как в процессе труда человек обращен против предметов природы, то он и обретает опыт, дающий ему сведения о «самостоятельности» предмета, т. е. человек познает независимость предмета от нас и его автономный внутренний характер. Обе стороны труда — труд как воспитание дисциплины сознательного существа и труд как основа нашего опыта о том, что предметный мир независим от нас и имеет автономный характер, — являются вкладом раба в развитие духа. «Благодаря труду сознание приходит к самому себе… Труд образует» (1, с. 105).

Страх и образование. Пережитый страх для раба есть «истина чистой негативности: это сознание испытывало страх за все свое существо, ибо оно ощущало страх смерти, абсолютного господина… Все незыблемое в нем содрогнулось» (1, с. 104–105). Это переживание позволяет рабу ощутить свое существование и далее начать движение образовывания через труд и дисциплину. «В процессе образования для-себя-бытие становится его собственным…» (1, с. 106).

Развитие отношений господина и раба кончается взаимным признанием (т. е. тем, что раб обретает равноправие в рамках определенного порядка).

Государственная власть обсуждается и полагается Гегелем в части «Мир отчужденного от себя духа — Образованность и ее царство действительности».

Образованность для Гегеля есть «то, благодаря чему индивид обладает значимостью и действительностью» (1, с. 263). Это — действительность инобытия отчужденного духа, то есть некоторые человеческие установления, соответствующие определенной исторической эпохе. Именно внутри них появляются понятия дурного и хорошего, а также столь же

фундаментальные вещи — государственная власть и богатство.

(Здесь русский язык вынужден пользоваться одним и тем же словом «власть», однако в немецком власть — Macht, государственная власть — Gewalt.)

Обратим внимание, что, в соответствии со своим методом, Гегель должен представить некоторые «общественные явления» как диалектически связанные, являющиеся двумя сторонами одного и того же. Так он поступил, обсуждая два типа самосознания, которые потом предметизовал как господина и раба; так он поступает и здесь, вводя государственную власть и богатство. Они для него — две стороны духа, раздваивающегося на «субстанцию как постоянную и субстанцию как собою жертвующую» (1, с. 265).

Первое есть понятие хорошего, второе — дурного, а как предметные моменты они проявляются именно как государственная власть и богатство: «Государственная власть есть… само абсолютное дело, в котором для индивидов выражена их сущность… Богатство есть то, что пассивно или ничтожно, оно есть равным образом всеобщая духовная сущность, столь же постоянно получающийся результат труда и действования всех, как он снова растворяется в потреблении всех» (1, с. 266).

Таким образом, Гегель решает задачу, поставленную перед ним ходом истории: в философской системе конфигурировать общественные явления государственной власти и богатства, которые как раз тогда стали трактоваться как вполне равноправные силы, как две инстанции власти — для Гегеля как проявления абсолютного духа. В новом послереволюционном устройстве государства был достигнут баланс этих сил; Гегель трактует их так: государство как нечто позитивное, постоянное (да еще и выражающее сущность индивидов), а богатство (имеются в виду только деньги, а не капитал) — как негативное, постоянно появляющееся и исчезающее, мы бы сказали — виртуальное.

Итак, постоянная и виртуальная сущность индивида. Но есть и другая интерпретация: в государственной власти «сознание… находит устойчивое существование вообще» (1, с. 268) — без нее ни устойчивость, ни существование невозможно. А «богатство… стремится ко всеобщему потреблению, приносит себя в жертву и доставляет им сознание их самости» (1, с. 268). Таким образом, государственная власть обеспечивает всеобщую сущность, богатство — индивидуальность.

Служение и совет. Как сословия «господ» и «рабов» соотносятся с государственной властью? Приносят ли они в жертву свои сословные интересы? Гегель обсуждает «героизм

служения», однако и служение проходит ряд ступеней.

«Служащее самосознание еще не отрешилось от своей чистой самости и оживотворило государственную власть не этим, а только своим бытием… Оно — гордый вассал, который действует в интересах государственной власти, поскольку она воля не собственная, а существенная… Его язык, если бы дело касалось собственной воли государственной власти… представлял бы собой совет, который он давал бы для общего блага» (1, с. 271).

Теперь мало служить, жертвуя жизнью как вассал-аристократ, говорит Гегель; государственная власть нуждается в совете, в жертвовании не только наличным бытием, но и в-себе-бытием.

«Государственная власть поэтому еще безвольна перед советом… она еще не есть правительство и тем самым не есть еще поистине действительная государственная власть. Воля, которая как воля еще не принесена в жертву, есть внутренний отошедший дух сословий, который вопреки разговорам об общем благе сохраняет за собой особое благо и склонен эту болтовню об общем благе превратить в суррогат практической деятельности… Постоянное переживание смерти… делает двусмысленным совет для общего блага и на деле… сохраняет за собой собственное мнение и особую волю по отношению к государственной власти… Сознание подпадает под определение низменного сознания — всегда быть готовым к бунту» (1, с. 272).

Здесь Гегель дает свое решение также актуальной для его времени проблемы соотношения государственной власти и аристократического сословия. Господин, аристократ служит — но с оглядкой, и советы, которые он дает по ходу политической деятельности, возможно, служат интересам его сословия. Теперь государству мало того, чтобы он давал совет, — надо еще произвести отчуждение себя самого, своего самосознания, привыкшего смотреть в лицо смерти, в пользу государственной власти:

«В силу того, что самость как таковая отчуждается, государственная власть возвышается до собственной самости» (1, с. 272).

В государственной власти должны исчезнуть и переплавиться все властные воли, в том числе и власть богатства; именно такая конфигурация властных сил полагается Гегелем как необходимая для его современности. В том числе это относится и к индивидуальной свободе: только отчуждая себя самого в пользу государства, индивид обретает свободу Государство мыслится Гегелем как некая последняя ступень объективации духа: оно уже не может меняться, а дальнейшее развитие Духа идет иными «каналами».

Кант

КАНТ, В СООТВЕТСТВИИ с духом эпохи, трактовал власть либо как власть над природой — именно тогда началось триумфальное «покорение природы», которое в том числе обосновывал и Кант, обсуждая границы человеческой мысли, — либо как то, что соотносится с юридической (правовой) действительностью (вообще юридические аналогии чрезвычайно близки Канту (3)). Рассмотрим эти трактовки последовательно.

Власть как могущество против могущества. Феномен власти как таковой обсуждается Кантом (4) через эстетическую категорию «возвышенного». Действительно, возвышенное, под которое подпадает и нуминозное (священно-ужасное), — это чрезмерное, бесформенное, чудовищное — экстремальное, одним словом. Как таковое («до-рефлексивное») оно вызывает душевное потрясение — от смятения до шока.

Отправной пункт в аналитике возвышенного у Канта — понятие могущества: «Могущество — это способность преодолевать большие препятствия. Оно называется властью, если преодолевает сопротивление того, что само обладает могуществом» (4, § 28, с. 130). Могущество природы «отпугивает чувственность и вместе с тем притягивает нас» (4, § 29, с. 135). Сознание (душа) пытается ввести несоразмерное человеку могущество природы в рамки некоего образа и тем самым как бы чувственно его из— или соразмерить, но терпит на этом пути крах, подавленное чувственным величием природы. Но затем происходит — или не происходит — рефлексивное оборачивание этой ситуации («рефлексия эстетической способности суждения» (4, с. 140)), а именно: «разум совершает насилие над чувственностью», грубо говоря, «приводит человека в чувство», утверждая (открывая), с одной стороны, идею сверхчувственного, а с другой — отсутствие необходимости для себя подчиниться могуществу природы. «Следовательно, — заключает Кант, — возвышенность содержится не в какой-либо вещи природы, а только в нашей душе в той мере, в какой мы можем сознавать свое превосходство над природой в нас, а тем самым и природой вне нас (поскольку она на нас влияет)» (4, § 28, с. 134).

Вся эта драма власти, таким образом, разыгрывается в пределах власти человека над самим собой (собственно эстетической эта ситуация, по мнению Канта, оказывается только тогда, когда человек находится — или чувствует себя — в безопасности).

Мощь выступает как специфическое единство эстетического и властно-силового, взаимопроникающих и взаимно

обусловливающих друг друга. Отсюда, по Канту, происходят любые символические и интерпретационные проявления власти. Однако для Канта был важнее всего момент рефлексии, когда ужас сменялся некоторым разумным отношением к могущественному.

Условие возможности власти. Поэтому для Канта решение вопроса о возможности власти по смыслу дела совпадало с вопросом о возможности разума построить свое собственное «царство разума». Кант считал необходимым предшествование формы вещам (форма, по Канту, есть «то, благодаря чему многообразие в явлении может быть приведено в порядок» (5, п. 1), некоторое правило). Так, «пространство и время предшествуют всем явлениям и всем данным опыта, вернее, только они и делают их возможными» (5, Трансцендентальная аналитика). Но то же проявляется и в законодательной деятельности, в которой закон задается a priori, т. е. до всякой ситуации, которая может (и должна) трактоваться в соответствии с ним.

Точно так же и в случае с социальной властью: предельно общими условиями ее осуществления выступает единое пространство-время жизненного мира. И подобно тому, как в жизненном мире власть осуществляется не над человеком самим по себе, но над такой его «ипостасью», как подданный или подчиненный, так и разум у Канта господствует не над вещами самими по себе, но над феноменами.

Власть разума. Сначала обратимся к аналогии. По Канту, метод возможен ровно в той мере, в какой возможна власть разума над самим собой и окружающим миром. Благодаря этой аналогии Кант может прибегать и к следующей, разделив рассудок и разум по типу разделения властей и утвердив разум в качестве «высшего трибунала всех прав и притязаний» (5, Трансцендентальная диалектика[101]), т. е. верховной власти над рассудком и чувственностью. При этом разум, по Канту, имеет имперские притязания «возможно больше продолжать и расширять опыт, не принимая никакую эмпирическую границу за абсолютную границу» (5, там же). Кант объясняет это тем, что «наш разум как бы видит вокруг себя пространство для познания вещей самих по себе», охватывает своим взором не только чувственный мир феноменов, но и область ноуменов, а потому только разум знает подлинную границу (чувственности, рассудка и себя самого). Эта граница задает противоположность между природой и свободой.

«Разум, по Канту, не нуждается в опыте (который на самом деле невозможен в вопросах о Боге, свободе и т. п.) и не нуждается в том, чтобы его идеям соответствовала какая-то

объективная реальность (именно из-за иллюзий существования такой реальности (наличия предметов у идей) и возникают антиномии разума)» (3). Разум суверенен.

Обратив эту аналогию, мы можем теперь выявить понимание власти Кантом. Именно, власть есть:

♦ высшая инстанция в структуре разделения функций; © трансцендентная инстанция;

♦ инстанция, фиксирующая априорные формы (условия) опыта и жизни;

♦ инстанция, испытывающая пограничные ситуации и расширяющая зону своего «влияния»;

♦ то, что удерживает пространство свободы;

♦ нечто суверенное.

Проблема суверенитета. Карл Шмитт (6) писал: «У теоретиков естественного права XVII в. вопрос о суверенитете понимался как вопрос о решении об исключительном случае… Если в государстве проявляются противоречия, то каждая партия, конечно, хочет только всеобщего блага — в этом и состоит «война всех против всех», — но суверенитет, а значит, и само государство, состоит в том, чтобы этот спор разрешить…» Суверенитет — это не только и даже не столько полномочие устанавливать законы, сколько полномочие прекратить действие любых законов, включая конституцию, т. е. объявить чрезвычайное положение. «В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу, как принято говорить, *права на самосохранение.* Два элемента понятия «право-порядок» здесь противостоят друг другу и доказывают свою понятийную самостоятельность. Подобно тому, как в нормальном случае самостоятельный момент решения может быть сведен до минимума, в чрезвычайном случае уничтожается норма. Тем не менее, исключительный случай также остается доступным для юридического познания, потому что оба элемента, как норма, так и решение, остаются в рамках юридического» (6, с. 25). (То есть либо суверенитет как монополия власти слишком ничтожен относительно правовой нормы, либо слишком значителен и выступает как неограниченная власть, как абсолютное господство.)

«Исключительный случай выявляет сущность государственного суверенитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы и (сформулируем парадоксально) авторитет доказывает, что ему, чтобы создавать право, нет нужды иметь право» (6, с. 28).

Или: суверен «принимает решение не только о том, имеет ли место экстремальный случай крайней необходимости, но и о том,

что должно произойти, чтобы этот случай был устранен. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть in toto (полностью) приостановлено действие конституции» (6, с. 17).

В. Никитаев добавляет к этому: «Если право есть определенная, «нормальная» топология порядка (принцип и механизм конституирования легитимных социально-пространственных конфигураций), то власть относительно правопорядка выступает как пограничный фактор. К этому следует добавить, что «противоречие» между правом и личной властью снималось в течение многих тысяч лет тем, что необходимым условием личной власти выступала харизма, символизировавшая факт исключительности данной личности, ее непринадлежности данному правопорядку» (7).

Кант точно так же трактует проблему суверенной власти. По аналогии с этим он и разум наделяет суверенитетом, утверждая его в качестве высшей инстанции власти. В итоге у Канта разум преодолевает антиномии и создает нечто вроде идеального государства. По сути, в практическом применении разума, согласно Канту, разум тождествен властной воле.

Государственное право по Канту. Но условием суверенной власти для Канта является правовое состояние и государства, и всех его граждан. Кант строит следующую схему: *для достижения правового состояния нужно действие объединяющей воли* (8, § 43). Чтобы пользоваться тем, что основано на праве, нужна конституция. Такое состояние индивидов в составе народа называется гражданским, а их совокупность — государством. Оно связано общей заинтересованностью всех в том, чтобы находиться в правовом состоянии, поэтому называется res publica — общим делом, общностью. По отношению к другим народам оно является просто властью. Власть предполагается унаследованной, но это мнимость (8, § 43, с. 352).

Таким образом, для Канта власть есть то, что объединяет индивидов внутри одного правового состояния, включает их в некоторый (правовой) порядок. Только кажется, что она переходит по наследству, — конституирует ее именно указанный момент объединяющей воли. Кроме того, государство удерживается заинтересованностью индивидов находиться в этом правовом (гражданском) состоянии, а *власть как таковая проявляется уже теперь только вовне.* То, что «снаружи» выглядит как власть, внутри является правовым порядком.

При этом правовой порядок для Канта теснейшим образом связан с вопросом о свободе. «Право — это совокупность условий,

при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (8, с. 285). Именно эту совокупность условий, обеспечивающих свободу каждого, и должна создать власть.

По отношению к каждому индивиду власть выполняет следующую функцию: «Каждому, кто хочет вступить в правовое состояние, надо выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными (а он не может избежать взаимодействия с ними), с тем чтобы подчиниться внешнему опирающемуся на публичное право принуждению, то есть вступить в состояние, в котором каждому будет по закону определено и достаточно сильной властью (не его собственной, а внешней) предоставлено то, что должно быть признано своим, т. е. он прежде всего должен вступить в гражданское состояние» (8, § 44, с. 353). Власть — это власть ввести в определенный порядок, достичь состояния «каждому — свое».

«В каждом государстве существует три власти, т. е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах: верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительная власть в лице правителя (правящего согласно закону) и судебная власть (присуждающая каждому свое согласно закону), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе закон всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе веление поступать согласно закону, то есть принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе судебное решение (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву» (8, § 45, с. 354).

Как видим, для Канта законодатель является высшей, суверенной властью; здесь не содержится описание принципа разделения властей, как может показаться на первый взгляд. Кант, строя единоначальное «царство разума», и в политической философии утверждает необходимость суверена, который может не только законодательствовать, но и разрешать противоречия, а также приостанавливать старые законы и вводить новые. (Правда, Кант поясняет, что «законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа» (§ 46), ссылаясь на то, что она всегда права в отношении себя самой.)

Второе, что можно заметить здесь: принцип «многих властей» берется Кантом из логической аналогии (силлогизм) и не имеет никакого иного — ни практического, ни исторического — основания (то же самое можно заметить и относительно Гегеля, когда он рассматривает государственную власть и богатство как логические стороны). Таким образом, и Кант, и Гегель

обосновывают существующее или нарождающееся устройство современной им власти постфактум. Так, в рассуждении Канта нигде не обосновывается, например, то, что описанные им «власти» должны быть именно самостоятельными властями, а не, скажем, просто функциями одной власти.

Далее Кант пишет: «Каждая из трех властей в государстве представляет собой… определенный государственный сан» (8, § 47, с. 356); «Все три власти в государстве, координированы между собой: одна дополняет другую для совершенства государственного устройства… ни одна из них не может узурпировать функции другой…» (8, § 48, с. 357); «Правитель — …поверенный государства; правительство, которое было бы также законодательствующим, следовало бы назвать деспотическим; правитель подчиняется закону и следовательно, суверену… Суверен может лишить его власти, снять его или же преобразовать его правление, однако не может его наказывать… Ни властелин государства, ни правитель не могут творить суд, а могут лишь назначать судей…» (8, § 49, с. 357–358).

Кант заключает: «Итак, таковы три различные власти, благодаря которым государство обладает автономией, т. е. само себя создает и поддерживает в соответствии с законами свободы. В объединении этих трех видов власти заключается благо государства… под ним подразумевается не благополучие граждан и не их счастье — ведь счастье… может оказаться более приятным в естественном состоянии или при деспотическом правлении; под благом государства подразумевается высшая степень согласованного государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум» (8, § 49, с. 358–359).

Итак, перед нами все-таки анализ и интерпретация (с элементами проектирования в жанре оптимизации), а не конструкция, не синтез. По-видимому, Кант не мыслил себя подобным законодателем (в практической сфере).

О свободе. Кант трактует свободу как автономию, то есть как «самозаконность» субъекта, как способность поступать в соответствии с установленным себе «законом» (но при этом «закон» должен быть таким, чтобы он мог быть принят в качестве всеобщего).

«В автономном состоянии субъект «владеет» самим собой, то есть власть и свобода оказываются двумя сторонами (или проекциями) одного и того же, — по меньшей мере, если речь идет об отношении субъекта (человека) к самому себе. Это означает также, что свобода и власть неотделимы от рефлексии, которая выступает здесь в качестве необходимой предпосылки и

условия их обеих» (9).

Но точно такое же рассуждение Кант строит и относительно государства (см. выше): государство обладает автономией, если может себя строить и поддерживать в соответствии с правом, для чего нужна властная объединяющая воля.

С другой стороны, Кант не утверждает, что внутри государства индивид автономен, хотя и убежден, что именно там он достигает полной свободы: «Нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели частью своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, т. е. в правовом состоянии» (8, § 47, с. 356). Ответа на этот вопрос — соотношение между свободой, автономией и гражданским состоянием — мы не смогли найти ни у Канта, ни у комментаторов.

Идеальным же состоянием человечества (точнее, свободных людей) Кант считает «царство целей», где вместо правовых законов люди подчиняются единому нравственному закону.

Заключение: европейский проект власти

В ЧЕМ ЖЕ СОСТОИТ дело властителя согласно Канту и Гегелю? Гегель: властитель должен включиться в служение государству, передать прерогативы своей власти государственной власти, причем даже в мыслях не допуская возможности иного состояния (поскольку государство есть более высокая ступень развития Абсолюта, нежели властное самоопределение и самосознание). Кант: властитель должен дать людям законы и поставить к управлению людей, которые будут их реализовывать (при этом он может, в случае угрозы для страны, менять законы и правителей, но это, во-первых, и есть предел его власти, а во-вторых — является сугубо исключительным случаем).

Таким образом, можно сделать вывод, что оба философа считают тему власти слишком маловажной темой — первостепенное значение для них имеет то, как должна «опредмечиваться» или оформляться власть в соответствии с достигнутым уровнем развития Мирового Духа, в какой тип государства или права власть должна сворачиваться («прятаться»). Энергия революционных преобразований и действий Узурпатора интересовала их постольку, поскольку ее можно использовать для перестройки прежних государственно-правовых форм, для достижения нового, более передового состояния.

Заметим также, что в дальнейшем представления Канта об устройстве государства стали отождествляться с известной из англо-американской традиции концепцией разделения властей, где все три «ветви власти» являются равноправными, а верховенство принадлежит Закону. Это интересная историческая аберрация, в которую мы не имеем возможности углубляться: для Канта верховный властитель и законодательный орган суть вещи разные, и последний является таким же вспомогательным («техническим») средством властителя, что и правительство. Таким образом, можно сказать, что идеи Канта об «империи разума» были приспособлены под представительное государственное устройство уже при реализации — и в этих реализациях являются сильным искажением. Идеи Канта об «исключительных случаях» как тех событиях, в которых проявляется суверенность разума властителя, начинают играть свою роль только сегодня, когда все большее число ситуаций перестает охватываться правом, в том числе международным. Современные идеи и разработки, связанные со «сверхправом», в этом смысле являются развитием кантовских идей.

В целом же работы Канта и Гегеля задают собой европейский проект обращения с властью, возникший в результате необходимости образования жизнеспособной конфигурации власти суверена и аристократии и власти денег. В рамках права и представительного государства (в совокупности они обозначают присутствие Разума в общественных делах) вообще не возникает вопроса

о власти: люди действуют в соответствии с безусловно принимаемыми ими основаниями (каковыми является право).

Альтернативы европейскому проекту не получили серьезного развития, хотя заметными фигурами, разрабатывавшими их, являются Макиавелли и Ницше. (Обратим внимание на то, что серия разработок американской «Рэнд Корпорейшн», ведущихся под руководством Фукуямы — несколько их книг о современных проблемах власти переведены на русский язык, — черпает вдохновение и способы проблематизации современных правовых форм власти непосредственно в трудах Ницше.)

Глава 4
Обзор книги Ницше «Воля к власти»

Великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно: т. е. цинично и с непорочностью.

Фридрих Ницше (1)

Введение

В ЭТОМ АНАЛИЗЕ знаменитой работы Фридриха Ницше «Воля к власти» нас будет интересовать тема власти: как понимал автор власть, как обосновывал смену существующего порядка, как он рассуждал, выводя «новый порядок»? Эта тема — тема власти — постоянно вызывает дискуссии и вопросы практически у всех исследователей книги «Воля к власти».

Прежде чем перейти к собственно анализу, следует сказать несколько слов о контексте издания этой книги, который сам по себе порождает вопросы. С текстом книги нам придется обращаться чрезвычайно осторожно, постоянно отделяя наши догадки и гипотезы от подлинного текста его создателя, а также сопровождая наши размышления цитатами из Ницше.

Основанием такого рода осторожности является как минимум тот факт, что книга «Воля к власти» так и не была дописана, а соответственно — не была и издана при жизни автора. Поэтому как таковой книги нет, а есть набор текстов, фрагментов размышлений философа, афоризмов, объединенные им под заголовком «Воля к власти». Издателем этих фрагментов является сестра Ницше[102], которая и объединила их — частично по плану автора, а отчасти по собственному разумению. Различные издания этой книги содержат разный набор афоризмов, поэтому соединение этих фрагментов в целое является отчасти произволом издателя. Например, в Интернете на сайте http://www.nietzsche.ru/, посвященном творчеству Ницше, опубликована книга, которая содержит 470 афоризмов. Книга, которой мы пользовались для анализа, содержит 715 афоризмов (2).

Для составления книги издатель мог бы оттолкнуться от одного из планов книги, написанных самим Ницше. Но в «Воле к власти» опубликовано несколько таких планов, которые вставлены в текст книги как отдельные фрагменты. В разных

редакциях приводится три или четыре плана; неизвестно, сколько их было всего и почему издатель выбрал один из них за основу. Возможно, это был самый поздний план.

В нашем издании за основу был взят план 1887 года, который состоит из четырех пунктов, первые три из которых в издании наличествуют, а четвертая часть отсутствует по неизвестным причинам.

Мы не удивимся, если окажется, что фрагменты из книги «Воля к власти» служили основой для других книг Ницше. На это указывает предисловие, написанное сестрой Ницше, где говорится, что «автор прямо называет «Сумерки кумиров» извлечением из «Воли к власти». Скорее всего, на этих фрагментах Ницше написал не одну книгу. Вероятно, автор сам «проходил» эти афоризмы (прочитывал и погружался в них) и, по-разному собирая их, получал разные книги.

По-видимому, способ работы Ницше состоял в том, что свои идеи и наработки он сначала помещал во фрагменты или афоризмы, а затем уже они перерабатывались (соединялись) в рамках более целостного замысла. Следовательно, не будет удивительным, если окажется, что среди 715 фрагментов окажутся и те, которые не имеют прямого отношения к задуманной Ницше «Воле к власти».

В свете этих обстоятельств мы полагаем, что единственный адекватный способ понимания текста Ницше состоит в том, что читатель вслед за нами должен самостоятельно «пройти» (освоить) этот набор афоризмов и попытаться также самостоятельно сгруппировать их в некоторую внутренне согласованную конструкцию. Мы имеем дело не с организованным целым, а с тем, что требует специальной работы, в результате которой нужно сорганизовать фрагменты в некоторую конструкцию, опираясь также на собственное понимание текстов, интуицию, логику и пр. Таким образом, прежде чем интерпретировать текст Ницше с точки зрения темы власти, мы должны будем проделать собственную реконструкцию, и тут тоже есть риск ошибиться.

Реконструкция текстов книги «Воля к власти» в свете темы власти

ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ мы должны встать в позицию издателя Ницше: выбрать афоризмы, которые относятся к теме власти, и по-своему сорганизовать их в некую книгу. Оттолкнуться мы можем лишь от оглавления, которое составлял сам Ницше (заголовки второго, третьего и четвертого порядка

были написаны уже его издателем). Итак, перед нами четыре части:

1. Европейский нигилизм.
2. Критика прежних высших ценностей.
3. Принцип новой оценки.
4. Воспитание и дисциплина[103].

В результате реконструкции текстов Ницше мы получаем следующий вариант плана книги, которую мы, интересуясь темой власти, составили бы из фрагментов «Воли к власти»:

1. Первая глава. Смена порядка.
2. Вторая глава. Описание механизма работы категорий, который порождает ложные ценности существующего порядка.
3. Третья глава. Разработка новых понятий.

Далее мы попытаемся реконструировать текст книги в соответствии с этим планом.

Глава первая
Смена порядка

В ЭТОЙ ГЛАВЕ Ницше ставит вопрос о власти. Автор фиксирует существующее состояние общества, показывает механизмы, из-за которых общество само себя разрушает, деградирует и катится к гибели. В этой главе мы выделяем три пункта.

1. Восстановление вопроса о власти.
2. Отрицание существующего порядка.
3. Разработка и смена порядка.

Восстановление вопроса о власти

В РАМКАХ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ нашего плана Ницше ставит вопрос о власти, рефлексируя современную ему культурно-историческую ситуацию и состояние современной эпохи. Это состояние автор определяет как состояние нигилизма.

Ницше выделяет три типа отношения к нигилизму. Во-первых, нигилизм выступает как некоторая тенденция и тренд, который проявился и, по мнению Ницше, будет все дальше проявляться в течение ближайших двух веков. «То, о чем я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: появление нигилизма. Эту историю можно теперь уже рассказать, ибо сама необходимость приложила здесь свою руку к делу. Это будущее говорит уже в сотне признаков, это судьба повсюду

возвещает о себе, к этой музыке будущего уже чутко прислушиваются все уши. Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто; подобно потоку, стремящемуся к своему исходу, не задумываясь, боясь задумываться» (1, Предисловие).

Во-вторых, нигилизм есть некое личное состояние, которое Ницше сам прожил, преодолел и вышел из него. Поэтому автор находится вне нигилистической позиции.

В-третьих, нигилизм, по-видимому, есть исходная точка для установления нового порядка жизни. Ницше всерьез ставит задачу смены существующего порядка и в какой-то мере ее решает.

Для Ницше нигилизм — это состояние, когда ценности разрушаются и лишаются своего статуса, а общество в них разочаровывается. Он подробно анализирует это состояние и по отношению к человеку, и по отношению к обществу.

Что есть «ценность» для Ницше? Ценность — это то, что необходимо для жизни. Ценность и жизнь существуют всегда вместе. Ценность — это то, что придает жизни смысл и вообще позволяет человеку жить. Если ценности разрушаются, то разрушается и сама человеческая жизнь[104].

Разрушение ценностей обусловлено, по Ницше, именно той схемой или механизмом, благодаря которым эти ценности формируются. Действительно, Ницше приходит к выводу, что в современном ему обществе ценности задаются через категории (цели, причины, единства). То есть ценности пытаются определить через категории цели, причины, целого, а это приводит к тому, что эти ценности обесцениваются. В свою очередь, обесценивается мир, происходит обесценивание себя самого, разочарование в жизни, отрицание мира и, в конечном счете, разрушение и гибель[105].

Реконструировать способ рассуждения Ницше и пояснить, как эти категории приводят к ложным ценностям и разочарованию в них, можно примерно так. Если мы воспользуемся категорией цели и попытаемся поставить цель миру (то есть предположим, что у мира есть цель), то любое сомнение в этом (а это сомнение всегда возможно, так как утверждение о целевом устройстве мира онтологически не проверяемо) приводит к исчезновению ценности существования. Эта ценность пропадает, поскольку определена через цель. Если ценностью для человека является причастность к всеобщей мировой цели, а потом оказывается, что таковой нет, что это полагание ложное, — то человек начинает

обесценивать себя и весь мир.

Вопрос о власти возникает у Ницше в результате именно этого анализа и рефлексии современной ему культурно-исторической ситуации в Европе: впервые термин «власть» появляется у Ницше для обозначения тех, кто в утилитарных целях навязал миру и ложные ценности, и ложный способ их формирования.

Отрицание существующего порядка

ПРИ ЭТОМ СОСТОЯНИЕ нигилизма страшно не тем, что людям вменяются ложные ценности, а скорее тем, что вменяются категории, которые обесценивают все ценности и ведут к гибели. Ницше утверждает, что сам тип поиска ценностей через эти категории навязан кем-то в утилитарных целях.

С одной стороны, он навязан уже тем, что этим категориям придан абсолютный и всеобщий статус, тогда как ясно, что на самом деле они созданы в утилитарных целях. С другой стороны, этот способ формирования ценностей вменен через навязанную схему рассуждения — по-видимому, через культуру, Ницше демонстрирует, что есть множество людей, которые этим занимаются: через мораль и религию, культуру, поэзию, науку, в том числе и через философию. Ницше показывает работу этого механизма на большом культурно-историческом материале.

Таким образом, за этим рассуждением стоит следующая схема. Есть определенным образом устроенная культурная сфера, куда человек попадает. Там идет его воспитание, образование, но там же работает и этот механизм. Именно он задает этот тип рассуждения и поиска ценностей. И он же создает определенный порядок, который дает возможность выживать слабым, уродам, убогим, выродкам и разного рода человеческим отбросам. Тем самым он ведет мир к неизбежной катастрофе, ко впадению в нигилизм, к самоуничтожению.

«Я открыл, что все высшие ценности — все, господствующие над человечеством, — могут быть сведены к оценкам истощенных (…). Проблема: как истощенные достигли того, чтоб стать законодателями ценностей? Или иначе: как достигли власти те, которые последние? Как инстинкт зверя-человека стал вверх ногами?» (1, афоризм № 54).

Явственнее всего эта схема прослеживается в афоризме «Падение космологических ценностей». «Как только человек распознает, что этот новый мир[106] создан им только из психологических потребностей и что он на это не имел

решительно никакого права, возникает последняя форма нигилизма, заключающая в себе неверие в метафизический мир, запрещающая себе веру в истинный мир. С этой точки зрения реальность становления признается единственной реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам, но, с другой стороны, этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым…

Что же в сущности произошло? Сознание отсутствия всякой ценности было достигнуто, когда стало ясным, что ни понятием «цели», ни понятием «единства», ни понятием «истины» не может быть истолкован общий характер бытия. Ничего этим не достигается и не приобретается; недостает всеобъемлющего единства во множестве совершающегося: характер бытия не «истинен» — а ложен… в конце концов, нет более основания убеждать себя в бытии истинного мира… Коротко говоря: категории «цели», «единства», «бытия», посредством которых мы сообщили миру ценность, снова изымаются нами — и мир кажется обесцененным…» (1, афоризм № 12).

И дальше Ницше обращает внимание на очень важное обстоятельство: «Все ценности, посредством которых мы доныне сначала пытались сообщить миру ценность, а затем ввиду их неприменимости к нему обесценивали его — все эти ценности, рассматриваемые психологически, суть результаты определенных утилитарных перспектив, имеющих в виду поддержание и усиление идеи человеческой власти» (там же). Таким образом, Ницше делает вывод, что источником ложных ценностей является власть. Эти категории, эти ценности, сама попытка оценивать ими жизнь — все это дело рук власти.

В этом месте у Ницше впервые появляется термин «власть».

Ницше рассуждает дальше. Признание ложных ценностей и категорий ведет к гибели, поскольку это ведет к пессимизму. Пессимизм здесь понимается как аспект нигилизма. «Современный пессимизм есть выражение современного мира, — не мира и бытия вообще» (1, афоризм № 34).

Итак, перспектива существующего порядка есть пессимизм, извращение ценностей, схоластика ценностей, и дальше — декаданс. «Понятие «декаданса». Отпадение отдельных частей, упадок, отброс — сами по себе еще не заслуживают осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного роста. Появление декаданса так же необходимо, как любое восхождение и поступательное движение в жизни: не в нашей власти устранить его» (1, афоризм № 40). «Следствия декаданса: порок — порочность; болезнь — болезненность; преступление — преступность; целибат — бесплодие; истерия — ослабление воли;

алкоголизм; пессимизм; анархизм; распутство (также и духовное); клеветники; люди, роющие подкопы; сомневающиеся во всем; разрушители» (1, афоризм № 42).

«Порок, душевные больные (ср. артистов…), преступники, анархисты — все это не угнетенные классы, но отбросы всех классов бывшего до сих пор общества…» (1, афоризм № 50) — вот кто (или что) получает власть. Вывод Ницше состоит в том, что существующий порядок навязали слабые, чтобы их не уничтожили сильные. Через этот порядок слабые получают возможность выживать и угнетать сильных. И этот порядок необходимо изменить, поскольку он ведет к гибели.

Разработка и смена порядка

ДАЛЕЕ НИЦШЕ переходит, по-видимому, к основной задаче работы, то есть к разработке идеи нового порядка и к тому, чтобы «втянуть» в него читателя (см. ниже). Поскольку в предыдущем рассуждении Ницше пользовался различением слабых и сильных, возникает вопрос, как он их различает — или же это скорее поэтический прием. В связи с этим для него важен следующий принцип. «Мне посчастливилось после целых тысячелетий заблуждений и путаницы снова найти дорогу, ведущую к некоторому «да» и к некоторому «нет». Я учу говорить «нет» всему, что ослабляет, что истощает… Я учу говорить «да» всему, что усиливает, что накопляет силы, что оправдывает чувство силы. До сих пор никто не учил ни тому, ни другому: учили добродетели, самоотречению, состраданию, учили даже отрицанию жизни. Все это суть ценности истощенных» (1, афоризм № 54).

Адаптация интеллекта к новому порядку

Анализ текста показывает, что афоризмы этой главы устроены очень специфично. Автор не просто излагает некоторые фрагменты содержания, не просто рассказывает про то, с чем можно согласиться или не согласиться. Он стремится сконструировать что-то вроде механизмов, трансформирующих «внутренний мир» читателя, будущего носителя нового порядка[107].

«Программа» смены порядка, по Ницше, должна начаться с того, что должны собраться носители нового порядка, то есть те, кто осознал ситуацию и готов идти вслед за Ницше. В тексте он называет этих носителей «мы» (подробнее об этом ниже в пункте «Носители нового порядка»).

Мораль

Система установления нового порядка начинается с замены морали, с избавления от нее. «Мораль предохраняла от отчаяния и прыжка в «ничто» жизнь людей и сословий, притесняемых и угнетаемых именно людьми; ибо бессилие перед людьми, а не перед природой, вызывает наиболее отчаянное озлобление к жизни. Мораль относилась к властителям, насильникам, вообще к «господам» — как к врагам, против которых должно защитить обыкновенного человека, т. е. прежде всего поднять в нем мужество и силу. Мораль, следовательно, учила глубже всего ненавидеть и презирать то, что составляет характернейшую особенность властителей: их волю к власти. Эту мораль отменить, отвергнуть, разложить — значило бы в обратном смысле ценить и воспринимать этот столь ненавидимый инстинкт» (1, афоризм № 55). В этом же фрагменте у Ницше появляется термин «воля к власти» — далее, в третьей главе он уделит большое внимание разработке этого понятия. Можно предположить, что понятие воли к власти является для Ницше центральным в этой работе, а остальные понятия разрабатываются им как сопутствующие. «Если бы страдающий, угнетенный человек потерял веру в свое право презирать волю к власти, он вступил бы в полосу самого безнадежного отчаяния (…) Скорее наоборот! Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти, если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти. Мораль ограждала неудачников и обездоленных от нигилизма, приписывая каждому бесконечную ценность — метафизическую ценность, — и указуя место в порядке, не совпадающем ни с мирской властью, ни с иерархией рангов; она учила подчинению, смирению и т. д.» (там же).

Можно проследить, как некоторые разработанные Ницше понятия-категории, которыми он хочет заменить категории существующего порядка, используются в разработке идеи нового порядка (подробнее об этом см. в главе 3 «Разработка новых понятий»).

Итак, Ницше утверждает, что нужно отвергнуть мораль, прежде всего — мораль христианскую. «Мы должны упразднить прежние высшие ценности, мораль… Достаточно доказать, что и мораль неморальна. (…) Таким образом, тирания прежних ценностей будет сломлена; если будет упразднен и «истинный мир», то сам собой возникнет новый строй ценностей» (1, афоризм № 461).

«На место «моральных ценностей» — исключительно натуралистические ценности. Натурализация морали» (1,

афоризм № 462).

«Лекарства современности»

Далее Ницше предлагает программу формирования нового порядка («лекарства современности»):

♦ Общая воинская повинность и ведение войн, которые должны вылечить человечество.

♦ Национальная ограниченность. Упрощающее, концентрирующее.

♦ Улучшенное питание, мясо.

♦ Все более чистое и здоровое жилище.

♦ Преобладание физиологии над теологией, моралистикой, экономикой и политикой.

♦ Воинская суровость в требовании исполнения своих обязанностей.

Тактика формирования нового порядка, по Ницше, состоит не в том, чтобы разрушить старый порядок и в определенный момент установить новый. Ницше оперирует другими категориями, одной из которых является категория становления (см. ниже). Смысл дела, по Ницше, не в том, что новый порядок когда-нибудь настанет, а в том, чтобы уже сейчас, в каждый момент времени, осуществлять ряд действий в соответствии с определенными принципами: допускать то, что усиливает жизнь, вытягивать сильных, отбирать их, в том числе физиологически, а институты старого порядка нужно использовать.

«Мы поддерживаем религии и морали стадного инстинкта: дело в том, что при помощи их подготовляется порода людей, которая когда-нибудь да попадет в наши руки, которая должна будет восхотеть нашей руки» (1, афоризм № 132).

Ход не в том, чтобы полностью разрушить старый порядок, а в том, чтобы, используя его институты, подготовить новый.

Ницше не описывает социологию нового порядка, не раскрывает его конструкцию. По-видимому, автор хорошо понимает, что рассказ о новом порядке не решает проблему его установления. Ницше пытается втянуть читателя в новый порядок, а не объяснить его устройство. Из этого становится понятно, почему в тексте новый порядок описан довольно противоречиво, снабжается обильными поэтическими, эмоциональными пассажами об образах нового порядка — вместо того, чтобы детально описать конструкцию некоторой утопии. В частности, нерешенным остается вопрос: если возникает несколько правителей, отобранных физиологически, имеющих силу и волю к власти, то как они между собой установят порядок, как они будут взаимодействовать?

Вероятно, задача работы Ницше не в том, чтобы объяснить «новый порядок», не в том, чтобы сформировать новую социологию. Такого рода вопросы — это вопросы из прежнего порядка. Люди, задающие такого рода вопросы, по-видимому, не являются теми, кому Ницше адресует книгу. Он пишет для тех, кто готов формировать новый порядок, кто освободился от такого рода идеализма, от такого рода рефлексии, от прежних категорий, претендующих на абсолютность. Порядок будет сформирован ими, и не дело Ницше его заранее задавать и описывать.

Ницше не считает, что надо полностью отвергнуть философию, науку, мораль, а призывает к использованию сложившихся институтов: «Мы по ту сторону добра и зла, но мы требуем безусловного признания святыни стадной морали. Мы оставляем за собой право на многоразличные виды философии, в проповеди которой может оказаться надобность; таковой при случае может быть пессимистическая, играющая роль молота; европейский вид буддизма тоже при случае может оказаться полезным. Мы будем, по всем вероятиям, поддерживать развитие и окончательное созревание демократизма: он приводит к ослаблению воли; на социализм мы смотрим как на жало, предотвращающее возможное душевное усыпление и леность» (там же).

Скорее всего, отношение к институтам существующего порядка регулируется следующим принципом: «Говорить «нет» всему, что ослабляет, что истощает… Говорить «да» всему, что усиливает, что накопляет силы, что оправдывает чувство силы». Это принцип, который позволяет производить оценку всему существующему и устанавливать новый порядок наряду с существующим и вместо него. «Вместо «социологии» — учение о формах и образах господства. Вместо «общества» — культурный комплекс — как предмет моего главного интереса (как бы некоторое целое, соотносительное в своих частях). Вместо «теории познания» — перспективное учение об аффектах (для чего необходима иерархия аффектов: преобразованные аффекты, их высший порядок, их «духовность»). Вместо «метафизики» и религии — учение о вечном возвращении (в качестве средства воспитания и отбора)» (1, афоризм № 462).

После того как Ницше проделывает такой анализ, он замечает, что одни и те же симптомы (например, нигилизм) являются и симптомами падения (упадка), к которому ведет прежний порядок, и симптомами зарождения нового порядка. И он начинает в общественной ситуации выделять становление нового порядка, принципы выздоровления:

♦ антиидеализм;
♦ здоровье тела;
♦ возврат к природе…

Носители нового порядка

Интересно, как у Ницше в тексте появляются некоторые «мы», т. е. носители нового порядка. Ницше проводит разделение(различение и ценностное «окрашивание») понятий, и именно эта операция формирует новые ценности у этих «мы». В противовес цивилизации — культура, в противовес декадансу — гуманность, в противовес распутности — воля к власти: «От смешения инстинктов декаданса с гуманностью; от смешения разлагающих и необходимо влекущих к декадансу средств цивилизации с культурой; от смешения распущенности и принципа «laisse-faire» с волей к власти (она представляет из себя прямо противоположный принцип)» (1, афоризм № 122).

Частично к этому относятся результаты работы, которую проделывает Ницше в главе «Разработка новых понятий»: последние организуют интеллект носителей нового порядка. Важно отметить, что Ницше требует от носителей нового порядка, чтобы они не принимали абсолютность новых категорий, иначе эффект, ведущий к пессимизму, будет воспроизведен. Трансцендирующие категории (цели, причины, единства, истины) и способ рассуждения, навязанный властью, ведут к истощению ценностей, которые из них вытекают, и к принятию ложных ценностей. Ницше выступает за утилитаризм в обращении с категориями[108].

Формирование интеллекта носителей нового порядка Ницше продолжает в третьей главе, где разрабатывает основные понятия, которые должны заменить категории существующего порядка. Следующую главу Ницше посвящает описанию механизма работы категорий.

Глава вторая
Механизм работы категорий

В ЭТОЙ ГЛАВЕ Ницше также работает по большей части как методолог, проводя проблематизацию категорий существующего порядка и реконструируя механизм, благодаря которому неправильные ценности устанавливаются в рамках этого порядка и приводят к состоянию нигилизма и к декадансу. Сам механизм, вследствие которого навязанные схемы рассуждения и категории приводят к ложным ценностям и нигилизму, был описан выше (см. схему 1).

Решение проблемы ценностей у Ницше состоит в том, что он строит новый порядок, где ценностей нет, а есть воля к власти как аффект. Про ценности здесь запрещено даже думать. Организация жизни происходит не за счет ценностей, а за счет воли к власти (она вводится в третьей главе).

Схема 1

Глава третья
Разработка новых понятий

НИЦШЕ ПЕРЕХОДИТ к разработке базовых понятий для интеллекта, который будет работать в новом порядке.

Воля к власти

По-видимому, основным понятием для Ницше является понятие воли к власти. Это понятие автор вводит взамен понятий причинности и каузальности.

«Моя теория гласила бы, что воля к власти есть примитивная форма аффекта, что все иные аффекты суть только ее видоизменения; что дело значительно уясняется, если на место индивидуального «счастья» (к которому стремится будто бы все живущее) мы поставим власть: «все живущее стремится к власти, к увеличенной власти», удовольствие — это только симптом чувства достигнутой власти, ставшая сознательной величина разности (живущее не стремится к удовольствию: напротив, удовольствие наступает вслед за достижением того, к чему оно стремится, удовольствие сопровождает, удовольствие не движет);

что вся движущая сила есть воля к власти, что, кроме нее, нет никакой физической, динамической или психической силы» (1, афоризм № 688).

Ницше утверждает, что все стремится к максимальной власти. Удовольствие есть скрытая форма власти. Воля к власти — это то, что конституирует развитие нового порядка.

«Воля к накоплению силы есть специфическое свойство явлений жизни, питания, рождения, наследственности; общества, государства; обычая, авторитета» (1, афоризм № 689).

«Жизнь, как наиболее знакомая нам форма бытия, представляет специфическую волю к аккумуляции силы: в этом рычаг всех процессов жизни: ничто не хочет сохранить себя, все стремится к тому, чтобы быть суммированным и аккумулированным» (там же).

«Всякое существо само есть воля к власти» (1, афоризм № 693).

Воля к власти есть фундаментальный инстинкт человека, который делает человека человеком, не вызывая необходимости обращаться к потусторонним вещам. Воля к власти — это как бы настоящее человеческое.

Заметим, что для автора воля к власти — это единое, а не составное понятие. Ницше не рассматривает «власть» отдельно, однако при этом разделяет волю к власти и понятие воли.

«Представляет ли «воля к власти» лишь известную форму «воли» или она тождественна с понятием «воля»? Значит ли она то же, что вообще «желать»? Или «командовать»? Есть ли это та «воля», о которой Шопенгауэр полагает, что она есть то, что в вещах есть в «себе»?

Мое положение гласит, что воля прежней психологии представляет собой необоснованное обобщение, что этой воли вовсе не существует, что вместо того, чтобы понять, как одна определенная воля отливается в ряде различных форм, зачеркивали то, что характерно для воли, выбросив ее содержание, ее «куда?» — это имело в высшей степени место у Шопенгауэра: то, что он называет «волей», это просто пустое слово. Еще меньше может идти речь о «воле к жизни», ибо жизнь есть только частный случай воли к власти; совершенно произвольно было бы утверждать, что все стремится к тому, чтобы перейти в эту форму воли к власти» (1, № 692).

Подробнее о понятии воли к власти см. афоризмы № 656, 617; во фрагменте № 706 автор обсуждает понятие «воля к власти», выходящее за границы всякой — не только человеческой — жизни.

Становление

Понятие становления Ницше вводит как альтернативу стремлению к конечному состоянию, а также строю понятий, связанных с целью, причиной и пр. В афоризме № 12 автор делает заключение: «реальность становления признается единственной реальностью».

«Мы отрицаем конечные цели: если бы существование имело такую цель, — она должна была бы быть уже достигнута» (1, афоризм № 55).

«Если бы у мирового движения была какая-нибудь цель, то она должна была бы быть уже достигнута. Но единственный лежащий в основе всего факт — это то, что у него нет никакой цели, а потому всякая философия и всякая научная гипотеза (например, механизм), которые исходят из необходимости такой цели, этим основным фактом опровергнуты.

Я ищу мировую концепцию, которая не противоречила бы такому положению вещей. Мы должны объяснить становление, не прибегая к такого рода конечным целям: становление должно являться оправданным в каждый данный момент (или неподдающимся оценке, что сводится к тому же); настоящее ни под каким видом не должно быть оправдываемо ради будущего, или прошедшее — ради настоящего. «Необходимость» не в виде возвышающейся над нами первенствующей мировой силы или первого двигателя; еще менее как нечто, что необходимо для того, чтобы обосновать верховную ценность. Для этого мы настойчиво должны отрицать общее сознание в становлении — «Бога», — чтобы не подводить все совершающееся под точку зрения существа, которое чувствует вместе с человеком, все знает и, тем не менее, ничего не желает» (1, афоризм № 708).

Организация

Понятие организации Ницше использует взамен понятия единства.

«А что, если всякое единство существует только как единство организации? Ведь «вещь», в которую мы верим, изобретена лишь в качестве основы для различных предикатов. Когда вещь «действует», то это значит, что мы принимаем все прочие ее свойства, которые вообще ей присущи, но в данный момент скрыты, за причину того, что теперь выступает как данное отдельное свойство: это значит, мы принимаем сумму свойств вещи — x — за причину свойства x, что ведь совершенно глупо и нелепо!

Всякое единство есть единство лишь как организация и взаимодействие: совершенно так же, как человеческое общество,

когда мы его называем единством: следовательно, тут дано нечто противоположное атомистической анархии, т. е. некоторая организация власти, которая означает единство, но не есть единство» (1, афоризм № 561).

Организация — это то, что создает воля к власти. Иными словами: всякое единство есть единство в силу организации власти. Это дает возможность отказаться от трансцендирования, как этого требует категория единства[109]. Для Ницше важно создавать понятия, которые не задают трансцензуса, а значит — и не приводят к нигилизму.

Жизнь

Понятие жизни подробно обсуждается в афоризмах № 641 и 642. Понятие жизни[110], которые использовали мы в этой книге, во многом соответствует тому, которым пользовался Ницше.

Сила

Среди понятий, на которых базируется интеллект в новом порядке, есть и понятие «силы». Жиль Делез в своем анализе философии Ницше (2) также придает именно этому понятию большое значение. Автор активно пользуется этим понятием, хотя практически не обсуждает его впрямую. Но принцип, введенный Ницше: «говорить «нет» всему, что ослабляет, что истощает, говорить «да» всему, что усиливает, что накопляет силы, что оправдывает чувство силы», не может не задействовать понятия силы.

Аффект

При рассмотрении понятия аффекта у Ницше напрашивается гипотеза, что его «воля к власти» фактически категоризуется как аффект, как основная и главная его форма. Аффект выступает как материя, как базовая единица «внутреннего мира» человека, включенного в новый порядок. Ницше, по-видимому, призывает к большему вниманию к аффектам в новом порядке, тогда как в старом порядке главенствовал интеллект. Подробно об аффекте как единице внутреннего мира см. афоризм № 670.

Заключение

СТОЧКИ ЗРЕНИЯ темы власти, работа Ницше интересна его подходом к власти как рефлексии существующего состояния общества, существующего порядка в контексте формирования нового порядка.

Работа Ницше противостоит многим попыткам европейской

мысли подойти к теме власти. Традиционные исследования власти фокусировались по большей части на вторичных по отношению к власти вещах: институты власти, средства власти, психология власти, право на власть и т. д. В части этих исследований, как правило, неявно заложено предположение, что все понимают, что такое власть, — и далее это не обсуждается.

В других исследованиях власть опредмечивают, обсуждая ее как тип отношений, как господство, насилие, как систему, как тот или иной порядок или как нечто, относящееся к социологии, нечто, находящееся в существующем порядке, и т. д.

Ницше ищет власть в другом месте. Он обращает внимание на механизм работы категорий, которые вменены властью и работают так, что подвластные сами не замечают этого. Те, кто находятся под влиянием этих категорий, неявно для себя начинают воспроизводить тот или иной порядок.

Порядок, таким образом, это не правила и законы. Для Ницше порядок есть формирование такого рода организации, втягивание в которую заставляет людей вести себя определенным образом. Механизм работы власти, вопреки традиционной европейской линии размышлений, раскрывается в том, как именно человек думает, как устроен его интеллект, в соответствии с чем он строит оценки, как принимает ту или иную мораль и т. д. Следовательно, он лежит вне зависимости от тех или иных законов, типа государства, правления (будь то монархия, республика, демократия, деспотия и пр.), что довольно часто находилось в центре исследований.

Порядок строится не на этой основе, и точка власти находится не там. В своей работе Ницше демонстрирует, как за счет трансформации интеллекта, внутреннего мира человека, переоценки высших ценностей можно сменить порядок, вовсе не трогая институты существующего порядка, а напротив — используя их для формирования нового порядка.

Люди часто делают ошибку, пытаясь увидеть власть внутри существующего порядка. Они предполагают, что власть кроется в аппарате, президенте, парламенте, в институтах легитимированного насилия и прочих структурах существующего порядка. От этой типичной ошибки предостерегает Ницше, показывая тонкие механизмы работы власти.

Но Ницше и не отвечает впрямую на вопрос — что такое власть? Поэтому Ницше вряд ли можно поставить в один ряд с другими исследователями[111]. Кажется, что Ницше обсуждает другую тему, а именно — смену порядка, смену базовых понятий интеллекта и прочее, — но именно так, как бы боковым зрением, пытаясь вновь и вновь проходить по запутанным афоризмам

Ницше, втягивая себя в новый порядок, мы начинаем нащупывать подлинные механизмы власти.

Глава 5
Элиты и власть

Введение

В ЭТОМ ОБЗОРЕ будет продемонстрирована эволюция понятия «элита» и соотношение этого понятия и темы «власть».

Понятие «элита»[112] появилось в интеллектуальном дискурсе сравнительно недавно, в начале XX века. Однако разделение людей на тех, кто способен (или достоин) осуществлять власть, и на тех, кто в этой власти находится, появилось намного раньше.

Большинство исследователей сходятся на том, что впервые такое разделение появилось в диалогах Платона (1). Далее оно выразилось в понятии «аристократия». Однако это понятие подразумевало наличие наследственного права на осуществление власти. Аристократии приписывались исключительные способности к властвованию — на основании врожденных качеств. По-видимому, в XIX веке, после того, как в Европе произошел ряд революций и к власти пришли люди, качества которых (с точки зрения существовавших воззрений на то, кто достоин или способен осуществлять власть) были спорны, возникла рефлексия относительно того, можно ли выделить людей, пригодных для власти, и если да — то как именно это сделать.

Именно в конце XIX — начале XX века появляется ряд работ, в которых эта тема поднимается и обсуждается: Гаэтано Моска «Правящий класс», Вильфредо Парето «Социалистические системы», Джованни Сартори «Вертикальная демократия», Николай Бердяев «Царство духа и царство Кесаря» и «Самопознание», Хосе Ортега-и-Гассет «Восстание масс».

Ниже понятие элиты будет соотнесено с темой власти — в том контексте, в котором эта тема обсуждается в нашей книге. На основании работ указанных авторов мы ответим на вопросы: в каком контексте появляется понятие «элита», на чем основана власть «элиты» и зачем она нужна.

Гаэтано Моска[113]
«Правящий класс»

В СВОИХ РАБОТАХ МОСКА не использует термин «элита». Его исследования посвящены тому, что он называет «правящим классом». По-видимому, его работы стали реакцией на

революции, произошедшие в Европе в начале XX века. Его концепция «правящих классов» противоречит конструкции, введенной Марксом: он прямо утверждает, что лозунги, под которыми один правящий класс сменяет другой, являются только «формулой власти», которая позволяет произвести операцию смены и не более того: «правящий класс никогда не признает того факта, что находится у кормила власти по той простой причине, что состоит из элементов, которые сейчас или в какой-то момент истории оказались наиболее пригодны, чтобы управлять; вместо того он всегда находит оправдание своей власти в абстрактном принципе, который мы называем политической формулой».

Согласно доступным нам работам Моска, относительно правящего класса можно сказать следующее:

1. Во всех обществах существуют два класса людей: правящих и управляемых. *«Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время, как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу материальные средства существования».*

2. Правящий класс в отличие от класса управляемых всегда организован. И именно это его свойство позволяет ему осуществлять власть над неорганизованным меньшинством. *«Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства».*

> Элиты «отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство»

3. Правящий класс обычно сформирован таким образом, что составляющие его индивиды *«отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство… Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут».*

4. Правящий класс *«приходит в упадок, если [правящие] перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда они не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость».*

В своих работах Моска прямо не отвечает на вопрос о том,

что такое власть, зачем она нужна и что позволяет «правящему классу» ее осуществлять. Но по его работе вполне можно понять, каким представлением руководствовался автор. Так, приводя примеры разных типов «правящих классов», Моска указывает, что их формирование всегда было связано с рядом исключительных возможностей. До Нового времени военная сила могла конвертироваться в собственность. В начале XX века богатство, которое стало, по мнению автора, отличительной способностью «правящего класса», может конвертироваться в политическую власть и наоборот. Оно также может конвертироваться в лучшее образование для своих детей, которое, в свою очередь, в дальнейшем опять может конвертироваться в богатство и т. д.

Власть же, в понимании Моска, связана с управлением обществом. В доступных нам работах мы не нашли ответа на вопрос о том, что означает «управление обществом». Однако во всех работах прослеживается убежденность автора в том, что обществом необходимо управлять и что управление это осуществляет немногочисленный, но организованный «правящий класс». При этом важно понимать, что для автора «правящий класс» не совпадает с теми, «кто, по мнению большинства, отождествляется с властью». Автор утверждает, что правящий класс многочисленней этой группы, хотя и меньше по численности тех, кем он управляет.

Отвечая, как происходит формирование нового правящего класса, Моска фактически строит технологию такого типа действия и проясняет появление новых «формул власти»:

1. Должен появиться человек, которому следует «обладать необходимым качеством — глубоко осознавать собственную значимость или, лучше сказать, искренне верить в действенность своих усилий». При этом автор отмечает, что этот человек не может быть «нормальным» и «уравновешенным» в том понимании, которое распространено в обществе. К нему не применимы моральные оценки, поскольку он является «носителем более совершенной концепции осуществления принципа справедливости». «Поглощенные поисками своих идеалов, исключая все остальное, эти люди всегда готовы страдать сами и заставлять страдать других — до тех пор, пока не будут достигнуты их цели».

2. Вокруг такого человека собирается более или менее многочисленная группа людей, «которые ловят каждое слово учителя и глубоко вдохновляются его чувствами». Так формируется «руководящая группа», внутри которой «исходящее от учителя вдохновение развивается, очищается, разрабатывается далее, чтобы стать истинной политической, религиозной или

философской системой, свободной от многочисленных или слишком уж явных непоследовательностей или противоречий».

3. Вне руководящего ядра формируется группа «прозелитов», или сторонников. При этом их лояльность доктрине обусловливается, по мнению автора, тремя факторами: 1) степенью адаптации доктрины к конкретной исторической ситуации; 2) способностью «удовлетворять возможно большее число человеческих чувств, страстей и склонностей, в том числе таких, которые наиболее широко распространены и глубже всего коренятся в сознании людей»; 3) наличием «хорошо организованного руководящего ядра», состоящего из людей, которые распространяют доктрину и сами действуют в соответствии с ней.

Подводя итог анализу текстов Моска, можно отметить, что в его работах уже зафиксировано наличие разделения на «правящий класс» и «управляемых». Причем разделение это, по его мнению, существует всегда и во всех обществах и вызвано тем, что обществом необходимо управлять. Демократия же, идея которой противоречит этой конструкции, для автора является не более чем одной из «формул власти», или «доктриной», которая позволяет легализовать нахождение той или иной правящей группы у власти.

Вильфредо Парето: «Социалистические системы», «Трактат об общей социологии» (4)

ПАРЕТО ПЫТАЛСЯ построить новую социологическую теорию, в основании которой лежал бы принцип поддержания и нарушения равновесия в социальных системах. Одним из факторов, которые, по мнению Парето, нарушают равновесие в таких системах, является, по его терминологии, «циркуляция элит». Элитой для Парето являются индивиды, в «наибольшей степени наделенные некоторыми качествами, обеспечивающими господство».

Появление элиты автор связывает с природой человеческого как такового. Специфически человеческое, по мнению Парето, состоит в том, что человек, в отличие от животного, *«имеет способность мыслить и потому набрасывает покрывало на свои инстинкты и чувства»,* то есть — приводит логическое обоснование своим действиям и поступкам, которое является не более чем объяснением, не вскрывающим реальные причины происходящего. Реальные же причины — те же, что лежат в основе чувств, страстей, психических состояний; эти основания

автор в своих текстах называет «остатками» (итал. residui). К остаткам автор относит: стремление человека собирать, по-разному переставлять и комбинировать вещи («остатки комбинаций»); стремление поддерживать и сохранять устоявшиеся связи («остатки постоянства агрегатов»); стремление проявлять свои чувства в социальных действиях и поступках; чувство совместности с другими людьми; чувство собственности; половой инстинкт. Но поскольку человек стремится скрыть «реальные» основания своих поступков, возникает проблема их рационализации. Поэтому, по мнению автора, *«искусство управления сводится к умению извлекать выгоды из эмоций, не тратя энергии на тщетные попытки их разрушить».*

Такой способностью обладают немногие, и именно их Парето и обозначил как «элиту», впервые употребив этот термин в социологии. Причем это понятие Парето использовал для того, чтобы отделить «немногих» и «лучших», которые, по его мнению, формируют «управляющие» классы от «подчиненных» классов. Исключительной способностью людей, формирующих элиту, является умение убеждать, манипулируя человеческими эмоциями, и умение проявить силу там, где это необходимо.

Попробуем понять, что имеет в виду автор, говоря об умении убеждать, манипулируя человеческими эмоциями: *«Политика правительства тем эффективнее, чем успешнее оно использует эмоции».* По-видимому, здесь речь идет об операции, которую Парето обсуждает при анализе роли идеологий и верований в обществе. «…Можно сказать, что дервиации[114] принимаются не столько потому, что кого-то убеждают, но потому, что ясно выражают идеи, которые люди уже имели в неосознанном виде. Этот последний факт всегда является главным моментом в ситуации. Поскольку дервиация была принята, она придала силу и агрессивность соответствующим эмоциям, которые теперь нашли путь к проявлению». Если «правящие элиты» понимают, какие из подобных дервиаций приводят к приращению общества (за счет направления усилий в нужном напрвлении), а какие ведут к деградации и уничтожают последние, то, по мнению Парето, они остаются правящими. Если же сама элита начинает деградировать, то есть терять такую способность, то она оказывается «сметена» элементами (людьми, группами), которые этой способностью обладают.

Элита обладает исключительной функцией предоставлять обоснования для объяснения своих действий и, используя их, направлять энергию людей туда, где она приводит не к деградации, а к приращению общества

Если подводить итог анализу работ Парето, то можно

осуществить попытку уже более привычным нам языком ответить на вопрос о том, что приводит к появлению «элит» и как это явление соотносится с властью. Появление элит обусловлено, по Парето, тем, что людям, в отличие от животных, необходимы обоснования для объяснения своего поведения. Элита же обладает исключительной функцией такие обоснования, во-первых, предоставлять, а во-вторых — используя их, направлять энергию людей туда, где она приводит не к деградации, а к приращению общества.

Джованни Сапоги «Вертикальная демократия» (5)

САРТОРИ В СВОЕЙ работе «Вертикальная демократия» рассматривает именно политическую элиту (отмечая, что есть еще и другие, например, интеллектуальная) в связи с неверной, по его мнению, трактовкой термина «элита» по отношению к политике и власти.

Для понимания работы Сартори — в частности, того, что он имел в виду под элитой, — важно выделить основные контексты его книги. Таких контекстов, по-видимому, два.

Первый контекст назовем научным. Сартори анализирует работы предшественников — в том числе Парето — по отношению к понятию «элита», и на основе критики их работ предлагает собственную теорию: референтную теорию элит.

Второй контекст — историко-политический. Он является как бы обосновывающим и дополняющим первый, так как предназначен подтвердить адекватность и актуальность предлагаемой теории.

В качестве объекта исследования Сартори выделяет меру и характер политической контролирующей власти, которой обладают меньшинства. Сартори говорит именно о контролирующем меньшинстве, а не об элите, поскольку пытается дать понятию «элита» фактически новую жизнь (т. к. употребление этого понятия в современной науке, по мнению автора, более не соответствует истинному его значению).

Сартори пытается ответить на два вопроса: что такое контролирующее меньшинство и кто к нему принадлежит.

В качестве критериев выделения контролирующего меньшинства он приводит два — альтиметрический критерий («кто наверху, тот и властвует») и критерий заслуги.

Сартори считает, что альтиметрический критерий «сводит дело к оправданию фактического положения вещей: кто наверху, тот наверху, а кто там находится, тот и «могуществен», он

обладает властью и властвует». Более выигрышной точкой зрения он считает ценностный критерий, согласно которому вертикальная структура общества должна быть вверена ведению достойнейших (признанных таковыми).

Через призму этих критериев Сартори подходит к оценке теорий Парето и других авторов.

Согласно Сартори элита является одной из инстанций власти не в силу того, что она находится на верхушке общества, а потому, что люди, входящие в элиту, обладают определенными качествами, которые обеспечивают власть. В этом он поддерживает Парето, считая, что последний, вводя понятие «элита», вкладывал в него два смысла — eligere («отбор», «выбор с разборчивостью»), а с ним вместе, хотя и опосредованно, изначальный смысл греческого aristoi — «лучшие по достоинствам» (не по рождению).

Отсюда возникает ход на совмещение элиты и власти. Элита остается у власти, пока совмещены заслуги и власть, но как только они перестают друг другу соответствовать, возникает неравновесие, и элиты альтиметрические вытесняются элитами «по способностям», то есть подлинными элитами.

Если элиту понимать как высший властвующий класс, обладающий наибольшей властью, то исчезает ценностная оценка элиты; но в своей работе Сартори пытается вновь ввести в оборот аксиологический элемент.

Однако ценностные идеалы демократии апеллируют к еще античному, то есть прямому, а не представительному варианту демократии. Это не соответствует современной ситуации — непрямой демократии, строящейся на вертикальных процессах. По мнению Сартори, демократия должна представлять собой селективную полиархию, а сейчас она представляет выборную (элективную) полиархию.

Еще одна проблема современной демократии — проблема равенства как ценности горизонтальной (прямой) демократии. Сартори смещает этот вопрос, говоря о движении к равенству — устремляется ли оно в направлении высшего или же низшего уровня, — и формулирует тот тип равенства, который ему кажется наиболее адекватным при вертикальной демократии: «равенство по основанию достоинств», т. е. «аристотелевское соразмерное равенство» (равным — равное). Такое равенство должно быть соотнесено с элитой, выражающей идею «достойный избрания».

Итак, два основных тезиса работы Сартори:

♦ демократия должна представлять собой селективную полиархию;

♦ демократия должна представлять собой полиархию по основанию достоинств.

Теперь можно резюмировать, как же именно соотносится политическая элита с властью в понимании Сартори: он понимает элиту как властвующий класс, который обладает наибольшей властью за счет имеющихся у него «определенных качеств», обеспечивающих эту власть. Причем Сартори не уточняет, какие это должны быть качества, являются ли они врожденными (способностями) либо приобретаются (заслуги). Но элита должна удерживать эти качества, образцы, чтобы оставаться у власти. Оценка качеств элиты должна производиться постоянно, чтобы соответствовать историческому моменту. Результативно это происходит во время выборов.

Николай Бердяев «Царство духа и царство кесаря» (6) «Самопознание» (7)

В СВОИХ РАБОТАХ БЕРДЯЕВ пишет про культурную элиту. Он не касается напрямую властной и политической элит, хотя и затрагивает их, называя господствующими классами либо правящим слоем. Но нам его работа, тем не менее, интересна, потому что в ней присутствует специфический взгляд на элиту, который коннотирует с понятием власти.

В понимании Бердяева настоящая элита — это аристократия духа. Причем аристократизм определяется происхождением, а не достижениями. В этом — коренное отличие взглядов Бердяева от других элитистов.

Вторая характеристика элиты-аристократии: она исповедует философию качества (ценностей), а не количества (блага). Согласно Бердяеву, марксизм — это философия количества, так как для марксистов существует только необходимость, польза, благо. Этой философии придерживается человек массы, потому она господствует в обществе. А например, Ницше — философ ценностей: человек для него — прежде всего творец ценностей.

Настоящая элита — это аристократия духа

Для Бердяева человек элиты — это тоже творец ценностей, но ценностей в другом смысле, чем у Ницше. Если у Ницше, в понимании Бердяева, ценности имеют скорее биологическую направленность (стремление к могуществу), то ценности по Бердяеву — это ценности в первую очередь духовные, культурные.

Задача элиты (творцов культуры) по Бердяеву — *«не унизительное приспособление к массовому социальному движению, а облагораживание этого движения, внесение в него аристократического начала качества».*

Культуру Бердяев понимает как общечеловеческую, поэтому творение элитой образцов происходит не индивидуально. Творцы культуры фактически являются выразителями духовных чаяний народных масс: «народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности».

Если элита не выполняет эту задачу по тем или иным причинам, это приводит к тяжелым последствиям. Бердяев приводит такой пример: «Несчастье культурного ренессанса начала XX века было в том, что в нем культурная элита была изолирована в небольшом круге и оторвана от широких социальных течений того времени. Это имело роковые последствия в характере, который приняла русская революция… Культурная элита переживает тяжелый кризис, и ей грозит исчезновение в массовом социальном движении нашего времени. Об этом я не раз уже писал. Изоляция, гордыня, презрение должны вести к гибели. Только сознание своего служения может спасти».

На этом примере также видна еще одна характеристика — требование к элите: учет и соответствие культурно-исторической ситуации, процессам, происходящим в обществе, ответственность перед народом.

Но при этом «служение» элиты народу не должно превращаться в приспособление, так как свобода творца есть необходимое условие творения: «Гений выражает судьбу народа, а на вершинах и судьбу человека и мира. Но есть обратная опасность, опасность приспособления и утери свободы. Творец прежде всего и превыше всего должен хранить свою творческую свободу. Только через эту свободу возможно для него служение и выражение судьбы народа. Одинаково ложен изолированный индивидуализм и механический производственный коллективизм».

Хосе Ортега-и-Гассет «Восстание масс» (8)

В ЭТОЙ РАБОТЕ основное внимание автор уделяет рассмотрению темы массы, а не элиты. Но тема элиты прослеживается на протяжении всего текста, в основном на противопоставлении элиты массе.

Ортега-и-Гассет рассматривает общество как «подвижное

единство меньшинства и массы», которое существует внутри любого класса; под меньшинством он как раз и имеет в виду элиту.

Элита в тексте Ортега-и-Гассета рассматривается как политическая, властная (хотя сам он говорит, что деление общества на массы и избранные меньшинства — типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией).

Раскрывая свое понимание элиты, автор говорит об элите как об «избранном меньшинстве», высшем классе. Меньшинство он при этом понимает как совокупность лиц, выделенных особыми качествами, массу — как не выделенных ничем («средний человек», человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип).

При этом не обсуждается, какими особыми качествами обладают избранные меньшинства, как именно они избраны. Ортега-и-Гассет упоминает только некоторые черты, отличающие «избранных» от массы.

Во-первых, *«избранные — не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно».* Этим они отличаются от человека массы, который не требует от себя ничего, для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков есть, и не силясь перерасти себя. Масса — это те, кто подчиняется воле истории и лишен ориентиров.

По мнению Ортега-и-Гассета, у власти должны находиться элиты, так как массы к этому не способны. Но сейчас у власти находятся представители масс, и вообще весь мир становится массой, которая проникает даже в круги традиционно элитарные.

Косвенно Ортега-и-Гассет отвечает на вопрос, какова роль элиты в обществе.

Он утверждает, что элиты владеют общественными идеями и культурой. Они рефлектируют и удерживают основы, на которых держится цивилизованный мир, а для массового человека этих основ попросту не существует.

> Власть должна оставаться в руках элиты — «в руках людей, мыслящих «на высоте своего времени», людей, которые слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания»

Элиты созидают, а массы не могут созидать (как раз в силу того, что они плывут по течению).

К элите принадлежат люди, которые ищут и находят «высшее

начало». Тех, кто это делает сам,

Ортега-и-Гассет причисляет к элите, тех, кто получает из чужих рук — к массе.

Из-за неспособности массы удерживать общую ситуацию, культурные основы общества и возникает ее неспособность осуществлять власть. Поэтому Ортега-и-Гассет говорит, что власть должна оставаться в руках элиты — *«в руках людей, мыслящих «на высоте своего времени», людей, которые слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания».*

Поэтому в хорошо организованном обществе масса не действует сама по себе: *«Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представительствовали за нее, пока она не перестанет быть массой или, по крайней мере, не начнет к этому стремиться. Но сама по себе она осуществлять это не способна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств. Можно сколько угодно спорить, кем должны быть эти избранные, но то, что без них, кем бы они ни были, человечество утратит основу своего существования, сомнению не подлежит, хотя Европа вот уже столетие, подобно страусу, прячет голову под крыло в надежде не увидеть очевидного».*

К понятию элиты

ЭТОТ ОБЗОР позволяет выделить следующие смыслы, относящиеся к понятию «элиты»:

♦ Понятие элиты возникает для обозначения специфического круга людей, заменяющего в современном (нетрадиционном) обществе аристократию.

♦ Основная функция элиты — обеспечить соотнесение современных ей инстанций власти[115] с общим смыслом (трансцендентной[116] идеей) существующего порядка.

♦ Вторая функция элиты — культивировать образцы современной жизни как для людей во власти, так и для всего общества.

Таким образом, элита не совпадает с людьми во власти (чиновниками, политиками), богатыми людьми, интеллектуалами и людьми искусства. Она скорее составляет им противовес, вынуждая понимать миссию страны, ее историю и перспективу, общее пространство ориентации в современном мире. Кроме того, элита создает среду для выращивания современных лидеров, поставляя их во власть, в бизнес и сферы культуры.

Проблема элиты всегда была острой для России. Наиболее яркие примеры — попытки создания элиты общества,

противопоставленной родовой аристократии (боярам), которые начались с эпохи Петра Великого. Создание служилого дворянства (выдвижение людей по заслугам и способностям) было сильным шагом в этом направлении.

В сегодняшней России современные элиты, способные создавать конкурентоспособные (по отношению к внешнему миру) образцы властной, социальной и культурной жизни, практически не сформированы. Процессу формирования национальной элиты, в частности, препятствует примитивное представление об элитах, навязываемое околополитическими интеллектуалами[117], согласно которому элитой автоматически называются высшие чиновники, богатые люди и известные личности. После того, как этот набор случайных людей назван элитой, начинаются сетования по поводу того, что эта «элита» не выполняет своих функций.

Такого рода псевдоинтеллектуальная операция отнюдь не безобидна: в общественном сознании — как народном, так и в политическом — в этом случае просто не возникает места для действительной элиты. Отношение к элите изначально формируется как негативное, и становится весьма затруднительным отделение элиты от существующего чиновничества, нуворишей и потерявших свой общественный авторитет деятелей культуры.

Тем самым теряется пространство для реальных и квалифицированных дискуссий о судьбах страны и ее развитии. Более того: в стране существуют совершенно четко оформленные «группы влияния», которые осознанно (или частично неосознанно) в целях самосохранения препятствуют тому, чтобы в обществе сформировалось понимание необходимости элит. Это ученые и околополитические интеллектуалы[118]. Они формируют негативное отношение к существующим «элитам», создают мифы о том, что их функции можно заместить либо экспертными сообществами, либо общественными (представительскими) организациями. Однако эксперты способны лишь квалифицированно рассматривать частные ситуации, а общественное представительство — предъявлять настроения и ожидания масс. Но формировать долговременные горизонты, жить в соответствии с ними и формировать образцы такой жизни они не способны.

В то же время формирование эффективной власти вне и без элит в современном мире невозможно. Поэтому если не инициировать и не поддерживать процессы формирования национальной элиты, ее функции начинают выполнять внешние элиты, навязывая свои образцы функционирования власти и

развития страны.

Глава 6
Анализ книги Никласа Лумана «Власть»

Введение

В РАБОТАХ известного немецкого социолога[119] Никласа Лумана (1927–1998) нас интересует используемое им понятие власти. Поэтому в основном мы анализировали работу Лумана «Власть» (1).

Эта книга весьма необычна и очень интересна. При всей своей сложности и запутанности она интригует большим количеством парадоксов и их неожиданных разрешений, непредопределенностью конечного результата. Это не книга о власти. Это процесс поиска подходов и способов: большая часть книги отведена конструированию понятий и средств, то есть разработке аппарата (чаще автор называет это теорией). Сам автор — не столько исследователь, сколько тот, кто создает аппарат для выделения и описания социальных феноменов (к примеру таких, как власть).

Прежде чем перейти к анализу его работы и выделению понятия власти, важно понять ряд контекстов, в которых написана данная книга.

Контексты

СУДЯ ПО МНОГОЧИСЛЕННЫМ ссылкам, которые приводит автор, в тот период, когда была написана книга «Власть», появилось множество работ о феномене и понятии власти. Особенно много в этом отношении сделали немецкие исследователи[120] — по-видимому, чтобы попытаться объяснить, как могли произойти события 1930-1945 годов в Германии. Это подводило многих авторов к вопросу, что же такое власть вообще[121]. В своей книге Луман часто ссылается на предшествующие ему попытки построить понятие власти, проводя их проблематизацию.

Второй важный контекст, который важно учитывать при анализе работы Лумана, состоит в том, что автор является социологом. Как он пишет в последующих книгах (3), с 1969 года он был занят работой над своим главным тридцатилетним проектом по построению теории общества. Если это так, то книга «Власть» (1988) является лишь частью этого проекта. Тогда становится ясным, почему Луман в качестве базовой референции

власти выбирает именно общество.

В более поздних работах Луман практически отходит от темы власти как центрального вопроса своих исследований. Кроме того, работа «Власть» служит попыткой не столько ответить на вопрос *что такое* власть, сколько разработать понятийный аппарат для анализа такого рода явлений общественной жизни, как, например, власть, деньги, истина и пр. Автора больше интересует методология конструирования понятия власти и общества, нежели само содержание понятия власти.

Поэтому третье замечание по поводу контекста написания книги «Власть» — о методе работы Лумана. Его способы конструирования понятий и теорий могут составить тему отдельной дискуссии. Здесь мы отметим лишь несколько моментов.

Луман часто ссылается на работы в сфере теории образования и дифференциации систем. В целом системный подход довольно сильно влияет на ход рассуждений Лумана. Много ссылок содержится на работы Толкота Парсонса, известного американского социолога. В частности, Луман, следуя по его стопам, пытается описать общество как систему, выделяет в нем подсистемы и часто использует другие категории системного анализа. Но при чтении книги мы замечаем, насколько ярко системный подход демонстрирует свою ограниченность при анализе таких явлений, как власть. Луман постоянно сталкивается с парадоксами, а значит — и с необходимостью привлекать и изобретать все новые и новые конструкции, чтобы их разрешить.

Автор довольно редко пользуется уже сформированными методами. Он стремится строить разного рода конфигураторы из имеющихся средств и подходов. Луман — «методологизирующий» социолог (а не социолог-предметник), который сам строит способы собственной работы. Возможно, именно недостатками существующих средств социологии можно объяснить столь сложное построение текста в книге «Власть».

Подготовительным этап

> *Власть может быть понята только как символически генерализованное коммуникативное средство.*
>
> *Никлас Луман. «Власть»*

Предостережение Лумана

Первое, с чего начинает автор, — он предостерегает читателя и самого себя от неосторожного подведения феномена власти под некоторое теоретически и эмпирически адекватное понятие власти[122]. В противном случае мы получаем понятие власти, которое оказывается непродуктивным. «Невозможно поступательно двигаться вперед, заранее имея в распоряжении некое понятие власти». Здесь же Луман приводит примеры такого рода понятий, вернее, неудавшихся попыток построения понятия власти (власть как воздействие, власть как обмен, власть как игра).

В этом случае в поисках метода для своего движения он апеллирует к методу Дюркгейма, называя его «социологическая техника постановки вопросов». По-другому такого рода технику можно назвать выявлением возможных способов категоризации власти. Она состоит в том, что мы по-разному пытаемся категоризовать власть, выбрав ту или иную категорию: причины, игры, обмена и пр. Дальше можно смотреть, какая категоризация окажется наиболее продуктивной. В своей работе Луман в качестве такой категории выбирает категорию коммуникации.

Власть и общество

После такого рода предостережений Луман пишет, что условием возможности власти следует считать общество. Мы можем построить как минимум две гипотезы, объясняющие данный выбор. Первая: Луман — социолог, и по отношению к власти он проделывает социологический анализ власти (строит социологическое понятие власти). Как мы отмечали выше, книга «Власть» для Лумана была частью 30-летнего проекта по конструированию понятия общества. Вторая: Луман считает такой шаг продуктивным и не закрывающим перспективы исследования власти.

При этом автор говорит, что, конструируя понятие власти, нужно пользоваться макросоциологическим подходом. По-видимому, автор предостерегает от того, чтобы связывать власть с конкретной социологической предметностью: институты, группы, нормы, отдельные люди и пр. Луман разделяет два плана работы, которыми будет пользоваться в дальнейшем. Назовем эти уровни макросоциологическим и микросоциологическим. Проще говоря, автор рассматривает власть в связке с понятием общества в целом и пока не берет, к примеру, конкретные ситуации проявления власти в группах или между отдельными индивидами. Свести власть к тому, что будет присуще группе или индивиду, означало бы сделать поспешную теоретизацию, то есть совершить

распространенную ошибку, от которой предостерегает Луман.

Общество

Итак, власть изучается в связи с понятием общества. Опишем, как Луман понимает общество в работе «Власть». Вероятно, понятие общества Лумана на период написания книги «Власть» во многом не было сформировано, но можно наметить основные понятия, через которые он описывает общество.

Подходя к выделению базовых условий и характеристик общества, Луман отмечает три подхода к понятию общества:

- ♦ теория образования и дифференциации систем;
- ♦ теория эволюции;
- ♦ теория коммуникации.

Обсуждая эти конструкции, автор не отмечает, что и зачем он делает, поэтому здесь мы лишь можем выдвинуть гипотезу, основываясь на реконструкции его размышления. Она состоит в том, что автор строит из этих конструкций некоторый конфигуратор, при этом за основу беря теорию коммуникации. Почему автор не ограничился одной из теорий, которую он назвал наиболее перспективной (теория коммуникации), а строит довольно сложную конструкцию, в которой дают референции все три концепции, пока не ясно. Здесь лишь можно отметить, что, похоже, автором движет идея создания такого аппарата, который был бы мощнее всех существующих.

Конфигуратор: дифференциация систем, эволюция и коммуникация

ЕСЛИ ЭТУ ГИПОТЕЗУ считать верной, то получается следующая схема конфигуратора. Есть процесс эволюции, который приводит к появлению все более усложняющихся и дифференцированных общественных систем. И процессы эволюции, и процессы дифференциации идут параллельно. В качестве базового процесса, через который рассматривается общество, выбирается коммуникация. К понятию коммуникации Лумана вернемся немного позже, но пока, забегая вперед, поясним нашу гипотезу.

Чтобы общество сохранялось как целое, не рассыпаясь на части вследствие дифференциации, должны появляться генерализованные средства коммуникации. Процессы коммуникации, средства коммуникации, по-видимому, суть условие, при котором общество сохраняется как целое при все большем усложнении, дифференцировании, делении, оформлении все новых и новых самостоятельных общественных

учреждений и усложнении взаимодействий между ними.

Понятие коммуникации

Понятие коммуникации для Лумана является одним из основных в его работе о власти. Именно через него автор пытается рассматривать общество, а затем и власть. «Мы исходим из более глубокой гипотезы, где социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации».

Почему именно коммуникация выбирается в качестве основной категории, Луман не объясняет, давая лишь намеки. Луман отмечает, что, выбрав в качестве основной категории коммуникацию, мы сможем, продолжая идею Парсонса, сравнивать власть с деньгами и истиной. Получается, что, по мнению Лумана, находка Парсонса («О понятии «политическая власть» (4)) состояла в том, что власть есть понятие, близкое по конструкции к деньгам: «Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества (как я их себе представляю) — экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов» (5). Луман ищет категорию, которая бы ему позволяла сопоставлять власть, деньги и истину (почему — неясно), причем категорию, которая могла быть противопоставлена другим категориям, онтологизирующим общество: категориям действия и истории.

По-видимому, здесь автор действует интуитивно. Он пытается выделить механизм, который конституирует общество, и таковым видит коммуникацию.

Другим объяснением того, что Луман выбирает в качестве основной категории при подходе к обществу и власти именно коммуникацию, может быть следующее: в то время считалось, что именно понятие коммуникации задает новые перспективы в социологии. Это — своего рода фронтир социологии. Использование же в качестве базовой категории общества, к примеру, действия (власть как действие, деньги как действие) приводит к примитивным и непродуктивным схемам. К примеру, Макс Вебер, по-видимому, в качестве основной единицы социальной материи выбрал (социальное) действие. Благодаря этому он пришел к своему определению власти (способность совершить действие вопреки воле другого). Луман идет дальше и выбирает категорию коммуникации.

В коммуникации, которая пока нами обсуждалась на макроуровне, то есть как нечто существующее на уровне общества

в целом, Луман выделяет микроуровень: интеракцию. Выделяется единица, атом коммуникации. Через интеракцию Луман вводит понятие коммуникации.

Понятие интеракции

Есть коммуникант, который находится в некоторой ситуации. Ситуация характеризуется тем, что он должен осуществить селекцию (выбор) из набора альтернатив[123].

Здесь выбираться может не только действие и не только социальное действие[124]. Содержанием интеракции и, соответственно, селекции могут быть и переживания, состояния, поведение. Это будет важно в дальнейшем[125].

Итак, суть понятия интеракции состоит в том, что один передает другому, находящемуся в иной ситуации выбора, определенную селекцию, тем самым склоняя его к некоторому выбору. У другого есть возможность принять ее или отклонить, выбрав другую альтернативу из своего набора.

Условием коммуникации здесь является то, что, во-первых, передача селекции и взятие ее должны быть возможными (для этого, как минимум, передаваемая селекция должна попадать в набор альтернативных селекций другого); во-вторых — хотя на микроуровне (в отдельной ситуации) у другого есть возможность сказать «нет»[126], но на макроуровне должны происходить передачи селекций. В противном случае, по Луману, если передаваемые селекции будут все время отклоняться и эти ситуации станут оформляться в конфликтные, то разрушится коммуникация, исчезнет ее смысл, а следовательно — невозможным станет существование общества.

Из этого Луман выводит существование специального механизма, который управляет набором возможных селекций. Откуда берется набор возможных селекций? Во-первых, он задан априорно, существует помимо наличия другого коммуниканта. Автор говорит, что этот набор формируется эволюционно: часть его — воспроизводится, часть селекций, которые люди не выбирают, постепенно отсеивается в ходе эволюции, появляются новые селекции. Во-вторых, набор возможностей задается специальными общественными учреждениями.

В качестве примера такого учреждения Луман приводит конструкцию реальности в простых обществах. Выбрать можно лишь ту селекцию, которая признана реальной.

Но снова отметим, что, несмотря на то, что набор селекций задан и удерживается специальными общественными учреждениями, тем не менее, у другого остается возможность сказать «нет». И если накапливается критическая масса этих

«нет», то обществу грозит распад. Следовательно, в интеракции должна быть некоторая мотивирующая компонента, то есть то, что позволяет склонять другого к принятию передаваемой ему селекции. И в этом есть тоже важная функция общественных учреждений; она и раскрывает механизм, по которому они работают. Вероятность того, что селекция будет принята, повышается, если селекция специальным образом построена и правильно передана, то есть обоснована наличием тех или иных общественных инстанций. Опять же, на примере конструкции реальности это означало бы: «прими это, ибо остальное нереально (так не бывает, так не делают)». Общественное учреждение здесь есть то, к чему апеллирует другой коммуникант, склоняя первого к выбору определенной селекции.

Общественные учреждения должны регулировать величину набора возможных селекций, поскольку, чем больше альтернатив и возможностей у второго коммуниканта, тем легче ему отказаться от той селекции, к которой склоняет его первый. Вместе с этим набор не должен быть слишком узким, поскольку чрезмерная ограниченность ведет к уменьшению контингентности, то есть степени свободы, возможностей сделать свой выбор. Итак, в данном случае общественные учреждения суть особого рода посредники, делающие интеракцию — а следовательно, и коммуникацию, — возможной.

С понятием коммуникации и интеракции у Лумана крепко связаны понятия селективности (селекции) и контингентности.

Понятие контингентности и селективности

Контингентность ситуации, в которой находятся участники коммуникации, означает, по-видимому, непредопределенность исхода коммуникации, наличие пространства альтернатив, возможностей у обоих коммуникантов. С этим сильно связано понятие селективности. Предполагается наличие набора различных вариантов действия, из которых происходит выбор. С одной стороны, набор селекций создает ситуацию контингентности, то есть возможности различных вариантов действия и поведения, с другой — он же его и ограничивает.

Тогда власть, как и другие средства коммуникации, должна ограничивать контингентность.

Средство коммуникации

На схеме 1 средством коммуникации выступают общественные учреждения, которые задают набор возможных селекций, отвечают за его объем, а также выполняют мотивирующую функцию для тех коммуникантов, которым

передают селекции.

Если взять эту схему и рассмотреть ее, привлекая понятия эволюции и дифференциации, то заметим, что по мере эволюции общественные учреждения (они же средства коммуникации) все больше дифференцируются, умножаются, разделяются. Следовательно, комплексность (сложность) коммуникации возрастает, и передавать селекции теперь все труднее, ибо склонять к выбору становится возможным, апеллируя к совершенно разным коммуникативным средствам. Возникает проблема редуцирования этой комплексности за счет средств коммуникации.

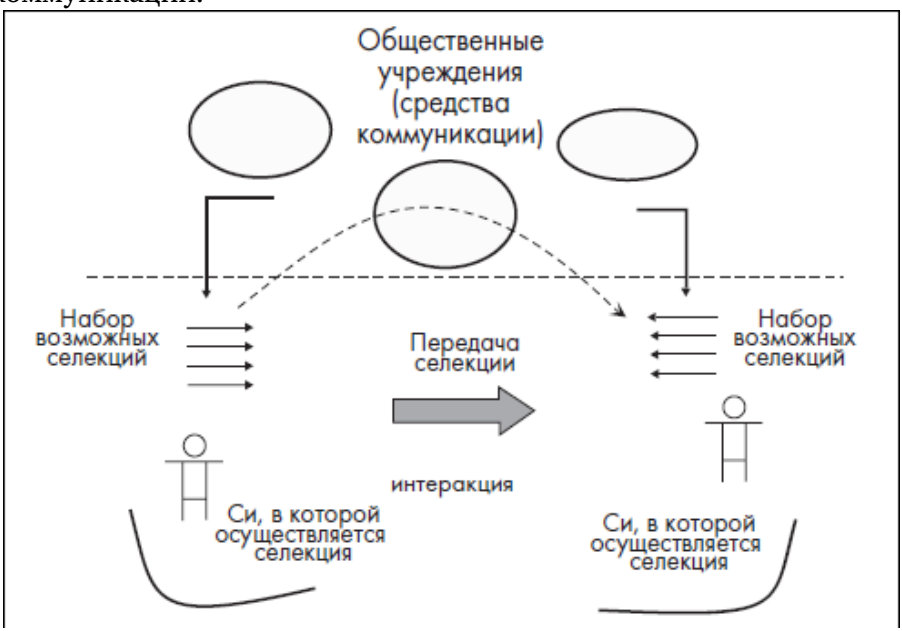

Схема 1. Схема интеракции по Н. Луману

Второй момент, который мы должны отметить, перейдя на макросоциологический уровень, касается понятия генерализованного средства коммуникации.

Генерализованное средство коммуникации

Возможно, термин «генерализация» имеет определенное толкование в социологии. Нам удалось найти два возможных смысла этого термина. Первый смысл — логический: генерализация (обобщение) как логическая операция; второй смысл — социологический, в котором генерализация, обобщение означает скорее «обобществление», то есть обозначение того, что присуще обществу в целом, а не кому-то в отдельности (в частности).

Здесь Луман имеет в виду, по-видимому, именно социологический смысл. То есть он говорит о генерализованном средстве коммуникации, существующем в обществе и не являющемся чьим-то частным средством. Следовательно, по Луману, власть как генерализованное средство коммуникации имеет отношение к обществу.

Обеспечение возможности коммуникации

Наша гипотеза состоит в том, что коммуникация в конструкции Лумана существует для того, чтобы общество в процессе дифференциации и эволюции сохранялось как целое. Для этого существуют специальные общественные учреждения, средства коммуникации, которые ограничивают и задают набор возможных селекций. Ограниченность (редуцированная комплексность в терминах Лумана) этого набора есть условие существования общества и возможности коммуникации. Набор этот должен быть не слишком узким и не слишком большим. За ограничение набора селекций отвечают средства коммуникации, в чем и состоит их следующая функция.

Редуцирование комплексности

Под редуцированием комплексности понимается то, что сами по себе средства коммуникации, с одной стороны, а с другой стороны — коммуникант, который склоняет другого к определенной селекции посредством этих коммуникативных средств, — ограничивают пространство селекций. Средства коммуникации сами по себе имеют такое устройство, что осуществляют символическое кодирование коммуникации, — в этом состоит следующая функция. А специфическая коммуникация, в которой один коммуникант ограничивает пространство селекций другому, имеет уже прямое отношение к власти, которую рассмотрим в отдельном пункте.

Символическое кодирование коммуникации

На вопрос об устройстве средства коммуникации Луман отвечает: это есть код генерализованных символов, посредством которых осуществляется передача результатов селекции. При этом символы (символизация) здесь играют важную роль. Чтобы трансляция и воспроизводство результатов отборов была возможной, должны использоваться именно абстрагированные, обобщенные формы. Символы как раз позволяют это делать, поскольку они способны собой замещать цепь селекций и совокупность контекстов, в которых эти выборы делаются. Тем самым символы обеспечивают возможность взаимной ориентации

в обществе, но и сохраняют при этом неидентичность селекций (не обязательно оба должны сделать одинаковый выбор). Эти коды, символы как средства коммуникации, существующие в обществе, позволяют сохраняться обществу как целому, а его членам — ориентироваться в нем.

Власть проявляется в колах коммуникации

Понятие кода в данной работе Лумана играет большую роль. Как пишет автор, основным достижением своей теории дифференциации систем он признает то, что она позволяет не смешивать в коммуникации ее код и процесс. При этом власть, как и другие средства коммуникации, проявляется именно в кодах коммуникации. В главе «Кодовые функции» автор выделяет типы кодов:

- ♦ символизация;
- ♦ бинарная схематизация;
- ♦ принцип иерархии;
- ♦ принцип константности суммы.

Для нашей работы, то есть для выделения конструкции власти по Луману, нам прежде всего надо понимать, что код здесь выступает как конструктор, из которого берется селективность, то есть набор селекций. Код есть структура упорядочивания: «под кодом мы будем понимать такую структуру, которая для каждого элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой элемент».

Катализатор коммуникации — смысловой схематизм

Схема средства коммуникации, введенная Луманом, выглядит довольно сложной и громоздкой. По-видимому, понимая это, автор пытается найти некоторые образы и конструкции, через которые будет проще ее ухватить. Образ, который он находит, — это катализатор. Катализатор ускоряет либо замедляет те или иные процессы, но сам в них не изменяется. По схеме, во-первых, это означает, что средство коммуникации не сводится к тому, кто им пользуется, а существует отдельно. Во-вторых, средство коммуникации отвечает за упрощение, облегчение процесса коммуникации, поэтому действительно образ катализатора выбран довольно точно. Но одного образа недостаточно, поскольку нужно ввести механизм того, как это работает.

Здесь Луман заимствует у Канта понятие схематизма (6). Грубо говоря, средство коммуникации выступает как схематизм, то есть сборка, позволяющая удерживать как целое как минимум три вещи:

♦ разного рода смыслы, которые коммуниканты вкладывают в свои сообщения (в содержание сообщений — притом, что конкретное смысловое наполнение схематизма не меняет его конструкцию);

♦ символы и коды, которые выступают как посредники и отвечают за то, чтобы сообщения были правильно и легко поняты;

♦ саму ситуацию интеракций (кто, с кем и для чего коммуницирует, кто к каким общественным учреждениям подключен).

Эффект ускорения процессов коммуникации, который достигается таким катализатором, получается из-за того, что генерализация этих средств коммуникации (доступность обоим коммуникантам) позволяет просчитывать возможные ответы друг друга и таким образом формировать ожидания. Набор ожиданий практически целиком воспроизводится в эволюции, становится привычным для коммуникантов, что в свою очередь облегчает передачу селекций, а следовательно — и коммуникацию. Ведь если первый коммуникант понимает возможные ответы своего партнера, понимает его ожидания, то ему проще закодировать сообщение так, чтобы оно вызвало нужную реакцию.

Мотивация

Тем самым генерализованное средство коммуникации не только выполняет функцию переноса сообщений и селекций, но и устроено так, что если сообщение правильно закодировано, то апелляция к тем общественным учреждениям, к которым подключен другой, заставляет его принимать эту селекцию, иными словами — склоняет, мотивирует другого к выбору той селекции, которую ему передают.

Это легко проиллюстрировать на примере простых сообществ, в которых есть единая «конструкция реальности», к которой подключены оба коммуниканта. Если передается селекция, закодированная в соответствии с конструкцией реального, то отвержение этой селекции практически выводит за границы сознания другого, сделать нечто иное просто немыслимо, и это очевидно обоим.

Итак, мы выделили понятие символически генерализованного средства коммуникации (СГСК) Лумана. Теперь подготовительная работа практически завершена, и мы можем применить описанный выше аппарат к анализу власти, то есть перейти к нашей основной теме.

Власть как символически генерализованное средство коммуникации

ИТАК, ЛУМАН выдвигает следующий крайне важный тезис: власть есть одно из генерализованных средств коммуникации. Специфика власти состоит в том, что существует различие в селективности (выборе) одного коммуниканта и селективности другого. Одного Луман обозначает Альтер (тот, кто обладает властью), другого — Эго (подвластный Альтеру). Поэтому наша схема акта коммуникации достраивается.

> Власть есть одно из генерализованных средств коммуникации

Специфика Альтера состоит в том, что он может, в отличие от Эго, оперировать неопределенностью. То есть он делает выбор из не всегда прозрачных Эго оснований. Собственно, именно это и дает возможность Альтеру управлять набором селекций Эго, используя код власти.

Смысл власти состоит не в том, чтобы постоянно навязывать Эго те или иные селекции — и этим власть отличается от принуждения. «Каузальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе не обязательно в ее сломе». Этому Луман посвящает отдельный пассаж. То есть чем больше привлекательных альтернатив для Эго, чем больше его возможности и свобода, тем сильнее власть. Верно также и то, что власть усиливается, чем больше набор альтернатив у Альтера по ее удержанию.

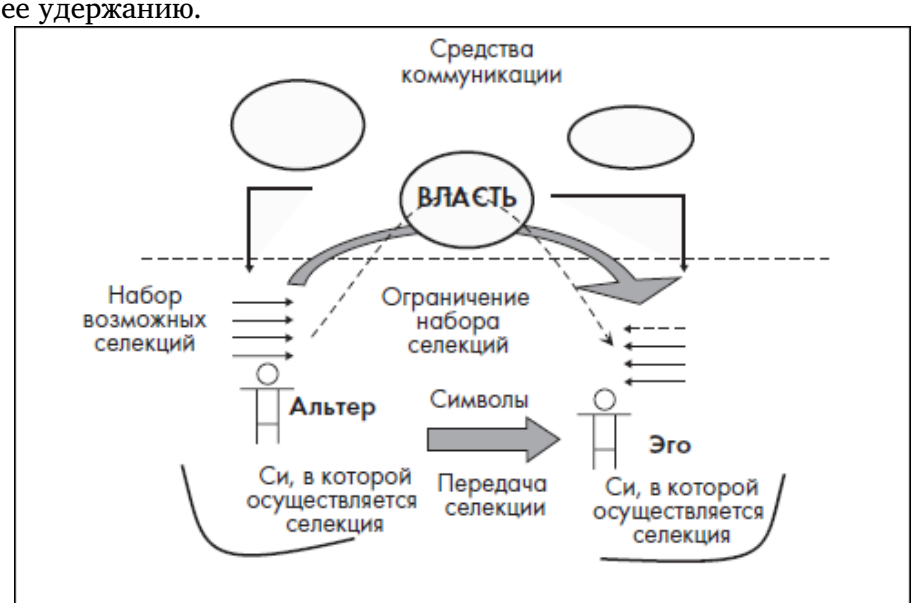

Схема 2. Схема власти как СГСК

Специфика работы кода власти также состоит в том, что

помимо набора селекций, а также той селекции, которую передает Альтер, код как структура упорядочивания позволяет обоим коммуникантам ранжировать свои альтернативы с точки зрения предпочтений и того, чего они хотели бы избежать. «Власть предполагает, что оба партнера видят альтернативы, реализации которых они хотели бы избежать. У обеих сторон, следовательно, должно иметься в распоряжении не просто множество возможностей, но и порядок предпочтений, которые необходимо схематизировать под углом зрения преимущественно позитивных и преимущественно негативных оценок и представить в ясном виде противоположной стороне».

> Каузальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе не обязательно в ее сломе

Далее следует тезис о функции власти как средства коммуникации — это трансляция редуцированной комплексности. На схеме коммуникации это означает то, что Альтер ограничивает набор селекций для Эго. Но следует оговориться, чтобы мы снова не смешивали принуждение и власть: речь идет не о сломе воли Эго, а напротив —

о задании возможностей для Эго. Вот еще один интересный парадокс власти. С одной стороны, каузальность власти остается: власть действительно влияет на выбор подвластного. Но делает это не напрямую. Тут Луман использует образ катализатора (схематизма), о котором мы уже говорили выше. Грубо говоря, власть есть схематизм, делающий такие отношения Альтера и Эго, как мы описали, возможными. Власть есть условие такой коммуникации между ними, она делает так, что Эго знает о возможных селекциях Альтера, определяет для Эго, что является вероятным, а что — невероятным в возможных действиях Альтера.

Заключение

ОСНОВНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ Лумана в истории исследования власти, с нашей точки зрения, состоит в рассмотрении власти как символически генерализованного средства коммуникации. В своей работе «Власть» автор конструирует схему средства коммуникации, через которую мы можем рассматривать феномен власти. Рассмотрение власти как СГСК позволяет обойти ошибки предыдущих попыток теоретизации власти.

Перечислим основные идеи Лумана, которые кажутся нам наиболее интересными.

♦ Власть не сводится к действию, которое осуществляет властитель над подвластным. На схеме Лумана власть есть посредник и не заключена в фигуре имеющего власть Альтера.

♦ Власть отделена в принципе от индивидуальных проявлений и характеристик людей, вступающих в коммуникацию.

♦ Власть не сводится целиком к своей каузальности, влиянию. Власть не есть управление, принуждение. Скорее наоборот, Луман показывает, что прямое принуждение, насилие есть показатель слабости власти. Луману удалось проблематизировать несколько распространенных попыток понимания власти и ввести более сложную схему.

♦ Власть выступает как самостоятельный феномен, который отвечает за сохранение общества как целого, то есть, в схеме Лумана — за продолжение коммуникации.

♦ Идея необходимости дифференциации и развития власти как коммуникативного средства в условиях постоянно дифференцирующегося общества. Грубо говоря, именно порождает власть должна соответствовать современному состоянию власть общества. Часто Луман это демонстрирует, проводя сравнение архаического и современного обществ.

> В организациях власть именно порождает противоположную себе власть

♦ Идея разделения средств коммуникации на уровне организаций. С этим тесно связан предыдущий пункт. В гл. «Организованная власть» Луман обсуждает принцип, по которому различные коммуникативные средства (власть, истина, деньги, любовь) не смешивались бы между собой и оставались бы разными. Это можно интерпретировать как принцип, по которому разные коды коммуникации удерживались бы в разных, независимых организациях[127].

В заключение, описав конструкцию власти Лумана, мы можем задать по отношению к этому ряд вопросов:

♦ Как, с точки зрения Лумана, устанавливается власть? Если власть есть генерализованное средство коммуникации, то как она появляется, изменяется?

♦ Как происходит смена власти в терминах Лумана? Как происходят трансформации медийного кода?

В работе Лумана мы не можем найти достаточно подробных ответов на эти вопросы, а можем лишь строить различные гипотезы по этому поводу. Вероятно, автор и не ставил перед собой такого рода задачи, когда писал свою книгу «Власть». Но это уже является темой следующих работ и дискуссий.

ПРЕССА

Понятия

К понятию власти

Самое большее, что можно с уверенностью констатировать: «власть» — понятие, которое постоянно будет вызывать споры.

Теренс Болл. «Власть» (1)

КОГДА МЫ НАЧИНАЕМ строить понятие власти, то замечаем, что власть относится к такому классу «вещей», которые не могут быть схвачены одним понятием. Этот момент отмечали многие исследователи. В частности, Джованни Сартори (2) утверждал, что власть есть «семантическая головоломка». Под семантической головоломкой, скорее всего, Сартори имел в виду ситуацию, когда один и тот же термин означает несколько разных сущностей и когда одна и та же сущность передается разными терминами. Именно это происходит с понятием власти. В работах Лукса (3) власть относится к классу «сущностно оспариваемых понятий», то есть понятий с дискутируемым содержанием, смысловое и содержательное наполнение которых меняется.

Следовательно, в таком случае нужно не говорить о понятии и сущности власти, а, следуя за Фуко и другими исследователями, рассуждать о дискурсе власти. Это означает, что понимание того, что есть власть, формируется в результате как определенного способа ее реализации в обществе, ее осмысления, так и способа рассказа о власти и обсуждения проблем власти. Это может быть связано с тем, что власть является одним из элементов, конституирующих общество, в котором человек формируется, живет и размышляет о власти. Несмотря на то, что общий схематизм[128] осуществления власти присущ человеческому обществу изначально, конкретные его реализации и предметизации в разные исторические эпохи оказываются разными. Иными словами, в различные эпохи и в различных обществах власть может выглядеть совершенно по-разному.

Поэтому для того, чтобы зафиксировать современное понимание власти, нужно сделать несколько шагов (именно они определяют построение данной книги).

Во-первых, нужно выделить сам схематизм, в котором власть реализуется и осуществляется. Во-вторых — выделить основные стереотипы, присутствующие в обществе по поводу власти, «нормальные способы» осуществления власти и говорения о ней.

Далее — зафиксировать современные проблемы, вытекающие из этих стереотипов и «нормальных способов». И только вслед за этим провести проблематизацию стереотипов и создать новое понимание власти, к которому необходимо стремиться для того, чтобы эти проблемы были сняты и чтобы были сформированы новые возможности, связанные с этим пониманием и с соответствующим типом порядка.

В противном же случае, если мы пойдем по пути определения, что такое власть, то получим десятки и сотни определений, каждое из которых будет охватывать различные частные стороны власти и отношений власти. Например, было бы неверным пытаться определить власть как определенный тип отношений в обществе, как характеристику личности определенных людей, как совокупность институтов и пр.[129] При этом каждая из таких попыток дать определение власти будет казаться правильной, но все они вместе будут порождать парадоксы и споры.

Альтренативная этому стратегия могла состоять бы в том, что мы попробуем структурировать дискурс о власти, составив список понятий, которые смысловым и содержательным образом связаны с понятием власти. Список понятий, коннотирующих с понятием власти, взаимно определяющих друг друга, см. ниже в приложении.

Схематизм власти

НО ОДНОГО ЭТОГО, как уже говорилось, будет недостаточно. Необходимо выделить схематизм, в котором власть осуществляется. Основной схематизм власти состоит в следующем.

Первое. Власть в обществе удерживает *общий порядок,* в котором осуществляется и продолжается человеческая жизнь[130]. Здесь имеется в виду жизнь человеческого рода в целом, а не индивидуальная жизнь. Человеческая жизнь, в отличие от жизни в других формах, не имеет своих естественных механизмов продолжения, встроенных в биологический материал (как у животных)[131]. В частности, человек почти свободен от разного рода механизмов торможения, которые есть у животных: человек может истреблять себе подобных в больших количествах, даже если это не связано с его выживанием, может убить себя и пр. Поэтому для продолжения (постоянного воспроизводства) общественной жизни необходим некоторый схематизм (то есть способ организации собственной жизни и взаимодействия с другими людьми плюс способ осознания этой организации),

который позволяет людям действовать одинаково, сохраняя и воспроизводя выработанный ими способ продолжения общественной жизни.

Одним из таких схематизмов и является схематизм власти; он заключается в том, что вводится некоторое общее и единое для всех пространство. Это пространство обладает следующими особенностями: во-первых, люди в нем могут ориентироваться независимо от конкретной ситуации или принадлежности к той или иной группе; во-вторых, в нем должны фиксироваться вещи, которые будут происходить постоянно, воспроизводиться сами по себе и за счет которых воссоздается общий порядок жизни; в-третьих, за счет этого схематизма люди должны получать возможность ориентироваться и вырабатывать способы своих действий вне прямого взаимодействия с другими людьми (то есть не потому, что кто-то так сказал или научил) — иными словами, власть задает общечеловеческий порядок жизни.

В этом власть противопоставлена другим схематизмам, которые обусловливают превосходство человека по отношению к другим формам жизни. В частности, схематизм власти противостоит схематизму социальной кооперации, в котором люди взаимодействуют между собой, ориентируясь на прямой контакт и конкретные человеческие образования (группы, общества и т. д.). Власть также противостоит схематизму культуры[132], который фиксирует систему образцов, не подверженных изменениям. Таким образом, все три схематизма дополняют друг друга.

Второе. Для того чтобы схематизм власти осуществлялся, необходимо зафиксировать в сознании людей, в обществе, в культуре некоторые запредельные идеи и вещи, которые недоступны никому из ныне существующих людей и которые были бы признаны всеми как вещи всеобщие и недоступные. В данной книге мы будем их называть *трансценденциями власти.* Подробно они описаны в соответствующей главе[133], здесь же коротко отметим, что это суть общие идеи и основания, на которых строится жизнь и с которыми согласны все — в силу того, что никто не может представить, что эти идеи и основания можно преодолеть.

В качестве примера такого рода трансценденции можно привести идею того, что люди от рождения различны (а не равны, как принято считать сейчас). Она была распространена вплоть до времен энциклопедистов (XVIII век). В соответствии с ней представлялось, что люди различны по своему рождению: есть благородные, а есть простолюдины, они различны в силу своего физического устройства (в частности, говорили, что у

аристократов «голубая кровь» и т. д.). На этой трансценденции строилась сословная власть. В те времена представить себе, что принц с нищим могут поменяться местами, можно было только в сказке. Но даже такая сказка основана на том, что принц чем-то в принципе отличается от иных людей, и это нельзя преодолеть.

Получается, что трансценденции — это такие идеи, которые относятся к вещам непреодолимым, к «природе».

За счет этого они фиксируют основания, на которых строится всеобщий порядок, который никому из людей изменить не под силу.

Третье. Трансценденциям власти противопоставлено понятие *народа*[134] или народного тела. Здесь народом мы будем называть людей, общество, которое живет в данной системе власти, в данном порядке, основанном на определенных трансценденциях. Но народ в схематизме власти — это не просто население, жители определенной территории, совокупность людей и т. д. Важно понимать, что народ образуется тогда, когда он эти трансценденции власти принимает как безусловные и недоступные ни для кого основания существующего порядка. Именно на них народ ориентируется в продолжении и строительстве своей жизни.

Четвертое. Поскольку народ не имеет прямого доступа к трансценденциям, необходимы специфические люди, группы людей, организации, институты или другого рода образования, которые являются всеми признанными носителями этих идей и трансценденций. В данной книге мы будем их называть *инстанциями власти*[135].

За счет своей исключительности и доступа к недоступному остальным уровню трансценденций, каждая из инстанций власти обладает собственным уникальным ресурсом. К примеру, шаманы — в отличие от остальных людей, в том числе и вождей, — могут обращаться с духами. Церковь может обращаться и взаимодействовать напрямую с Богом, чего другим не дано. Физически сильным или вооруженным людям доступна сила, которая остальным не дана. Люди могут обладать богатством, которое столь велико, что это богатство и те исключительные возможности, которое оно дает, недоступно остальным людям. Исключительный ресурс информации об удаленных событиях и их интерпретации присущ средствам массовой информации благодаря их техническому устройству. Идея всеобщих процедур или всеобщего равенства перед государством является прерогативой бюрократии и суда. Они недоступны остальным, тотальны и всеобщи.

Поэтому инстанции власти оформляются на базе

определенного исключительного ресурса, недоступного остальным. Способы их оформления и становления могут быть различными. Как показывает история, традиционно инстанции власти оформлялись прежде всего государственными, церковными или другого рода институциональными конструкциями, которые фиксировали определенную исключительность. Но вместе с этим мы можем привести примеры, как такая недоступность может фиксироваться за счет наличия духовного или культурного авторитета, и в этом смысле инстанция власти может быть сосредоточена в одном человеке.

Различные инстанции власти существуют в виде композиции инстанций власти, каждая из которых обладает своим исключительным ресурсом и не зависит от остальных[136].

Пятое. Далее мы замечаем, что напрямую взаимодействовать с инстанциями власти весь народ не может. Поэтому должны быть вспомогательные конструкции, которые позволяли бы народу взаимодействовать с инстанциями власти и тем самым понимать общее пространство, в котором существует порядок, понимать границы своих возможностей и таким образом ориентироваться в мире.

Здесь мы замечаем как минимум две важные вспомогательные конструкции.

Во-первых, это разного рода *«присутственные места».* Различные инстанции власти формируют свои «присутственные места», в которых осуществляется контакт с той или иной инстанцией власти. К примеру, инстанция церковной власти формирует в качестве своих присутственных мест храмы, священные тексты, литургии и иные ритуалы, в которые могут включаться остальные люди. Для государственной инстанции власти такими местами служат разного рода учреждения и ведомства.

Во-вторых, существует особая прослойка людей, которые осуществляют перенос трансценденций в народ и обратно — чаяния народа доводят до инстанций власти. В истории мы замечаем, что такого рода функции выполняли оракулы, аристократия, специальные люди в окружении монарха и другие. В современности прослойку такого рода людей называют *элитами*\ этим же словом мы и будем пользоваться в книге.

Понятие элит — относительно новое, оно также вызывает множество споров. В данной книге под элитами мы будем понимать людей, их группы, прослойку в обществе, которые «на себе» несут трансценденции, превращая их в социальные ценности, иными словами — сами живут в соответствии с ними. Если люди живут сообразно этим идеям, невзирая на

обстоятельства, и становятся социальным примером, образцом для народа, то они могут стать элитой.

Шестое. Схематизм власти в таком понимании реализуется как определенная, конкретная конфигурация, обеспечивающая определенный способ взаимодействия трансценденций власти, инстанций власти, элит, присутственных мест и народного тела. Возникает вопрос, как такого рода конфигурация существует и как она фиксируется в сознании людей.

Понятно, что власть фиксируется в сознании людей уже не в виде трансценденций. Трансценденции должны быть недоступны людям не только физически, но и интеллектуально (мы можем часто обнаружить в истории, как в различных обществах существовал жесткий запрет на рефлексию, понимание и обсуждение базовых трансценденций власти). В этом смысле получается, что трансценденции власти, хотя в определенной степени и преломляются в идеологии, ценностях, системе культурных образцов и так далее, но в большой степени оказываются невидимы для народа.

Вместе с этим мы вслед за рядом исследователей власти замечаем, что та или иная композиция инстанций власти, тот или иной тип власти, определенная реализация схематизма власти существует как некоторое негласное *согласие* народа на этот тип власти. Одним из первых это отметил Никколо Макиавелли[137]. Такого рода негласно формируемое соглашение является основанием для признания и легитимности существующей власти — к примеру, легитимации конкретных людей, которые могут входить в ту или иную инстанцию власти, а также разного рода процедур и механизмов осуществления власти[138].

Здесь можно вспомнить, что в истории было время, когда такое соглашение считалось природно присущим человеческому обществу. В частности, такое понимание зафиксировано в работах Руссо, Гоббса, Локка и де Монтескье, обсуждавшим концепцию общественного договора. Согласно их рассуждениям[139] о природе человека, существует ряд базовых предположений, идей, как бы врожденно присущих человеку. На их основании люди соглашаются на тот или иной тип власти.

Понимание власти в современности: освоение власти

ЕСЛИ ПОПЫТАТЬСЯ охарактеризовать, что происходит с понятием власти в современности, то мы заметим, что постепенно механизмы власти, схематизм осуществления власти все больше рефлектируются людьми и начинают ими осваиваться. Если раньше власть была незыблемой, не поддающейся техническому

действию человека, то постепенно она становится все более освоенной. Люди научаются строить те или иные композиции власти, создавать новые инстанции власти. В этом смысле с властью происходит нечто вроде коперниканской революции, произошедшей в естествознании, когда вещи, которые до того казались незыблемыми (к примеру, представление о Земле в центре и вращающихся вокруг нее планетах), становятся условными и по отношению к ним становится возможным применять технические действия.

Начиная с эпохи, когда был осуществлен ряд революций, меняющих тип власти (и тем более — ближе к XX веку), становится понятным, что инстанций власти может быть несколько. Прежние проблемы в Европе, связанные с конфликтами двух инстанций власти — в лице власти церкви и власти государства (монарха), — завершились созданием особой композиции этих двух инстанций. Но с течением времени инстанций власти становится больше. В частности, существование власти в виде судебной, исполнительной и законодательной инстанций, описанное Монтескье (15) и часто неточно называемое «разделением властей», и их конфликт между собой становятся все более привычными. В Европе возникают демократически[140] организованные общества, в которых новые инстанции могут появляться по мере того, как начинает формироваться новая трансценденция, новый уникальный ресурс и т. д. В настоящее время мы также можем указать на формирующиеся инстанции власти[141].

С момента начала освоения власти начинают осмысляться и пониматься не просто предметная составляющая власти, не просто та или иная конкретная ее реализация, не те или иные составляющие схематизма власти и не конкретный порядок. Происходит выход на следующий, качественно новый уровень: мы выходим к самому способу восстановления схематизма власти. Это означает, что те или иные варианты власти становятся технически конструируемыми. Незыблемые вещи становятся относительными. Развиваются технологии власти (часть из которых мы описали в этой книге). В каждой новой исторической ситуации мы можем обсуждать вопрос, какого типа власть может оказаться наиболее эффективной. В целом мы все больше начинаем относиться к власти с технической точки зрения: мы можем обсуждать, какого типа власть нужно строить и как. Раньше это казалось немыслимым.

Для того чтобы иметь возможность это делать, мы должны восстановить целостность всего схематизма осуществления власти. Если какая-либо из компонент будет пропущена, то это

приведет к негативным последствиям. Например, если не восстанавливается пространство трансценденций, то власть оказывается сведенной к бюрократии, силе и т. п. Когда композиция инстанций власти сведена к одной-единственной инстанции, то возникает ситуация, близкая к той, которая сложилась к концу существования Римской империи: власть не в состоянии удерживать всеобщий сложный порядок жизни, и изощренная конструкция страны может порушиться от незначительных толчков. Когда не оформлено и не зафиксировано негласное согласие народа на определенный тип власти, то возникает проблема легитимности инстанций власти. Когда элиты не формируют систему ценностей и не являются актуальным социальным образцом для народа, возникает ситуация разрыва народа и власти: народ разрушается, рушится негласное соглашение — а вместе с этим разрушается и власть. Поэтому необходимо, чтобы схематизм власти каждый раз восстанавливался целиком.

Понятия, коннотирующие с понятием власти

Первая группа (понятийная)

Власть коннотирует с понятием порядка (власть должна поддерживать всеобщий порядок жизни).

Но ясно, что существуют порядки, задаваемые не властью: природный порядок, социальный порядок, порядок в автономной системе и пр.

Власть коннотирует с понятием жизни. Власть должна обеспечить продолжение *жизни* человеческого рода.

Власть коннотирует с понятием силы, насилия и принуждения (власть как возможность проведения своей воли вопреки воле других). Но сила не обязательно связана с властью: сила может быть использована для производства или бесцельно тратиться.

Власть коннотирует с понятием воли. Но воля не обязательно должна противоречить воле других и может быть направлена на разное.

Власть коннотирует с понятием возможности. Но возможности — не только возможности власти.

Власть коннотирует с понятиями действия по:

а) удержанию/поддержанию (власти);

б) установлению (власти);

в) захвату (власти);

г) разрушению (власти).

Но все эти действия могут производиться не только по

отношению к власти. Следовательно, хотя на уровне первой поверхности власть коннотирует с несколькими группами понятий, ни одно из них не «поглощается» понятием власти, то же самое происходит на второй поверхности.

Вторая группа (организационная)

Власть коннотирует с понятием права: власть признается, оформляется; существует соглашение (гласное или негласное) по этому поводу; власть правит, выправляет. Но, опять же, право и сопутствующие понятия имеют собственную область существования, не сводимую к власти.

Власть коннотирует с институтами[142] — государством, семьей, религией. Но при этом понятие власти целиком не сводится к институтам, равно как и институты не сводятся к власти.

Власть коннотирует с иерархией — пирамидальной организацией. Хотя мы можем найти примеры того, что власть может осуществляться не только в иерархической структуре.

Власть коннотирует с социально оформленным и принятым влиянием (богатством — властью денег; мудростью или знанием — властью авторитета или исключительных знаний; особенностью, исключительностью или новизной — властью моды, кумиров, харизматических личностей, эзотерических культов).

Третья группа (мистическая)

Власть коннотирует с потусторонним. Нечто, нам непонятное и неподвластное (с которым мы ничего не можем сделать), может на нас произвольно воздействовать: судьба, Бог, духи, колдуны и пр.

Власть коннотирует с понятием природы (природа, коллективное бессознательное, подсознательное, законы жизни, государства, толпы и пр). Мы можем понять и изучить их законы, но мы не можем им противостоять: они сильнее нас.

Четвертая группа (отношенческая)

Власть коннотирует с отношениями подчинения (отношения раба и господина). Но в этом случае непонятны границы власти[143] — что будет, если раб освободится? Или господин захочет спокойной жизни и подчинится? Почему эти отношения изменяются? И в чем смысл существования такого рода отношений?

Власть коннотирует со стремлениями и мотивами (страстью, инстинктом) к власти. Парадокс состоит в том, что

человек находится во власти мотивов.

Пятая группа (символическая)

Понятие власти коннотирует:

а) с превращением сигнала в знак[144];

б) с обозначением сущностей и утверждением их существования (превращением в символы)[145];

в) с осуществлением операции замещения — формированием знакового поля (при этом не вопрос его удержания обсуждается) [146];

г) с самостоятельно существующим обобщением (абстракцией) — например, власть может сравниваться с деньгами[147];

д) с кодом коммуникации[148];

е) с обозначиванием и институционализацией[149].

К понятию государства

> *Если живешь в государстве, надобно либо его беречь, либо уж уезжать — иначе получается паразитизм и лакейские пересуды (…) Есть и третья возможность (…) — несправедливое государство можно разрушить и построить взамен его другое.*
>
> *Борис Акунин. «Турецкий гамбит» (1)*

ПОСКОЛЬКУ ГОСУДАРСТВО является одной из форм власти, которая возникла и оформилась как одна из первых ее инстанций[150], ему приписывали и приписывают гораздо большее значение, чем оно в реальности имеет. Этот эффект интересно описан Арнольдом Тойнби в его работе «Постижение истории» (2). Тойнби рассматривает следующий парадокс: с возникновением государства его граждане склонны считать его вечным и абсолютным, хотя, с точки зрения стороннего наблюдателя, в историческом времени государства изменчивы и могут довольно быстро разрушаться.

В связи с этим распространен следующий стереотип: считается, что именно государство олицетворяет власть. Парадокс состоит в том, что давно известно: наряду с государством существуют другие инстанции власти, например — духовная власть, богатство, правосудие и пр. Тем не менее власть отождествляется с государством.

Такого рода стереотипы очень мешают выделить основания, на которых строится государственная власть. Другим моментом, затрудняющим понимание устройства государственной власти, является то, что тема государства, его устройства, происхождения и сущности самого понятия очень часто становилась предметом всевозможных исследований в различных дисциплинах. Одно перечисление всех пониманий этого термина в рамках данного текста трудноосуществимо.

Тем не менее, по мере того, как люди все лучше понимают природу власти, оказывается, что государственная власть устроена довольно просто и связана с тремя базовыми функциями.

Первой функцией, которую выполняет государство, является

поддержание общей жизни людей, проживающих на данной территории, вне зависимости от их родовых, племенных, социальных, культурных и прочих отношений. В связи с этим власть государства со времен одного из сильнейших государств — Римской империи — базировалась на инфраструктурах[151], общих законах, общей письменности, общей культуре[152]. В этом смысле поддержание и воспроизводство жизни в принципе на той территории, на которую распространяется суверенитет[153] государства, является основной функцией для государства.

Второй момент, на котором держится государственная власть, касается способа, за счет которого государство обеспечивает поддержание и воспроизводство жизни людей. Здесь этот способ будет называться процедурой унификации и классификации граждан государства. Этот момент был довольно подробно описан Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (3). Автор иллюстрирует его на примере возникновения Афинского государства. Появление государства на базе различных родоплеменных сообществ, живших по соседству и ранее осуществлявших самостоятельное управление своими делами[154], Энгельс связывает с учреждением в Афинах центрального правления, которое ввело *общую идентификацию* для всех людей вне зависимости от принадлежности их к тому или иному племени, роду или фратрии. Тем самым возникает определение афинского гражданина, который имеет одинаковые права вне зависимости от того, на территории какого племени или фратрии он проживает и к какому племени или роду он принадлежит по происхождению. Также государство вводит новую *классификацию* своих граждан. К примеру, в Афинском государстве центральное правление вводит разделение на три класса: эвпатриды (благородные), геоморы (земледельцы) и демиурги (ремесленники). Соответственно этим «классам» государство определяет систему их взаимоотношений (распределение прав, привилегий, обязанностей и пр.). Эти отношения отделены от родовых и племенных структур и унифицированы среди всех граждан Афинского государства.

Следует отметить, что государство осуществляет процедуру унификации и классификации граждан, а также создание и введение новой системы их взаимоотношений только по отношению к определенным сферам их жизни. Наиболее традиционными для государства являются следующие сферы:

♦ ведение войн и отношения с народами, находящимися за пределами государства;

♦ регулирование части хозяйственных отношений; введение

общей денежной системы, налогообложения, некоторых правил ведения торговли и других хозяйственных операций;

♦ выполнение общих работ, важных с точки зрения выживания всех подданных государства (возведение городской стены, ирригационные системы, дороги, пр.);

♦ и, как уже говорилось, введение гражданства, возможностей и обязанностей гражданина, а также законов.

Третья сфера, за которую отвечает государственная власть, — это *введение правил определения суверена* (то есть правителя или государя), а также правил его правления и смены (раньше чаще всего — по случаю смерти, сегодня — по истечении срока). В частности, Гоббс в своей книге «Левиафан» (4) подробно обсуждает понятие суверена, которому люди жертвуют часть своих прав и свобод и который правит ими. При этом государство должно определить, как и в каких случаях существующий порядок может изменяться. В этом смысле определение, кто и в каких случаях может стать сувереном, связано напрямую с функциями государства, поскольку суверен — это и есть тот, кто меняет всеобщий порядок жизни в зависимости от высших интересов[155].

Помимо этих трех функций, которые несет государство, важен также дополнительный принцип фиксации порядка, удерживаемого государством на внешних носителях[156]. Процедура унификации и классификации граждан, а также правила определения суверена должны осуществляться одинаково и вне зависимости от обстоятельств, связанных с социальными, личностными, родовыми и прочими отношениями. Поэтому государству важно их формализовать и зафиксировать, чтобы они могли осуществляться вне структур непосредственной коммуникации. По-видимому, именно поэтому некоторые историки связывают появление первых государств с возникновением письменности (например, клинописи). Так, возникновение первых государств на территории Междуречья[157] связывается не только с ведением войн и выполнением общих ирригационных работ, но и с появлением у шумеров письменности[158]. Одним из наиболее ярких проявлений возникшей государственности, по мнению историков, является свод законов Хаммурапи. В случае если установленный порядок унификации и классификации граждан и определение правителя воспроизводится, собственно, и возникает государство.

Противоположным примером может служить монголо-татарская Орда, где введенный порядок не стал воспроизводиться в течение достаточно длительного времени — и государства не возникло.

Государство и власть

ГОСУДАРСТВО ЯВЛЯЕТСЯ не единственной инстанцией власти. Работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса, теоретиков анархизма[159], либерализма и других исследователей демонстрируют границы государственной власти. Эти работы важны, поскольку они развеивают многие иллюзии абсолютности, верховности и единственности государства, которые довольно широко распространены.

К примеру, в работах Маркса и Ленина государство рассматривается как инструмент эксплуатации одного класса другим: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» (5). В работах анархистов государство выступает как необязательная, ненужная структура, отжившая свой срок. Ей противопоставляется, к примеру, идея спонтанной самоорганизации одинаково подготовленных людей и самостоятельного решения ими своих проблем. Либеральная концепция представляет государство в роли «ночного сторожа», чье вмешательство в экономическую жизнь строго ограничено, и в этом смысле государство выполняет сервисную функцию.

Маркс, анализируя понятие государства и выделяя описанные выше функции, присущие государственной власти, предрекал гибель государства по мере распространения в обществе свобод. Один из тезисов, которые стремился провести Маркс, состоит в том, что все более свободное общество будет все меньше нуждаться в государственной власти. Сегодня это квалифицируется скорее как заблуждение, поскольку вместо исчезновения государства происходят совсем другие процессы.

Базовые структуры, присущие государству — они были описаны выше, — выделяются в самостоятельные механизмы, а само государство уже не совпадает с властью как таковой. В этом смысле государство все больше превращается в одну достаточно заурядную инстанцию власти, не тотальную и не господствующую над остальными.

Распространенные понимания государства

СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ, что исторически понятие государства несколько раз довольно сильно трансформировалось. Поэтому мы можем выделить наиболее распространенные понимания государства. Одним из них является понятие государства как определенного типа организации общества (например, как общества политически организованного).

В понятии государства чаще всего выделяют следующие моменты:

♦ **Суверенитет**[160] (независимость, верховность, абсолютность). В данной книге понятие суверенитета в отношении государства мы будем применять в том смысле, что государственная власть должна быть инстанцией отдельной и независимой от иных инстанций власти.

♦ **Политичность** (государство как политическое образование). Это связано с тем, что государство за счет выполнения описанных выше процедур придает гражданам, территории, народу (нескольким народам) новую идентификацию. В результате государство становится той формой, которая создает целостность народа (группы народов), культуры, языка и территории, и через эту форму целое взаимодействует с другими государствами и народами. Также в понятие политического включают публичность и «зримость действий» государственной власти.

♦ **Право.** Европейские исследователи и теоретики государства[161] часто подчеркивают, что государство держится на определенной конструкции права и фиксирует определенный правопорядок. Тем не менее, существует немало примеров неправовых государств, в которых государство с описанными выше функциями присутствует, но права в его европейском понимании нет (Китай, Индия и др.).

♦ **Формализация процедур и закрепление их на внешних носителях** также важно для государства. Часто государство ассоциируется с довольно сложным бюрократическим аппаратом, функционирование которого строится на формальных процедурах. В случае, если формальность теряется, возникают негативные эффекты ослабления государственной власти, к примеру, коррупция.

♦ **Институционализация государства** важна с точки зрения его воспроизводства в историческом времени в течение долгого периода в неизменном состоянии.

К понятию народа

НАРОД (м.) — люд, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдье, низшие, податные сословия; множество людей, толпа.

Толковый словарь Владимира Даля

В БЫТОВОМ СМЫСЛЕ слово «народ» очень многозначно (это отражено и в приведенной словарной статье). Этимологически народ — это то, что нарождается само собой. По-видимому, именно с тем, что понятие народа обладает устойчивыми коннотациями естественного характера, связан тот факт, что «народ» до сих пор воспринимается как нечто, существующее само по себе, недоступное влиянию — и, наоборот, являющееся выразителем Божьей воли и подлинного знания («Царь думает, а народ ведает»; «Глас народа — глас Божий»).

Если же говорить о понятии народа в строгом смысле, то различные области знания и практики по-разному трактуют и называют «совокупность людей, живущих на некоторой территории»: для демографии это население, для этнографии или культурологии — народность, национальность или этнос, для политологии — электорат. По отношению к государству[162] люди, живущие в нем, являются гражданами.

Понятие народа принадлежит традиционно области конституционного права и обозначает совокупность физических лиц, подчиненных субъекту верховной власти. Таким образом, даже в юридическом смысле народ, прежде всего, соотносится с властью[163].

Сами эти отношения могут быть различными (так, в приведенной цитате речь идет о самодержавной власти; при демократическом[164] устройстве власти народ является одной из инстанций власти), однако неизменным остается существование понятия народа в действительности власти, объединение общества в народ при посредстве субъекта верховной власти[165].

Условия восстановления народа

Сегодня устойчивое и естественное состояние власти и народа является исключением, а не правилом (и существует оно только в тех обществах, которые не вовлечены в «мировую игру»). Поэтому, обсуждая понятие народа, необходимо фиксировать условия, при которых народ всякий раз может восстанавливаться. При этом восстановление, воспроизводство народа является делом власти.

Эти условия таковы:

♦ Народ не нарождается сам собой даже в демографическом смысле (естественные структуры воспроизводства нарушены), поэтому формированием своего народа занимается власть. При этом власть работает и с материальными параметрами, способствующими росту народонаселения (хозяйственный рост, здравоохранение, экология), и с такими нематериальными вещами, как задание перспективы, работа с социальной стратификацией, с самосознанием. Кроме того, народ пополняется за счет миграции, поэтому эти потоки также организует власть, занимаясь адаптацией или ассимиляцией.

♦ Народ формируется по отношению к власти, поэтому существенным условием существования народа является признание им легитимности[166] существующей власти. Поскольку вопросы легитимности власти являются сегодня предметами игры и проблематизации (так, признание некоторого правления недемократичным снижает его легитимность в глазах части населения — соответственно, «народ» теряется), постоянное восстановление собственной легитимности также является задачей власти.

♦ Народ поддерживает и «хранит» определенные базисные трансценденции[167], идеальные формы; эти трансценденции являются его ценностями. Так, для американского народа безусловной ценностью является, по-видимому, свобода, для немецкого — порядок, для российского — справедливость и осмысленность общей жизни. Власть должна работать с этими базисными трансценденциями, постоянно восстанавливать их — это является условием воспроизводства народа (а в случае миграционных процессов — условием включения новоприбывших граждан в народ).

Если принципы организации власти не будут соответствовать этим трансценденциям, то власть в глазах народа потеряет легитимность. Поэтому власть дает проявляться этим базисным ценностям, фиксирует их, целенаправленно с ними работает. Именно эти трансценденции лежат в основе народного духа. Работа с ним является мощнейшим ресурсом общественного и

хозяйственного развития.

♦ Народ — необходимое условие власти, однако и самое проблематичное. Это связано с тем, что народ — «молчаливая» и противоречивая инстанция, «мнение народное» проявляется, как правило, негативно — в пассивном сопротивлении власти, в том, что, несмотря на все решения и изменения, жизнь народа течет по-своему. Поэтому власть сегодня, во-первых, стремится проявить народное мнение, например, способствуя формированию элиты[168], которая и озвучивает «глас народа», а во-вторых — способствует становлению демократии, которая в самых разнообразных формах обеспечивает участие народа в формировании композиции власти.

♦ Сегодня власть строится как множественная: существует ряд независимых и суверенных инстанций власти. Соответственно по отношению к каждой инстанции власти можно говорить о совокупности «народов», каждый из которых признает преимущественную легитимность «своей» инстанции (верующие и воцерковленные люди являются «народом» для религиозной инстанции, люди, участвующие в экономических отношениях, являются «народом» для власти богатства). Часть населения на территории может признавать легитимность той инстанции власти, которая не представлена в существующей композиции (китайцы на территории сегодняшней России, этнические русские в Латвии), — эта часть также образует свой «народ». Таким образом, еще одно условие восстановления народа — это обеспечение его множественного существования, поддерживающего общую легитимность.

При этом базисные трансценденции народа остаются едиными (именно они воссоздают единство власти) и только по-разному проявляются в специфических ценностях каждого из «народов».

Современная ситуация в России в отношении народа

Перечисленные пункты являются условиями существования и воспроизводства современных народов. Важно также понимать, что народы сегодня включены в игру мировых сил, они являются тем ресурсом стран, за который идет постоянная борьба. Однако власть в России вообще не осмысляет российское население как народ. Ни одно из перечисленных условий не выполняется (см. часть I). Власти рассчитывают на естественный прирост народа, не работают с восстановлением собственной легитимности в глазах народа путем работы с базисными трансценденциями, не проявляют народное мнение с помощью специфических форм демократии.

Политики, политтехнологи и эксперты осмысляют народ как электорат, как население, как группы населения в структуре собеса (пенсионеры, инвалиды, военные). Народность (то есть те свойства живущих в России людей, которые превращают их в народ) не формируется. Кроме того, сегодня существует угроза потери народа — это показали украинские и киргизские события (см. часть II). Однако эта угроза не понимается потому, что нынешние правящие слои вообще нечувствительны к нематериальным угрозам.

Сегодня работает «демотехника» — техника работы с народом, создания народа или «увода» народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится. Выбирается определенная прослойка населения, ориентированная на иной тип ценностей, на иной стиль жизни и будущее, которые существующие власти не поддерживают, и она оформляется как «народ». При этом действующие власти не фиксируют, что имеют дело уже с другим народом, не признающим их власти. А поскольку власти называют себя демократическими, они не могут противостоять «народу». Таким образом, здесь происходит игра с понятием «народ»: при создании такого «народа» он понимается как «народ одной из инстанций власти», а при соотнесении с понятием демократии — как весь народ всей композиции власти.

Противостоять этому можно только созданием другого народа (а не фальшивых «движений», созданных политтехнологами), который защищал бы иные ценности и выдвигал иные требования. Только если между этими народами возникает напряжение, а может быть — даже и столкновение, власть оказывается необходимой.

Кроме того, народ в России сегодня не оформляет своей позиции, не идет на диалог с властью и другими игроками. Разрозненное население выступает либо разрушительной бунтарской силой, либо силой, тормозящей любые инициативы «сверху». В то же время потенциал народа не включается как ресурс в развитие страны. Далее, «народ» в России устроен резко неоднородно. Это проявляется и в различных ценностях, и в различном достатке, и в самоопределении по отношению к власти, и в признании легитимными различных инстанций власти. В связи с этим проблема формирования современной многоинстанционной и демократической власти становится еще более значимой.

К понятию трансценденции власти

История понятия трансценденции

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ «трансценденция» («трансцензус», «трансцендирование») означает переход через границу: «транс» — переход, «ценз» — граница (как и в слове «ценз», «цензура»). В широком смысле это означает выход чего-либо за собственные пределы; переход из области посюстороннего в область потустороннего (трансцендентного), отнесение к неподвластному, идеальному, безусловному — к тому, что находится в другом мире.

Поэтому основной схемой для появления понятия трансцендирования является схема двух миров — мира вещей и мира идей, — впервые появляющаяся у Платона. В этих двух мирах существуют разнокачественные сущности. Прямой перенос этих сущностей невозможен, необходимо специальное «действие» или «операция» — трансцензус, — чтобы от вещей перейти к идеям. Само существо этой операции для разных мыслителей и исторических периодов было различным (для Платона — мудрость, для

Бэкона — индукция, для философов жизни — любовь, для схоластической традиции — откровение), однако определенное усилие для перехода в иное качество признавалось обязательным.

В схоластической традиции трансцензус был связан с постижением «надлунного», божественного мира. Однако для этой традиции обсуждение темы трансцендирования не было актуальным, поскольку последнее признавалось не человеческим делом, но явлением, недоступным для человека. Для трансцендирования строились исключительно мыслительные конструкции.

С развитием инженерного мышления, то есть с XVIII века, представление о неизменных сущностях, регулирующих существование земных вещей, начало активно размываться. В связи с этим понятие трансценденции начало обсуждаться, с одной стороны, как одна из операций интеллекта, а с другой — как возможное, хотя и исключительное, человеческое действие. Так, в экзистенциализме само существование трактуется как нечто соотнесенное с трансценденцией, то есть с выходом за собственные пределы (мыслители данного направления обсуждали этот вопрос в первую очередь по отношению к человеку). Это означает, что мир, в котором живет и действует

человек — мир культуры, социума, деятельности, — не может существовать «спокойно»: все, что существует в нем, существует только за счет постоянного соотнесения с трансцендентным образчиком, за счет постоянной «подпитки» из иного мира, недоступного для человеческого действия. Это выражается в понятии «направленности-на», интенциональности существования любой вещи.

Следовательно, сегодня, когда область человеческого освоения охватывает все большее количество сфер, которые раньше считались безусловно существующими и незыблемыми, оказывается, что понятие трансценденции является чрезвычайно значимым для любых практик, имеющих дело с реализацией замыслов, их осуществлением — прежде всего для власти. Трансцензус сегодня является не умозрительной и теоретической конструкцией, а техническим действием по построению точек безусловности, к которым люди будут относиться как к незыблемым и которые будут придавать существование сформированному порядку

Понятие трансценденции и понятие власти

В ЭТОМ СМЫСЛЕ понятие трансценденции сегодня напрямую соотносится с понятием власти. Пояснить это простейшим образом можно так: власть в обмен на то, что люди живут в сформированном ею порядке, предоставляет им безопасность, транспортные системы, возможность жить в истории, живя в государстве, и т. д.

Но здесь перечислены вещи, несоизмеримые с отдельным человеком. Следовательно, власть осуществляет обмен через трансцензус. Человек отдает вещи земные (деньги, труд), а получает — трансцендентальные («божественные»): защиту, жизнь, благополучие.

В принципе подобные вещи человек получает от Бога, который не требует ничего взамен (кроме внутреннего послушания). Но власть, земная замена Бога, требует что-то от человека. В этом смысле вопрос о технологии и организации власти — это вопрос об организации трансцендентального обмена, о той или иной предметизации трансцендентального отношения (несравнимые вещи оказываются взаимообмениваемыми).

Порядок устанавливается не только властью: он может устанавливаться (и устанавливается) социальной жизнью, культурой[169] и иными схемами. Но власть, как мы уже сказали, использует для этого специфическое средство: власть удерживает

порядок жизни за счет *трансцендирования,* то есть соотнесения жизненных, каждый раз уникальных ситуаций с некоторым образцом, находящимся в ином времени и в ином пространстве: с законом, с государством, с историей и пр.

Так, в этом смысле проект власти Нового времени Канта[170] — это был проект, центрирующийся на трансценденции. Фактически, абсолютный разум строит единое разумное государство, усиливая природные свойства людей и включая их в общий разумный порядок, а организация жизни людей при этом резко упрощается: теперь человек может жить индивидуальной жизнью. Общий порядок задается такой трансценденцией, как всеобщий разум.

Таким образом, власть состоит, в числе прочего, и в том, что она осваивает способы трансцендирования, позволяющие удержать созданный порядок жизни и вызванные к существованию сущности. При этом каждая новая инстанция власти[171] строит свою новую трансценденцию: для государственной власти это государство и его история, одинаковость процедур на всей территории, для власти церкви — божественные трансценденции, для прессы — всеобщая свободная и объективная информированность и формирование смыслов и т. п. Данная инстанция власти этот порядок, эту идею подвергнуть сомнению не может.

Чтобы состоялось возникновение инстанции власти, необходимо построить новый тип порядка (то есть зафиксировать некоторую идеальную конструкцию, которая должна задать трансцендентные основания нового порядка[172]), задать новую систему символов, которая, в свою очередь, задаст переходы между идеальным порядком и материальными и социальными вещами (так происходит переорганизация символического пространства) и новую различительность (язык), которая позволит производить новую социальную структурацию и «видеть» иные вещи, нежели те, что были видны ранее. Кроме того, данная трансценденция должна быть безусловно принята всеми. Она для некоторой части народа становится ценностью, которой люди следуют в социальной жизни.

Таким образом, каждая инстанция власти фиксирует определенный тип трансценденции, который превращает сначала в социальные ценности, а потом и в принципы взаимодействия людей или иных общественных единиц.

В каждой стране трансценденции власти должны соответствовать базисным ожиданиям народа.

Реализации трансценденций власти

ДЛЯ НАС в этой книге понятие трансценденции очень важно в смысле приставки «транс-» (именно потому мы не употребляем слово «идеальное» или другие аналоги). «Трансценденция» фиксирует переход, перенос, скачок через границу. «Транс» — прокол или проход в принципиально иное пространство.

В этом смысле трансценденции власти всегда строятся как недоступные для сознания людей, и люди это принимают. Так, в России народ для себя принимает, что есть некая высшая правда, что у государства есть высшие интересы, которые невозможно понять, но которым нужно следовать для того, чтобы общая жизнь продолжалась и был порядок.

Даже само понятие порядка в этом смысле тоже трансцендирует сознание от имеющегося порядка ко всеобщему, то есть фиксирует запредельность в сознании.

При этом возникают примерно такие конструкции сознания.

«Демократия, может быть, не лучший способ правления, но лучше ее нет, и поэтому нам приходится жить с нею», — говорил Черчилль в своем известном высказывании. Иными словами: мы не понимаем, зачем нам демократия, но мы вынуждены это принять, потому что… — и далее следует система обоснований уже относительно частной жизни. Однако сам принцип принятия демократии — запредельный, трансцендентальный.

Так же обстоит дело и с понятием собственности[173]. Собственность отличается от имущества и активов именно с точки зрения трансцендирования. Имущество и активы операционабельны, а относительно собственности есть нечто, чего с ней нельзя ни в коем случае делать. Почему — неизвестно. Рациональных объяснений с точки зрения обыденной жизни нет. Но должна быть такая трансцендентность, как собственность, и по поводу нее должно быть заключено «соглашение».

Еще один очень значимый пример. Зададимся вопросом, зачем нужна Россия. С экономической, культурной точки зрения, с точки зрения роста благосостояния смысла существования такой территории, удерживаемой одним народом, смысла сосуществования других многочисленных народов нет. Рационально необходимость России объяснена быть не может[174]. А смысл трансценденции власти состоит в том, что мы принимаем, что Россия есть, зачем она нужна — никто не знает, объяснить этого никто не может, но мы русские — и тем самым есть Россия.

Так же обстоит дело и с такой трансценденцией, как богатство: это не сумма денег, это некое качественно другое состояние, которое можно фиксировать как источник возможностей, источник свободы, источник благосостояния всех

(богатство страны). То есть количество денег в какой-то момент переходит в специфическую трансценденцию богатства, которая означает не «много денег», а могущество, власть, свободу[175], качество жизни, возможности.

В условиях войны трансцендентальным является общее решение защитить свою родину. Рационально этого не объяснить. Может быть, лучше сдаться захватчикам, как это сделали некоторые маленькие европейские страны в последнюю войну, и сохранить все свое богатство? Но сдать, например, Ленинград или Сталинград для советских людей было немыслимо.

Эти точки мы и называем «трансценденциями власти» — когда удается преодолеть качественную границу, сделать качественный скачок, и когда люди соглашаются, что за этим есть нечто, для нас недоступное, доступное только власти, но мы все соглашаемся с тем, что это действительно необходимо и деваться от этого некуда. Тогда при любых обстоятельствах все люди будут этого придерживаться: подчинять свою жизнь принципам свободы, демократии, защиты родины, справедливости, православия, народности и так далее. Тогда становится возможным совместная общественная жизнь.

Таким образом, эти и подобные точки трансцендирования должны очень четко улавливаться властью. Собственно, на них строится та или иная инстанция власти. Для власти трансценденции — это не заумное теоретизирование, а вещь совершенно необходимая. Люди, которые не понимают этого, не могут быть людьми власти. Власть — вещь не рациональная, но трансцендирующая.

Это особенно важно сегодня еще и потому, что в связи с тенденцией артефикации многие вещи сегодня строятся технически, искусственно. При этом тем более возникает нужда и необходимость в переходе за границы рационализма. Если этот переход не сделан, то все становится относительным, плывет. Если же такие точки расставлены, то пространство порядка и возможности ориентации удерживаются. При этом возникает парадокс: сегодня различные трансценденции становится возможным формировать, но сформировать ту или иную трансценденцию — это значит задать ей качественно новое, недоступное даже для самой власти существование. После того, как трансценденция сформирована, власть может (и должна) лишь использовать ее в качестве одной из опор порядка.

К понятию суверенитета

В НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННОМ понимании слово «суверенитет» означает такое состояние, когда кто-то может осуществлять действия вне зависимости от внешних обстоятельств и мнений других людей или государств (в переводе с фр. souverain — высший, верховный).

Наиболее часто слово «суверенитет» употребляют в политическом смысле. В данном случае значения таких понятий, как «суверен», «верховная власть», «верховный правитель», оказываются довольно схожими. К примеру, в данном смысле понятие «суверен» довольно подробно обсуждает Томас Гоббс в своей работе «Левиафан» (1).

Принцип суверенитета закреплен в Конституции, в которой это понятие употребляется примерно в том же смысле: «государственный суверенитет — это верховенство государственной власти на территории страны; проецированный на международную сферу, он означает, что государство само определяет, какими будут его отношения с другими государствами, а последние не вправе вмешиваться в его внутренние дела» (2). Помимо этого в Конституции различается национальный и государственный суверенитет. Смысл такого различения состоит в том, кто или что является носителем и источником суверенитета: в одном случае это народ, а в другом — государственная власть.

Многие исследователи уделяют большое внимание проблеме абсолютного суверенитета. Практически все фиксируют, что абсолютного суверенитета быть не может. Во-первых, ограничением суверенитета является наличие суверенитетов других; к примеру, суверенитет того или иного государства «находится в определенных отношениях с другими основополагающими, общепризнанными принципами международного и конституционного права» (2). Во-вторых, на том же примере государственного суверенитета можно заметить все большее развитие и усиление различных трансгосударственных, транснациональных организаций (ООН, Евросоюз, ВТО и др.), что ведет к тому, что границы суверенитета отдельного государства все четче фиксируются и определяются, в том числе в рамках договорных отношений. Современное государство во многом отказывается от части суверенитета в пользу тех или иных выгод.

В этом смысле понятие суверенитета употребляют, имея в виду наличие определенных зон, в которых суверенитет

присутствует. Границы этих зон часто фиксируются определенной системой прав. В этом смысле понятие суверенитета довольно сильно связано с понятием права.

Резюмируя все это, можно сделать вывод относительно того, как мы понимаем суверенитет в данной книге.

Во-первых, суверенитет предполагает возможность действия, распоряжения, владения чем-то вне зависимости от внешних обстоятельств, правил, норм и пр. В этом смысле суверенность означает произвол (от слова «воля»): к примеру, если мы говорим о суверенитете человека, то подразумеваем, что человек может осуществлять действия по отношению к себе, своей собственности и прочему, не сообразуясь с действиями других[176].

Во-вторых, суверенитет распространяется в пределах определенной зоны, в которой суверенные действия могут быть осуществлены. Чаще всего границы таких зон суверенности фиксируются системой прав и свобод, норм, правил, соглашений и прочих конструкций подобного рода.

Суверенитет и власть

НЕСМОТРЯ НА ТО, что словосочетание «суверенная власть» довольно распространено, с нашей точки зрения, оно является по большей части тавтологией. То понятие власти, которое используется в данной книге, уже само по себе предполагает свою суверенность. В противном случае власть, потерявшая суверенность, превращается в одну из частных функций, — к примеру, в управление. Таким примером могут являться власти в странах с «марионеточными правительствами», когда властные решения принимаются одним или несколькими внешними игроками. В этом смысле такие правительства действуют исключительно в рамках навязанной кем-то политики и отвечают скорее за ее проведение в данной стране, но сами не имеют возможности определять курс и политику своей страны.

Сегодня мы должны говорить о власти, представленной композицией разных инстанций власти, каждая из которых обладает своим собственным суверенитетом, связанным с ее собственной системой трансценденций. Это означает, что каждая из властных инстанций не обладает абсолютным суверенитетом и вынуждена строить соглашение и взаимодействие с другими инстанциями власти. Государство как одна из инстанций власти также не обладает абсолютным суверенитетом, поскольку вынуждено взаимодействовать с другими инстанциями: парламентом, СМИ, судебной системой, духовной властью, а также другими государствами и организациями в рамках системы

договоров. Абсолютным суверенитетом, да и то с многочисленными оговорками, в современном мире обладает только вся композиция инстанций власти целиком.

Суверенитет, таким образом, возникает вместе с инстанцией власти: если последняя получает свое существование, то она обладает суверенитетом. Формирование особой инстанции власти требует трансцендентального оформления исключительного ресурса, «создания» народа и элиты, соответствующих присутственных мест и — не в последнюю очередь — установления своей зоны суверенности при формировании общего порядка.

К понятию инстанции власти

ИНСТАНЦИЯ (лат.) — степень, в значении низшего, среднего или высшего места суда или расправы.

Толковый словарь Владимира Даля

В АДМИНИСТРАТИВНОЙ действительности инстанцией называют тот или иной уровень бюрократической иерархии, обладающие определенным объемом полномочий и задач; как правило, он рассматривается относительно данного уровня полномочий (высшая или низшая инстанция). Такое же понимание сложилось и в юриспруденции: судебная система страны устроена инстанционным образом. В философии же термин «инстанция» используется для обозначения сосредоточения функций без конкретизации его материального воплощения (мыслительная инстанция — все равно, кто или что мыслит; понимающая инстанция — «сгусток» функции понимания).

Понятие власти и понятие инстанции

В ЭТОЙ КНИГЕ вводится понятие инстанции власти, обозначающее ту или иную конкретизацию способа или формы реализации власти (властной воли) и одновременно — особой формы организации воспроизводства жизни людей. То, что это понятие вообще используется, предполагает наличие вполне определенного понятияя власти[177].

Предполагается, что власть, организующая жизнь в определенный воспроизводящийся порядок, и жизнь[178], которой присуща избыточность и спонтанность, находятся в перманентном противостоянии. Жизнь раз за разом является источником появления новых ситуативных конструкций, которые проблематизируют уже существующий порядок воспроизводства, опирающийся на сформированные институты власти (которые в стабильных условиях постепенно превращаются в культурные формы[179]). Возникают угрозы воспроизводства жизни, и появляется совершенно новый тип власти, который, в свою очередь, задает новый тип порядка, снимающий проблемы[180]. Такой появившийся в результате некоторого «онтологического скачка» тип власти и будет называться (новой) инстанцией

власти, не совпадающей с прежними формами власти.

В качестве исторических примеров подобного развития событий можно привести создание первых государств, оказавшихся более эффективными по сравнению с племенной формой жизни[181]. Это случилось в силу формирования новой — государственной — инстанции власти, основанной на применении одинаковых процедур к своим гражданам (подданным). Далее, развитие денег и капитала, которое оказалось невозможным ассимилировать в рамках сословного общества и республиканской или монархической формы правления (так как общественные проблемы множились и нарастали), также привело к созданию новой инстанции власти — богатства. Уплотнение событийной ткани жизни — невозможность ориентироваться в происходящем в городе, стране и мире при помощи писем, булл, королевских посланий или изустной передачи новостей, — привело к формированию такой инстанции власти, как средства массовой информации.

Таким образом, согласно используемому понятию власти, она реализуется скачкообразно (катастрофически), а не эволюционно. Можно сказать, что власть не имеет истории, поскольку никакой исторической логики в формировании новых инстанций власти нет. Сложившиеся формы власти отправляются регулярно с использованием социальных и культурных механизмов, а новые инстанции власти появляются спонтанно.

Понятие инстанции власти

ТАКИМ ОБРАЗОМ, все известные конструкции (или композиции — см. ниже) власти с самого начала строились как состоящие из нескольких инстанций (типов власти), каждая из которых формирует свою собственную ценность и исключительность, которые недоступны другим инстанциям. Появление новых инстанций власти вынуждает каждый раз строить заново композицию власти, перераспределять влияние, устанавливать правила взаимодействия между инстанциями.

Соответственно, в данной книге власть понимается как сложное образование, образованное несколькими инстанциями. Каждая инстанция:

♦ суверенна[182] внутри себя;

♦ обладает исключительным ресурсом;

♦ формирует свою трансцендентность[183], перед которой все равны (поскольку она недоступна для манипулирования);

♦ создает свой тип порядка, регулирующийся данной трансценденцией;

♦ формирует свой «народ»[184] и соответствующую элиту[185]; © имеет свои присутственные места[186].

При формировании инстанций власти то, что оформляется в качестве эксклюзивного (исключительного) ресурса, соотносится с трансценденцией. Каждая инстанция власти строит (восстанавливает, воспроизводит) определенную трансценденцию, то есть — некоторый идеальный порядок (порядок в идеальной действительности). Этот порядок (идею порядка) данная инстанция власти не может поставить под сомнение: он для нее — безусловный. Для разных инстанций власти существует своя трансценденция: идея права — для судебной власти, связь с Богом — для религиозной, объективная информация и формирование смыслов — для СМИ. Для государства трансценденцией и безусловностью является всеобщий порядок и одинаковость процедур на всей территории. Поскольку трансценденция является недоступной для действия, перед ней все равны (все равны перед государственным порядком, законом, Богом, деньгами).

Для некоторой части народа эти идеи становятся ценностями, которым они следуют в жизни и с точки зрения которых судят то, что происходит в стране; эти ценности связаны со способом жизни этих людей. (Например, для бизнеса свобода не есть теоретическая конструкция[187]). Итак, каждая инстанция власти задает свой тип трансценденции, который превращается сначала в социальные ценности, а потом и в принципы взаимодействия людей.

Далее, всякая инстанция власти имеет свои «присутственные места» для того, чтобы реализовать свой порядок и отправлять власть. Именно так народ соприкасается с властью. Всякая инстанция власти оформляется в обществе как особый институт (однако обратного соотношения нет: по крайней мере, некоторые институты связаны с властью только опосредованно)[188].

Вопросы ценностных приоритетов и принципов взаимодействия между инстанциями регулируются соглашениями — гласными и негласными — и стереотипами относительно того, до какой степени какая инстанция власти может реализовывать свой порядок и упорядочивать жизнь (которая, как отмечено выше, всегда старается выйти за границы любого порядка). Эти соглашения также регулируют принципы взаимоотношений между самими инстанциями власти и основными трансценденциями.

Инстанции власти в России

ИСТОРИЧЕСКИ Шарль де Монтескье (1) был, скорее всего, первым, кто зафиксировал этот принцип нескольких несводимых друг к другу инстанций власти. Однако речь у Монтескье идет не о «разделении властей» — не о том, как будто бы одну власть в организационном плане разделили на несколько частей (при этом неявно предполагается, что корень власти все равно один). Монтескье утверждает, что существует несколько отдельных инстанций власти, каждая из которых обладает эксклюзивным ресурсом, и этим инстанциям приходится между собой договариваться.

В России этот принцип непонятен и еще практически ни разу не был реализован. Здесь очень трудно представить себе, как могут сосуществовать две или более инстанций власти, каждая из которых обладает своим исключительным ресурсом и трансценденцией. Однако именно в такой ситуации возникает реальная демократия[189]. В условиях существования нескольких инстанций власти увеличивается степень свободы для общества и человека, возникает возможность апеллировать к разным инстанциям в поисках более справедливых условий и форм жизни.

При этом существует процедурная проблема согласования действий властей между собой и их согласования с интересами общества и человека. Различные инстанции власти в результате борьбы за пределы собственного влияния и за границы суверенности в конце концов достигают компромисса или выстраивают организационно-процедурную конструкцию, на которую мы будем ссылаться как на определенную композицию власти. Если в выстраивании такой композиции участвует народ, то можно говорить о демократическом типе устройства власти.

С точки зрения введенного понятия, государство — только одна из инстанций власти, обладающая вполне определенным исключительным ресурсом (всеобщий порядок и одинаковость процедур на всей территории) и не подменяющая собой иные инстанции. Отношение к государству как к единственно возможной власти, которое накладывается на стремление государства создать моно-центрическую конструкцию, создает ту ситуацию ослабления жизни, угнетения политики, выхолащивания демократии, которую мы видим сегодня в России.

Однако основной принцип современных властных технологий — противоположный: количество инстанций власти должно не уменьшаться и угнетаться, а, наоборот, увеличиваться со скоростью, превышающей скорость усложнения общества. В этом случае власть создает пространство, где люди могут ориентироваться и развиваться, где возникают свободы и

демократия, когда народ может принимать участие в достижении соглашения между инстанциями власти.

К понятию собственности

СОБСТВЕННОСТЬ — 1) как экономическая категория представляет собой общественно-производственное отношение по поводу присвоения лицами — индивидуумами и коллективами — предметов природы, естественных и созданных трудом; 2) как юридическая категория означает принадлежность имущества определенным лицам — индивидам или коллективам — на определенных условиях и в определенных формах (право собственности в субъективном смысле). Конституция РФ и ГК РФ признают и гарантируют равноправие следующих форм собственности: государственной (федеральной и субъектов РФ); муниципальной; частной. Конституция РФ допускает также существование иных форм С.; 3) гражданско-правовой институт, представляющий совокупность юридических норм, регулирующих экономические отношения С. методами гражданского права (право собственности в объективном смысле); 4) само имущество, принадлежащее какому-либо субъекту на праве С.

Большой юридический словарь, 2003 г.

ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕХ российских дискуссиях относительно рынка в качестве одного из центральных моментов его становления обсуждается собственность — как необходимое условие возникновения рыночных отношений и рыночной экономики. При этом не поясняется, что же имеется в виду под собственностью. Подразумевается, что все и так это понимают.

Хотя, если проанализировать употребление этого слова, можно выделить несколько основных значений, в которых оно встречается.

♦ Достаточно часто понятие «собственность» используют для обозначения имущества и других материальных объектов.

♦ Также собственность часто понимается как некая ценность — предполагается, что собственность должна быть священна, нерушима, право собственности не должно никем нарушаться.

♦ Третий момент, который часто обсуждается в связи с собственностью, — собственность как институт, система правил, при которых некоторое имущество рассматривается как собственность.

Как видим, трактовок определения «собственность» достаточно много. Поэтому требуется обратиться к понятию «собственность»: что же под этим на самом деле понимается, как собственность функционирует и как это преломляется в условиях России?

Итак, если рассматривать собственность с точки зрения юриспруденции, она означает три вида прав на определенного рода объекты:

1) право владения;

2) право пользования;

3) право распоряжения.

За юридическим определением собственности предполагается следующая конструкция: есть некий объект, по отношению к которому человек, являющийся его собственником, имеет права, которые, как правило, могут быть сведены к трем указанным правомочиям.

Право владения объектом означает, что его владелец — пусть даже незаконно — физически им обладает. Это право приобретается достижением фактической власти над объектом, господства над ним.

Право пользования означает возможность путем эксплуатации объекта извлекать из него полезные свойства, а также получать от него плоды и доходы, так что если в результате использования собственности возникает некоторый прирост, например, приплод у овец, или полученная от производства прибыль, то этот прирост тоже принадлежит собственнику.

Право распоряжения означает, что, находясь в системе взаимодействий с другими людьми, собственник может, никого не спрашивая, оставить объект собственности в наследство, передать другому человеку в пользование, т. е. своими действиями определить юридическую судьбу объекта. Право

распоряжения вещью охватывает и право на ее уничтожение.

Современное понимание собственности

Ограниченная собственность

Проблема такого понимания собственности состоит в том, что оно работает, только пока это касается небольшого объема вещей, вещей частного использования — например, небольшого личного стада, участка земли и т. п., — то есть когда возможно, никого не спрашивая, делать с объектом собственности все, что угодно.

Но в дальнейшем такое четкое и вполне понятное определение собственности начинает сильно изменяться и трансформироваться. Потому что оказывается, что при владении объектами, значимыми для других людей или для общества в целом (владение заводом, который кормит весь город, владение ирригационными системами и т. п.), возникает следующая проблема: бесконтрольное желание собственника может приходить в противоречие с интересами других людей; и тогда собственность в значительной степени начинает ограничиваться.

Например, такая ситуация сложилась во времена правления Наполеона, когда шла война с Англией. Тогда владельцы угольных шахт начали продавать уголь врагу Франции — Англии. И возникла проблема: с одной стороны, власти — как исповедующие право частной собственности — не должны вмешиваться; с другой стороны — это приводит к угрозе для страны в целом.

Поэтому более современные виды собственности уже предполагают ряд обязательств, ограничений и обременений. В качестве примера можно привести США. Там, даже если человек покупает землю в частную собственность, он не может использовать ее таким образом, чтобы это приводило к ухудшению состояния земли. Иначе министерство сельского хозяйства и другие структуры, следящие за использованием земли, могут применить ряд мер, в том числе — отобрать землю и продать ее другим людям, вернув прежнему владельцу деньги.

Другой пример — в сфере сельского хозяйства Швеции: владелец земли не может завещать землю сыну, а сын не может пользоваться этой землей, если он не закончил соответствующее учебное заведение и не является специалистом в сельском хозяйстве. Если сын не получает такого образования, земля продается, а деньги отдаются бывшему собственнику.

Из перечисленных выше примеров видно, что собственность перестает быть непосредственной. Возникают разного рода

опосредованные формы — например, в виде капитала, — которые могут замещать собственность. Вводится внешний — не рыночный — механизм оценки собственности. Например, в условиях национализации и приватизации при продаже имущества цены определяются разными механизмами: при поглощениях и слияниях используется понятие справедливой цены, которая определяется по специальной процедуре.

Собственность можно в некоторых случаях отнять, не давая возможности ею пользоваться, но компенсировав это капиталом. И такого рода операции предусмотрены практически во всех странах с развитой рыночной экономикой, в которых фиксируется, когда и какого рода собственностью нельзя пользоваться, если она затрагивает чужие интересы.

Поэтому время безграничной частной собственности давно прошло, и в современном мире оно относится к небольшому кругу предметов, которые по-прежнему могут находиться в безраздельной собственности.

Private property и several property

Кроме ограничения собственности, в современном мире возникла и другая конструкция, которая впервые появилась в ситуации реализации крупных проектов — таких, как посылка кораблей из Европы в Индию. Тогда корабль покупался и снаряжался в экспедицию в складчину; затем это стало переноситься на другие проекты. И возникла конструкция, заключающаяся в том, что деньги, собирающиеся в складчину для реализации проекта, уже не принадлежат тем лицам, которые их вложили. Для обозначения собственника создается специальное юридическое лицо, которое является собственником и владельцем. А люди, вложившие в проект деньги, становятся пайщиками или акционерами, владеющими определенными правами. И в этом смысле их собственностью являются акции, паи, но не само предприятие и не сами активы, которые принадлежат юридическому лицу.

Это новый шаг в разворачивании понятия «собственность». И в отличие от предыдущего понимания собственности, собственности как private property, этот вид собственности называется several property, что можно перевести как «распределенная, опосредованная собственность», «собственность нескольких».

Однозначный перевод затруднен, поскольку в русскоязычной экономической литературе различные виды собственности недостаточно дифференцированы. Часто several property тоже называют частной собственностью, хотя several property частной

собственностью не является.

В дальнейшем получили развитие публичные компании с очень большим количеством акционеров, где покупка акций происходила, в том числе, с целью перепродажи, получения дивидендов, и не имела отношения к предприятию и его активам, к первичному объекту собственности; появились разного рода финансовые инструменты.

Институт собственности

Собственность начала все больше уходить от объекта и становиться функциональным обозначением. Она начала обозначать не объект, а некоторую организационную структуру, в которой «собственники» имеют те или иные права, обязанности и возможности.

В этом смысле очень показателен финансовый рынок. Владея разного рода финансовыми инструментами — фьючерсами, облигациями, и т. п., — «собственники» этих объектов находятся в полной зависимости от той организационной структуры, в которой финансовые инструменты функционируют, то есть — от организации рынка. Если организация рынка дает сбой, эти объекты сразу же превращаются в ничего не стоящие бумажки или же, наоборот, приобретают бешеный спрос. Поэтому собственность здесь имеет чисто организационный, а не объектный характер.

Это означает, что от объектного понимания собственности в странах с развитой рыночной экономикой уже давно ушли, и проблема собственности стала организационной проблемой. Теперь собственность и ее наличие зависит от выполнения участниками контрактов, от выполнения системы договоров, от общей организации рынка, от стабильности власти и от типа культуры — корпоративной, экономической и т. д.

В связи с этим начинает обсуждаться такое понятие, как «институт собственности», то есть — закрепленность в культуре, процедурах, в сознании людей определенных операций и способов использования тех или иных объектов.

Еще большую проблему представляет собой ситуация, в которой объекты собственности начинают создаваться, меняться по ходу своей жизни. Хороший пример — интеллектуальная собственность. Она фиксируется не в объектах, а в правах. Интеллектуальная собственность может устаревать, искажаться, портиться, будучи переданной другому, терять ценность при опубликовании. Проблема собственности становится еще более размытой и начинает еще более зависеть от организационных условий, в которых осуществляется деятельность людей по

отношению к объектам собственности.

Проблема общего

Кроме того, есть еще одна проблема — проблема общего (общих ресурсов, общих систем). Она заключается в следующем. Существует ряд вещей, по отношению к которым конструкции собственности применимы с большим трудом: например, сложно применить понятие «собственность» к океану, в котором рыбаки ловят рыбу, к воздуху, которым все дышат, к земле, которая находится в общем пользовании. «Трагедия общего» связана с тем, что применимость к таким объектам процедурных вопросов превращения их в объекты собственности связана с явным ущемлением прав других и эксплуатацией, с проблемами общественными, политическими и даже — с проблемами взаимодействия между собой разных стран. Поэтому всегда существует опасность того, что, если мы отдаем общие объекты в частную собственность, начинают нарушаться права других. Здесь обычно возникают два варианта решения. Первый подход гласит, что общими объектами эффективно распоряжаться с экономической точки зрения можно только в структурах частной собственности, конкуренции; но тогда возникает вопрос — как прибыль, получаемую от их использования, передать тем, чьи права ущемлены? Второй подход заключается в том, чтобы использовать общие объекты справедливо, жертвуя экономической эффективностью. В этой точке понятие «собственность» сталкивается с такими понятиями, как «справедливость», «общественное благо», «политика», «власть». И однозначного решения здесь нет.

Итак, можно зафиксировать следующие тезисы.

Первое — необходимо разделять частную и распределенную собственность.

Второе — необходимо различать сам объект и его опосредование в виде капитала, акций и других вещей.

И, наконец, третье: необходимо отличать права по отношению к объектам от самих объектов, которые в изначальном понимании собственности не различались. Например, право на получение прибыли — и сам объект собственности. И мы зафиксировали противостоящую этому категорию справедливости, которая в ситуации общего пользования может прямо противоречить категории собственности.

Ситуация с собственностью в России

ВОЗВРАЩАЯСЬ теперь к ситуации в России, можно

зафиксировать значительное недопонимание, которое возникает относительно понятия «собственность».

Во-первых, часто не разделяется частная и распределенная собственность, непосредственная и опосредованная собственность, собственность с обременениями и обязательствами.

Во-вторых, как правило, не понимается, что собственность — это не материальные объекты и не имущество, а определенное функциональное место в специальным образом организованном обществе.

Такое недопонимание приводит к тому, что вместо построения системы отношений, в которой собственность появляется в разных своих видах, происходит дележ имущества.

Целый ряд проблем и дискуссий вокруг собственности в России возникает по той причине, что для того, чтобы та или иная собственность появилась в обществе, необходимо не только наличие самого объекта и его юридическое оформление, но также и общественное признание, и построение системы, дающей возможность осуществлять с собственностью необходимое количество операций.

Отсюда возникает два класса проблем, не решенных пока в России: признание собственности и возможность использования объектов как собственности.

Иначе мы попадаем в ситуацию, сходную с ситуацией продажи участков на Луне: участок купили, но ни владеть, ни пользоваться, ни распоряжаться этим участком не можем.

Собственность — проблема власти

Есть мнение, что проблема собственности существует только для бизнеса. Но это не так — поскольку собственность необходима, по крайней мере, для двух аспектов, краеугольных для рыночной экономики.

Первое — собственность есть один из базовых механизмов накопления и превращения накопленного в богатство. Если не существует собственности, ее прирастания, то невозможно и ответить на вопрос, каков результат бизнес-деятельности. Для России эта проблема важна в связи с тем, что большое количество капитала утекает из страны именно потому, что деньги накапливаются и не могут быть отняты только за рубежом — в тех странах, где механизм накопления четко построен и базируется на праве неприкосновенности собственности.

Второе — собственность необходима для функционирования рыночной экономики, так как она создает механизм доверия. Если прописаны механизмы собственности, ее наличия или

отсутствия, если они зафиксированы объектно и юридически, то возникает понятная ситуация взаимоотношений людей по отношению к материальным благам и их деятельности и становится возможным построение доверительных отношений (например, заключение контрактов, обязательств, в том числе долгосрочных), поскольку собственность не исчезает, а накапливается.

Если механизм собственности не работает, в обществе возникает проблема недоверия.

Поэтому необходимо формирование и культивирование в сознании людей такой ценности, как собственность, что в виде вторичного эффекта дает начало формированию механизмов накопления и доверия.

Следовательно, чтобы такое понятие, как собственность, утвердилось в России и стало одним из источников рыночных отношений, необходимо понимать, что это проблема не бизнеса — это проблема власти, устройства общества, культуры. И для того, чтобы возникал механизм функционирования собственности, необходимо усилие власти.

К понятию демократии

ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ рассуждение о демократии, важно усвоить, что такое сложное политическое понятие, как демократия, за время своего существования претерпело множество изменений. Очередное изменение оно претерпевает и в России, которая в начале 1990-х годов начала двигаться по пути к демократическому устройству общества. Это изменение вызвано тем, что то современное понятие демократии, которое сформировалось на Западе, в России в значительной мере не освоено. Этому освоению в первую очередь мешает ряд стереотипов, касающихся демократии, которые распространены в обществе (см. ниже). Кроме того, это понятие пока не сформировалось на российской почве и не вошло в быт, сознание и жизнь российских людей и, таким образом, не приобрело действенный характер.

Основной стереотип, связанный с пониманием демократии, состоит в том, что демократия — это прежде всего свободные выборы. Поэтому, например, отмена прямых выборов губернаторов начинает рассматриваться как отказ от демократии. Точно так же, когда СМИ начинают контролироваться государством, утверждается, что это недемократично. Такое понимание демократии есть довольно сильная редукция (упрощение) по отношению к демократии и не связано с ее сущностью. (Это вовсе не значит, что указанные тенденции хороши, — это значит только, что они не затрагивают сущности демократии.)

Кроме того, многими замечается и то, что принятие демократических норм и правил жизни в какой-то мере начинает ограничивать суверенитет[190] государства. Это связано с тем, что государство оказывается неспособным принять те или иные решения даже внутри страны, не оглядываясь на то, что скажут иные (западные) страны. России приходится ориентироваться на образцы демократии, которые находятся вне ее (на Западе), поскольку считается, что в странах Европы и США существует «подлинная», «правильная» демократия.

Чтобы понять, почему это происходит и в чем сущность демократии, необходимо вернуться к самому понятию «демократия».

Демократия в Древней Греции

Перевод слова «демократия» с греческого[191] способствует укоренению представления о том, что «демократия — это власть

народа». Однако это не совсем так.

Когда в Древней Греции говорили «демократия», под «демосом» понимали не весь народ, а лишь небольшую и вполне определенную его часть. Из истории известно, что «демос» ограничивался несколькими тысячами человек, которые могли уместиться на городской площади. Это были свободные граждане полиса, которые довольно сильно отличались от «плебса» (сброда) и других слоев людей (рабов, полурабов, иноземцев), не входящих в «демос» и не участвовавших в принятии решений. Кроме того, существовала система цензов, которые определяли данную группу

В этом смысле греческую демократию можно было бы назвать «властью демоса», то есть властью одной специфической части народа. «Власть демоса» в Древней Греции противопоставлялась аристократии (власти лучших), олигархии (власти немногих), и монархии (власти одного). Но демократия противопоставлялась и охлократии, то есть власти «охлоса» — того народа, который не входил в «демос». Причем охлократия понималась как «плохая» форма правления — «власть сброда» в буквальном смысле этого слова[192].

С тех пор название «демократия» осталось, но его смысл сегодня довольно сильно изменился. Во-первых, кардинально изменилась и усложнилась структура общественной и политической жизни — мы уже не живем в греческих городах-полисах. Во-вторых, современное понятие демократии, сформировавшееся спустя две тысячи лет на Западе, возникло в совершенно иной ситуации.

Современное понятие демократии

Вопреки распространенному противопоставлению «демократия — тоталитаризм», современное западное понимание демократии в значительной мере возникло в оппозиции к республиканской форме правления[193].

История Европы показывает, что идеи свободы, которые были направлены против сословно-аристократического общества, могут реализоваться и в республиканской форме. Республиканская форма правления предполагает значительную свободу граждан, но не отдельных граждан непосредственно, а либо их различных сословно-корпоративных организаций, либо территориальных образований (провинций, городов и т. п.). Республиканская форма правления строится на представительстве всех слоев населения, провинций, корпораций и др. образований. Вместе с этим появляются различные формы парламента[194].

Итак, современная демократия, хотя и обозначается тем же

термином, что и в Древней Греции, возникла в оппозиции к республиканской форме. Ее появление связывают с периодом буржуазных революций в Европе, когда понадобилось сломать существующие территориальные, сословные, корпоративные объединения и сделать всех людей принципиально равными, ввести общие для всех демократические механизмы и дать всем равные условия и права. Одно из таких прав — избирательное право, которое фиксируется для каждого отдельного человека, а не для их объединений — в отличие от республиканской формы правления.

Современное демократическое устройство предполагает наличие ряда условий.

Наличие общих прав и ценностей[195]**.** Свобода объединений, слова, совести и ряд других прав и свобод. Свобода частной жизни людей и формирование из этих свободных и самодеятельных людей особой инстанции власти, которая называется «народ»[196].

Суверенность[197] **отдельных людей в политическом смысле.** Под этим понимается распоряжение или владение чем-то вне зависимости от внешних обстоятельств, правил, норм и пр. Обладание суверенитетом для человека означает возможность осуществлять действия по отношению к себе, своей собственности и прочему, не сообразуясь с действиями других — но только в той зоне, в которой он обладает суверенитетом. Когда такого рода конструкция переносится на общество в целом, она фиксируется в наличии определенных прав.

Наличие политического «рынка», то есть поля свободных (хотя и четко структурированных процедурами и институтами) политических взаимодействий, в котором все люди могут участвовать. Один из примеров такого рода конструкций — когда каждый человек обладает голосом и может его «обменять» или «продать» на свободном политическом рынке. Под продажей и обменом понимается не обмен на прямые блага, а обмен своего голоса на то, что порядок взаимодействия властей в обществе, а также порядок взаимодействия власти и народа, будет человеку более удобен. Человек, собственно, это и выбирает, делегируя свои голоса в «народ» как инстанцию власти (см. ниже).

Композиция различных инстанций власти[198]**,** среди которых существует специальный механизм их взаимодействия. Его специфика состоит в том, что, помимо организованных и уже существующих инстанций власти (таких, как богатство, духовный авторитет, государство и пр.), формируется отдельная инстанция, которая называется «народ». Инстанция «народа» формируется за счет специальных процедур волеизъявления, которые не сводятся

к одним выборам. Для этого существует большое количество форм, к примеру: механизмы местного самоуправления, общины, свободные объединения, референдумы (плебисциты), партийные, судебные механизмы, общественные организации, выборы в различных формах (прямые и непрямые выборы).

В этом смысле демократия — это процедура соединения многих инстанций власти с включением «народа» и формированием удобной для него современной композиции власти. «Народ» участвует в создании той или иной конфигурации инстанций власти, которые формируют тот порядок, в котором живет общество. Поскольку народ как таковой не представлен, он представлен через специфические процедуры волеизъявления народа (см. выше).

На схеме видно, что существуют различные инстанции власти, в том числе — власть народа. Между ними существует система взаимодействий, при которой для каждого отдельного человека возникает большее количество свобод, удобств и благ. При этом между всеми инстанциями власти и народом строится определенного типа соглашение — что возможно, а что невозможно в данном обществе. Таким образом, получается, что демократия — это участие народа в формировании системы власти, а не власть народа.

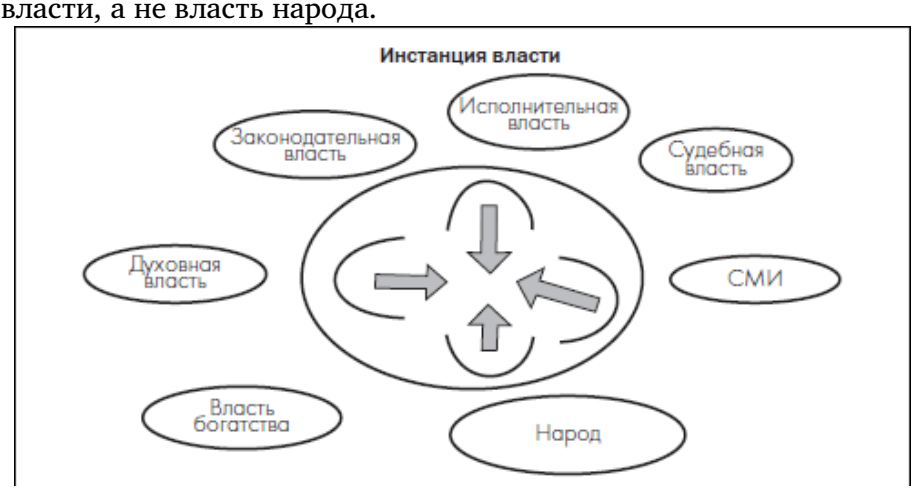

Схема инстанций власти при демократической форме правления

Появление и развитие демократии в Европе

Возникновение отдельных инстанций власти как условие появления демократии в ее современном понимании можно проиллюстрировать на примере истории Европы.

Европейская традиция разделения властей берет свое начало

в разделении духовной власти (власти папы и Священной Римской империи) и светской власти королей. Каждая из этих сил осуществляла свой тип власти, сформировав из себя самостоятельную инстанцию власти; при этом были зафиксированы области, в которые каждая из этих властей не могла вмешиваться. Впоследствии конструкция разных инстанций власти была достроена до разделения исполнительной, законодательной и судебной власти[199].

Многие исследователи связывают появление демократии во многом с тем, что началось интенсивное разделение властей на судебную, исполнительную и законодательную, иными словами — на самостоятельные инстанции власти. Это выражение — «разделение властей на самостоятельные инстанции власти» — означает не то, что есть одна власть, которая делится на три разные части; оно означает, что каждая из этих инстанций власти обладает своей исключительной компетенцией. Например, суд обладает исключительной компетенцией восстанавливать справедливость, и ни государство (в виде, например, исполнительной власти), ни законодательная власть не может вмешиваться в компетенцию суда. Точно так же и суд никак не может вмешиваться в исключительную компетенцию законодательной власти по формированию законов. Соответственно у исполнительной власти тоже есть свои компетенции, которые она может осуществлять, не оглядываясь на другие инстанции власти. В этом смысле эти инстанции суверенны[200] — то есть существует круг вопросов, которые они решают вне и помимо разного рода норм и правил, это отдано им как исключительное право.

Развитию демократии в Европе — вопреки республиканской форме правления — способствовало то, что во времена буржуазных революций начала формироваться еще одна самостоятельная инстанция власти: богатство. Эта инстанция власти строила свои механизмы самовоспроизводства и постепенно отделялась от государства. Государство больше не имело возможности включаться в структуру производства богатства, оно ограничивалось лишь введением законов и правил. Само богатство начало интенсивно становиться инстанцией власти. И в этой ситуации у буржуазии для формирования богатства возникла необходимость отмены всех сословных, земельных и прочих делений. Необходимо было сделать людей равными. Но тогда возник вопрос — как учитывать представительство? В этом смысле республиканская форма правления оказалась неэффективной и была сменена демократической.

Демократия и власть

Подводя итоги выделения понятия, заметим, что, хотя и существует довольно много представлений о демократии, в данном тексте мы под демократией понимаем (с точки зрения власти) такое устройство, которое предполагает множественность инстанций власти и способность людей, общества, власти строить из них композицию. Демократически устроенная власть — это сложная власть, опирающаяся на множество взаимодействующих между собой инстанций, включающих и такую инстанцию, как «народ».

Распространение демократии

Важно отметить, что в настоящее время наблюдается довольно сильное распространение демократии, демократических стандартов и институтов в мире. Для западных стран демократия является ценностью. Они не только пропагандируют демократию как наилучший общественно-политический строй, но и пытаются так или иначе экспортировать ее в другие страны — с целью установления демократии чуть ли не во всем мире. При этом можно выделить определенные особенности демократической формы, которые делают ее более мощной и эффективной по сравнению с другими формами организации политики, общества, государства. Именно эти особенности, эта эффективность способствуют распространению демократии, поэтому дело, скорее, не в сознательном «экспорте демократии», а в большей организационной мощности этой формы устройства власти (при определенных условиях).

Во-первых, демократия более чувствительна ко всякого рода изменениям, нововведениям и разнообразию. При демократии сохраняется достаточное многообразие для того, чтобы общество могло развиваться.

Во-вторых, демократическое общество довольно адаптивно и может реагировать на множество внешних вызовов, что также позволяет ему усложняться и дифференцироваться[201].

В-третьих, демократическое устройство власти, самоорганизация и свободное предпринимательство взаимно усиливают друг друга, что способствует хозяйственному росту

Вместе с этим мы можем выделить и ситуации, в которых демократия менее эффективна. Например, как показала мировая история, в ситуациях, когда требуется высокая степень мобилизуемости общества, демократия значительно слабее других форм, в частности — тоталитарных. Различные разновидности коммунизма, фашизма и других тоталитарных

форм, при которых власть сконцентрирована в одной инстанции власти (моновласть), обладают значительно большими мобилизационными характеристиками.

При этом демократия накладывает определенные условия на тип человека, живущего в таком обществе. Поэтому демократическая власть должна поддерживать и воспитывать этот тип человека. Его можно охарактеризовать по следующим критериям:

♦ Люди, способные жить в условиях свободы[202].

♦ Люди, способные к суверенности и ответственности за себя.

♦ Люди, имеющие довольно высокие навыки самоорганизации: в тех зонах, которые не регулируются никакими инстанциями власти, люди, живущие в демократическом обществе, должны быть способны к самоорганизации в разного рода сообщества, которые будут сами решать собственные проблемы.

Если этих способностей нет и власть их не формирует, то жизнь в демократическом обществе становится либо невыносимой для людей, либо довольно быстро приводится к тоталитарным формам правления. При этом внешние демократические формы могут оставаться (к примеру, выборы, демократическая конституция и пр.), но утрачивать свой подлинный демократический смысл.

Демократический строй в России

Один человек изначально не равен другому, и тут уж ничего не поделаешь. Демократический принцип ущемляет в правах тех, кто умнее, т-талантливее, работоспособнее, ставит их в зависимость от тупой воли глупых, бездарных и ленивых, п-потому что таковых в обществе всегда больше. Пусть наши с вами соотечественники сначала отучатся от свинства и заслужат право носить звание г-гражданина, а уж тогда можно будет и о парламенте подумать.

Борис Акунин. «Турецкий гамбит» (3)

РАЗНЫЕ СТРАНЫ и общества опираются на разный тип человека, но при этом идет распространение демократии с Западной Европы и США на другие страны, в число которых входит и Россия. Отсюда возникает довольно большое отличие между самим понятием демократии и системой ее образцов, с одной стороны, и тем, что получается в итоге в каждой конкретной стране, — с другой.

В связи с этим — вопрос: как демократический строй преломляется в условиях России, что происходит с демократией в нашей стране и как она в России понимается?

В России с точки зрения формирования демократии возникает несколько проблем.

1. Для того, чтобы демократия в стране существовала, необходимо наличие разных инстанций власти, независимых друг от друга. Когда они сводятся к одной инстанции, смысл демократии теряется, поскольку народ не может участвовать в создании различных конфигураций инстанций власти.

2. Сведение власти к одной инстанции урезает свободы человека, а наличие многих инстанций власти создает большее количество степеней свободы. Это также создает для человека ситуацию защиты его прав. Например, если государство нарушает права гражданина, он может обратиться в суд, если не помогает суд — обратиться в СМИ, если и СМИ не помогают — обратиться в местные органы самоуправления и т. д., то есть гражданин может искать такую комбинацию, в которой его интересы будут поддержаны и защищены. Если же, соответственно, ни одна инстанция власти не помогает, человек может отдавать свой голос в качестве представителя народа политическим партиям для изменения существующего положения вещей.

3. Существованию демократии необходимо формирование демократического «народа». Если его нет, то некому участвовать в формировании системы взаимодействий между инстанциями власти, и вместо «народа» возникает электорат. Под демократическим «народом» здесь понимается тот «народ», которому понятны механизмы его влияния на структуры власти, а также механизмы и последствия влияния той или иной структуры власти на него.

Ввиду существования стольких проблем возникает вопрос — а нужна ли вообще в России демократия, и если да — то в какой степени она здесь может существовать?

Демократия в России нужна, и нужна она для следующего.

Во-первых, демократия создает совершенно новое качество жизни для людей — увеличивается количество степеней свободы, появляется поле действия у самодеятельного населения (того

населения, которое само проектирует и организует свою деятельность) и резко усиливается эффективность общественного устройства и общественного производства.

Поэтому, если Россия хочет конкурировать с развитыми странами и с ними взаимодействовать, то ей необходим демократический строй, поскольку он обеспечивает современный и эффективный способ жизни народа и страны.

Во-вторых, демократия способствует становлению новых инстанций власти (точно так же, как первые новоевропейские формы демократии были нужны для становления власти богатства). Поскольку в современном мире появляются новые инстанции и строятся новые композиции власти, демократия, то есть участие народа в их становлении, также постоянно видоизменяется, получает все новые стороны — с тем чтобы эти инстанции входили «на равных» в число признанных инстанций власти.

Поэтому, если Россия хочет строить современную эффективную власть, ей также необходим демократический строй.

В-третьих, демократия выделяет и создает прослойки наиболее конкурентоспособных людей, поэтому для каждого отдельного человека демократия означает возможность вырастать в обществе, в котором существуют свободы, существует ответственность за свои действия, — и в этом смысле оно само становится конкурентоспособным по отношению к современным западным обществам.

Но способ осуществления демократии в России должен соответствовать специфике страны. Даже в западных странах многие демократии отличаются друг от друга. Например, демократия в США сильно отличается от демократии в Англии или в континентальной Европе.

Поэтому, чтобы сконструировать собственную эффективную модель демократии, нужно принимать в расчет как историческую и географическую, так и культурную ситуацию в стране.

Резюмируя основные сложности, с которыми сейчас сталкивается демократия в нашей стране, среди основных надо выделить:

♦ неразделенность инстанций власти;

♦ разделение «народа», его развал на разного рода группы населения, которые в «народ» не собираются (к примеру, самозанятое население, иждивенческое население, самодеятельное население[203]);

♦ самодеятельное население есть лишь малая часть всего населения;

♦ непонимание того, зачем, в каких случаях, какого рода механизмы демократии нужны.

В России все возможные механизмы демократии зачастую сведены к одному — к выборам. Все другие формы участия народа в устройстве власти и общества практически не рассматриваются. Но к установлению российской модели демократии ведет именно развитие разных демократических процедур и механизмов. При этом для построения отношений с современными западными обществами нужно приводить некоторые демократические процедуры к общим стандартам, — но это не значит, что весь набор демократических механизмов должен быть тем же, что и на Западе (не говоря уже о том, что можно стремиться выработать и распространить собственные стандарты).

Вообще если говорить о проблемах демократии в России, то нужно говорить не столько о демократии как той или иной конечной модели, сколько о демократизации общества и выращивании адекватной российскому обществу модели демократии, иными словами — об освоении демократии в России.

К понятию жизни (А также человеческой жизни, человечности)

МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ в данной книге понятие жизни, поскольку оно оказывается важным для понимания власти и довольно сильно коннотирует с понятием власти[204]. При этом в книге мы имеем в виду жизнь человеческую — жизнь человеческого рода, а не жизнь в биологическом понимании. Хотя, конечно, биологическая компонента в человеческой жизни обязательно присутствует. Поэтому вместе с понятием жизни мы будем использовать понятие человечности (см. ниже).

Практически все исследователи, изучающие человеческую жизнь, ее формы организации и человечность, фиксируют, что человек, в отличие от других живых существ, не имеет программ продолжения собственной жизни, закрепленных на биологическом материале. В этом смысле человек рождается «недоношенным» и сам по себе вне специального включения в человеческое общество человеком не становится. Это подтверждает ряд известных примеров попадания человеческих детей к медведям, волкам и другим животным. Эти примеры показывают, что в зависимости от того, в какую среду попадает человек, он и становится медведем, волком и т. д. И если через какое-то время после этого он снова попадает в человеческое общество, то не может научиться ни говорить, ни взаимодействовать с людьми и человеком уже не становится.

Учитывая это, людям необходимы специальные схемы, которые отвечают за продолжение человеческой жизни. И, как мы отмечали в статье о понятии власти[205], власть является одним из базовых схематизмов, который позволяет продолжать человеческую жизнь. При этом власть, наряду с другими схематизмами (социальной кооперации, культуры — см. ниже), обеспечивает возможность продолжения общечеловеческой жизни в рамках определенного типа культуры, типа общества и типа цивилизации.

Организация жизни

ПО-ВИДИМОМУ, одним из наиболее современных и продвинутых понятий жизни, которым мы будем пользоваться в данной книге, являются представления об организации жизни, развитые в работах таких авторов, как Матурана и Варелла (1).

Эти исследователи выделили несколько моментов, важных для нас в понимании власти.

Во-первых, это то, что Умберто Матурана называет *«круговой организацией жизни».*

Круговая организация является живой организацией, если специфицирующие ее компоненты — это компоненты, синтез которых или их поддержание она обеспечивает таким образом, что продуктом их функционирования оказывается производящая их функционирующая организация (2).

В этом пункте для нас важно, что жизнь существует тогда, когда существует механизм ее самовоспроизводства. Это означает, что в обществе должны быть сформированы и закреплены (в какой-то степени — на недосягаемом для отдельных людей уровне) механизмы самовоспроизводства людей[206]. То есть на базе биологического материала рождающихся поколений должны формироваться структуры воспроизводства языка, сознания, телесной организации и обеспечиваться включение в тип культуры и цивилизации.

К примеру, телесная организация формируется начиная с воспитания в семье и заканчивая разного рода дисциплинарными формами (физкультура, спорт, искусство, работы в различных технологических системах и т. д.). В результате должны появляться люди, которые «на себе» восстанавливают схемы власти, способы социальной кооперации и причастность к культуре. Такого рода механизмы самовоспроизводства человеческой жизни должны специальным образом фиксироваться в обществе. К примеру, довольно часто эти функции выполняют государство и ряд других институтов (семья, церковь, система образования и др.). Эти институты позволяют обществу самовоспроизводиться в том виде, в котором оно считает себя человеческим.

Второй пункт, касающийся понимания организации жизни, состоит в наличии «*самореферентности*» (в другом переводе: автореферентности).

Благодаря круговой природе своей организации живая система располагает самореферентной областью взаимодействий. Сохранение живой системы в качестве единства взаимодействий обеспечивается тем, что ее организация функционально значима только по отношению к сохранению ее кругообразности и соответствующим образом определяет область ее взаимодействий (2).

Вслед за Матурана под самореферентностью мы будем понимать способность живого фиксировать свои состояния в зависимости от действий, которые оно производит по отношению

к внешней среде. В этом смысле действия живого изначально не определены, не запрограммированы. Они могут быть разными и меняться в соответствии с изменениями во внешней среде. Тем самым живое постепенно осваивает вокруг себя среду за счет того, что фиксирует свои состояния в зависимости от действий и начинает формировать и приобретать определенный опыт — «познает мир», как пишет Матурана. Полученный опыт живое оформляет — и постепенно формирует вокруг себя среду, соответствующую своему собственному устройству, а не внешним обстоятельствам.

С понятием самореферентности связано также еще одно понятие, важное для понимания организации жизни; это свойство *рефлексивности* живого. Оно означает, что живое осознает себя, свое соотношение с окружающим миром и, за счет этого, этот мир формирует. К примеру, все живые существа, начиная от простейших бактерий, создают вокруг себя такую среду, в которой им удобно жить. Матурана фиксирует это как создание ниши, то есть постоянного класса взаимодействий, в которое вступает живое. К примеру, птицы вьют гнезда, некоторые животные роют норы и т. д. В этом смысле и человек создает вокруг себя среду, в которой ему удобно и комфортно жить.

Поскольку мир и внешние обстоятельства меняются, то главная функция способности «познания» живого,

о которой говорит Матурана, — это *способность к предсказанию*. Она заключается в том, что живое постепенно в соотношении со своими взаимодействиями в окружающем мире выделяет вещи, которые повторяются и поддаются предсказанию.

Человек в этом смысле отличается от других живых существ тем, что он не одинок: ему присуща совместная жизнь, которая во многом есть условие его превосходства над другими. В человеческом обществе есть специальные схематизмы взаимодействия — такие, как власть, культура[207], социальная кооперация, — которые позволяют людям строить из самих себя большие и сложные общества, иногда даже человеческие машины. Мамфорд называет их «мегамашины», то есть — большие конструкции из людей, которые осознают себя и свое положение, разворачивают свое познание и формирование своей собственной среды. Здесь эта среда уже формируется не только за счет отдельного человека и его тела, но и за счет общественной организации и все более сложных орудий.

Механизм рефлексивности оказывается настолько важным, что если рефлексивность в обществе падает, то общество быстро консервируется, оказывается неспособным формировать свою собственную среду и реагировать на изменения внешней среды.

Возникающие конфликты и катаклизмы могут вызвать гибель общества. Таких примеров можно привести довольно много, в частности — Месопотамия. Чрезвычайно консервативное общество освоило определенного рода технологию и «выработало» плодородные земли, за счет которых оно существовало. Когда оно превратило их в пустыню, оно не смогло продолжать свою жизнь и исчезло.

С другой стороны, можно найти достаточно примеров того, что успешно выживают те общества, у которых развит механизм самореферентности и которые могут довольно сильно трансформироваться, не теряя своей идентичности. С таким механизмом во многом связано появление истории, которая в этом смысле является результатом самосознания представлений о человеке, обществе. То есть — за счет истории человечество осознает себя и удерживает себя в состоянии человечности, идентифицирует себя именно как человечество, не теряющее своего человеческого достоинства.

Человек изменяется и живет в изменяющейся системе отсчета в мире, который непрерывно им самим создается и преобразуется (2).

Третий пункт относительно организации жизни, который фиксируют исследователи, — это *автопоэзис*[208]. Следуя за Вареллой, под этим мы будем понимать, что живое трансформирует не только окружающую среду, но оно трансформирует и развивает себя. Это важный механизм для человека с точки зрения того, что, кроме освоения внешней среды и ее присвоения (как отмечалось выше), живое за счет рефлексии собственных состояний начинает выделять идеальные конструкции, то есть то, чего в мире не существует. С ними связано формирование сознания у человека. Этот пункт оказывается для людей особенно важным, поскольку, во-первых, язык, сознание и специфическая организация тела[209] позволяют человечеству строить и сочинять себя не по законам природы, а по законам разворачивающегося мышления, сознания и воображения, а во-вторых — это позволяет не только осваивать окружающую среду, природу, но и менять природу самого себя. Поэтому для человека автопоэзис является одной из основных компонент его человечности. То, что во всем живом заложено как потенциальная возможность, в человеке развивается в некоторый самостоятельный процесс — процесс самосознания, самостроительства человеческого общества и т. д.

Поскольку тема организации человеческой жизни во многом является сложной и дискуссионной, мы не будем ее разворачивать далее в данной книге. Мы указали на основные

пункты понятия жизни, но их подробное описание уже выходит за рамки нашей задачи. Поскольку в данной книге нас интересует тема власти, то мы можем на основании выделенных выше механизмов, присущих живому, сделать несколько выводов. Власть, чтобы продолжать совместную жизнь большого количества людей, должна поддерживать все эти три механизма (круговая организация жизни, самореферентность и способность к предсказанию). В противном случае власть разрушается, общества гибнут и не могут быть потом реанимированы.

Человечность

В связи с таким пониманием организации жизни мы можем выделить ряд базовых моментов, которые определяют человеческую жизнь и человечность. Относительно понятия человечности, мы замечаем, что в современных дискуссиях часто употребляются два термина. В частности, в своих работах Фукуяма обсуждает «человеческое достоинство»; ряд французских философов-постмодернистов, а также исследователь В.В. Малявин используют понятие человечности в своих работах. С нашей точки зрения, под этим понимается наличие у людей следующих форм организации: языка, сознания и специфической организации телесности.

Наличие языка означает, что люди могут между собой разговаривать о вещах, актуально не присутствующих в их окружении. Язык создает в этом смысле пространство возможных обозначений и разговоров, не связанных напрямую с действиями, которые последуют сразу после их упоминания, и необязательно имеющих отношение к актуально присутствующим вещам.

Наличие сознания у людей означает наличие такого рода пространства, в котором они могут между собой сообщаться вне непосредственных действий и материальных объектов.

Специфическая организация телесности человека подразумевает использование орудий, средств и других предметов для усиления и расширения возможностей тела. При этом внешний материал человек не просто использует в том состоянии, в котором тот существует в природе, но подвергает его обработке. В этом смысле орудия специально изготавливаются. Впоследствии орудия и средства все более совершенствуются, усложняются и преобразуются в технику и, далее, — в сложно организованную искусственную среду, в которой мы живем и которая является расширением человеческой телесности.

Поверх этого формируется еще ряд специфических схем[210] организации, которые определяют совместность человеческой жизни.

Одна из них — это схема власти, которая обсуждается в данной книге. За счет схемы власти обеспечивается сохранение и продолжение всеобщей жизни человеческого рода. Вторая — схема социальной кооперации, которая предполагает способы построения взаимодействий между людьми. Третья — схема культуры[211], которая предполагает передачу и воспроизводство образцов не напрямую через человеческое общество, а опосредованно через внешние носители, так называемые образцы культуры. Эти образцы в человеческом обществе начинают играть роль норм и образцов, по которым устроена деятельность и жизнь людей.

Помимо этого, существует еще одна специфическая форма организации, которая связывает людей и определяет их общность и наличие единого пространства, — это коммуникация. Здесь под коммуникацией мы будем понимать то, что создает реальность человеческих взаимодействий и человеческой жизни.

Последующее разворачивание этих понятий и схем выходит далеко за пределы данной книги, поэтому здесь ограничимся лишь указанием на принципиальные моменты, которые связаны с понятием человечности.

Власть и человечность

Как мы уже отмечали выше, схема организации власти отвечает за продолжение человеческой жизни за счет формирования всеобщего порядка[212]. В этом смысле власть также должна обеспечить еще одну функцию, а именно — поддержание и удержание границы человечности.

Негативные примеры того, что происходит, если эта функция не обеспечивается, можно найти в работах Льва Гумилева[213]. В частности, это манихейство, а также другие типы организации общества, при которых общество заканчивает жизнь самоубийством или саморазрушением. Примеры такого рода показывают, что если граница человечности не удерживается в рамках общества, то оно разрушается.

Вторым интересным обстоятельством для иллюстрации служит историческая конкуренция обществ. Она состоит в том, что общества, сталкиваясь друг с другом, конкурируют не только за земли, ресурсы, материальное богатство и прочие материальные блага; общества также конкурируют между собой на уровне форм организации, грубо говоря — в том, чья форма организации эффективнее. В работах Гумилева описан ряд этносов, которые исчезали именно из-за того, что сталкивались с другими, которые по форме организации их превосходили. Более слабые формы организации жизни этносов либо

ассимилировались последними, либо уничтожались. То есть общества сталкивались с более мощным и эффективным типом человечности и исчезали. Поэтому, с точки зрения продолжения жизни общества в целом, этот момент тоже является одной из проблем власти.

К понятию культуры

В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов.

Философский энциклопедический словарь

КУЛЬТУРА (от лат. cultura — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Большая Советская Энциклопедия

В ТЕРМИН «КУЛЬТУРА» вкладывается четыре общераспространенных смысла. Первое понимание культуры подразумевает некую общность и одинаковый способ поведения людей. Тогда о культуре говорится как о чьей-то культуре: русской культуре, мировой культуре, китайской культуре и так далее. Это — бытовое понимание термина «культура».

Второе понимание восходит к понятию духовной культуры, которое было развито в традиции немецкой классической философии и в теории культуры неокантианства. «Для последнего характерно было относить к сфере культуры лишь те объекты, которые по происхождению были причастны к творческому — героически-творческо-му — акту и которые обладали бы значением в мире так называемых ценностей культуры» (1). Это значение термина зафиксировано в выражении «культурный человек», «культура поступка».

В культурологии, антропологии, этнографии и социологии распространено альтернативное понимание культуры как всей совокупности проявлений собственно человеческой жизни и деятельности. Объект культуры — это любая вещь, к которой

человек приложил определенные усилия, «окультурил» ее. Это значение термина проявляется в таких выражениях, как «культурное растение», «культурный слой». Это третье, функциональное, понятие культуры. Функциональное определение не связывает свою точку зрения на культуру ни условием ценностной значимости, ни требованием творческого происхождения.

Четвертый смысл термина «культура», который мы и используем в данной книге, — это система образцов, которые реализуются в поведении и действии людей. Эти образцы закреплены на внешних носителях (и в этом проявляется различие между культурой и традицией, образцы которой существуют на людях и их поведении). Этими внешними носителями являются литература, искусство, законы, технические нормы и пр., которые транслируют из поколения в поколение способ жизни определенной группы людей.

Такое понимание было развито в рамках методологических исследований (2, 3), и оно позволяет обсуждать культуру как специфическую форму или схему организации воспроизводства жизни и деятельности, отличную, например, от социального (традиционного, коммуникативного) воспроизводства, от власти, задающей воспроизводящийся порядок, и от иных базисных форм организации человеческого.

Согласно этому пониманию культуру как особую схему воспроизводства можно сравнить с генетическим механизмом в биологических системах. Образно ее можно назвать механизмом социальной генетики. Такое понимание вырабатывается в результате решения следующей проблемы: что именно заставляет раз за разом воспроизводить, казалось бы, не связанные между собой социальные ситуации? Что, например, заставляет людей при встрече здороваться, вступать в кооперативные отношения и вместе осуществлять определенную деятельность?

Ряд альтернативных ответов на этот вопрос позволяет выработать представление о нескольких механизмах воспроизводства жизненных ситуаций. При этом для европейского (и российского) сознания принципиальным становится следующее: должен быть выделен некоторый особый элемент, который является слепком произошедшей ситуации, а по отношению к будущей ситуации — образцом или эталоном, в соответствии с которым отпечатывается структура этой ситуации. Когда эти особые элементы начинают использоваться именно в этом своем качестве — как генетические ядра воспроизводства целого ряда будущих ситуаций и благодаря этому начинают жить в особом пространстве (как эталон метра в Палате мер и

весов), — тогда можно говорить о формировании пространства культуры и реализации такой схемы воспроизводства, как культура.

Культура и власть

В этой книге понятие культуры очень важно. Дело в том, что, с точки зрения соотношения с властью, культура является одной из нескольких базисных схем организации собственно человеческого жизненного порядка. Другими формами (схемами) организации в этом ряду являются власть[214], социальность и личность.

Как уже было сказано, схема культуры состоит в выделении и воспроизводстве образцов поведения на материальных (внешних) носителях. Это освобождает от принадлежности к общностям (а воспроизводство через социальность, напротив, «привязывает» к общностям). Сами образцы реализуются в поведении благодаря нормативному (а не адаптивному, то есть приспособительному, и не демонстрационному) обучению. Реализация культурных норм требует выделения особой материально закрепленной организации пространства и институтов принуждения, то есть обязательно соотносится с властью. При этом нормам придается самостоятельное существование, они трансцендируют[215] и в этом смысле сами становятся механизмами (точками или зонами) осуществления власти.

Итак, культура — это такой способ совместной жизни людей или такая схема организации, которая за счет того, что образцы деятельности переносятся на другого рода материал-носитель, может воспроизводиться безотносительно сознания, рефлексии и действий людей. Следовательно, культура, как правило, консервативна. Она удерживает общество и порядок жизни в нынешнем (существующем) состоянии. Многие трансценденции власти могут удерживаться и восстанавливаться в том числе и за счет культуры, но, с другой стороны, та же культура может мешать нововведениям, изменениям и становлению новой власти. Новая власть всегда вынуждена уничтожать старые образцы.

Понимание такого взаимодействия между двумя этими схемами организации — культурой и властью, понимание возможности взаимной поддержки этих двух схем необходимо для освоения и формирования современных форм и инстанций власти.

По-видимому, за счет развития философии и огромного влияния церкви культура долгое время являлась в Европе ведущей схемой организации. Порядок строился на соотнесении действий людей с внешними образцами — писаными законами,

эдиктами, прецедентами, зафиксированной в трудах философов и отцов Церкви онтологией. Но из-за этого она первой же из форм организации подверглась освоению и рефлексии.

Культуротехника и культуртрегерство в Европе начиная с XVIII века стали развиваться бурными темпами. Любое новшество должно было войти внутрь порядка жизни через трансформацию культурных образцов — через книги, философские учения, научные теории, образование, через новые каноны в искусстве. С XVIII века и до настоящего времени происходит бурное освоение культуры. Стало понятно, как формируются новые теории, литературные течения, художественные моды, стили и т. п. Постмодернизм уже перевел работу с культурой в форму игры, пародии, свободного сочетания образцов, их переинтерпретации.

Культурные образцы сегодня создаются, распространяются, изменяются, навязываются, уничтожаются. Происходят войны между образцами. Основная конкуренция в экономической жизни ведется на уровне стандартов, которые есть не что иное, как слепки образцов культуры уже третьего-четвертого порядка (они достаточно технологичны и доведены «до винтика» — нормируется уже даже не деятельность, а материал, который организует деятельность).

Таким образом, эта схема организации прошла больший путь освоения, чем власть или схема социальной организации. Последние стали осмысляться не так давно: работа с социальностью стала осваиваться только с конца XIX века (на этой волне произошли все социальные революции и изменения первой трети XX века), а власть — только сейчас.

Схемы культуры и власти эксплуатируют друг друга. Культура эксплуатирует власть в том смысле, что власть создает те пространства, где культура существует на других носителях и как бы всегда («вечно»), — это система образования, музеи и технологические стандарты, нормы делового оборота, регламенты и т. п. С другой стороны, власть, как правило, эксплуатирует культуру, пытаясь в ней материализоваться и закрепиться, создавая образцы деятельности через образование, через формирование образцов (например, символов и ритуалов), чтобы себя закрепить и ввести в общественное сознание.

Таким образом, с точки зрения схем организации воспроизводства жизненного порядка, культура и власть являются предельными фокусами организации. Чистая власть — акультурна, новая власть всегда контркультурна, она отрицает и уничтожает систему образцов прошлой деятельности (вспомним, как в 1917–1922 гг. новая советская власть смело отказывалась от любого культурного наследия). Но установившаяся, а тем более

развитая власть стремится себя окультурить и законсервироваться в культуре — вплоть до ритуалов и символов.

С другой стороны, такая развитая культура, реализующая свои образцы, вообще не требует власти для своего воспроизводства. В этом предельном случае власть уже «умерщвлена», превращена в ритуальное отправление (по исследованиям культурологов, таким было древнеегипетское общество).

Это взаимодействие, эта игра тоже является особой сферой, которую, с точки зрения власти, приходится осваивать.

То же самое происходит и в случае, если мы возьмем в расчет дополнительно еще и схему социальной организации. Так, чистая власть вне культуры и социальности, «ницшеанский идеал», никогда не может реализоваться, поскольку схема социальной организации, с одной стороны, и схема культуры — с другой, всегда противостоят «чистой власти». Какой бы ни была власть, всегда можно найти или построить альтернативный образец — и всегда можно найти людей, живущих по-другому и не желающих подчиниться власти.

Современная российская ситуация с точки зрения культуры

В России, с точки зрения культуры, есть очень мощный ресурс: понимание относительности образцов и относительности социальных форм жизни (ввиду того, что Россия объединяет множество порядков жизни людей). Именно в этих условиях русские люди вынуждены обращаться к третьей схеме, которая должна быть незыблемой, то есть к схеме власти. Но поскольку и она начинает сегодня рефлектироваться, то должна быть проделана существенно более искусная работа и с культурой, и с социальными отношениями, чтобы построить устойчивый и эффективный порядок.

Второй аспект заключается в том, что в России люди в значительной степени лишены традиций и в этом смысле восприимчивы к любого вида культурам. Они могут создавать и создают образцы, но впоследствии эти образцы материализуются не в России и не российскими людьми. Производство сегодня сосредоточено в Европе или в Китае. Таким образом, как показывает история, Россия указывает, открывает путь, но идут по нему уже другие.

Это может являться и недостатком, но одновременно это — ресурс и достоинство. Именно работа с нормами, образцами и реализацией является предметом игры и взаимодействия России с миром.

К понятию идеологии

Период господства идеологии

ПОНЯТИЕ ИДЕОЛОГИИ первоначально возникло в философии как наука или учение об идеях[216]. Впоследствии это понятие довольно сильно трансформировалось с появлением философии исторического развития Маркса. С этого периода понятие идеологии стало приобретать значение основных идей, которые движут людьми и указывают им систему «правильных» целей и ориентиров.

Идеология — это некоторая совокупность взглядов, принимаемых некритично, на веру. Марксу это позволило разделить научное мировоззрение, ориентированное на понимание действительности, и идеологическое, которое, наоборот, основано на иллюзиях, принимаемых на веру. Согласно учению Маркса, все идеи, религии, мировоззрения являются лишь выражением материальных отношений и ложно (или даже с намерением обмануть) возведены в ранг духовных сущностей (идей), в то время как в действительности ничего подобного не существует и, следовательно, речь идет только об идеологиях. По Марксу, «идеологическая надстройка над действительностью» используется как инструмент управления эксплуатируемыми классами. Идеология здесь означает ложное, но, тем не менее, некритично принимаемое за истинное сознание. Введение этого понятия дало Марксу возможность объяснить поведение людей, не согласующееся с выводами его теории: в действительности люди подчинялись некоторым нормам (например, религиозным), которые с экономической точки зрения не были им выгодны.

Данное понятие идеологии широко использовалось во второй половине XIX и в первой половине XX века. В этот период получили распространение различные идеологические приемы и техники, которые активно применялись и в коммунистических государствах и движениях, и в фашистских обществах. Менее известна идеологическая работа в США тех времен. С развитием так понимаемой идеологии получают распространение такие термины, как пропаганда, агитация и т. п.

В основе такого рода понимания идеологии лежит система предположений, которые были выделены Карлом Мангеймом в книге «Идеология и утопия» (1). Одно из основных предположений, выдвинутых Мангеймом, состоит в том, что способ мышления зависит от социальной структуры жизни людей

(или определенным образом связан с ней). С этой точки зрения идеология связана с появлением определенной группы людей, которая, осознавая свои интересы и текущую ситуацию, с помощью некоторого набора идей начинает менять жизнь в соответствии с ними. В этом смысле получается, что идеология построена не на анализе объективного и реального положения дел, а на редукции, то есть сведении всеобщего разнообразия мира к небольшому набору идей, которые достаточно хорошо объясняют нынешнюю ситуацию и побуждают людей к действиям. Идеология всегда претендует на всеобщность, поскольку идеологические конструкции простым и понятным способом производят редукцию сложного мира к одной или нескольким идеям. К примеру, идеология антисемитизма в гитлеровском рейхе, идеология коммунизма в России, пролетарская идеология (основанная на теории эксплуатации Маркса).

Таким образом, идеология со второй половины XIX века становится одной из основных техник манипулирования массами, массовым сознанием.

Необходимо отметить, что развитие идеологических техник связано также с появлением и разворачиванием массового общества, в котором идеология успешно применяется. Связано это, по-видимому, с тем, что люди массового общества жестко не привязаны к социальным структурам[1], в частности — к общностям, ассоциациям и разного рода социальным образованиям. Люди массы не осознают себя элементами этих структур. Это дает возможность за счет идеологических приемов убеждать массы, что они принадлежат к тому или иному классу, группе, течению — и для каждого из этих социальных образований вырабатывать идеологию, которая данной социальной группе будет понятна и подтолкнет к действиям в том или ином направлении.

Примерно в середине XX века у такого рода идеологических конструкций были выявлены ограничения. В частности, стало ясно, что они в определенном смысле тормозят развитие общества, потому что в результате распространения идеологий возникают общества, стремящиеся к тоталитаризму, то есть к одинаковому пониманию смысла вещей. К примеру, многие историки отмечают, что такие идеологические общества, как фашистская Германия или Советский Союз (с 1930-х по 1950-е гг.), были тоталитарными обществами, практически вся жизнь которых была подчинена тем или иным идеям или идеологии.

Идеи в современном мире

КАК РЕАКЦИЯ на это возник вопрос о том, каким путем возможно возникновение общества, которое не будет целиком подвержено той или иной идеологии — и в этом смысле не совершит ошибок? Как один из вариантов ответа на этот вопрос была разработана концепция открытого общества[217], которая предполагает другую, отличную от идеологической, схему того, каким образом идеи должны существовать в современном социальном мире. В результате была разработана существенно более сложная конструкция общества, которая характеризуется следующими моментами.

Во-первых, появилось понятие инфраструктуры, то есть общих условий, структур жизни, в которых люди вынуждены существовать и взаимодействовать друг с другом вне зависимости от их идеологических установок. Это могут быть инфраструктуры как материальные (транспорт, системы связи и пр.), так и нематериальные, связанные, например, со стандартами образования, законности и другими всеобщими структурами. Такого рода инфраструктуры обеспечивают возможность коммуникаций и взаимодействий в обществе вопреки наличию той или иной идеологии.

Во-вторых, появилось понимание того, что есть безусловные вещи, которые нельзя нарушать без ущерба для общества. Они фиксируются в понятии права. При этом понятие права, а также понимание какого-либо из конкретных прав могут трактоваться по-разному. Но сам факт того, что в обществе фиксируются определенные права, присущие людям или их общностям, оказывается очень важным: он фиксирует границы, за пределами которых никто не может вмешиваться в чьи-либо дела, — начиная от права на частную жизнь и заканчивая более сложными системами общественных прав (свобода слова, право обращаться в суд и пр.) Появление такого рода прав становится вторым элементом, задающим границы для идеологий.

В-третьих, формируется понимание общественных ценностей, которые несут на себе люди. В отличие от идеологии, которая предполагает общее направление для действий людей, ценности не связаны с направлением деятельности. Они могут быть общими или локализованными в тех или иных социальных группах, но они не задают действий (ценности можно лишь защищать). Понятие ценности — так же как понятия инфраструктуры и прав — связано с границами, которые нельзя преодолевать в данном обществе, но оно не связано с обязательной направленностью действий и мыслей людей.

Если в обществе фиксируются права и ценности, развиваются инфраструктуры, то складывается ситуация, в которой могут

существовать лишь частные идеологические установки (далее они будут называться идеологемами), присущие тем или иным социальным или культурным группам и обществам. Отдельные образования (организации, группы, слои и т. д.) могут иметь свои идеологии, но они ограничены тем, что нельзя нарушать определенные права, нельзя игнорировать определенные ценности, присущие другим людям, нельзя нарушать общий порядок жизни общества, зафиксированный в организации инфраструктур. В этом смысле идеология из всеобщего понятия становится частным, которое работает в четко ограниченных рамках.

Такого рода ситуация вызывает существенные изменения в техниках работы с обществом. Вместо пропаганды или агитации, а также других форм призыва людей действовать в одинаковом направлении возникают более сложные вопросы и техники.

Во-первых, это техники манипулирования общественным сознанием, которое превращается в ряд технологий (в том числе политтехнологий), построенных как средства мобилизации людей на определенные действия в отдельных локальных ситуациях. К примеру, эти техники работают, когда в ситуации выборов необходимо мотивировать людей на голосование за или против чего-то, — а также в ряде других случаев, когда необходимо дать людям подсказки, в каком направлении им двигаться. Поскольку такого рода технологии существенно ограничены в пространстве и времени, в них могут использоваться идеологические приемы: агитация, пропаганда и другие.

Во-вторых, развивается более долговременная, сложная и современная техника, связанная с построением системы ориентации в обществе. Она должна учитывать сложившиеся ценности, сложившуюся систему прав и сложившийся тип общества. В этом смысле развиваются все более сложные технологии управления уже не обществом, а способами его организации и переорганизации. Одной из таких технологий являются механизмы реорганизации и изменения власти, которые подробно обсуждаются в данной книге[218].

Идеологии в России

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО в силу своей истории привыкло к идеологическим конструкциям. Поэтому сегодня наблюдается следующий эффект: некоторые частные идеи из а-идеологически устроенного западного общества преподносятся в России в качестве идеологий. К примеру, концепции либерализма на Западе противостоит консерватизм, и

в этом смысле он действительно является частной идеей, но в России такого рода вещи превращаются в идеологические (претендующие на всеобщность) конструкции. Они становятся единственно «правильными», всеобщими, дают простые объяснения существующего положения дел и в этом смысле заводят в тупик.

Той же переинтерпретации подвергаются не только идейные конструкции, но и современные способы работы по ориентированию общества. Public relations (PR, «развитие общественной связности»), promotion (продвижение) и т. п. — это термины из коммуникативного общества, в котором организуются дискуссии с носителями других ценностей, точек зрения и интересов; при этом каждый раз обязательно происходит возвращение к базовым ценностям. Но когда эта техника переносится на российскую почву, возникают всякого рода политтехнологи: за оппонентом не предполагается существование никаких ценностей, никаких собственных взглядов. Решение «впаривается».

За этими технологиями на российской почве стоит предположение, что электорат пассивен, что ему нужно только не дать возможности подпасть под влияние других идей и других кандидатов, а далее — выставить своего кандидата в лучшем свете. В этом смысле в России нет свободного выбора (и даже покупки на политическом рынке голоса) в западном понимании. Аналогично нет ни PR, ни промоушна — в западном понимании. И хотя мы живем в постидеологическом обществе — то есть в обществе, которое избавилось от единой идеологии, — сам схематизм идеологии еще сидит в людях. Поэтому одни требуют сказать, куда нам (всем) нужно идти, а другие «впаривают» разные варианты ответа на этот вопрос.

Но современные общества существуют вне единой идеологии, и усилия власти направлены на восстановление общей структуры общества, а не на указание всеобщего конкретного направления его «движения». В этом смысле конструкция политического дискурса на Западе задается наличием ряда базовых ценностей, типом общей инфраструктуры, набором прав. В каждой конкретной ситуации все эти структуры восстанавливаются, и разрабатывается каждый раз новое решение — восстановление общественного сознания происходит заново. Можно сказать, что современное западное общество — это общество коммуникации и дискуссий.

К понятию свободы

ЕСЛИ МЫ ПОПРОБУЕМ задать себе простой вопрос, что такое свобода, то быстро выяснится, что окончательно ответить на него в такой формулировке невозможно: окажется, что можно дать множество противоречащих друг другу ответов и определений. Зато о свободе можно рассуждать, понимая за ней определенную ценность: например, можно обсуждать, в какой степени она возможна сегодня в той или иной стране, как к ней стремиться и пр. И это отнюдь не случайно. Дело в том, что понятие свободы относится к такому классу понятий, которые не имеют собственного содержания[219]— они устроены совершенно иначе.

С нашей точки зрения, понятие свободы задает определенный схематизм[220] самоорганизации людей, но четко зафиксированного собственного содержания не имеет. Если все-таки попробовать выделить содержание понятия свободы, то оказывается, что в разные исторические периоды оно было различным, но при этом сохранялся некоторый базовый принцип — который мы и называем, вслед за Кантом, схематизмом. Именно таким пониманием свободы (как схематизмом самоорганизации) мы и пользуемся в данной книге.

Учитывая это, попробуем выделить, что заложено в таком принципе самоорганизации жизни людей, как свобода. Существует как минимум две принципиальные конструкции этого схематизма.

Понятийная конструкция свободы

В соответствии с первым из них свобода понимается как *свобода* от чего-либо, то есть независимость, отсутствие определенного воздействия извне и т. д. Такое понятие свободы используется в ситуации, когда мы фиксируем, что люди находятся в определенной системе норм и в системе организации. За счет рефлексии и способности к мышлению люди могут построить некоторую альтернативу существующему порядку вещей, то есть разработать другое видение и смысл мира, нежели существующие. Тогда по отношению к окружающему миру они могут заявить, что не хотят подчиняться тем внешним обстоятельствам, той системе норм и той организации, в которых они сейчас находятся. В этом смысле возможно преодоление существующих норм, регулируемое в данном случае принципом свободы от чего-либо, — к примеру, свобода от рабства, свобода от феодализма, от капитализма, от эксплуатации другими и пр.

В данном случае понятие свободы предполагает осмысление

границ существующих норм и их относительность. Но при этом не обязательно, чтобы альтернатива существующему состоянию была четко прорисована, — достаточно фиксации существующего состояния и принятия того, что возможно другое, лучшее состояние.

Классическим примером может служить восстание Спартака. Когда Спартак поднял восстание рабов, за этим действием не было какой-либо позитивной программы, но было желание уйти из рабства и получить свободу.

Аналогично этому можно рассуждать, к примеру, об эксплуатации рабочих. На этом примере мы можем заметить, что понятие свободы относительно. Дело в том, что в отдельных случаях тот или иной рабочий мог бы и хотеть того, чтобы его эксплуатировали, обеспечив рабочим местом и платя за это деньги. В этом смысле граница, на которой заканчивается несвобода и начинается свобода, всегда относительна и определяется за счет рефлексии существующего положения дел, его называния и отказа от него. Но это только одна конструкция понятия свободы.

Вторая конструкция схематизма свободы, также не имеющего зафиксированного собственного содержания, — это *свобода* для чего-либо, во имя чего-либо. Здесь понятие свободы связано с вопросом: для чего человек хочет быть свободным? Возможны различные ответы, например: чтобы реализовать свои мечты, идеи, цели, реализации которых в данный момент человеку что-то мешает. Но для того чтобы ответить на этот вопрос, требуется довольно большая работа по построению новой картины мира, в которой возможна реализация его целей и идей и появление нового поля возможностей. Если все это построено и если фиксируется, что существующая система норм и система организации мешает желаемой реализации, то возникает вторая конструкция понятия свободы — свободы для чего-либо.

Проблема абсолютной свободы

Учитывая и первое, и второе понимание свободы, мы приходим к выводу, что абсолютной свободы быть не может: всегда существуют границы любой свободы. Например, человек не может быть свободен от своего тела, от факта своего сознания, от факта своего рождения, от факта пребывания в физическом мире, от факта реализации той системы воспитания, которая существует в обществе, и от многих других обстоятельств. В этом смысле свобода фиксирует некоторую относительность существующего состояния.

Проблему абсолютной свободы в свое время довольно

подробно обсуждал представитель немецкой классической философии Иоганна Фихте. Он зафиксировал принцип, в соответствии с которым подлинная свобода может быть только в мышлении. Иными словами, за счет своего сознания человек может выходить в некоторое принципиально иное пространство, которое освобождает его сознание. Но при этом факт наличия тела и несвободы от общества и всего остального не ликвидируется. Поэтому пределом освобождения является степень мощности воображения и мышления человека.

Итак, реализация выделенной выше понятийной конструкции свободы, которая понимается как определенный схематизм самоорганизации людей, приводит к тому, что люди постоянно стремятся увеличить степень своих возможностей — пока актуально отсутствующих.

Политическое понятие свободы

Политическая конструкция понятия свободы подразумевает наличие пространства возможностей и зон, в которых люди (и их организации) могут поступать по-своему и никто не может навязать того или иного способа поведения и действия, которого они не хотели бы и не желали. К примеру, когда говорят об экономических свободах, имеют в виду зоны, в которых действия экономических субъектов никем не контролируются и не ограничиваются. Политические свободы означают возможности определенного типа действия, которые никем не могут быть ограничены. Для того чтобы закрепить эти свободы, в обществе фиксируется система прав — например, право собственности, избирательные права, право голоса, право на свободу слова и прочие системы прав.

Также существует вопрос различения воли и свободы. В философии спор о том, в какой степени человеческие действия детерминированы извне, ведется практически со времен Сократа. В этой дискуссии словосочетание «свобода воли» и означает ту степень, в которой человек может поступать, невзирая на все внешние обстоятельства, правила, нормы и мнения, — то есть степень его возможностей. Воля (воление, вольность) предполагает возможность неограниченного суверенного[221] действия индивида, не оглядывающегося на внешние обстоятельства и других людей. Но свобода, напротив, означает понимание границ того, что человек связан с некоторыми «вещами», которые он не может преодолеть, и строит в соответствии с ними свое действие. Например, все свободы в обществе ограничены степенью вреда, который может быть причинен другим, а также наличием свобод у других людей. То

есть свобода, в отличие от воли, ограничивается правами, обязанностями, законами, этическими нормами и пр.

Реализация принципа свободы

Как мы фиксировали выше, понятие свободы не имеет собственного содержания. Значит, реализация свободы каждый раз происходит по-разному на новом материале. Неизменным остается лишь схематизм реализации свободы, который был описан выше.

С точки зрения реализации экономических свобод базовую функцию в них несет понятие собственности[222]. Наличие собственности позволяет человеку быть независимым и определять свою зону свободы, в которой он может самостоятельно оперировать ценностями, на которые никто не может претендовать.

С точки зрения реализации политической свободы важны права человека, в частности — избирательное право и прочие права. Демократическое устройство фиксирует наличие свободных людей в том смысле, что люди свободны формировать самостоятельную инстанцию власти — народ[223].

В плане реализации свободы в обществе таким механизмом служат общее доверие и в его рамках — статус человека. Статус, положение человека в обществе есть условие его свободы и указание на зону, в которой он может поступать свободно (например, статус дворянина предполагает ряд свобод). Наличие и закрепление статусов в обществе формирует общее доверие и признание (дворянину, имеющему статус, можно в той или иной степени доверять). Общим доверием пользуется бизнесмен, заработавший хорошую репутацию.

Расширение степени свободы человечества

Поскольку схематизм свободы закреплен в способах самоорганизации людей, то его реализация приводит к тому, что человечество на протяжении своей истории получает все большую степень свободы. Конечно, можно заметить сдвижки в обществе и в обратном направлении, то есть в сторону контроля, организации и ограничения свободы, что необходимо для повышения способности к мобилизации общества — к примеру, в случае атаки агрессора или для реализации новых великих свершений. Но после этого принцип свободы порождает обратную реакцию, то есть сдвижку к еще большей свободе и независимости, что в целом означает, что в обществе степень свободы увеличивается.

Примером реализации принципа свободы может являться

американское общество. В нем был провозглашен и в значительной степени реализован приоритет свободы. Тем самым обществу был задан большой динамизм развития: американцы быстро освобождались от прежних систем норм (сначала феодальных, а потом норм раннего капитализма). Вопрос здесь не столько в провозглашении принципа свободы (это сделали довольно много других стран), сколько в том, что американцам действительно в значительной степени удалось его реализовать. Довольно интересный парадокс зафиксировал Фукуяма в своей работе «Великий разрыв» (4): в испаноговорящих странах Латинской Америки, несмотря на схожесть условий и копирование американской конституции и системы законодательства, не получилось такого же быстроразвивающегося общества, как в США. Проблема состояла в том, что, хотя аналогичные законы и были приняты, но социальная структура и система власти в испаноговорящем мире не предполагает действия принципа внутренней свободы. Люди там не борются за свою свободу. В США же принцип свободы не просто провозглашен: он является принципом жизни.

Способности людей, живущих в условиях свободы

Процесс расширения свободы в обществе ограничен теми требованиями, которые накладываются на людей, способных жить в условиях свободы.

Во-первых, степень свободы увеличивается в той степени, в которой в появляющихся зонах свободы люди способны нести ответственность за свои поступки и действия, отвечать за них не формально, а сознательно. К примеру, раб не отвечает за последствия своих поступков — за них отвечает его господин; свободный же человек сам несет ответственность за свои поступки. Это требование довольно сильное, поскольку предполагает достаточно высокую степень развитости интеллекта, этики людей, их способностей и возможностей. В этом смысле зоны свободы формируются людьми в той степени, в которой они могут нечто делать сами.

Во-вторых, расширение свободы для людей предполагает определенную их квалификацию. В этом смысле свободными становятся те люди, которые достаточно квалифицированы и подготовлены для того, чтобы самостоятельно организовать собственную деятельность, и которые не будут нуждаться в разного рода внешних вспомогательных конструкциях (институты, организации, государство и пр.).

В-третьих, появление новых зон свободы предполагает высокие способности людей к самоорганизации и внутренней

организации людей. Речь здесь идет об умении людей выстраивать отношения и организации для разрешения собственных проблем (при этом не прибегая к ограничению свободы других). Появление зон свободы связано с тем, что люди начинают все более осваивать себя и свою природу.

Свободные люди

Ряд категорий людей не могут быть теми, кто они есть, не будучи свободными. Свобода есть условие их существования.

Свободными людьми являются, во-первых, люди, которые действительно стоят у власти (а не являются высшими чиновниками). Люди власти способны делать то, что считают нужным, невзирая на внешние обстоятельства. Во-вторых, свободными являются люди, которые стали кумирами: общество позволяет им быть свободными, поступать, как им вздумается, невзирая на внешние обстоятельства. В-третьих, это люди, достигшие некоторого совершенства в тех или иных областях, — они в этом смысле являются носителями образцов культуры[224] и могут их менять. Иными словами, максимальная свобода достигается тогда, когда люди выходят на границы известного: границы существующей культуры, границы власти, границы социальной организации и пр. В этом смысле расширение свободы тесно связано с процессами освоения человечеством самого себя, своего социального, культурного, властного устройства.

Освоение природы власти, появление таких способностей и возможностей, за счет которых мы можем власть изменять, модернизировать и переорганизовывать (чему и посвящена данная книга), в этом смысле означает фиксацию новой зоны свободы.

Свобода в России

Важно отметить, что свобода не присутствует в качестве базовой трансценденции власти[225] в России. Понятие свободы в этом смысле не присуще российской жизни. Вместо свободы в России есть понятие воли и ограничивающей ее справедливости: если в других обществах воля ограничивается наличием других людей (что и фиксируется понятием свободы, а именно — невозможностью причинить им вред в результате своих действий или нарушить их свободы), то в России ограничением воли служит справедливость.

В России люди в большинстве своем не готовы умирать за некоторую абстрактную свободу. Другое дело — ради справедливости, а также — ради реализации некоторой высшей

идеи: как показывает российская история, ради такого люди готовы истребить полстраны, а остальные полстраны закабалить.

К понятию справедливости

Этимологически русское слово «справедливость» с очевидностью восходит к словам «правда», «праведность». В европейских языках соответствующие слова указывают на происхождение от латинского слова justitia ~ «юстиция», которое свидетельствует (как и греческое dikaios) о его связи с юридическим законом. Но и на Руси слово «правда» означало также установленный закон (ср. «Русская Правда»).

В словаре Даля «справедливость» также приравнивается к слову «правда», однако в значении «правосудие». «Справедливый»: «правильный», «сделанный законно», «по правде», «по совести», «по правоте».

История обсуждения понятия «справедливость»

СЕГОДНЯ ПОНЯТИЕ справедливости используется в нескольких смыслах: это и справедливость в отношениях между людьми, и справедливость некоторого порядка (тогда говорят об экономической справедливости, о социальной справедливости, даже об исторической справедливости). В некоторых случаях справедливость является предметом регулирования в законодательном порядке: в основном это относится к обеспечению честности выборов или предоставлению возможности излагать свою позицию.

Однако закон может обеспечить справедливость лишь в очень редких, вырожденных случаях. Как правило, картина наблюдается обратная: справедливость обеспечивает саму возможность законности, поскольку она проявляется там и в тех ситуациях, когда другие регулятивы отсутствуют.

Это первым заметил еще Аристотель, назвавший справедливость добродетелью особого рода: она — «величайшая из добродетелей», «совершенная добродетель». Справедливость является регулятивом других добродетелей.

Аристотель различил два вида справедливости —

распределительная и уравнивающая. Первая связана с распределением почестей, имущества и других материальных благ между гражданами. Здесь справедливость заключается в том, чтобы ограниченное количество благ было распределено по достоинству — пропорционально заслугам. Вторая связана с обменом: справедливость призвана уравнять стороны, участвующие в обмене, и достоинство лиц не принимается во внимание.

В античные времена обсуждение справедливости было связано с обсуждением самих принципов законодательства. По Платону (диалог «Горгий»), именно законы должны обеспечить общественную справедливость. При этом Платон противопоставляет это понимание и «природной справедливости», и пониманию закона как обеспечивающего механическое воздаяние. Платон трактует «природную справедливость» так: «Это когда сильный грабит имущество слабого, лучший властвует над худшим и могущественный стоит выше немощного». С другой стороны, закон, осуществляя неумолимое воздаяние по принципу талиона, не оставляет возможности для изменения злой воли. Платон здесь защищает принцип, близкий к принципу «не судите, да не судимы будете»: «Если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить ее, я предпочел бы переносить», — говорит Сократ.

Христианская этика дает как будто бы тот же ответ на сократовскую дилемму: чем совершить несправедливость, предпочтительнее самому испытать ее. Однако в христианской этике справедливость, отличаемая от милосердия, сопряжена с ним: справедливость выводится из милосердия или сострадания.

В XVIII веке Юм осознал тот факт, что содержание и критерии принципа справедливости могут меняться в очень широких пределах. Согласно Юму, справедливость — «искусственная» добродетель (тогда как, например, милосердие — «естественная»). Действительно, справедливость предполагает некоторый уровень согласия между членами сообщества относительно принципов, по которым они живут. Эти принципы могут меняться (стихийно или произвольно, по решению людей), но конкретное понимание справедливости зависит от того, какие правила и привычки установились в данном сообществе. И раз они установились, справедливость измеряется по ним, и нарушение этих правил, пусть даже во имя восстановления иных стандартов справедливости, может восприниматься как несправедливость.

Ролз («Теория справедливости») рассматривает

справедливость как принцип социальной организации: она выступает как мера равенства и мера неравенства между людьми. Люди, безусловно, должны быть равны в правах, и это равенство должно быть закреплено законом. Они должны быть равны при распределении социальных ценностей. Однако справедливым будет и неравенство — такое неравное распределение, которое дает преимущество каждому.

Ролз вводит два принципа:

1) каждый человек должен обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимых с подобными свободами для всех остальных людей;

2) социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям и должностям был открыт всем.

Таким образом, справедливость является одним из принципов, регулирующих взаимоотношения людей по поводу распределения (перераспределения), в том числе взаимного (в обмене, дарении — отдаривании), и социальных ценностей (свобода, благоприятные возможности, доходы и богатства, знаки престижа и уважения и т. д.)

Хотя идея справедливости ассоциируется скорее с законом, как нравственная идея она в первую очередь устанавливает предел индивидуальному произволу.

Конструкция понятия справедливости

ОТМЕТИМ СЛЕДУЮЩИЕ МОМЕНТЫ, обязательно присутствующие в понятии справедливости.

1. Принцип, рефлексивно регулирующий отношения между людьми. Он позволяет, во-первых, оценивать те или иные ситуации, отношения и действия (как справедливые или несправедливые), а во-вторых — строить действия в соответствии с этим принципом.

2. Принцип справедливости позволяет соотносить любые реальные действия с такой трансценденцией[226], как правда. Этот принцип является столь же первичной (базисной) формой организации человеческого в человеке, что и сама власть[227], культура[228], социальное. Справедливость творится, она — реальное воплощение идеальной правды. Справедливость — поступок по правде.

3. Чувство или ощущение справедливости-несправедливости принадлежит сначала индивидуальному нравственному чувству — и только потом могут создаваться социальные, властные или

культурные механизмы, которые так или иначе восстанавливают и обеспечивают справедливость в масштабах общества, которые включают принцип справедливости в порядок жизни.

4. Можно выделить как минимум три области, к которым относится справедливость (несправедливость): индивидуальное достоинство человека; адекватность воздаяния за дела (труд, действие); общий порядок жизни в данном обществе или сообществе.

5. Отсутствие справедливости (несправедливость) является гораздо более заметным и требующим восстановления фактором и событием, чем наличие справедливости. В этом принцип справедливости аналогичен такой форме организации, как власть: при устоявшемся порядке жизни в первую очередь замечается безвластие, а не власть.

6. Критерии справедливости постоянно меняются — и исторически, и в результате целенаправленной работы (например, социал-демократы в России много сделали для того, чтобы сознательно изменить понимание справедливости у народа). Из этого следует, что зона действия регулятива «справедливость» постоянно меняется, в обществе происходит постоянное движение к справедливости, поскольку выявляются или строятся новые точки несправедливости.

7. Этот регулятивный принцип ставит, в числе прочего, ограничения на порядок, устанавливаемый властью — но не только: он работает там, где нет других регулятивов. В этом смысле это самый «последний» регулятив: там, где ничего не работает, — работает он. Многие из сфер жизни регулируются властью, правом, законами, финансами, инструкциями и пр. Принцип справедливости работает там, где или ничего этого еще нет, или иные регулятивы построить невозможно.

8. В том обществе или сообществе, где справедливость служит регулятивом, обязательно создаются места для отправления справедливости: для ее восстановления, разбора бытовых или более «высоких» ситуаций с этой точки зрения. При этом важно не столько реализовать справедливость (это иногда бывает невозможно), сколько утвердить сам этот принцип, его работоспособность, отделив несправедливость или несправедливое действие от справедливости.

Значимость понятия «справедливость» в сегодняшней ситуации с властью в России

ВООБЩЕ ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ очень важна в России по нескольким причинам.

Во-первых, из-за того, что Россия — очень большая страна. В ней есть огромные зоны, не регулируемые законом и живущие вне всяких правил. В ней сосуществуют многочисленные формы организации жизни («культуры»). В этих зонах и при взаимодействии культур люди вынуждены постоянно решать вопросы нравственного характера (и что самое удивительное — на бытовом уровне).

(«Нравственный» здесь не значит «моральный»: мораль установлена в некотором сообществе, это система норм, и мораль применяют, как правило, по отношению к другим; решение же на основе нравственности приходится применять тогда, когда нет авторитета, когда не у кого спросить — и человек сам вынужден строить решение, исходя из принципиальных вопросов, касающихся его самоопределения.)

В этом смысле справедливость является для России главным регулятором жизни — то есть жизненные ситуации соотносятся не с законом, а с высшей правдой, которая должна быть всеобщей, которая находится не на земле, не в конкретных ситуациях. В огромной стране, при неразвитом состоянии государства и закона и при большом разнообразии культур и их взаимодействия очень большое количество вопросов повседневной жизни должно решаться по справедливости.

И в этом смысле обостренное чувство справедливости присуще русским людям, оно «сидит» в них.

Во-вторых, идея справедливости важна для России и потому, что в ней были созданы специальные места, где справедливость концентрировалась.

В обществе, для которого справедливость является регулятивом, должно быть некое место, где справедливость достигается. Это не суд, где достигается юридическое решение (тем более, что огромное количество вопросов не может быть физически доведено до суда в силу уже указанных причин: расстояний, разных людей и т. п.) Должно быть место, куда можно будет обратиться и где справедливость будет если и не восстановлена, то, по крайней мере, провозглашена.

Эти места в русской истории всегда были тесно связаны с властью.

Историю здесь можно проследить от приглашения первых Рюриковичей, которые должны были установить некий порядок. Справедливость заключалась в том, что произошло разделение и соглашение: князья отвечали за общий порядок, а народ жил своей жизнью.

Этот принцип прослеживается и дальше. Не случайно российские монархи всегда трепетно относились (или вынуждены

были относиться) к этому обостренному чувству справедливости и удерживать те инстанции, где справедливость если не вершится, то по крайней мере провозглашается (где она известна).

Следующая инстанция, реализующая и концентрирующая справедливость, — православная церковь, которая этот принцип справедливости формировала и несла. Именно в ней вырабатывалось представление о том, *что* значит поступать или жить «по-божески».

Еще одна инстанция — мир, община, где происходила коллективная выработка справедливости. Там решалось, что справедливо, а что нет. Можно вспомнить также принцип вече, когда любой обиженный мог требовать от мира разбирательства и восстановления справедливости.

Таким образом, в истории России всегда существовал ряд мест, где проблема справедливости, во-первых, обсуждалась, во-вторых, провозглашалась, и куда, в-третьих, можно было обратиться за восстановлением справедливости если не физическим путем, то, по крайней мере, в нравственном отношении.

В СССР — и на этом сыграли большевики — высшей справедливостью была защита угнетенных, причем не только у себя, но и во всем мире, и этот пункт был очень важным для российского сознания. Действие принципа справедливости продолжалось.

Даже бандитские разборки с их «понятиями» в значительной мере удовлетворяют чувство справедливости — хотя и в эрзац-форме. Понятно, что это превращенная, эксплуатирующая форма. Но эксплуатирует она это же чувство справедливости, когда ни к кому, кроме них, нельзя обратиться.

В чем специфика такого разрешения ситуаций по отношению к закону и суду? Здесь важно то, чтобы справедливость была публично провозглашена — при невозможности ликвидировать последствия. Очень трудно было — и до сих пор трудно — наказать в полной мере людей, творящих зло, но можно сказать, что это несправедливо, и тем самым отделиться от этого и оставаться человеком нравственным. И это возможно в условиях, когда суд не работает, а государство неповоротливо.

Это та точка, в которой может существовать сверхправо, иными словами — та зона, в которой регулируется само право и создаются принципы решения ситуаций в его отсутствие. В этом принципиальное отличие России от Западной Европы. Если в европейском сознании область сверхправа живет в сознании суверенности, личности, то в России она живет в сознании

высшей справедливости.

Таким образом, зафиксируем несколько пунктов. Во-первых, чувство справедливости заложено в народе. Есть жажда, чувствительность к ней, есть такая действительность. Во-вторых, всегда существовали и должны были существовать места, где справедливость как-то провозглашается или восстанавливается. В-третьих, это высшая справедливость, а не равенство людей. Этот принцип регулирует взаимодействие людей, однако сам он — из нравственного пространства.

Сейчас же Россия находится в ситуации, когда все эти места разрушены, и власть в России не восстанавливает и не провозглашает справедливость вовсе. Она не фиксирует места, где справедливость должна восстанавливаться, не пытается их простроить заново. Дело в том, что всегда есть соблазн провозгласить, что справедливость достигнута. Но как только такое будет провозглашено, тут же народ начнет предъявлять к государству чрезмерные требования (как и случилось в позднем СССР).

Проблема в другом: никто никогда не знает, что такое высшая справедливость, что в конце концов справедливо, а что нет. Но это предмет обсуждения. Это нельзя установить раз и навсегда, это должно происходить раз за разом.

В России прочная власть не может быть установлена без соотнесения с проблемой справедливости. Поскольку в России обсуждать проблему справедливости — это общественная потребность, и если ее заглушить, то возникает бюргерское, мещанское сознание, которое противно российскому духу.

Простейший исторический пример — это царь, который был «против бояр, но за народ». Для большой, разнообразной, сложно устроенной страны такое надправовое, надзаконное образование, аналогичное царю как инстанции, устанавливающей справедливость, — обязательно. Единственный сегодняшний аналог — это телемосты с Путиным. Но в ходе их не обсуждается принцип справедливости, а решаются конкретные проблемы конкретных людей. Если достижение справедливости не провозглашается как общий принцип, то это чувство остается неудовлетворенным, и тогда решение конкретной проблемы воспринимается как подачка.

Послесловие

КОГДА ТЕКСТ КНИГИ был уже практически готов, с ним начали знакомиться публицисты, политики и представители власти — в том числе и те, которые не разделяют нашу точку зрения.

Было высказано много замечаний, и мы их постарались учесть, однако кардинальным вопросом был следующий: зачем писать о модернизации власти, если сейчас Президент и вся его команда как раз этим постоянно занимаются? В самом деле: укрепляется вертикаль власти, в значительной степени снижено бюджетное воровство, проводится административная реформа, региональные и федеральные законы приведены в соответствие. Выборы проводятся только по партийным спискам, изменен порядок выборов губернаторов. На очереди следующие шаги, в том числе реформа местного самоуправления.

Что нового пишется, когда утверждается, что власти необходима модернизация?

Действительно, эти действия в какой-то мере меняют саму природу власти в России. Разгул олигархического капитализма закончился. Сегодня власть строится на других основаниях.

Это, во-первых, PR и идеологическая работа по отношению к народу, во-вторых, использование административных механизмов и их распространение на регулирование жизни в стране, и, в-третьих, механизмы вторичного перераспределения богатства и контроля среди чиновничества, которые приводят к «чиновничьему капитализму». Под эти новые основания власти начинает переделываться вся система отношений. Но это не является модернизацией.

Во-первых, это очень недолговременная система власти, все перечисленные основания имеют ограничения (об этом подробнее см. в статье «К вопросу о модернизации власти» на сайте www.reformy.ru). Это не есть результат проектной проработки — а ведь только при таком условии можно говорить о модернизации власти в России.

Во-вторых, проект формирования в России новой власти существует, но он — не российский. Его шаги хорошо известны: разделение СССР, первая волна экономической реформы с либерализацией и приватизацией, серия цветных революций с целью замены властвующего слоя. Затем — приход западного капитала и превращение России в несколько либерально-рыночных стран с пониженным уровнем суверенитета и влияния.

Суть этого проекта связана с внесением в российское

общество особых «имплантантов», которые бы произвели сдвижку ситуации и сделали бы невозможными прежние способы властвования. В российское общество были введены богатство, собственность, выборы, свободные СМИ, которые действительно очень сильно трансформировали ситуацию, но и сами трансформировались под российские реалии. Возникла неустойчивая ситуация.

Мы считаем, что в этих условиях необходимо взяться за разработку собственного проекта модернизации власти. Те наметки псевдопроекта, которые сейчас существуют (усиление вертикали власти, стабильность и суверенная демократия), суть противостояние западному проекту и попытка сохранить единство России. Это повторяется как заклинание, но под этим нет собственного модернизационного проекта.

В этом и состоит подлинная проблема. Не ясны ни проект, ни механизм реализации. Какого типа «имплантант» нужно ввести в российское общество, чтобы произошла трансформация власти изнутри, чтобы его не смогли «переварить» существующая бюрократически-партийная система и «западные оппоненты»? На чем могут возникнуть новые общественные отношения?

Именно этот кардинальный вопрос не ставят перед собой нынешние власти в ходе всех преобразований.

Это проблема и для нас. Но понятно, во-первых, что это есть тема для серьезной и реальной общественной дискуссии, и, во-вторых — что она должна опираться на реалистический анализ устремлений людей, тех базисных ожиданий по отношению к власти, которые могут сдвинуть (а не вернуть назад) ситуацию.

Можно выделить следующие зоны приложения современной политики — зоны, требующие общественной дискуссии.

Задание перспективы для страны — а для людей бы это означало успех, возможность выбраться из нищеты, новые сферы и зоны деятельности молодежи, обеспечение будущего для детей. Иное качество жизни действительно могло бы стать точкой пересечения желаний людей и действий власти.

Сохранение достоинства жителя великой страны: обеспечение уважения к нашим гражданам за рубежом, гражданство на постсоветском пространстве и даже защита граждан от собственных чиновников.

Формирование системы доверия к справедливой власти. Уже сейчас раздражение против общей несправедливости власти — критическое. Однако случаи реализации принципа справедливости очень редки — можно назвать лишь деятельность Козака в Карачаево-Черкесии, который впервые восстановил справедливость, доведя дело об убийстве семерых человек до

суда. Между тем можно представить себе целый институт спецпредставителей президента, «шерифов», задачей которых должна стать реализация справедливости.

Включение религиозно-национальных общин в решение общественных проблем. Официальная церковь слишком ортодоксальна и бюрократична, и она неспособна наладить светский диалог по поводу культурных ценностей. Пока же в России старым механизмам пропаганды и агитации люди не доверяют, альтернативных форм достижения единства и мобилизации не создано, и в результате эту роль начинают выполнять радикальный ислам, секты, экстремистские течения и т. п. Они делают то, чего не делает власть.

Но современный истеблишмент отказывается обсуждать эти темы. На них наложено табу. Видимо, они не знают, как это обсуждать — или чего-то боятся.

Дискуссии по этим и другим темам должны вызвать общественные движения, заинтересованные в решении этих — самых важных для России сегодня — проблем. В коммуникацию с этими движениями могут вступать партии, исполнительные органы — в этом и будет состоять реальная политика, модернизирующая власть.

Однако сложный и проблемный вопрос о том, как это может быть организовано, мы бы оставили открытым. Мы считаем, что принципиальное решение проблемы лежит в этом направлении. Но об этом — наша следующая книга.

Литература

Часть I

Введение

1. *Ницше Ф.* Воля к власти. — М.: ЭКСМО, Фолио, 2003 (афоризм № 254).

Глава 1

1. *Кэрролл Л.* Алиса в Зазеркалье. — М.: Стрекоза-Пресс, 2002.

2. *Луман Н.* «Власть» / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1999.

4. *Пелевин В.* Священная книга оборотня. — М.: Эксмо, 2004.

5. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Доклад экспертного совета при ЦРУ / Пер. с англ. М. Леоновича под ред. К. Жвакина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002.

6. Стенограмма заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам на тему: «Стратегия регионального развития и безопасности (в плане проблем Северного Кавказа)», 14 декабря 2004 года.

7. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 (Philosophy); *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 (Philosophy); также другие издания этой серии.

8. *Пелевин В.* Указ. соч.

9. *Бэкон Ф.* Новый органон // Соч. в 2 т. — М., 1972.

10. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции (Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution). — М.: АСТ, Люкс, 2004 (Philosophy). См. также: Стенограмма заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам на тему: «Стратегия регионального развития и безопасности», 14 декабря 2004 г.

11. Стенограмма заседания Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам на тему: «Стратегия регионального развития и безопасности», 14 декабря 2004 г.

12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, т. 20. — М., 1961. — С. 295.

Глава 2

1. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

2. *Бэкон Ф.* Новый органон // Соч. в 2 т. — М., 1972.

3. USA Patriot Act 2001 (полное название: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Interrupt and Obstruct Terrorism Act of 2001) / Перевод с английского опубликован на сайте «Реформы в России» (www.reformy.ru).

4. *Андреев А.* История власти в России. — М.: Евролинц, 2003. — С. 165.

5. USA Patriot Act 2001 (полное название: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Interrupt and Obstruct Terrorism Act of 2001) / Перевод с английского опубликован на сайте «Реформы в России» (www.reformy.ru).

6. *Зиновьев А.А.* Русская судьба: исповедь отщепенца. — М.: Центрполиграф, 1999.-С. 27, 28, 63.

Глава 3

1. Печатается по: *Андреев А.* История власти в России. — М.: Евролинц, 2003. -С. 155.

2. *Ильин И.А.* Наши задачи: историческая судьба и будущее России (статьи 1948–1954 гг.). — М.: МП Рарог, 1992.

3. *Моска Г.* Правящий класс / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социологические исследования. № 12,1994. — С. 97–117.

4. *Попов С.В.* Организация хозяйства в России. Часть 1. Идут по России реформы. — Омск, 2002.

5. *Ортега-и-ГассетХ.* Восстание масс. — М.: АСТ, 2001 (Philosophy).

6. Там же.

7. *Бердяев Н.* Царство Духа и Царство Кесаря. — М.: Республика, 1995. — С. 323.

8. *Ильин И.А.* Наши задачи: историческая судьба и будущее России (статьи 1948–1954 гг.). — М.: МП Рарог, 1992.

9. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания в двух томах. — М.: Терра, 1997; также: *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. — М.: АСТ, Харвест, 2002.

10. *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Магистериум-Касталь, 1996 (глава «Право на смерть и власть над жизнью», с. 240–244).

Глава 4

1. *Негри А., Хардт М.* Империя. — М.: Праксис, 2004 (см. предисловие к книге).

2. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

3. *Синюгин В.Ю.* Искусство реформирования. — М.: ММАСС-Культ, 2005.

4. *Переслегин С.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. — СПб.: Аст, 2005.-С. 192.

Глава 5

1. *Дебор Г.* Общество Спектакля. — М., 2000.

2. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки // Наука в свободном обществе. — М., 1978.

3. Дебор Г. Общество Спектакля. — М., 2000.

Глава 6

1. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. — М., 1955.

2. *Синюгин В.Ю.* Искусство реформирования. — М.: ММАСС-Культ, 2005.

3. Дебор Г. Общество Спектакля. — М., 2000.

4. *ПигуА.* Экономическая теория благосостояния. Т. 1. (Пер. с англ.). — М.: Прогресс, — 1985. — С. 64–88; *Stiglitz G.* The Theory of local public goods //

The Economics of Public Services, 1977.

5. *Попов С.В.* Организация хозяйства в России. — Омск, 2002.

Часть II

Глава 1

1. *Негри А., Хардт М.* Империя. — М.: Праксис, 2004.

2. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004 (Philosophy).

Глава 2

1. *Ленин В.И.* Уроки московского восстания. На дорогу. — М.: Политиздат, 1983.

2. *Малапарте К.* Техника государственного переворота. — М.: Аграф, 1988.

3. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001 (Philosophy).

4. *Луман Н.* «Власть» / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

5. *Гурова Т.* Революция, ее вожди и ее технологии. — Эксперт, № 46 (446) от 6 декабря 2004 г.

6. *Переслегин С.* Страна в отсутствие любви. — Там же.

7. *Синюгин В.Ю.* Искусство реформирования. — М.: ММАСС-Культ, 2005.

Глава 5

1. *Греков Я.* Следите за руками. Технологии виртуальной «оранжевой революции». — Русский журнал, 22 марта 2005 г. См. также http://www.russ.ru/culture/20050322_ygrek.html

2. *Чадаев А.* Кель-кель. Что является предметом контрреволюции. — Русский журнал, 26 марта 2005 г. См. также http://www.russ.ru/culture/20050326_chad.html

Глава 7

1. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999.

2. Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации УРСС. — М., 2002.

3. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции (Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution). — М.: АСТ, Люкс, 2004 (Philosophy). — С. 27–28,161 и др.

4. *Фукуяма Ф.* Доверие. — М.: АСТ, 2004 (Philosophy).

5. *Бард А., Зодерквист Я.* NetOKpa™ (Нетократия). — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. — С.

147 и др.

6. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

7. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Логос, 2004.

8. *ОруэллДж.* «1984» и эссе разных лет. Вспоминая войну. Подавление литературы. Писатели и Левиафан. Авторский сборник. — М.: Прогресс, 1989.

9. *Малапарте К.* Техника государственного переворота. — М.: Аграф, 1988.

Глава 9

1. *Чадаев А.* Апология вертикали. По свежим следам президентского выступления. — Русский журнал, 25 апреля 2005 г. (http://www.russ.ru/culture/20050425_chad.html).

Часть III

Глава 1

1. *Фрэзер Дж Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1983.

2. *Блум Э.А.* Толкование на Евангелие от Иоанна // Толкование 4-х Евангелий и книги Деяний апостолов / Гл. ред. рус. перевода Платон Харчлаа. — Библейская миссия СЕО; Демос, 1994.

3. *Тальберг Н.* История христианской церкви. — М.: Изд-во Православного Свя-то-Тихоновского богословского института, 2000.

4. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. — М.: Республика, 1994.

5. *Лозинский С.Г.* История папства. — Смоленск: Русич, 2004.

6. *Бойцов М., Шукуров В.* История средних веков. — М.: МИРОС, 1998.

7. *Смирнов Е.* История христианской церкви (курс III и IV классов духовных семинарий). — Петроград, 1916 (репринт: *Смирнов Е.И.* История христианской церкви. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1997).

Глава 2

1. *КантИ.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784 //

Соч. в 6 т. — М.: Мысль, 1966. (Философское наследие). — Т. 6.

2. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с ит. Г. Муравьевой и Р. Хлодовского. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

3. *Малявин В.В.* Искусство управления. — М.: АСТ, Астрель, 2003 (Серия: Китайская классика: новые переводы, новый взгляд).

4. Стенограмма лекции В.В. Малявина, прочитанная в Высшей школе экономики 06.09.2000 / www.ckp.ru

5. *Ницше Ф.* Воля к власти. — М.: ЭКСМО, Фолио, 2003.

Глава 3

1. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. — СПб.: Наука, 2002.

2. *БодрийярЖ.* Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000.

3. *Никитаев В.* Методология и власть: Кант// Кентавр, 31, 2003.

4. *КантИ.* Критика способности суждения. — М.: Искусство, 1994.

5. *Кант И.* Критика чистого разума. Трансцендентальная эстетика. — СПб:
Наука, 1995.
6. *Шмитт К.* Политическая теология. Сборник. — М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
7. *Никитаев В.* К истокам власти: магийный мир // Кентавр, 29, 2002.
8. *КантИ.* Критика практического разума. — СПб.: Наука, 1995.
9. *Никитаев В.* Философия и власть: Г.П. Щедровицкий // Кентавр, 34, 2004.

Глава 4

1. *Ницше Ф.* Воля к власти. — М.: ЭКСМО, Фолио, 2003.
2.*ДелезЖ.* Ницше и философия. — М.: Ad Marginem, 2004.

Глава 5

1. *Платон.* Государство, Политик и др. диалоги. — Собр. соч. в 3 т. — М., 1971. — Т. 3.
2. *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования, № 10,1994.
3. *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования, № 12,1992. -С. 97-117.
4. *Pareto V.* Traite de sociologie generale // Pareto V. Oeuvres completes. — Geneve, 1968. — T. XII. *Парето В.* Социалистические системы // Теоретическая социология: Антология в 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред.
С.П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — С. 249–406.
5. *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Полис, № 2,1993.
6. *Бердяев НА.* Самопознание. — Харьков, ЭКСМО-Пресс, 1998.
7. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Сварог и К, 1997.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

Глава 6

1. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.
2.*АрендтХ.* Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии, № 2,1992. -С. 24–31.
3. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Логос, 2004.

4. *Parsons T.* On the Concept of Political Power// Sociological Theory and Modern Society. — NY.

5. Политология. Хрестоматия: Пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. — М.: Издательство ПРИОР, 2000.

6. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — Ростов-на-До-ну: Феникс, 1999 (гл. «О схематизме чистых рассудочных понятий»).

Понятия

К понятию власти

1. *Болл Т.* Власть // Полис, № 5,1993.

2. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис, № 3, 4, 5, 2003.

3. *Lukes S.* Power: A Radical View. — Basingstoke: Macmillan, 1974.

4. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — Ростов-на-До-ну: Феникс, 1999 (гл. «О схематизме чистых рассудочных понятий»),

5. *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Кентавр, № 26, 2001.

6. *Попов С.* Организационно-деятельностные игры: мышление в «зоне риска» // Кентавр, № 3,1994.

7. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.

8. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с ит. Г. Муравьевой и Р. Хлодовского. — СПб.: Азбука-классика, 2004.

9. *Малявин В.* Искусство управления. — М.: АСТ, Астрель, 2003 (Серия «Китайская классика: новые переводы, новый взгляд»),

10. *Руссо ЖЖ.* Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: КАНОН-пресс, 1998.

11. *Гоббс Т.* Левиафан // Соч. в 2 т. — М., 1986 (т. 2).

12. *Гоббс Т.* О гражданине // Избр. произв. в 2 т. — М., 1982 (т. 1).

13. ЛоккДж. Два трактата о государственном правлении// Соч. в 3 т. — М., 1988 (т. 3).

14. *Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. — М.: 1955.

15. *Розин В.М.* Семиотические исследования. — М.: ПЕРСЭ, 2001 (Humanitas).

16. *Бурдье П.* Социология политики / Сост., общ. ред. и пред. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993.

17. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть. — М.: Начала, 1994.

18. *Никитаев В.* Методология и власть: Кант // Кентавр, № 31, 2003.

19. *Никитаев В.* Философия и власть: Г. Щедровицкий // Кентавр, № 34, 2004.

20. *Парсонс Т.* О понятии «политическая власть» //Антология

мировой политической мысли в 5 т. / Отв. ред. Т.А. Алексеева. — М., 1997 (т. 2).

21. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса, под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002.

К понятию государства

1. *Акунин Б.* Турецкий гамбит. — М.: Захаров, 2000. — С. 74–75.

2. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. — М.: Прогресс, 1991.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. (в 3 т.). — М.: Политиздат, 1986 (т. 3).

4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. (в 2 т.). — М.: Мысль, 1991 (т. 2).

5. *Ленин В.И.* Полное собр. соч., 5-е изд., т. 39, с. 75.

К понятию народа

1. *Ивановский В.* Государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета, № 5,1895; № 11,1896.

К понятию трансценденции власти

1. *Синюгин В.Ю.* Искусство реформирования. — М.: ММАСС-Культ, 2005.

К понятию суверенитета

1. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. (в 2 т.) — М.: Мысль, 1991 (т. 2).

2. Конституция Российской Федерации.

К понятию инстанции власти

1. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. — М.: 1955.

К понятию демократии

1. *Аристотель.* Политика. — М.: АСТ, 2002.

2. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избр. произв. — М., 1955.

3. *Акунин Б.* Турецкий гамбит. — М.: Захаров, 2000. — С. 118–199.

К понятию жизни (а также человеческой жизни, человечности)

1. *Матурана У., Варелла Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Прогресс-традиция, 2001.

2. *Матурана У.* Биология познания / Пер. с англ. Ю.М. Мешенина // Язык и интеллект (Сборник) / Пер. с англ. и нем.; сост. и вст. ст. В.В. Петрова. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

3. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — Ростов-на-До-ну: Феникс, 1999 (гл. «О схематизме чистых рассудочных понятий»),

4. *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Кентавр, № 26, 2001; *Попов С.В.* Организационно-деятельностные игры: мышление в «зоне риска» // Кентавр, № 3,1994.

5. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. — М.: ДИ-ДИК, 1994.

6. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — М.: АСТ, 2001.

К понятию культуры

1. *Генисаретский О.И., Щедровицкий Г.П.* Деятельность проектирования и социальная система. Техническая эстетика// Труды ВНИИПЭ, вып. 61. — М., 1990.

2. *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. — М.: Касталь, 1993.

3. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. — М.: Школа культурной политики, 1995.

К понятию идеологии

1. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994.

2. *Канетти Э.* Масса и власть / Пер. с нем. и пред. Л. Ионина. — М.: Ad Marginem, 1997.

3. *Поппер К.* Открытое общество и его враги / Пер. В.Н. Садовскиго. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

К понятию свободы

1. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — Ростов-на-До-ну: Феникс, 1999.

2. *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Кентавр, № 26, 2001.

3. *Попов С.В.* Организационно-деятельностные игры:

мышление в «зоне риска» // Кентавр, № 3,1994.

4. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой. — М.: АСТ, 2004 (Philosophy).

notes

Примечания

1

Предисловие написано известным российским политиком, пожелавшим остаться неназванным.

2

«Хотели как лучше, а получилось как всегда». В. Черномырдин, экс-премьер-министр РФ (с 1992 по 1998 г.).

3

См.: «Немецкая классическая философия о проблемах власти», гл. 3 части 3.

4

См. работу Н. Лумана «Власть» (2).

Поэтому президент и его команда, ограничивая и сужая поле политики в стране, правы: необходимости в политике при принятии решений относительно существующего положения почти нет. Чтобы решения принимались быстрее при необходимом минимуме обсуждений, нужно создать именно такую организацию, как «Единая Россия», и сформировать думское большинство.

Подробнее об этом см. у Бэкона (9).

7

Любопытно, что подобный мыслительный, а затем и организационный переворот произошел с деятельностью. На протяжении всей истории человечества предполагалось, что действует человек, а значит, деятельность — у человека. Маркс в середине XIX века зафиксировал ситуацию, в которой было налицо отчуждение деятельности: действия отчуждаются, организуются, и человек оказывается внутри некоторой новой субстанции и материи. После подобного мыслительного переворота стало возможным организовывать не людей, а деятельность, а следовательно — организационные возможности неизмеримо увеличились.

То же самое сделал М. Хайдеггер с понятием техники в 1930-е гг., когда объявил ее не орудием в руках человека, а самостоятельной сущностью, что дало возможность проектировать и создавать не отдельные орудия и машины, а непосредственно техническую среду, куда может включаться человек.

Именно такой переворот происходит сегодня с властью. Идет отчуждение властных отношений и превращение их в некоторую материю. Тогда государство становится одной из нескольких инстанций власти (другие инстанции — суд, образование, богатство, медицина и пр). Если осознать и зафиксировать в мышлении этот переворот, то это даст огромные возможности для организации новых инстанций власти.

8

«Коды коммуникации» — термин Н. Лумана. См. подробнее в его работе «Власть» (1), а также в обзоре этой работы в части 3.

9

См. в гл. 6 части 1

10

См. в гл. 1 «Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство» и гл. 5 «Киргизия-2005: “демотехника” на марше» части 2.

11

См. в гл. 5 части 2 «Киргизия-2005: “демотехника” на марше».

12

См. в гл. 1, 2, 3 и 5, а также в других гл. части 2.

13

См. в гл. 1 «Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство» и гл. 5 «Киргизия-2005: “демотехника” на марше» части 2.

Подробнее о схеме освоения как одной из основных схем исторического самоопределения России см.: Попов С.В. «Метаморфозы политической деятельности в России».

15

Во время социологического исследования, проведенного фондом «Общественное мнение» (www.fom.ru), были заданы два вопроса. Первый: улучшилась ли ваша жизнь? Большинство респондентов ответили «да». Второй: улучшилась ли жизнь в России? Большинство ответили: «нет, ухудшилась». При этом большая доля населения улучшила свою жизнь; казалось бы, прямой вывод, который из этого напрашивается, что жизнь в России улучшилась. Однако согласно результатам опроса она стала еще более катастрофичной.

16

См. гл. 1 части 2 «Демократия в условиях…»

17

А.А. Зиновьев, выросший в деревне и в 1933 г. перебравшийся в Москву, описывает это так: «Последствия революции, сказавшиеся в последующие годы, в какой-то мере вызвали недовольство. Но в гораздо большей мере они совпали с тягой людей к городскому образу жизни. Как бы благополучно ни жили в деревнях, жизнь эта была заполнена каторжным трудом… Нельзя сказать, что революция сразу же принесла ощутимые выгоды массам людей. Но она принесла нечто более важное, а именно принуждение к изменению всего образа жизни в огромных масштабах. Новый социальный строй выжил главным образом благодаря тому, что расчистил дорогу для объективной тенденции и поощрил ее… Часть детей поступила в местные техникумы и профессиональные училища, готовившие ветеринаров, агрономов, механиков, бухгалтеров и прочих специалистов в новом сельском хозяйстве… Все эти учебные заведения и профессии возникли после революции как часть беспрецедентной культурной революции… Коллективизация способствовала этому процессу. Помимо… большого числа сравнительно образованных специалистов из местного населения в деревню устремился поток специалистов из городов… Социальная структура деревенского населения стала приближаться к городской… Именно стремительное изменение социальной структуры деревни обеспечило новому строю колоссальную поддержку в широких массах населения, несмотря ни на какие ужасы коллективизации и индустриализации» (6).

В событиях в Украине сработала та же схема. В союзе с такой Россией огромная часть украинского народа не видела для себя перспективы. Зато она видела новые горизонты от вхождения в Европу, от очередной переориентации. Именно на этом ресурсе, в том числе, произошла смена власти и увод народа из-под старого правительства (подробнее см. в гл. 1 части 2 «Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство»).

19

См. п. 1 гл. 1 части 1.

20

См. исследования и публикации Н. Эйдельмана.

21

В предреволюционной Франции конца XVIII века революция подготавливалась через все более смелые театральные постановки и их последующее обсуждение в кофейнях и салонах.

22

См. у Мишеля Фуко: «[Сегодня] власть предназначена скорее для того, чтобы силы производить, заставлять их расти и их упорядочивать, нежели для того, чтобы ставить им заслон… Существование, о котором теперь идет речь, — это уже не существование суверенного государства, но биологическое существование населения. <…> Эта власть над жизнью уже с XVII века развивалась в двух основных формах… Один из этих полюсов был центрирован вокруг тела, понимаемого как машина: его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности, его включение в эффективные и экономичные системы контроля… целая анатомо-политика человеческого тела. Второй… центрирован вокруг тела-рода, вокруг тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия — вместе со всеми условиями, от которых может зависеть варьирование этих процессов… — настоящая биополитика народонаселения… Так открывается эра “биовласти”» (10). Это было написано уже почти сорок лет назад, а сегодня эти проблемы активно обсуждают эксперты «Рэнд Корпорейшн» под руководством Ф. Фукуямы. См.: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции (Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution). — М.: АСТ, Люкс, 2004 (Philosophy).

23

Подробнее о базовых различиях американцев см. в работах Ф. Фукуямы.

Подробнее о понятии демократии см. в гл. 6, а также понятие демократии в части 3.

25

См. гл. 6 части 1.

26

По мнению исследователей А. Негри и М. Хардта, основная черта глобализаии состоит в том, что тот, кто в нее не включается, не просто противопоставляется остальным, а перестает существовать, игнорируется (1).

27

См. работу Н. Лумана «Власть» (2).

28

Известно, что южнокорейские компании Samsung и LG, фактически являясь одной компанией, на уровне собственных подразделений разворачивают между собой конкурентную борьбу. Это искусственная конкуренция, заставляющая менеджеров более эффективно работать и создающая иллюзию выбора у потребителей.

29

В СССР одно время был в ходу смешной лозунг: «Советский ученый должен быть на голову выше буржуазного, поскольку он оснащен передовым учением». Но это лишь карикатура на реальные действия советской власти по выращиванию советского человека как сильного бойца. В школах, вузах, на заводах уделялось большое внимание физкультуре (не спорту!), сдавались нормы, по стране была создана сеть клубов под эгидой ДОСААФ, и в результате индивидуальная боеспособность солдат Красной армии была выше, чем у вероятного противника. Это та же программа достижения превосходства, только выраженная в терминах 1930-х гг.

См. подробнее в работе В.Ю. Синюгина «Искусство реформирования» (3).

31

См. подробнее в гл. 4 части 2 «Террор и власть».

См. понятие инстанции власти в части 3.

33

См. понятие жизни в части 3.

См. подробнее в гл. 3 «Анахронизмы российской государственности» части 2, а также др. главы.

См. подробнее в гл. 3 «Элиты».

Подробнее см. во «Введении» и гл. 4 части 1.

К примеру, известный философ и методолог науки П. Фейерабенд в книге «Наука в свободном обществе» пишет, что экспертов нужно либо жестко контролировать, либо включать их внутрь демократических процедур. Эксперты — те же люди, с эксклюзивными преимуществами (в данном случае они знают «все, как на самом деле»), которых никогда нельзя допускать во власть целиком — только в качестве одной из инстанций власти (2).

38

См. подробнее в гл. 5 части 2 «Киргизия-2005: “демотехника” на марше».

39

См. данные, собранные Общественной общероссийской организацией «ОПОРА» (www.pora.ru).

См. в гл. 3 части 1 «Элиты».

Президент Беларуси Лукашенко иллюстрирует этот пример, сформировав образ хотя и маленькой, незначимой, но наглой страны. Впрочем, в пример его ставить особенно незачем, поскольку он не создает никакого содержательного проекта для своей страны.

42

См. гл. 2 «Анахронизмы российской государственности», а также др. главы части 2.

См. примеры построения инстанций власти в части 2, а также становление инстанций власти на примере церкви в обзоре «Папские притязания…» в части 3.

Подробнее см. примеры в части 2.

Хорошей аналогией этому служит мысль Ф. Ницше: власть захватили слабые, чтобы сильные их не уничтожили (см. обзор работы Ф. Ницше «Воля к власти» в части 3).

Подробнее см. примеры в части 2.

См. понятие демократии в части 3.

См. понятие собственности в части 3.

49

Исследования В.Л. Глазычева показывают, что люди в деревнях (причем даже в самых глухих) живут — по их понятиям — вполне прилично: они вообще не зависят от властей, они научились жить и выживают даже в отсутствие электричества, почты и прочего.

См. гл. 1 «Демократия в условиях „спецоперации“: как убить государство», а также гл. 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания» части 2.

Подробнее об этом см. в гл. 6 части 2 «Тезисы по СНГ».

Подробнее об этом см. в гл. 4 части 1.

53

См. гл. 9 «Послание-2005: упущенные возможности (три сценария модернизации власти в России)» в части 2.

См. также гл. 5 части 2 «Киргизия-2005: „демотехника“ на марше».

Более подробно см. в гл. 4 части 2 «Террор и власть».

Точно такая же двухходовка была реализована и в экономике: сначала был произведен вброс идеологии свободного рынка, экономической свободы, частной собственности, предпринимательства и хозяйство Украины (да и России) было переломано и перестроено на этих основаниях, а потом выяснилось, что реальные механизмы современного капитализма только частично связаны с этим. Определяющими сегодня являются инфраструктуры и сети, символический капитал и инноватика (бренды и т. п.), технологии и стандарты, агрессивный маркетинг и реклама. Получив частичное, устаревшее знание и реализовав его, и Украина и Россия безнадежно проигрывают в конкурентной борьбе.

57

См. исследования А. Негри и М. Хардта «Империя» (1), Ф. Фукуямы «Великий разрыв» (2) и др.

USA Patriot Act 2001 (полное название: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Interrupt and Obstruct Terrorism Act of 2001). Перевод с англ. опубликован на сайте «Реформы в России» (www.retormy.ru).

59

См. гл. 1 «Демократия в условиях „спецоперации“: как убить государство».

Основной тезис тех, кто уверен в существовании заговора: «кольцо вокруг России сжимается». Так, М. Чернов в обозрении RBC-Daily от 16 января с. г. пишет: «Победа „оранжевой революции“ в Украине ускорит процесс создания вокруг России пояса враждебных Москве управляемых прозападных марионеточных государств», http://www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtmlp2004/12/16/33194.

61

Дело было в Петрограде, где мосты могли разводиться, прекращая движение транспорта или подвоз войск.

Хотя очень часто невежество в этом вопросе наших политиков, чиновников и государственных деятелей высокого ранга просто поражает. Они уверены, что «никто ничего другого не придумал, кроме… того, что мы и так делаем» (дословная цитата из телепередачи).

63

Мало кто знает, что Временное правительство работало как минимум три дня (с 24 октября), уже не имея никакой власти, но даже не подозревая об этом. Вся власть уже была захвачена большевиками. Так же и с правительством Януковича в Украине: он еще думает, что он премьер-министр, а его уже не пускают в здание правительства.

См. гл. 1 «Демократия в условиях „спецоперации“: как убить государство».

65

См. гл. 4 части 2 «Террор и власть».

Подробнее см. в гл. 1 части 2 «Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство».

Подробнее см. в гл. 4 части 2 «Террор и власть».

См. гл. 1 части 2 «Демократия в условиях “спецоперации": как убить государство».

Подробнее см. в гл. 4 части 2 «Террор и власть».

См. гл. 1 части 2 «Демократия в условиях „спецоперации“: как убить государство».

71

Рейдер (от англ. raid — захват, набег) — специалист в сфере недружественных поглощений.

См. гл. 1 части 2 «Демократия в условиях “спецоперации”: как убить государство».

73

См. гл. 2 части 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания».

См. гл. 2 части 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания».

Об этом пишет М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» (1).

В истории можно найти аналогичные примеры. Например, в свое время угроза гибели жителей из-за наводнений в Китае привела к созданию системы строительства дамб. Угрозы войн вели к производству оружия и технологий его производства. Угрозы революций приводят к освоению технологии реформ и смены власти.

Категория «становление» здесь означает, что результат неизвестен заранее, мы можем схватить его сущность в постоянной творимости, но не в стационарном состоянии. Эта категория важна здесь потому, что она позволяет учесть, что мы имеем дело с объектами нематериальной природы — рефлексивными, активными образованиями, способными ставить цели и способными к организации, иначе говоря, с «общественными образованиями».

Характерный пример-современное изменение «американского идеала жизни», происходящее в США. Сейчас продвинутые американцы живут для того, чтобы прожить сто лет. Этой цели подчинено все — выбор работы, места и образа жизни, деторождения, параметров потребления и т. п. Уже разработаны страховые программы, позволяющие при заданном качестве жизни гарантированно дожить до ста, девяноста, восьмидесяти лет. Понятие наследства скоро исчезнет в США: все нажитое будет потрачено на обеспечение дожития. В таких условиях в недалеком будущем медики (и страховщики) станут самой мощной инстанцией власти в США.

Этой проблеме как раз и посвящена книга Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» (3), в которой автор обсуждает систему последствий возможных в недалеком будущем экспериментов по изменению природы человека.

Не только в работе «Наше постчеловеческое будущее», но и в исследовании «Доверие» (4), и в других книгах из серии, которая презентирует работу его группы в «Рэнд Корпорейшн».

81

См. гл. 1 части 2 «Демократия в условиях „спецоперации“: как убить государство».

В своей работе «Техника государственного переворота» (9) он приводит классический пример технологии удержания власти: попытку Троцкого свергнуть Сталина в 1927 г. Ошибка Троцкого была в том, что он пытался реализовать ту же схему захвата власти, которую использовал в 1917 г. А Сталин уже знал ту схему, которую намеревался использовать Троцкий, — захват ключевых технологических точек государства. С помощью Менжинского, руководителя ГПУ, Сталин организовал «специальный отряд» для защиты государства, состоявший из работников различных технических служб, и разместил их во всех ключевых точках, на которые направил силы своих людей Троцкий.

83

См. гл. 7 части 2 «Современные инстанции и технологии власти».

См. гл. 3 части 2 «Анахронизмы российской государственности».

Подробнее об этом см. в гл. 4 части 2 «Террор и власть».

См. гл. 2 части 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания».

См. гл. 2 части 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания».

Подробнее см. в гл. 3 части 2 «Анахронизмы российской государственности».

89

См. гл. 2 части 2 «Ловушка-2008. Уроки киевского восстания».

См. понятие инстанции власти в части 3.

См. понятие трансценденции в части 3.

Подготовлен на основе (3–6). В тексте встречаются ссылки на комментарии в конце главы.

93

Первенство чести не означало ничего большего, чем определение порядка, по которому предписывалось соотноситься с несколькими патриархами (с кем первым, с кем вторым, с кем — после; кто сначала, кто затем и т. д.).

Монофизитство, монофизиты (от греч. слов-единоестественники) — христологическая ересь, основанная константинопольским архимандритом Евтихием, поддержанная александрийским патриархом Диоскором и осужденная церковью на Халкидонском (четвертом Вселенском) соборе (451 г.). Сущность монофизитства состоит в утверждении, что Христос, хотя рожден из двух природ, или естеств, но не в двух пребывает, так как в акте воплощения неизреченным образом из двух стало одно, и человеческая природа, воспринятая Богом-Словом, стала только принадлежностью Его божества, утратила всякую собственную действительность и лишь мысленно может различаться от божественной. (…)

Созванный в Халкидоне Вселенский собор осудил монофизитство, низложил Диоскора… составил определение, по которому Христос исповедуется как совершенный Бог и совершенный человек, единосущный Отцу по божеству и единосущный нам по человечеству, пребывающий и по воплощении в двух природах неслиянно и нераздельно, так что различие двух природ не устраняется через их соединение, а сохраняется особенность каждой природы при их совпадении в едином Лице и единой ипостаси. Решения Халкидонского собора не были приняты в Египте и Армении, а также отчасти в Сирии и Палестине, и монофизитство доселе отстаивает свою догматическую и церковную самостоятельность в этих странах. (…) Вернувшийся из Халкидона монофизитский монах Феодосий поднял в Палестине народное восстание в пользу осужденной ереси, Иерусалим был взят и разграблен мятежниками… (по статье Вл. Соловьева в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона).

95

Во время Великого переселения народов лангобарды в 568 году вторглись в Северную Италию и образовали там свое королевство (отсюда современное название «Ломбардия») со столицей в Павии.

96

Монофелиты утверждали, что во Христе одна воля и одно действие Божеское, человеческой же воли и человеческой деятельности не признавали в Богочеловеке. Правильное же церковное учение заключалось в признании во Христе двух воль — Божеской и человеческой (Г. Орлов).

Аналогичная ситуация имеет место в начале Евангелия от Иоанна, когда Иоанн возводит родословную Иисуса непосредственно к Давиду и Аврааму. Это обеспечивает дополнительные основания для признания Его власти.

Точно такой же источник сегодня имеет власть науки над некоторыми людьми: утверждается, что она имеет всеобщий и объективный характер.

Все цитаты, кроме специально отмеченных, взяты из (2).

100

Подробнее об этом см. в обзоре книги Ф. Ницше «Воля к власти» в части 3.

101

Пример: «Критику чистого разума можно рассматривать как настоящее судилище для всех его споров; действительно, в эти споры, непосредственно касающиеся объектов, она не вмешивается, а предназначена для того, чтобы определить права разума вообще и судить о них по основоположениям его первой инстанции. Без критики разум находится как бы в естественном состоянии и может отстоять свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством войны. Наоборот, критика, заимствуя все решения из основных правил его собственного установления, авторитет которого не может быть подвергнут сомнению, создает нам спокойствие правового состояния, при котором надлежит вести наши споры не иначе как в виде процесса. В естественном состоянии конец спору кладет победа, которой хвалятся обе стороны и за которой большей частью следует лишь непрочный мир, устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством; в правовом же состоянии дело кончается приговором, который, проникая здесь в самый источник споров, должен обеспечить вечный мир. Сами бесконечные споры чисто догматического разума побуждают в конце концов искать спокойствия в какой-нибудь критике этого разума и в законодательстве, основывающемся на ней. Так, Гоббс утверждал, что естественное состояние есть состояние несправедливости и насилия и совершенно необходимо покинуть его, чтобы подчиниться силе закона, который единственно ограничивает нашу свободу так, что она может существовать в согласии со свободой всякого другого и тем самым с общим благом» [Критика чистого разума, Трансцендентальное учение о методе, «Дисциплина чистого разума в его полемическом применении»]. Цит. по (3).

102

Как утверждают библиографы Ницше, ранее корректором и редактором текстов Ницше был его друг Питер Гаст, но с какого-то времени сестра Ницше берет наследие брата в свои руки и далее сама выступает издателем его книг. Поэтому под издателем книги Ницше «Воля к власти» мы будем понимать либо П. Гаста, либо сестру Ницше. Для нас важно не столько то, кто именно был его издателем, сколько тот факт, что конечное издание книги есть результат совместного труда Ф. Ницше и его издателя.

103

Последний раздел — «Воспитание и дисциплина» — в нашем издании отсутствует, хотя фрагменты, которые, по нашему мнению, подходят к этой теме, в тексте есть.

104

По-видимому, в этом фрагменте Ницше делает акцент именно на человеческой жизни. С точки зрения самого понятия жизни, жизнь не требует осознания своего смысла, она как бы сама несет в себе свой смысл. Анализ понятия жизни, которым пользовался Ницше, показывает, что оно во многом соответствует понятию, используемому нами в этой книге (см. понятие жизни в части 3).

105

О переосмыслении ценностей автор пишет в афоризмах № 706,708,713,714,715 (1).

106

Здесь имеется в виду идеальный мир, или мир «вымышленный», как его называет автор.

107

К примеру, проблематизация схемы «субъект — объект» как такого рода «трансформатор» приводится автором в афоризмах № 485ˆ190. Другие примеры можно найти во фрагментах № 477, 488, 521.

108

Здесь надо заметить, что Ницше в этом фрагменте выступает больше как методолог, чем как философ. По-видимому, не случайно автор критикует философов, в частности Канта (см., к примеру, афоризм № 553). Напротив, Ницше признает авторитет «великих методологов», как он их называет: Аристотеля, Бэкона, Декарта и Конта.

109

Когда мы говорим «единое», мы неизбежно осуществляем трансцендирование к сущности.

См. понятие жизни в части 3.

111

Интерпретацию понятия власти можно обнаружить в афоризме № 643.

112

Элита (от франц. elite) — лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века так обозначался товар наивысшего качества. В XVIII веке применение термина расширилось — он начал употребляться для наименования отборных воинских частей, а затем и высшей знати. В собаководстве «элита» означает «родители чемпионов», то есть специально подчеркивается момент воспроизводства.

113

Г. Моска (1858–1941). Цит. (2), с. 186–196, и (3), с. 97–117.

Дервиациями Парето называет идеологии, верования, теоретические конструкции — то, что позволяет давать логическое обоснование социальным действиям, подчеркивая тем самым их вторичный по отношению к чувствам характер.

115

См. понятие инстанции власти в части 3.

См. понятие трансценденции власти в части 3.

Отчетливо это понимание выражено, например, в дискуссии в журнале «Главная тема» (январь 2005 г.).

Об этом, в частности, пишет и В. Тишков в газете «Известия» от 4 марта 2005 г. в статье «Моя страна не собирается вымирать».

Ряд исследователей относит его работы к сфере конструктивной социологии.

Это можно объяснить тем, что события, которые произошли с властью в Германии в первой половине XX века (времена Третьего рейха), настолько потрясли Европу, что не могли не вызвать резонанс и в научном сообществе. Отметим, что захват власти А. Гитлером в Германии технически был одним из наиболее совершенных в истории, и он повлек огромные последствия не только для Европы, но и для всего мира.

Один из такого рода анализов сделала Ханна Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» (2).

Примерно того же опасался Э. Дюркгейм в работе «Метод социологии», обсуждая, что такое социальный факт. С одной стороны, социальное явление (например, явление власти), эмпирически очевидно. Но возникает опасность того, что для фиксации факта мы нерефлективно используем свои уже имеющиеся понятия.

123

Коммуникация в целом понимается как селективное согласование.

124

Согласно исследованиям многих социологов, понятие социального действия впервые вводит Макс Вебер. Т. Парсонс активно использует понятие действия в своих работах.

125

Специфика власти — селекция действий, а любви и истины — скорее переживания.

Луман обозначает эту возможность наличием контингентности (см. ниже).

Если сравнивать конструкцию власти Лумана с понятием власти, описанным нами в части 1, то такого рода организации мы называем «инстанциями власти».

О понятии схематизма см. (3), (4), (5).

129

Довольно много примеров неудачных предметизаций понятия власти приводит в начале своей работы Никлас Луман. См. (6), а также обзор работы Н. Лумана «Власть» (7) в части 3.

130

См. понятие жизни в части 3.

Этот тезис довольно широко обсуждается в эволюционной биологии, эволюционной социологии, антропологии и других сферах интеллектуальной активности, которые пытаются ответить на вопрос о человечности.

См. понятие культуры в части 3.

133

См. понятие трансценденции власти в части 3.

См. понятие народа в части 3.

135

См. понятие инстанции власти в части 3.

Подробнее об этом см. понятие инстанции власти и понятие демократии в части 3; механизм становления инстанции власти на примере церковной власти описан в обзоре «Папские притязания» (также в части 3).

См. (8), а также обзор работ Н. Макиавелли в части 3.

Подробнее об этом см. (9), а также стенограмму лекции В.В. Малявина, прочитанную в Высшей школе экономики 06.09.2000 (www.ckp.ru).

139

См. (10), (11), (12), (13), (14).

См. понятие демократии в части 3.

141

См. гл. 7 части 2 «Современные технологии власти» (в частности, п. «Биовласть»).

Под институтами здесь понимаются устойчивые воспроизводящиеся социальные организации, восстанавливающие определенные образцы культуры (жизни и деятельности).

143

См. гл. 3 части 3 «Немецкая классическая философия о проблемах власти» (о гегелевской диалектике раба и господина).

См. (15), а также другие работы В. Розина.

См. (16) и (17), а также другие работы П. Бурдье.

См. работы В. Никитаева (18,19).

147

См. работу Т. Парсонса «О понятии «политическая власть» (20, с. 479–487).

148

См. работу Н. Лумана «Власть» (7), а также обзор этой работы в части 3.

149

См. текст М. Фуко «Интеллектуалы и власть» (21) и другие работы М. Фуко.

См. понятие инстанции власти в части 3.

Об инфраструктурах также см. «К понятию идеологии» в части 3.

См. понятие культуры в части 3.

153

См. понятие суверенитета в части 3.

Обращение к народному совету в Афины или басилею происходило только в случае войны с внешними врагами, когда необходимо было соединить силы нескольких племен для защиты.

См. также понятие суверенитета и гл. «Немецкая классическая философия о проблемах власти» в части 3.

В частности, о внешних носителях см. понятие культуры в части 3.

157

Имеются в виду Шумерское государство и, впоследствии, Вавилония (на территории современного Ирака) в период с III по II тыс. до н. э.

158

См. статьи «Шумер» и «Вавилония» в энциклопедическом словаре «Всемирная история».

159

См. работы российских анархистов М. Бакунина, П. Кропоткина и других.

См. понятие суверенитета в части 3.

В частности, концепции естественного права отражены в работах Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. де Монтескье, Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Г. Эллинека и др.

См. понятие государства в части 3.

163

«Понятие народа неразрывно связано с понятием субъекта верховной власти. Нет налицо такого субъекта — нет и народа. Верховная власть является тою связью, которая объединяет часто многочисленные и разнообразные общественные группы в одно целое sui generis, называемое народом. Между этими общественными группами может и не быть ничего общего, помимо подчинения одному и тому же субъекту верховной власти… Поэтому народ не есть совокупность лиц, связанных между собою единством языка, верований, происхождения, обычаев и проч. Подобное единство характеризует собою одну какую-либо народность или национальность, но народ редко состоит из одной народности и, во всяком случае, для понятия народа даже и несущественно, состоит ли он из одной народности или из нескольких. Но если народ не может существовать без верховной власти, то и верховная власть немыслима без народа; одна и та же совокупность лиц может быть рассматриваема и как общество, и как народ; в первом случае эта совокупность лиц не характеризуется отношениями к субъекту верховной власти; в последнем это именно и находит место» (1).

См. понятие демократии в части 3.

Именно благодаря этому могло появиться в 1920-е годы понятие «враг (трудового) народа»: человек, фактически стоящий вне советской власти (она не признает его частью народа), потому — вне закона.

Легитимность здесь имеется в виду не в юридическом смысле (соответствие нормам права, к примеру), а в смысле признания обществом тех или иных властей.

См. понятие трансценденции в части 3.

См. гл. 5 части 3 «Элиты и власть».

169

См. понятие культуры в части 3.

170

См. гл. 3 части 3 «Немецкая классическая философия о проблемах власти».

См. понятие инстанции власти в части 3.

Более точным будет охарактеризовать это деяние как переход от человеческого к сверх— или надчеловеческому: в европейской традиции это действительно трансцензус, в китайской — возврат к жизни рода и государства как основному, в греческой философской традиции — возврат к единому, из которого происходит все, в том числе и индивидуальная жизнь.

173

См. понятие собственности в части 3.

Более подробно этот вопрос обсуждается в работе В.Ю. Синюгина «Искусство реформирования» (1).

175

См. понятие свободы в части 3.

В отношении суверенного правителя это подробно обсуждал Кант (см. гл. 3 части 3 «Немецкая классическая философия о проблемах власти»).

177

См. понятие власти в части 3.

178

См. понятие жизни в части 3.

179

См. понятие культуры в части 3.

Если же он не появляется, то такая общность перестает существовать — например, в результате нападения или доминирования иных, более жизнестойких общностей, которые смогли сформировать новый тип более современной власти; см. понятие жизни в части 3.

181

См. понятие государства в части 3.

См. понятие суверенитета в части 3.

183

См. понятие трансценденции власти в части 3.

См. понятие народа в части 3.

См. гл. 5 части 3 «Элиты и власть» (п. «К понятию элиты»),

Подробнее о них см. понятие власти в части 3.

187

См. понятие свободы в части 3.

Хотя, наверное, было бы интересно проанализировать, не являются ли институты, например, брака и семьи или образования «социальными остатками» уже не актуальных сегодня инстанций (типов) власти.

См. понятие демократии в части 3.

См. понятие суверенитета в части 3.

191

Греч, demokratia, буквально — народовластие, от demos — народ и kratos — власть.

192

Подробнее об этом см. у Аристотеля, который описал различные формы правления с разделением на лучшие и худшие формы (1).

193

А также монархической форме правления.

К примеру, Республика Венеция, Генеральные штаты во Франции и др.

Об этом см. также понятие идеологии в части 3.

0 понятии народа см. ниже, а также гл. «К понятию народа» в части 3.

См. понятие суверенитета в части 3.

См. понятие инстанции власти в части 3.

199

См. работу Ш. де Монтескье «О духе законов» (2), а также работы Ж.Ж. Руссо, Дж. Локка, Т. Гоббса и других. Эти авторы часто ссылаются на работы Гуго Гроция, у которого они берут идею разделения властей.

См. понятие суверенитета в части 3.

201

Подробнее о механизмах развития, дифференциации и эволюции общественных систем см. работы Никласа Лумана: *Луман Н.* «Власть» / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2001. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Логос, 2004. А также гл. 6 части 3 «Анализ книги Николаса Лумана «Власть».

См. понятие демократии в части 3.

203

Подробнее об этом см. в гл. 5 части 1 «Ситуация в России (восстановление подлинности политической жизни)».

204

В приложении к гл. «К понятию власти» в части 3 мы приводим список коннотирующих понятий, в числе которых — понятие жизни.

205

См. понятие власти в части 3.

См. ниже п. «Человечность».

См. понятие культуры в части 3.

«Автопоэзис» часто переводят как «самопроектирование», «самостроительство», «самосочинение», то есть — сочинение самого себя.

В частности, способность к расширению своего тела за счет орудий, средств; подробнее см. ниже в п. «Человечность».

210

О понятии схемы и схематизма см. работу И. Канта «Критика чистого разума» (3), а также статьи СБ. Попова (4).

211

См. понятие культуры в части 3.

Подробнее см. понятие власти в части 3.

213

См. работы Л.Н. Гумилева «Конец и вновь начало» (5), «Этногенез и биосфера Земли» (6) и др.

См. понятие власти в части 3.

215

См. понятие трансценденции власти в части 3.

216

Согласно БСЭ термин «идеология» впервые ввел в употребление французский философ и экономист Дестют де Траси в своей работе «Элементы идеологии» (1801).

217

См. работы К. Поппера (в частности, (3)), а также работы других авторов концепции открытого общества.

В частности, см. гл. 7 части 2 «Современные инстанции и технологии власти».

К этому же классу понятий, кстати, относится и понятие власти, что и фиксируют многие исследователи. Подробнее об этом см. понятие власти в части 3.

220

О понятии схематизма см. работу И. Канта «Критика чистого разума» (1) (гл. «О схематизме чистых рассудочных понятий»), а также статьи С. Попова (2,3).

См. понятие суверенитета в части 3.

См. понятие собственности в части 3.

223

См. понятие демократии и понятие народа в части 3.

См. понятие культуры в части 3.

225

В гл. 6 части 1 «Принципы модернизации власти в России» мы уже фиксировали трансценденции российской власти; см. также понятие трансценденции власти в части 3.

См. понятие трансценденции власти в части 3.

См. понятие власти в части 3.

См. понятие культуры в части 3.